

НОВЫЙ МИР

3-4

МОСКВА

1942

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Москва, 1942 г.

№ 3—4

Год издания XIX

★ ★ ★

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Вера Инбер — Женщине Ленинграда, стихи	3
В. Ян — Батый, историческая повесть	5
С. Кирсанов — Поэма фронта	139
Я. Ниедре — Щепка, рассказ	151
Арк. Первенцев — Испытание, роман	160
М. Брамм, И. Гривберг — Друзья, рассказ	180

Е. Варга — Что такое фашистский «новый порядок» в Европе	191
Александр Поповский — Во имя жизни	208

В. Щербана — Великий патриот	219
Петр Скосырев — Самед Вургун	236
А. Лейтес — Новые стихи Алексея Суркова	241

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

Л. Гатовский — Книга, которая учит победе	246
Ц. Солодарь — Литература народного гнева	248
Борис Анибал — Изувеченный сборник	250
Б. Сергеев — Героическая молодость	252
М. Ветожкин — Патриотический подвиг	254
В. Р. — Антифашистская книга	255

Женщине Ленинграда

ВЕРА ИНБЕР

★

Их было много, матерей и жен,
Во дни Коммуны, в месяцы Мадрида,
Чьим мужеством весь мир был
поражен,
Когда в очередях был хлеб не выдан,
Когда снаряды сотнями смертей
Рвались над колыбелями детей.

Но в час, когда неспешною походкой
В историю вошла, вступила ты, —
Раздвинулись геройские ряды
Перед тобой, советской патриоткой,
Ни разу не склонившей головы
Перед блокадой берегов Невы.

Жилье без света, печи без тепла,
Труды, лишения, горести, утраты, —
Все вынесла и все перенесла ты.
Душою Ленинграда ты была,
Его великой материнской силой,
Которую ничто не подкосило.

Не лаврами увенчан, не в венке
Передо мной твой образ, ленинградка.
Тебя я вижу в шерстяном платке,
В морозный день, когда ты лишь
украдкой,
Чтобы не стыла на ветру слеза,
Утрешь, бывало, варежкой глаза.

Март, 1942 г.

★

На вид она не очень-то крепка,
Когда дитя качает в колыбели...
Но как, друзья, сильна она на деле,
Заботливая женская рука!

Она не только пестует свой дом,
Не только нежность к детям ей
знакома,
В родной стране она везде, как дома,
Она в беде прикроет, как щитом.

Когда от бомб в стропилах чердака
Мгновенье — и строенье загорится, —
Она уже в пожарной рукавице,
Заботливая женская рука.

Под градом пуль, под орудийный гром,
Под гул артиллерийского прибора,
Она бесстрашно вынесет из боя
И раны перевязет под огнем.

Ей ведомы лопата и кирка,
Она копает фвы, кладет настилы.
Она работает с неженской силой,
Заботливая женская рука.

За родину, за свой родной очаг,
За детскую каштановую челку,
За детский голос, чтобы не умолк он,
За город, чтоб в него не вторгся враг,

Батый

В. ЯН

Историческая повесть

★

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗАВЕЩАНИЕ ЧИНГИЗ-ХАНА

1. В ХИЖИНЕ ВОСТОЧНОГО ЛЕТОПИСЦА

Если бы горе всегда дымилось, как огонь,
То дымом окутался бы весь мир.

Шахид из Балха, IX век

По узкому листу бумаги быстро водила тростинкой смуглая, сухая рука. Факих¹ читал вполголоса возникавшие одна за другой строки, начертанные арабской вязью. В хижине было тихо. Монотонному голосу факиха вторило однообразное шуршание непрерывного дождя, падавшего на камышевую крышу.

«...Расспрашивая всех знающих, я хотел узнать завещание Чингиз-хана². Но несчастье обрушилось на меня.

¹ Факих — ученый, начитанный.

² Чингиз-хан (1155—1227) — монгольский полководец, крупнейший завоеватель и создатель империи, простиравшейся от Кореи до Черного моря. Передовые отряды войска Чингиз-хана под начальством Джебе и Субудай-Багатура (упоминаемого в настоящей повести) дошли до берегов Днепра, где встретились с русскими и половецкими войсками. Монголы стали отступать до Азовского моря, где близ реки Калки произошла битва (1224), в которой русско-половецкое войско было разбито. Это наступление Джебе и Субудай-Багатура было предварительной разведкой, сделанной по приказу Чингиз-хана, задумавшего поход на запад для завоевания всей Европы. Вторжение Чингиз-хана в Среднюю Азию описано в первой книге трилогии «Нашествие монголов» в повести «Чингиз-хан». Повесть «Батый» является второй книгой трилогии. Печатается с сокращениями.

В Бухаре я был схвачен святыми имамами¹.

Заявив, что я великий грешник, не почитающий аллаха, они заперли меня в гнусной, низкой железной клетке. Ползая в ней на четвереньках, как гиена, я не мог выпрямиться. Одежда на мне истлела, и я связывал концы проreh. Раз в день тюремный сторож наливал в мою деревянную плошку мутную воду, но чаще забывал об этом. Иногда он приводил скованного раба, и тот, ругаясь, скоблил крюком грязный пол моей клетки. Подходили родственники других заключенных и со страхом заглядывали ко мне — ведь я был «проклятый святыми имамами», «осужденный на гибель вечную и теперь, и после смерти, где огонь будет его жилищем...»

Факих поправил нагоревший фитиль глиняной светильни и продолжал читать:

«Однажды я заметил, что возле клетки, не боясь насмешек и проклятий, стоит девушка из презираемого кипчаками бродячего племени огнепоклонников Люли. Она положила мне горсть изюма и орехов и отбежала. На другой день она явилась снова, закутанная в длинную до земли черную шаль. Девушка бесшумно проскользнула вдоль тюремной стены и принесла мне лепешку и кусок дыни. Потом, ухватившись

¹ Имам — мусульманский священник.

смуглыми пальцами в серебряных кольцах за прутья клетки, она долго, пристально разглядывала меня черными непроницаемыми глазами и тихо прошептала:

— Помолись за меня!

Я подумал, что она смеется, и отвернулся. Но на следующий день она снова стояла возле клетки и опять настойчиво повторяла:

— Помолись за меня, чтобы вернулся мой воин, мое счастье!

— Я не умею молиться, да и к чему? Ведь я проклят святыми имамами!

— Имамы хуже лукавого Эблиса¹. Они раздуваются от злобы и важности. Если они тебя прокляли, значит ты праведник. Попроси милости аллаха и для меня, и для того, кто далеко.

Я обещал исполнить ее просьбу. Девушка приходила еще несколько раз. Для ее утешенья я говорил, что повторяю по ночам девятью девять² раз молитвы, приносящие счастье.»

Факих очнулся и прислушался. Ему почудился шорох за тонкой стеной хижины. Несколько мгновений он оставался неподвижен, потом снова стал писать:

«Случилось так, что благодаря смелой помощи девушки я неожиданно оказался на свободе, измученный, истощенный, но живой. Несколько дней я пробыл у огнепоклонников в песчаной степи, а затем направился к городу Сыгнаку³, где и начал вторую жизнь...»

2. ГОСТЬ ИЗ МРАКА

Факих Хаджи Рахим снова остановился, осторожно положил на медный поднос тростинку для письма и провел ладонью по седеющей бороде. За тон-

¹ Эблис — дух зла арабской мифологии, упоминаемый в Коране.

² У многих народов Востока число девять считается священным и счастливым.

³ Сыгнак — в XIII в. богатый торговый город на Сыр-Дарье, первоначальная столица Джучиева улуса. Теперь от него остались только безлюдные холмы, ямы и несколько развалин арок и мавзолеев, говорящих о былом богатстве Сыгнака.

кой стеной сквозь шум равномерно падающих капель ясно слышался шорох.

«Чи могут быть шаги во мраке этой ночи? Только злой человек, толкаемый недобрым умыслом, станет бродить в сыром тумане...»

Глиняный светильник на связке старых книг освещал тусклым огоньком неровные закоптелые стены, старый ковер и изможденного неподвижного ученого.

Большой белый пес, свернувшийся у двери, наострил ухо и глухо заворчал. В окно просунулась смуглая рука и приподняла край занавески. Во мраке блеснули скошенные черные глаза.

— Кто здесь? — спросил Хаджи Рахим и опустил руку на голову вскочившей собаки. — Лежи, Акбай!

— Обогрей потерявшего дорогу! Дай просушить промокшую одежду! — Незнакомец говорил едва слышным шепотом.

«Он говорит, точно боится шума... — подумал факих. — Можно ли верить ему?»

— Я вижу, у тебя книги... Не ты ли учитель Хаджи Рахим?

— Ты не ошибся — это я!

— Тогда скореепусти меня! Тебе посылает саям великий визирь Мавераннагра Махмуд-Ялвач...

— Это имя откроет пришедшему дверь моей хижины, замкнутую для всех остальных.

Факих отодвинул деревянный засов, и незнакомец, нагнувшись, шагнул внутрь. Загорелый, коренастый, в одежде монгольского покроя, он выпрямился и огляделся. Хаджи Рахим, сдерживая рычащую собаку, наблюдал за пришедшим. Уверенность и властность чувствовались во всех его движениях. Он развязал пояс, снял верхнюю одежду и повесил ее на деревянный гвоздь. Стащив желтые намоченные сапоги, ночной гость отбросил их в сторону и опустился на старый истертый коврик близ потухающего очага. Затем спокойно, как будто у себя дома, он вытер мокрые руки об овчину лежавшей на ковре шубы.

— Надо потушить огонь! — Монгол зажал пальцами коптивший фитиль глиняной светильни. Стало совсем темно, только на месте занавески слегка засветилась прорезь окна.

— Зачем ты это сделал? — прошептал факих.

— За мною гонятся вооруженные люди, убийцы моего отца, — ответил шопотом монгол. — Они хотят прикончить и меня. Твое светящееся окно видно издали; несмотря на темную ночь, я нашел тебя... Выгони собаку!

— Эта собака — мой единственный защитник...

— Собака будет ходить около дома и предупредит нас, если сюда подойдут подлые люди.

Факих, невольно повинувшись властному гостю, отворил дверь и вытолкнул лохматого пса в темноту. Хаджи Рахим остановился, колеблясь, не лучше ли убежать, но сильная рука потянула его обратно. Гость сам задвинул деревянный засов, не выпуская факиха, подвел его к коврику и вместе с ним опустился на колени. Он стал шептать торопливо, прерывая речь и прислушиваясь, когда пес за тонкой стеной начинал ворчать.

— Не открывай засов! Они могут подкрасться и будут караулить за дверью. Они предательски убили моего отца, переломив ему хребет, а я сварю их в котле живыми. Клянусь вечным синим небом, я это сделаю!.. Если ты попытаешься убежать отсюда, я тебя задушу!..

Незнакомец улегся на бок, что-то бормotal, но не выпускал руки хозяина, крепко сжимая ее горячими пальцами. Его трясла лихорадка. Вдруг он вскочил, прислушался и отошел к стене.

— Это они! — прошептал он. — Смерть меня догнала! Смотри, не выдавай меня!

Снаружи доносился неистовый лай собаки. Кто-то подошел, слышались спорящие голоса. Сильный удар потряс стену.

— Эй, хозяин! Открывай дверь!

Хаджи Рахим ответил:

— Кто смеет ночью беспокоить писца окружного начальника?

— Открывай скорее, или мы на куски развалим твою берлогу! Мы ищем убежавшего преступника.

— Два дня я лежу больной, и никто не пришел, чтобы разжечь очаг и согреть мне воды. Разыскивайте преступника в камышах, а не в доме мирного переписчика книг.

Грубые голоса продолжали спорить, кто-то стучал в дверь. Вдруг дикий крик, похожий на рев раненого зверя, покрыл шум. Послышались вопли и стоны. Они стали удаляться и замолкли. Хаджи Рахим хотел заговорить, но ладонь гостя зажала ему рот.

— Ты не знаешь, как они коварны, — шептал гость на ухо. — Они все делают с умыслом. Одни ушли, чтобы спрятаться в засаде, а за дверью, возможно, подстерегают другие. Надо выждать и готовиться к бою.

Оба подошли к узкому окну, затаив дыхание, стараясь что-либо разглядеть во мраке ночи. Слышались невнятные шорохи, иногда сильнее шелестел по листьям мелкий дождь.

3. НЕМОЩЕН ЧЕЛОВЕК БЕЗ КОНЯ

Когда занавеска окна зарозовела от первых солнечных лучей, незнакомец натянул сапоги, осмотрел свой намокий синий чапан¹ и швырнул его в угол. Не спросив у хозяина согласия, он снял с деревянного гвоздя старый выцветший плащ и с трудом натянул его на широкие плечи.

— Плохо мне без коня! Трудно будет ускользнуть... Быть может, выручит твой порванный плащ. Я притворюсь нищим...

Он подошел к двери и заглянул в щель. Резко отодвинулся и прижался к стене. Помедлив, сделал знак факиху, чтобы тот открыл дверь.

Послышался слабый стук. Хаджи Рахим отодвинул засов, и дверь распахнулась.

На пороге, в свете розовой зари, стояла, улыбаясь, девушка, почти девочка, в длинной до пят оранжевой ру-

¹ Чапан — длинная, ниже колен, верхняя одежда, кафтан.

башке, с голубыми бусами на смуглой шее. Она держала глиняный кувшин, прикрытый широким зеленым листом. На листе лежали три только-что испеченные, поджаренные лепешки.

— Ас-салам-алейкум, Хаджи Рахим! — сказала беззаботно девушка, и две веселые ямочки заиграли на ее щеках. — Мой почтенный благодетель Назар-Кяризек посылает тебе только-что надоенное молоко, эти горячие лепешки и спрашивает, не нужно ли еще чего-нибудь.

Приняв кувшин со словами благодарности, Хаджи Рахим вышел вслед за девушкой из хижины.

На сырой траве спал человек. Его прикрывал шерстяной серый плащ, какой носят арабы. Белый оседланный конь, привязанный на аркане, пощипывал недалеко траву. Он нетерпеливо подымал маленькую голову с черными живыми глазами и встряхивал шелковистой гривой.

Факих вернулся в хижину. Ночной гость ждал у двери.

— Прощай, мой учитель Хаджи Рахим!

Факих удержал незнакомца за рукав:

— Возьми еды на дорогу!

— Неужели ты до сих пор не узнал меня? — спросил гость, пряча за пазуху горячие лепешки. — Десять лет назад ты учил меня держать калям¹ и писать трудные арабские слова. Я много переабыл, но два слова не забуду — «Джихангир» — покоритель вселенной... Скоро ты обо мне услышишь! Я пришло за тобой...

Он остановился на пороге и с удивлением рассматривал девушку.

— Как зовут тебя? Откуда ты?

— Меня зовут Юлдуз². Я сирота, живу у Назара-Кяризека.

— Твой голос, как свирель. Ты будешь счастливой звездой на моем пути...

Он быстро шагнул через порог и увидел белого коня.

— Вот конь, посланный мне небом!

Это будет конь моих побед, как белый «Сэтэр», походный конь Чингиз-хана. Теперь я снова силен.

Мягкой, хищной походкой молодой монгол проскользнул по траве к белому коню, бесшумно выдернул из земли железный прикол и, свернув кольцом аркан, легко поднялся в седло. Горячий конь бросился вскачь и скрылся за толевой рощей.

Девушка смотрела удивленными глазами вслед незнакомцу, затем перевела блестящий взгляд на Хаджи Рахима. Тот стоял неподвижно, задумчиво положив руку на бороду.

— Это разбойник? — спросила девушка.

— Это необычайный человек!

— Почему? Ведь он похитил чужого коня?

— Он будет на нем покорять царства... Иди, звездочка Юлдуз, домой, скажи почтенному Назару-Кяризеку, что больной факих благодарит и помнит его заботу и милость.

Девушка быстро повернулась и пробежала несколько шагов, затем степенно пошла по тропинке, стараясь держаться, как взрослая.

Серый плащ зашевелился. Старый пес, отскочив, хрипло залаял. Из-под плаща показалась голова юноши с черными вьющимися волосами. Он стремительно вскочил, поднял закрученный синий тюрбан и надвинул его на правую бровь. Это был воин, с кривой саблей и двумя кинжалами на поясе.

— Где мой конь? — закричал он, побежал к месту, где только-что пасся белый жеребец, и наклонился к земле, разглядывая следы. — Я узнаю: к коню подошел... человек в монгольских сапогах... Он украл моего боевого коня! К чему моя светлая сабля, если вор далеко!.. Без коня я немощен, как сокол с перебитыми крыльями! Какой я теперь воин! — И, схватившись за виски, юноша со стоном повалился на землю.

— Не горюй, — сказал, подходя, факих. — На твоём коне уехал человек, который даст тебе взамен тысячу кобылиц...

Юноша лежал неподвижно, а Хаджи Рахим утешал его:

¹ Калям — перо для письма, сделанное из тростника.

² Юлдуз — звезда.

— Поверь моим словам, ты ничего не потерял, а может быть, многое выиграл...

— Это был мой верный, испытанный друг!.. На нем я бросался в битву, и не раз он спасал меня от смерти. Горе воину без коня!

— Я знаю того, кто едет сейчас на твоём белом скакуне, и говорю, что твой конь к тебе вернется! Это так же верно, как то, что меня зовут «факих Хаджи Рахим».

Юноша встал, резким движением подхватил с земли свой плащ и склонился перед ученым.

— Если я вижу перед собою прославленного знаниями факиха Хаджи Рахима, прозванного аль-Багдади, то я верю твоим словам. Да будут уют, простор и благодать в твоём доме! Я прошу милости и мудрого совета страннику, приехавшему из далеких гор Курдистана. Привет тебе от Джелаль эд-Дина,¹ хребрейшего из героев!

— Юный брат мой!—сказал факих.— Ты прошел невредимо через пучину бедствий в страшные дни, когда потрясается вселенная. Войди в мой скромный дом!

4. ТРОПА ЖИЗНИ ДЖИГИТА

Молодой воин вошел, пригнувшись, в узкую дверь хижины и сел на пятки у самого входа. Хаджи Рахим опустился на старый коврик близ очага. Оба провели ладонями по щекам, затем, как требует приличие, долго молчали, рассматривая друг друга.

Наконец с достоинством и грустью человека, видевшего на своем веку множество людей, факих соединил концы пальцев и сказал:

— Кто ты? Какого рода? Каким именем наградил тебя твой белобородый отец? В какой далекой стране ты впервые увидел свет солнца? Хоть ты и говоришь по-кипчакски, но движенья

твой и одежда показывают, что ты иноземец.

Воин, вежливо покашливая в руку, заговорил ровным, тихим голосом:

— Зовут меня Арапша, но мои боевые товарищи дали мне еще прозвище «Ан-Насир»¹, потому что в битве, говорят, я теряю разум, становлюсь злобным, бросаюсь в самые опасные схватки и обращаю врага в бегство... Хотя я сказал тебе, что зовут меня Арапша, но как прозвал меня мой почтенный отец и где я провел свое детство, — клянусь! — я не знаю. Помню смутно, что жил я в лесу около озера, плавал с отцом в лодке и видел, как он высыпал из сетки в корзину много серебряных рыб. Помню, как тепло было лежать на руках у матери и слушать ее песни. Помню еще маленькую сестренку... Потом все это кончилось. Напали разбойники и увели меня и сестренку в большой город, где продали нас на парусный корабль. На корабле было очень много мальчишек и девочек. Корабельщики набили нас в трюм корабля и заперли вместе со стадом больших белых гусей. Гуси щипали и клевали нас. Корабль плыл по широкой реке, затем по морю. Корабельщики распродали детей на базаре. Я никогда больше ни с ними, ни с моей сестрой не встречался.

— Все это происходит из-за губительной страсти купцов к богатству. Ослепленные блеском золота, жадные купцы захватили невинных детей и бросили их в чужие города, где им придется влачить всю жизнь мучительное иго рабства! — вздохнул факих.

— Вероятно, я из какой-либо северной страны: мурдвинов, саксинов или урусов² — продолжал Арапша, — потому что эти рабы, особенно урусы, славятся своей силой. А меня аллах наградил большой крепостью. Я был продан на базаре невольников в Дербенте, где находятся кавказские Железные ворота. Я переходил от одного хозяина к другому. Когда я подростом, меня заставляли исполнять самые труд-

¹ Джелаль эд-Дин Менгбурны — сын последнего шаха Хорезма, всю жизнь боролся с Чингиз-ханом.

¹ «Ан-Насир» — победоносный.

² Урус, орос или урусут — так монголы называли русских.

ные работы: вместе с ослом вертеть колесо для черпания воды из колодца, с колодкой на шее вскапывать засохшую, как камень, землю, таскать бревна. И небо в годы моего рабства казалось мне таким же черным и сухим, как разрытая мною чужая земля!..

Хаджи Рахим с горечью сказал:

— Хозяин скорее пожалеет четвероногою скотину, чем одаренного разумом раба!

— Мне было семнадцать лет, когда тропинка моей жизни повернулась в другую сторону. Однажды я пас на склоне высокой обрывистой горы баранов моего господина, азербайджанского хана. Неожиданно над кручей показался отряд всадников. Впереди, на прекрасном вороном коне, ехал молодой воин. Вдруг размытая дождями земля осела под конем, и он покатился в пропасть. Извернувшись, как кошка, воин удержался за куст. Я бросил конец аркана и вытащил воина. Я сказал: «Я сумею спасти и твоего коня!» Витязь ответил: «Если ты спасешь моего вороного, можешь просить у меня все, что захочешь». Джигиты распустили два аркана, одним я обвязал себя вокруг пояса и сполз вниз по обрыву. Козь чудом удержался на самом краю пропасти и спокойно пощипывал траву. Злой жеребец зафыркал, когда я приблизился к нему, но я обмотал его арканом, и джигиты вытащили его на тропинку. Мне было трудно лезть обратно, мне мешали оковы на ногах..

— Храбрый юноша! Небо хранило тебя! — воскликнул Хаджи Рахим.

— Всин стал расспрашивать меня о дороге. Я рассказал ему о всех тропах, предупредил его о местах, где обычно курды делают засады и нападают на проезжих, и посоветовал лучшую обходную дорогу. Тогда он спросил меня: «Что же ты теперь хочешь?» — «Быть свободным!» — ответил я. Витязь сказал: «Следи за мной и ты мечом заслужишь себе бороду!..» Воин оказался прославленным скитальцем Джелаль эд-Дином, который не боялся воевать с монголами и разбил их при Перване¹.

¹ Перван — город в северной части Афганистана.

С того дня я стал воином в его отряде. Джелаль эд-Дин дал мне кривую саблю и боевого коня, которого я сегодня потерял, бесстыдно заснувши! — и юноша снова застонал.

— Рассказывай дальше, конь к тебе вернется! — заметил факих.

Три года я всюду следовал за смелым полководцем, оберегая его в бою, и прославился как «Ан-Насир — победоносный». Джелаль эд-Дин говорил мне не раз, что он знал в пораженном монголами Хорезме одного ученого факиха, самого светлого из светлых и доблестных людей, искателя правды, Хаджи Рахима, прозванного аль-Багдади. «Если, — сказал он, — на тебя надвинется черная туча беды, назови мое имя, и он протянет тебе руку милосердия...»

Хаджи Рахим встал, подошел к Арапше и протянул ему обе руки.

— Имя Джелаль эд-Дина сияет для меня, как яркая звезда среди темной ночи. Сядь рядом со мной!

Факих и Арапша взялись за руки, прижались плечами и затем уселись рядом на старом коврике близ очага.

— Расскажи мне теперь, мой юный друг Арапша Ан-Насир, почему ты расстался с доблестным Джелаль эд-Дином? Жив ли он? Не попал ли в руки беспощадным монголам?

— Так случилось и со мной! — сказал юноша. — После неудачной для Джелаль эд-Дина стычки с отрядом монголов я с трудом спасся и едва ускользнул от плена. После этого я больше не встречался с храбрым моим покровителем, ушедшим далеко на запад. Я направился на восток горными тропами, отбилась от шайки диких горцев и, наконец, присоединился к каравану, уходившему в Хорезм. И вот я с трудом добрался сюда, в Сыгнак. Здесь я решил разыскать тебя, факел премудрости и маяк знаний, почтенный Хаджи Рахим. Когда этой ночью я подъезжал к моему дому, я услышал в темноте, что какие-то люди ломают твою дверь. Я бросил им свой боевой клич, напал на них, ранил троих, одному отсек ухо, и грабители побежали, не оглядываясь.

— Так это ты зарвел, как раненый зверь?

Ученый смотрел удивленными глазами на скромно сидевшего юношу.

— Как же после этой схватки ты решаешься оставаться здесь? Ведь убежавшие были монголы; они пожалуются своему начальнику на тебя, а заодно и на меня; и он пошлет целый отряд, чтобы схватить нас обоих. Монголы придумают тебе мучительную казнь за то, что ты осмелился поднять меч против этих новых владык вселенной. Нам нужно немедленно бежать... Ты, молодой и сильный, сможешь убежать, а как убежать мне, старому и слабому?

— Хотя ты и слаб, почтенный Хаджи Рахим, но, как дервиш¹, ты привык скитаться по дальним дорогам. Пойдем отсюда в степь и укроемся у кочевников. Кто сидит на месте, к тому подбирается скорпион несчастья.

— Ты говоришь, как истинный воин, — сказал факих. — Я уйду с тобой, чтобы не попасть снова в железную клетку.

Он снял со стены фонарь и тыквенную бутылку и привесил их к поясу. Вместо белого талейсана² он надвинул на голову колака дервиша с белой повязкой паломника-хаджи. Достал длинный посох, всунул ноги в старые туфли и остановился посреди хижины.

— Я готов отправиться на конец вселенной. Я в жизни никому не сделал зла, а между тем многие годы мне приходилось скитаться, точно преступнику... Теперь снова начнется полоса скитаний... Моего старого плаща нет... Придется надеть одежду, которую оставил ночной гость...

Факих поднял синий монгольский чапан.

— Никогда у меня не было такой красивой одежды с такими пуговицами из шести красных камней, похожих на драгоценные яхонты... Я здесь бросаю все! Мне только жаль оставить на-

¹ Дервиш — в XIII в. бродячий нищий, член особой мусульманской общины монашеского типа.

² Талейсан — особого рода головной убор у арабов. Его носили по преимуществу ученые, факихи.

писанную мною книгу о необычайных событиях, пережитых Хорезмом во время нашествия краснобородого Чингизхана!

— Подожди горевать! — Арапша почтительно взял руку Хаджи Рахима и провел ею по своим глазам в знак того, что с этого времени он добровольно делается его мюридом¹. — Позволь мне отныне стать твоим учеником, следовать всюду вместе с тобой и взять с собой книгу, о которой ты говоришь. Я спрячу ее в дорожную сумку.

Факих передал Арапше большую книгу в кожаном переплете и медную коробочку-пенал для письма. Печальным взором он окинул хижину, в которой провел несколько лет.

— Теперь скорее, вперед!

Оба вышли из хижины. Хаджи Рахим заложил дверь деревянным засовом.

5. МОНГОЛЫ СОБИРАЮТСЯ В ПОХОД

Сила и дисциплина были настолько необыкновенны в явившемся в нашу страну татарском войске, что, казалось, оно могло покорить весь мир.

Китайский летописец XIV века

Давно, со времени монгольского нашествия, мирный город Сыгнак не видел в своих узких переулках столько верблужьих караванов, столько скачущих во все стороны всадников и торпливо шагающих жителей. Все спешили узнать, насколько верны прилетевшие из степи слухи о великом походе на запад, задуманном монголами.

Волновавшаяся толпа сразу замолкала и расступалась, когда из переулков выезжали группы монгольских воинов, безбородых, похожих на угрюмых старых женщин. С неподвижными, смуглыми от загара и грязи лицами монголы ехали на небольших, злых, храпевших конях, не сдерживая их перед толпой.

¹ Мюрид — ученик старшины дервишской общины. Выдающиеся персидские и арабские поэты (часто называвшие себя «дервишами», то-есть добровольно принявшими обет бедности), также имели учеников, «мюридов».

Они били наотмашь в обе стороны плетями, стегая по головам зазевавшихся.

Все они направлялись на главную базарную площадь. Там, за высокой аркой из цветных изразцов находился дворец правителя области, знатного внука Чингизова, Тангкут-хана. Монголы располагались на площади отдельными кругами, привязав к поясу поводья своих коней. Они тут же разводили костры, для чего выламывали ворота, калитки и рубили деревья ближайших садов. Они входили, невозмутимые и гордые, в дома горожан, забирали хлеб и все, что попадалось под руку. Усевшись вокруг костров, они пили чай с мускатным орехом и жареным просом, вскипяченный в котлах и приправленный салом и молоком.

Это были передовые тургауды¹ одиннадцати монгольских царевичей-чингизидов, прибывших в Сыгнак из своих далеких восточных кочевий. Главное монголо-татарское войско² спешно шло за ними следом. Его ждали со дня на день.

Население Сыгнака трепетало перед монгольскими воинами и безмолвно отдавало им все, на что они устремляли свои раскосые глаза. Все еще слишком хорошо помнили бывшее пятнадцать лет тому назад вторжение страшного Чингиз-хана.

Но резня затихла, монгольские отряды ушли обратно на восток. Жители, прятавшиеся в горах и болотах, постепенно возвратились к своим разрушенным жилищам. Они снова раскопали засохшие оросительные канавки, выстроили из жердей и глины мазанки. Богатые купцы стали служить у монго-

¹ Тургауды — телохранители.

² Монголо-татарское войско — «монголы» и «татары» в то время название не двух разных народов, а два названия одного и того же народа. Только значительно позднее название «татары» стало применяться исключительно к тюркским народностям Восточной Европы. Чингиз-хан был из сравнительно небольшого племени, жившего по рекам Онону и Керулену и носившего название «монголы». После своего возвышения Чингиз-хан повелел называть «монголами» все подчиненные ему племена Центральной Азии.

лов сборщиками налогов. Они вскоре настроили себе нарядные дома и развели новые фруктовые сады. Высокомерные длиннородные имамы вычистили загаженные монголами мечети. На высоких минаретах звонкоголосые азанчи¹ снова пять раз в сутки стали заливать певучими голосами, призывая правоверных мусульман к усердной молитве. Попрежнему, недостаточно богомольных, не поспешивших на их зов, избивали плетями.

Когда весной 1237 года в Сыгнаке внезапно появились монгольские царевичи² с передовыми конными отрядами, население города перепугалось. Правитель области, Тангкут-хан, разослал джигитов ко всем окрестным ханам, срочно требуя баранов, жеребят, кумыса и прочей еды для угощения знатных потомков завоевателя Азии — Чингиз-хана. Население поставило несколько тысяч юрт вдоль берега реки Сейхуна³ для размещения прибывающих с востока свирепых победителей.

6. НЕПОБЕДИМЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ

Тумен Субудай-Багатура⁴ примчался к Сыгнаку в туче пыли, покрывшей все небо. Впереди скакала сотня разведчиков на рыжих поджарых конях. За ними следовала сотня на молочно-белых конях. Далее ехал великий монгольский

¹ Азанчи, или муэдзин, — помощник имама, настоятеля мечети.

² Для участия в великом походе на запад приехал одиннадцать царевичей-чингизидов. Они принадлежали к четырем линиям династии Чингиз-хана: 1) сыновья его умершего старшего сына Джучи: ханы Бату (или Батый), Орду, Шейбани (впоследствии прославленный как полководец) и Тангкут. Затем: 2) сыновья царствовавшего в это время великого кагана Угедэя — Гуюк и Кадан. Затем: 3) сыновья третьего сына Чингиз-хана Тули-хана: Буджек и Менгу (друг Батыея и впоследствии ставший при помощи Батыея великим каганом) и, наконец, еще 4) последний сын Чингиз-хана — Кюлькан (впоследствии убитый в сражении с русскими под Коломой). Все эти царевичи рассчитывали стать правителями новых земель, завоеванных в намеренном походе.

³ Сейхун — Сыр-Дарья.

⁴ Тумен — отдельный корпус в 10 000 всадников. Субудай-Багатур — крупнейший полководец Чингиз-хана.

полководец, не знавший поражений, одноглазый Субудай-Багатур. Велика была слава его: он победил в 1224 году кипчаков и урусатов в битве при реке Калке, он разрушил три китайских столицы. Он покорил двадцать народов.

Субудай сидел, согнувшись, на саврасом коне с длинным до земли черным хвостом. Равномерно покачиваясь из стороны в сторону, конь бежал быстрой иноходью.

Еще юношей Субудай-Багатур был ранен в руку: меч рассек ему мышцы, и с тех пор правая рука всегда была согнута. Другой удар поразил его лицо. Правый глаз вытек, рубец шел через бровь и щеку, а левый, широко открытый, сверлящим взглядом проникал, казалось, в тайные помыслы людей. Воины называли его «барсом с разрубленной лапой». «Как раненый барс, вырвавшийся из капкана, Субудай угадывает опасность и раскрывает хитрые ловушки. С ним в беду не попадешь!» Сам Чингиз-хан поручил Субудай-Багатуру быть воспитателем и военным советником молодого внука — Бату-хана.

На большой дороге за городом, под высоким тенистым карагачем, монголов поджидала депутация знатнейшего города Сыгнака, — длиннобородые имамы, кадий и богатейшие купцы. Они приготовили на серебряных подносах угощение и дорогие подарки — свертки шелковой ткани. Кругом теснилась тысячная толпа любопытных. Депутация хотела пригласить прославленного полководца отдохнуть в новом роскошном доме разбогатевшего купца, где имелся и персиковый сад, и бассейн среди кустов цветущих роз, и баня с мраморными лежанками.

Когда промчались передовые сотни, и Субудай-Багатур поровнялся с депутацией, имам выступил вперед и начал изысканную речь:

— О величайший из великих! Храбрейший из храбрых!..

Субудай круто повернул коня, не взглянув ни на парчевые и бархатные халаты знатных стариков, ни на подносы с шелком, сладостями и золотисты-

ми дынями. Послушный конь мерной иноходью помчал его на север, прочь от города, в пустынную степь.

Субудая с трудом догнали на взмыленных конях векиль¹ и несколько знатных ханов. Задыхаясь, они кричали наперебой:

— Пстой!.. Не торопись!.. Гуюк-хан² и правитель области, Тангкут-хан, приказывают прибыть во дворец для важного совещания...

Субудай-Багатур утвердительно покачивал головой, слушая приглашение, но иноходец его продолжал бежать по степи так же равномерно, не убавляя шага. Наконец Субудай прохрипел:

— Багатур не поедет!.. Багатур должен кормить золотого петуха.

Субудай-Багатур тряхнул поводом, и саврасый, закусив удила, понесся вперед. Растянувшийся по степи отряд монголов поскакал во весь дух, быстро удаляясь от Сыгнака.

В открытой степи, близ реки Сейхук, тумен остановился и, широко рассыпавшись вдоль берега, разбил шумный лагерь. Высокие желтые верблюды уже накануне привезли сюда разборные юрты. Рабы натаскали сухого камыша, развели костры и варили в медных китайских котлах рис и жеребятину, ожидая прибытия грозного вождя.

Субудай-Багатур сошел с коня около приготовленной для него юрты с высокой пикой, увенчанной рогами буйвола и конскими хвостами. Дверь юрты, завешенная ковром, охранялась двумя угрюмыми часовыми. Тут же на привязи визжали от нетерпения, чувствуя запах вареного мяса, два рыжих монгольских волкодава.

Багатур вошел в юрту. Посредине тлеи угли, на которых шипел китайский бронзовый котел с мясной похлебкой.

Хмурый старый раб с длинными до плеч седыми космами и большой медной серьгой в левом ухе, зазвенев цепью на ногах, подал синюю чашку. Здоровой левой рукой Субудай-Багатур взял

¹ Векиль — смотритель дворца правителя области.

² Гуюк-хан — один из внуков Чингиз-хана и наследник монгольского престола.

из нее горсть проса. Дремавший, нахохлившийся у решетчатой стенки золотистый петух с пышным хвостом встал, важно сделал несколько шагов и остановился. Он был привязан за ногу тонкой серебряной цепочкой.

Субудай-Багатур насыпал перед петухом кучку проса. Птица, наклонив голову набок, стояла, точно прислушиваясь. Потом стала лениво клевать, разбрасывая зерна. Субудай, тоже наклонив голову, наблюдал, как петух выбирал зернышки, и ждал, пока его любимец не захлопал крыльями и не прокричал свой сигнальный призыв.

В разных концах лагеря откликнулось несколько петухов.

— Маленькая птица, а подымает целое войско!¹ — сказал Субудай-Багатур и, согнувшись, хромя, прошел на кошму позади костра, где были разостланы пушистые собачьи шкуры.

7. ЛОПАТКА ГУЮК-ХАНА

Внук Чингиз-хана Гуюк-хан — сын и наследник великого кагана всех монголов Угедэя — внезапно покинул дворец правителя Сыгнака и поставил свой малиновый шатер вдали от города, на холме в степи. Из шатра открывался вид на долину, куда беспрерывно прибывали войска², которые располагались отдельными куренями³.

Вокруг шатра Гуюк-хана тесным кольцом стояли четыреста юрт. В них помещалась его охрана, молодые отбор-

¹ В те времена вожаки караванов или вожди отрядов и т. п., отправляясь в дальний путь, брали с собой петухов, которые криками будили их в определенное время, заменяя отчасти современные часы.

² Согласно восточным летописям, в этом походе на запад участвовало около 4-х тысяч коренных монголов (гвардия) и около 30 тысяч татар. Монголы и татары были основным ядром войска, к которым примыкало около 200—300 тысяч разноплеменных конных воинов, присоединившихся по мере движения войска. Особенно много было кипчаков.

³ Курень — монгольское слово (кюриен), потом проникшее в русский язык (у запорожских казаков и др.). Означает: стойбище в виде кольца юрт с юртой начальника в центре круга.

ные телохранители, тургауды, из знатных семейств степных феодалов. В кольце юрт стояли ханские кони. Их тщательно оберегали и так завертывали в попоны, что были видны только хвосты и уши. Это были редкие, драгоценные кони, которыми любил щеголять Гуюк-хан во время облавных охот, когда от коней требуется особая быстрота и ловкость.

Стараясь во всем подражать пышным порядкам, установленным его дедом Чингиз-ханом, Гуюк поставил возле своего шатра высокое древко с черным пятиугольным знаменем, на котором золотыми нитками был вышит всадник с зверским лицом — бог войны Сульдэ, свирепый покровитель монгольских походов.

Четыре монгола медленно поднялись на холм. Они шли, наклонившись вперед, широко расставляя кривые ноги, держа стрелу за спиной. Подойдя к кострам, они покорно предоставили себя шаманам. Выкрикивая молитвы, шаманы обкурили их священным дымом — чтобы вместе с дымом улетели злые желания и преступные мысли. У входа в шатер два тургауда скрестили копья и, присев, наблюдали, чтобы входившие осторожно приподымали стрелой занавеску и не касались ногой порога — что могло вызвать великий гнев неба: заоблачный грозный бог мог бы тогда поразить хозяина шатра сверкающей молнией и ударами грома.

Четыре воина поочередно переступили через скрещенные копья. Они повалились на колени и коснулись подбородками разостланного белого войлока.

— Будь славен, победоносен и многолетен, великий! — воскликнули они.

— Ближе, ко мне! — послышался ответ.

Воины на коленях проползли вперед и выпрямились.

На низком широком троне, украшенном узорами из золота и кости, сидел, подобрав ноги, пухлый, с большим животом юноша. На его оранжевой шапке трепетал пучок белых пушистых перьев священной цапли — знак царевича из

рода Чингиз-хана. Юноша был в затканной золотыми драконами малиновой шелковой безрукавке, в красных сафьяновых туфлях на высоких изогнутых каблуках. Рядом на троне лежали: справа — знак власти, металлическая с золотой насечкой булава, слева — длинная лопатка, выточенная из бивня слона.

Хан Гуюк всматривался узкими глазами в лица четырех монголов.

— Вы опять пришли с голыми, как у гуся, лапами? Где же его пояс? Где его шапка? Где его яхонтовые пуговицы?..

Хан схватил костяную лопатку и стал колотить монголов по щекам. Они стояли с каменными лицами, неподвижные и коренастые; казалось, при каждом ударе головы их уходили глубже в широкие плечи.

— Прости нас, владыка мира! — воскликнули они хором и снова повалились лицом на войлок.

— Говори ты первый, Мункэ-Сал!¹ Ты самый разумный из всех.

— Сейчас расскажу, мой хан! Мы узнали, что протянувший руку к далекой звезде, Бату-хан, покинув Субудай-Багатура, прискакал в Сыгнак с пятью нукерами...

— Он поссорился с Субудай-Багатуром?

— Этого я не слышал...

— Вот когда нельзя было зевать! Почему вы не захватили его?

— Он примчался прямо к брату, Тангкут-хану, во дворец. Они оба громко спорили, они ужасно кричали. Тангкут-хан стал звать нукеров: «Убейте его!» Бату-хан выбежал, проклиная брата, вскочил на коня и ускакал...

— Вы проследили его? Где он?

Монголы снова повалились лицом на войлок.

— Вы не воины! Вы желтые дураки, пожравшие мясо своего покойного отца! — завизжал Гуюк-хан. — Вы хромые козлы!..

Недоверчиво озираясь, он продолжал злобным шопотом:

— Скачите вокруг города! Ищите моего ненавистного врага! Он в синем ча-

пане с шестью яхонтовыми пуговицами... Если вы задушите его, то будете сотниками!.. Будете тысячниками!.. Если же снова вернетесь с пустыми руками, если этот хвостун станет вождем — джихангиром, то вам не миновать смерти! Палачи отрежут вам уши и переломают хребты! Запомните это! Торопитесь!

Воины попятились и выползли за черную дверную занавеску, расшитую серебряными аистами.

8. ХРАБРЫЙ НАЗАР-КЯРИЗЕК

Старый Назар-Кяризек, полный тревоги, вернулся в свою юрту с базара в Сыгнаке.

— Эти новости вызывают дрожь! — бурчал он под нос. — Отправляюсь к моему хану Баяндеру, проверю, правильно ли все, что я слышал.

Назар стал торопливо одеваться.

— Надо успеть, пока не увидела Кыз-Тугмас! Опять начнет ворчать, что я не работаю, без дела шатаюсь... Все жены ворчат. Побью ее. Я хозяин!..

Он натянул на себя старый чапан. Так как чапан от ветхости распозался, Назар надел сверху длинную козлиную шубу, подпоясался сырмятным ремнем, вытащил из мешка желтые покоробившиеся сапоги с острыми каблуками — эти сапоги надевал, отправляясь в набег, еще отец Назара, — на голову нахлобучил овчинный малахай с наушниками и засунул за пояс плеть. Назар оглядел себя.

— Теперь я могу предстать перед очами грозного хана Баяндера!.. Нельзя откладывать такого важного дела...

Турган, младший сын Назара, прибежал из степи, где он с другими мальчиками пас аульных жеребят. Турган в удивлении широко открыл рот. «Что такое? Отец в козлиной шубе? В такую жару! Что он надумал?»

«Прикажи мне итти с тобой!» — уже готово было сорваться с уст мальчика, но Турган побоялся испортить дело. Сжавшись, он притаился около входа и посматривал блестящими, как у зверька, глазами, следя за каждым движением отца. Рядом с ним опустилась на коле-

¹ Мункэ-Сал — вечный и умный.

ни Юлдуз, девушка-сирота, которую во время нашествия монголов подобрал Назар и воспитывал, как родную дочь. Она подталкивала локтем Тургана и показывала глазами на Назара.

— Приведи кобылу! — строго приказал отец.

Турган стремглав побежал в овраг, где паслась их старая лошадь, взобрался на ее костлявую спину и вернулся к юрте.

Назар отбер кобылу обрывком войлока, положил на тощий хребет старый чепрачок, старательно приладил связанное веревками расплзающееся седло и накрыл его сложенным вдвое войлоком.

Вернувшись в юрту, Назар подошел к решетчатой стенке и снял старую, в кожаных ножнах, кривую саблю с узким ремненным поясом. Он важно нацепил ее поверх шубы, завязав узлом концы ремня. Жена и дети, разинув рты, следили за каждым его движением.

— Я отправлюсь к хану Баяндеру! — сказал он.

Турган подбежал к матери и сказал шопотом, точно отец мог еще услышать:

— Я пойду за татой к хану Баяндеру. Разве это далеко! Я раньше его добегу и скоро вернусь.

— Хорошенько присмотри за отцом! Мать отвернулась и пошла в юрту. Сунув пучок сухой колючки в потухающий костер, она раздула огонь.

— Вот еще что выдумал! Ему ли, старому, ехать на войну! Он там свалится в первый овраг и назад не вернется. Кто тогда меня, вдову, пожалеет?.. Ну, чего медлишь, Турган? Беги за отцом да следи издали, чтобы он тебя не заметил. А то рассердится и побьет...

Турган подтянул шаровары и побежал в ту сторону, куда уехал отец.

9. ХАНСКАЯ ШЕДРОСТЬ

Весть о задуманном монголами походе на запад разлетелась по Кипчакской степи, как ураган, который среди тихого летнего дня вдруг пронесется по равнине, крутя песчаные столбы, выры-

вая кусты и опрокидывая плохо прикрепленные юрты. Во все стороны помчались гонцы, передавая вести из одного кочевья в другое, сообщая о крупнейшем событии в мирной жизни кочевников. Сзываются в поход все двенадцать колен великого кипчакского народа¹

Назар-Кяризек миновал прибрежные тополя, за которыми поблескивала мутная после дождей река Сейхун. Перед ним развернулась широкая равнина. Во всех направлениях торопливо ехали всадники, мерно шагали вереницы двугорбых верблюдов, нагруженных решетками юрт, шестами, войлоками, мешками, котлами и другими предметами кочевого обихода. Возле верблюдов шли женщины с детьми. Полуголые рабы подгоняли стада овец и коров. Было что-то необычное и тревожное в забламученной степи, обычно дремлющей в безмолвной величии.

Назар-Кяризек добрался, наконец, до становища одиннадцатой жены хана Баяндера. Старый кочевник удивился — здесь все было попрежнему! Несмотря на всеобщее смятение, хан Баяндер оставался, как всегда, невозмутимым. В становище шли приготовления к соколиной охоте. Оседланные нарядные кони нетерпеливо взрывали копытами песок. Десять ловких юношей с соколами на перчатке правой руки стояли в ряд, ожидая у шатра выхода господина. Поджарые узкомордые собаки уже несколько раз начинали яростную грызню.

Назар слез с тощей кобылы, спутал ей передние ноги и стал степенно подыматься на вершину холма к ханским юртам.

Хан Баяндер вышел из юрты. Лицо его лоснилось от обильного угощения.

Властелин степей узнал старого Назара. Острым взглядом он окинул его согнутую покорную спину, долгополую

¹ Кипчаки — большое племя тюркского корня, занимавшее огромную территорию от Аральского моря до Днепра. В русских древних источниках кипчаки именуются «половцами». Европейские путешественники называли их «куманами». Страну кипчаков восточные писатели называли «Дешти Кипчак» (Кипчакская степь), европейские — «Куманией».

козлиную шубу и кривую старую саблю. «Старик приехал о чем-то просить, — решил хан. — Иногда полезно приласкать простого кочевника, чтобы слава о щедрости хана Баяндера пронеслась по степи от костра к костру. Это особенно важно теперь, когда ханы собирают боевые отряды, чтобы двинуться в далекий поход...»

— Славен хан Баяндер! Без счета табуны коней у хана Баяндера! Да хранит аллах благословенные стада хана Баяндера! — выкрикивал нараспев Назар-Кяризек и кланялся так низко, что сквозь облезлую шубу выступали его костлявые плечи.

Хан остановился и засунул руку за полосатый пояс.

— Здравствуй, дед Назар-Кяризек! Куда ты собрался с такой заржавленной саблей?

— Великая весть летит через Кипчакские степи...

— Что же ты услышал?

— Сейчас, мой хан, сейчас расскажу! Был я в Сыгнаке на базаре. Сидел в чайхане в сторонке и слушал, что важные люди говорят. Один купец в дорогом шелковом халате очень много знал из того, о чем мы, простые люди, и не догадываемся. Он поставляет монгольским ханам муку и часто беседует с ними. Слышал он от них, что в Сыгнак прискакали самые важные монгольские царевичи, внуки великого покорителя вселенной Чингиз-хана...

Назар остановился, желая узнать, какое впечатление произвела его новость. Хан стоял спокойный, с непроницаемым взглядом всемогущего и всезнающего человека. Спровожающие его джигиты насторожились и придвинулись на шаг.

— Это похоже на истину! — заметил хан Баяндер. — Что же еще говорили в чайхане?

— Говорят, грозный каган Чингизхан завоевал половину вселенной, а его внуки хотят покорить вторую половину. Баяндер покачал головой.

— Легкое ли это дело! Сколько народов живет во вселенной, а Чингизхана-то нет! Кто его заменит? У кого такая голова, как у Чингиз-хана? Кто

поведет войско?.. Эй, джигиты, подайте мне коня!

— Постой, мой славный хан! — завопил испуганно Назар. — Взгляни на твоего старого конюха! Ты более могуч, чем все другие степные султаны! Прошу тебя, мой хан, не забудь и меня в походе! Я сорок лет верно служил тебе и днем, и ночью, и в снег, и в бурю, пока не состарился. Теперь на мое место встали пять моих сыновей, все пятеро молодец к молодцу! Они берегут и хоят твоих коней и сберегли их до этого грозного дня, когда уже всюду слышатся боевые кличи двенадцати колен великого кипчакского племени: «Уйбас, токтабаевцы! Дюйт, батыры дурутаевцы! Даукара, джерсайцы, опрокидывающие все на пути! Берите острые клинки, садитесь на коней, выступайте в поход!»

Хан Баяндер стоял еще более величественный, только левый глаз сощурился, и в нем мелькнула веселая искорка, когда он смотрел на кричавшего ураны старого Назара, который выхватил кривую саблю и размахивал ею над головой.

— Ты лихой воин, Назар, твои заслуги я помню! Что же ты хочешь?

— Мои пять сыновей готовы выступить под твоим славным бунчуком. Но на чем? Много коней они тебе вырастили, а своего коня у них нет! Дай каждому моему сыну коня с седлом. Пойдут они с тобой верными защитниками в бою, будут твоими верными стрелами — куда их пошлешь, туда полетят, что прикажешь — выполнят!

Хан Баяндер коснулся тремя пальцами острого конца своей бороды:

— Хорошо, мой верный конюх, Назар-Кяризек! Дам я коней твоим сыновьям, но о седле и уздечке пусть сами заботятся. Даром я ничего не даю. Если я своим джигитам раздам мои табуны, мне придется плестись по степи оборванным нищим. Пусть каждый из твоих пяти сыновей, вернувшись после похода, приведет мне взамен полученного другого молодого коня, покрытого ковром. И еще: пока твои сыновья будут добывать себе славу, пусть их жены соткут мне по бархатному ковру...

— Преславный хан, смилуйся! У меня нет шерсти для ковров.

— Ты получишь шерсть у моего управляющего. Если ты согласен, то твои сыновья могут взять себе по коню. Я зачисляю всех пятерых в мою отборную тысячу джигитов.

— Да хранит тебя аллах за твою щедрость, мой пресветлый хан! — воскликнул Назар и, сложив руки на животе, низко поклонился садившемуся на коня Баяндеру.

Назар, вздохнув, выпрямился, вложил обратно в ножны старую саблю и, покачивая головой, хмуро смотрел вслед уезжавшему со своей свитой хану. Назар перевел взгляд и заметил Тургана. Мальчик помог отцу сесть на кобылу, и оба направились по тропинке в ту сторону, где паслись полудикие тысячные табуны хана Баяндера.

10. ПО СЛЕДАМ КОНЯ

Арапша вел Хаджи Рахима пустынной степью так уверенно, точно он уже не раз ходил по этим холмам и запутанным, едва заметным тропинкам. Иногда Арапша останавливался, всматриваясь в следы и подымался на бугры, оглядывая степь. Тогда усталый Хаджи Рахим ложился на песок и вздыхал. Наконец он взмолился:

— Куда ты ведешь меня? Долго ли еще итти?

— Мы идем по следам моего коня. Я знаю, где мы можем скрыться. Скорей вперед!

Добравшись по обрывистому скату оврага до каменистой вершины, они припали за кустами репейника. Отсюда степь была видна далеко кругом.

— Посмотри на дорогу, — прошептал Арапша. — Это они!.. Что-то ищут!..

По степи ехали четыре монгольских всадника на небольших крепких коньках с длинными гривами. Передний, наклоняясь с седла, всматривался в землю и останавливался. Иногда он стегал коня, и монголы пускались вскачь. Вскоре они скрылись за холмами.

— Они идут по следам моего белого коня, моего Акчиана! Они надеются нагнать его. Я так и ожидал!

Невдалеке поблескивало небольшое озеро, над которым пролетали дикие утки. Из зарослей камыша неожиданно выскочил стройный белый оседланный конь и с звонким ржанием поскакал вдоль косяков рыжих кобылиц.

— Смотри, мой почтенный учитель! Ведь это он, мой Акчиан! Мой украденный друг!..

И Арапша, сбросив на песок сумку и плащ, побежал с холма.

— Жди меня здесь... Я поймаю его! — крикнул он.

Факих опустился на землю и стал наблюдать.

Сзади слышались тихие голоса. Хаджи Рахим оглянулся... Три монгола, переваливаясь на кривых ногах, направлялись к нему. Один расправлял пучок веревок. Не успел факих опомниться, как монголы набросились на него, перевязали веревками, встряхнули и поставили на ноги.

— Видишь, на нем синий чапан с красными пуговицами! Конечно, это он.

— Это не он! Тот молодой, а у этого весь подбородок в шерсти...

— Какое мне дело! Хан сказал: «Если встретишь человека в синем чапане с красными пуговицами — приканчивай его скорей!»

— Поведем его к хану, пусть сам решает!

— Что вы от меня хотите? — кричал Хаджи Рахим. — Я бедный дервиш, я пишу книги!

— Пой песни другим! Откуда на тебе яхонтовые пуговицы? За одну такую пуговицу можно купить косяк лучших кобылиц!

— Берите себе и чапан, и пуговицы! Они не мои...

— Чего вы медлите! — воскликнул, подъезжая, четвертый монгол. — Торопитесь, сюда скачут ханские конюхи. Набрасывайте ему на голову платок! Загибайте пятки к затылку!..

Хаджи Рахим больше не слышал слов. Сильные руки схватили его, пестрый платок закутал лицо. Яркое солнце запылало перед ним и рассыпалось на тысячи искр.

Шум голосов, крики, громкий лай собак, мучительная боль во всем теле — и факих потерял сознание.

11. БЕЛЫЙ КОНЬ

В зеленой степи на свободе паслось несколько тысяч коней. Казалось, они рассыпались в беспорядке. Но табуны, медленно передвигавшиеся по равнине, были разбиты на отдельные группы, или «косяки», которые не смешивались друг с другом, за чем зорко следили табунщики.

Каждый косяк состоял из старой матки и пятнадцати-двадцати молодых коней одной масти — темно или светлорыжих, буланых, гнедых и других. Старый злой жеребец не отходил от своего косяка, оберегая его.

Табунщики на горбоносых тощих конях с гиканьем скакали между косяками и, размахивая укрюками, ловко разгоняли сцепившихся в драке жеребцов.

Среди конюхов-табунщиков было пять сыновей Назар-Кяризека. Старшему — Демиру — было лет тридцать, младшему — Мусуку — семнадцать. Братья славились как отчаянные укротители коней и бесстрашные охотники на волков, на которых они бросались с одной плетью. Зимой и летом, днем и ночью, в стужу и в проливной дождь разъезжали они вокруг табунов хана Баяндера, охраняя их от воров и хищников. Хан Баяндер не очень жаловал своих верных сторожей. Он только все обещал наградить их «по-хански». Но пока-что на табунщиках вместо одежды были лохмотья, выцветшие и бурые, как степь, на ногах — самодельные сапоги, сшитые из невыделанных шкурок сусликов, а шапку заменяла собственная грива спутанных волос. Обожженные солнцем, почерневшие, они сжились со степью, как кони и большие лохматые собаки, и сами стали частью барханов, ковыльной равнины, ветра и плывущих мимо облаков.

В этом табуне Арапша заметил среди мирно пасущихся коней стройного белого жеребца, своего Акчиана. Конь некротимым зверем носился между кося-

ками, наслаждаясь привольем, смело схватываясь с другими жеребцами. С диким визгом вцепился он зубами в шею рыжего жеребца, опрокинул его и с звонким ржаньем поскакал дальше по степи. Ветер развеивал его серебристую гриву.

Арапша свистнул. Акчиан остановился и насторожил уши. Арапша свистнул еще раз и услышал ответное ржанье. Изогнув шею и легко выбрасывая стройные ноги, Акчиан понесся упругими скачками навстречу хозяину.

Но два табунщика уже давно следили за ним и поскакали наперерез, высвобождая арканы. Арапша изо всех сил бежал к коню, но было поздно: два аркана захлестнули шею скакуна, и он остановился, бросаясь в стороны, стараясь вырваться на волю.

— Оставьте! Это мой конь! Он под моим седлом! — кричал Арапша.

— Уходи отсюда, пока цел, степной бродяга, конокрад! — кричали табунщики. Один из них прыгнул с коня и вцепился в повод Акчиана. — Здесь земля и табуны хана Баяндера! Бродячий конь — добыча хана!..

Арапша выхватил меч и крикнул с таким бешенством, что табунщики попятились:

— Слушайте вы, жалкие рабы Баяндера! Вы, ханские табунщики, крадете чужих коней? Не хотите ли вы поставить ваше паршивое тавро на серебристой коже этого благородного коня?

— Хан Баяндер сам поставит тебе на лоб свое тавро, — ответил табунщик, — и будешь ты лежать падалью на кургане!

Говоривший отскочил в сторону, едва успев вернуться от разъяренного воина, бросившегося на него с поднятым мечом.

Но Арапше неожиданно загородил дорогу выбежавший из шалаша смуглый коренастый монгол в рваном плаще.

— Постой, бедняк-джигит! — сказал он спокойно. — Ты всегда успеешь светлой саблей зарубить грубияна. Выслушай сперва, что я скажу тебе. А твой конь от тебя не уйдет!

Он сделал знак рукой, и табунщики распутали петли, брошенные на белого жеребца. Говоривший был молод. Темный пушок едва оттенял его верхнюю губу. Под сдвинутыми бровями застыли скошенные, холодные, точно стеклянные глаза, в которых чувствовалась затаенная, неотступная мысль. Он держался с уверенностью, казавшейся странной при его выпуклом нищенском плаще.

Арапша невольно остановился, пораженный властным выражением лица незнакомца, и вдруг вспомнил слова Хаджи Рахима: «Конь к тебе вернется... На нем уехал необычайный человек, который может за него дать тысячу коней»...

— Твоего жеребца никто не посмеет тронуть, — продолжал молодой монгол. — На нем ускакал я, когда за мной гнались враги. Я покупаю его. Сколько золотых динаров¹ ты за него хочешь?

— Продать моего Акчиана! — воскликнул Арапша. — Для смелого джигита конь — лучший друг! Разве друзьями торгуют?

— Ты хорошо сказал! — отвечал незнакомец. — Этот благородный конь создан для того, чтобы на нем ездил султан, хан или сам каган. Для чего тебе, смелому, но простому джигиту, такой конь? Я заплачу тебе за него столько, что ты купишь себе десяток добрых коней и шелковую одежду. Говори, что ты хочешь за коня?

— Я ничего не хочу! — возразил Арапша. — Я только-что с трудом нашел его. У меня нет родины, нет юрты, нет белобородого отца или смелого брата. Все мое богатство — меч и этот конь. Зачем же ты хочешь отнять его? Кто спасет меня в огне битвы, на краю пропасти? Я не отдам его!

— Белый конь нужен мне! Я дам тебе взамен лучшего коня из этого табуна. Согласен?

Глаза Арапши расширились. Он загорелся гневом. Но ему опять вспомнились слова Хаджи Рахима. Арапша задумался на мгновение, затем тряхнул черными кудрями и сказал:

— Если мой конь нужен тебе не для того, чтобы водить его под парчевым чепраком по базару на удивление толпы, а для похода и для битвы — я дарю тебе моего коня! Ты взлетишь на нем к далекой сверкающей звезде. Он будет конем победителя и принесет тебе удачу!

Незнакомец в рваном плаще вздрогнул. На мгновение глаза его испытующе остановились на Арапше. Затем он повернулся к табунщикам и спросил небрежно, как о пустышном деле:

— Скажите, молодцы-удальцы, можете ли вы продать мне коня, которого я сам выберу?

Табунщики переглянулись и пошептались между собой. Младший из них, черный от загара, как жук, сказал:

— Кони не наши, а хана Баяндера. Но хан наш любит золото, и мы можем продать нужного тебе коня, если ты заплатишь не меньше, чем купцы на базаре в Сыгнаке. Дашь ли ты нам за него двадцать пять золотых динаров? Тогда мы поймем жеребца, которого ты нам укажешь, а если ты еще прибавишь нам за усердие, то мы его укротим на твоих глазах.

— Я не барышник! — ответил странный монгол. — Я не торгуюсь, а беру, что хочу. Вы получите, что просите. Кроме того, я добавлю каждому по золотому динару.

— Живи тысячу лет! — воскликнули табунщики. — Приказывай скорее!

12. БРАТЯ-ТАБУНЩИКИ

Назар-Кяризек торопился увидеть сыновей, чтобы обрадовать их вестью о милости хана, уступающего им пять коней. Он подгонял, как мог, тощую кобылу. Она то плелась шагом, то бежала рысцой и дотащилась, наконец, к долине, где паслись табуны хана Баяндера.

Вслед за Назаром прибежал, прыгая, как заяц, маленький Турган. Он вскарабкался на холм и закричал отцу:

— Скорей, тату, скорей сюда! Здесь ловят волков!

Назар хлестнул плетью и взобрался на холм.

В ложине, между холмами, во всех

¹ Динар — золотая монета.

направлениях скакали, крича и свища, джигиты хана Баяндера. Заливаясь тонким лаем, поджарые борзые собаки гонялись за несколькими волками.

Особенно горячая свалка происходила вокруг большого старого волка. Он опрыгался, лязгал оскаленными зубами, отшвырнул отчаянно завизжавшую собаку и вертелся, отбиваясь от наседавших врагов.

К волку подскочил джигит, свалился с седла прямо на него и старался ухватить его за уши. Но волк вырвался, перекатился кубарем через собак и большими скачками понесся наутек.

Джигиты помчались за волком.

— Держи его, Нури! Не упусти... Лови его за уши, Нури!..

В туче пыли, с шумом и воплями скрылись за бугром охотники, волки и собаки.

Тогда Назар-Кяризек увидел на месте свалки лежащего человека, связанного веревками. На нем был синий монгольский чапан. Отлетевший в сторону колпак дервиша показался знакомым. Назар подъехал и сошел на землю.

— Да это наш сосед, ученый факих Хаджи Рахим! Не задушил ли его старый волк? Ты жив ли, Хаджи Рахим? Великий аллах, приди к нам на помощь!

Глаза лежавшего открылись и уставились удивленно на склонившегося старика. Хаджи Рахим медленно приходил в себя.

— Я не знаю, жив ли я, или безжалостный Азраил тащит меня в царство ночи... Через меня проскакали охотники и джигиты... На моей спине собаки дрались с волком... Ты много раз спасал меня от голода, Назар-Кяризек... Спаси еще раз, не покидай меня здесь!..

Назар распутал веревки и свернул их.

— На этих петлях мои сыновья повесят разбойников, которые обидели моего почтенного соседа.

Старик помог израненному дервишу взобраться на кобылу и медленно повел ее под уздцы. Хаджи Рахим охал и жаловался:

— Иволга гонится за осой и не замечает, что охотник уже натянул лук и готов догнать ее острой стрелой... В это же время тигр готовится к прыжку, что-

бы растерзать охотника! Кто знает наше будущее: кто раньше погибнет — тигр или охотник, иволга или оса?.. Я уже совсем погибал от рук страшных монголов, и кто же меня выручил — старый злобный волк и разъяренные собаки!..

У подножия холма, около прозрачного ключа, стояли два камышевых шалаша. В них жили пастухи, сыновья старого Назара-Кяризика. Старик подошел к шалашам. Хаджи Рахим, охая, слез с кобылы и остановился, пораженный: перед ним стоял его ночной гость.

— Кто смел тебя обидеть? — спросил молодой монгол, нахмутив брови. — Синий чапан в грязи и разорван... Что произошло с тобой?

Хаджи Рахим рассказал, как на него напали монгольские воины. Юноша на мгновение закрыл рукой глаза. Вцепившись в рукав Хаджи Рахима, он прошептал:

— Это они! Неведомые злодеи неотступно преследуют меня! Хаджи Рахим! Ночью ты помог мне бежать, теперь ты сам чуть не погиб из-за меня! Они узнали на тебе мой синий чапан!..

К Хаджи Рахиму подбежал Арапша.

— Прости, мой почтенный учитель! Я виноват — зачем я, твой мюрид, оставил тебя одного!

— Ты знаешь его? — указал на Арапшу монгол. — Скажи, Хаджи Рахим, могу ли я довериться этому джигиту?

— Арапша храбр, как горный барс, и непреклонен и тверд, как алмаз! Его язык не знает лжи, рука не изменяет другу..

— Я рад тому, что ты сказал. Я возведу его!

С почтением согнувшись, приблизился старший из табунщиков.

— Послушай, хан! Хотя ты без юрты и без коня, но если в твоём кошельке звенит золото, мы поймем тебе сейчас отличного коня.

— Арапша! — сказал монгол. — Выбери себе лучшего.

Арапша окинул взглядом табун и указал на молодого гнедого коня. Он был несколько выше других и гораздо беспокойней. В то время как остальные

кони мирно пощипывали траву, гнедой жеребец, подняв голову, озирался и отбегал в сторону к другим жеребцам.

— Ойе! Не легко будет поймать его! — сказали табунщики. — Это огонь, а не жеребец! Это зверь, зоркий и пугливый... Его плетью не ударишь, он сам бросится на человека!

Вмешался старый Назар-Кяризек:

— Мусук поймает коня, а мой младший сын Турган усмирит его. Это ему не впервые!

Турган, взобравшись на рыжую кобылу, жадно слушал. Он ликовал. Глаза его сверкали от гордости: ему доверяют такое опасное и лихое дело — усмирить дикого коня!

13. УКРОЩЕНИЕ ДИКОГО КОНЯ

Конь носился кругом по степи, бросаясь из стороны в сторону. Он старался скинуть мальчика нечаянными прыжками вбок. Бил задом и передом, подпрыгивал на месте, вставал на дыбы, шел на задних ногах и снова мчался в степь, разъяренный до предела.

Турган, вцепившись изо всех сил в веревку и взлохмаченную гриву, не терял ни смелости, ни упорства. Он то хлестал коня плетью, то ободрял и успокаивал его ласковыми словами. Дикий жеребец стал, наконец, немного слушаться повода.

Это заметили табунщики. Старший брат, Демир, закричал:

— Мальчишка переборол коня! Пора выручать его! Он устал, и силенок нехватит. Я сам поеду.

Демир помчался к Тургану. Гнедой был измучен, истощен, наполовину укрощен, и настигнуть его казалось делом нетрудным. Но лишь только он заметил, что к нему приближается новый всадник, жеребец снова разъярился, стал выгибаться и прыгать в сторону. Однако он уже явно утомился и, теряя силы, побежал дробной рысью. Его движения становились более равномерными и правильными. Уже заметно было, что он слушался повода и делал ровный круг, приближаясь к месту, где стояли Назар и табунщики.

Дикий конь был укрощен.

Демир, поскакавший на помощь мальчику, поровнялся с ним и продолжал мчаться рядом. Мальчик, держась левой рукой за холку коня, привстал на колени, потом быстро поднялся на ноги. Этим воспользовался опытный табунщик и, тесно прильнув своим конем к укрощенному жеребцу, обнял ребенка правой рукой и перетащил к себе.

Прирученный конь уже скакал рядом на поводу. Черный, загорелый табунщик, придерживая стоящего на его седле мальчика, возвратился к шалашу. Подбежавшие братья сняли усталого, едва державшегося на ногах мальчика и наперебой обнимали его.

Арапша бросился к гнедому жеребцу, поймал его за повод, трепал по шее, называл ласкательными именами. Конь стоял, растопырив ноги, опустив голову, равнодушный, с повисшими ушами.

Старый Назар-Кяризек сказал:

— Поводи его шагом до захода солнца, не давай воды до полудночи. Это будет конь первейший, знаменитый!

Молодой монгол, внимательно следивший за скачкой, повернулся к табунщикам и стал небрежно отсчитывать из кожаного кошелька золотые динары. Он высыпал монеты в подставленные ладони старшего брата, затем вскочил на белого жеребца и, сдерживая его, сказал:

— Спасибо вам, джигиты-табунщики! Скоро вы обо мне услышите...

Он тронул коня, но остановился, всматриваясь вдаль. На холмах, окружавших долину, показался растянувшийся конный отряд. По маленьким крепким коням с крутыми, толстыми шеями можно было сразу узнать монголов. Всадники быстро окружили место, где стоял шалаш. Монголами начальствовал молодой хан с суровым, каменным лицом. За ним неотступно следовали три воина. Средний из них держал копье с трепетавшим желтым лоскутом. Угрюмый хан подъехал к табунщикам. Встретившись взорами с молодым всадником на белом жеребце, он склонился к луке седла.

— Менду¹, Бату-хан! Не легко нам было найти тебя. Почему на тебе одеж-

¹ Менду! (по-монгольски) — здравствуй!

да, не подобающая царевичу-чингизиду?

— Желтоухие собаки Гуюк-хана преследовали меня. Я скрывался в шалаше этих бедняков.

— Мой почтенный отец, Субудай-Багатур, беспокоится. Он просит немедленно прибыть в его шатер.

— Я готов, багатур Урях-Кадан!

Монголы с места пустили коней вскачь и быстро скрылись за холмами.

Арапша отвернулся, не желая видеть, как удалялся его любимый белый Акчиан. Пучком травы он вытирал пот, струившийся по бокам его нового коня. Ласково шептал ему:

— Не грусти! Не жалею о потерянной свободе! Теперь ты стал моим другом. До сих пор неудачи играли мной, ты же приносишь мне надежду! Будешь отныне называться «Ит-алмаз!»¹ Станешь преданным и верным, как собака, и неутомимым и крепким, как алмаз...

14. МУСУК

Кыз-Тугмас не раз выходила из юрты и посматривала на дорогу, поджидая возвращения старого мужа. Наконец, утомившись, села на обрывке ковра у двери юрты и, обняв колени, молча смотрела на пустынный холм, над которым облаком кружилась мелкая розовая саранча.

«Говорила я, не к добру он поехал! — думала Кыз-Тугмас. — Чужела, случится с ним недоброе. Куда ему, старому, ехать на войну! Он и мешок джугары² не принесет домой, не рассыпав. Но он упрям, как старый козел, а выбрыкивает, как молодой козленок...»

К вечеру приехал ее любимый сын Мусук. Он стреножил коня и пустил его пастись. Скинув разодранный чекмень и рубашку, он бросил их на колени матери.

— Пока у меня нет хозяйки, кто зашьет одежду?

Мусук растянулся на земле и долго

¹ Ит — собака.

² Джугара — высокое растение, имеющее стебель, как у кукурузы, и кисть крупнорен, из которых варится каша. Обширные бедняков.

лежал молча, следя за руками матери, которая ловко намetyвала стежки на заплате.

— Где Юлдуз?

— Где же ей быть! Пасет в степи, еще не возвращалась.

Юлдуз пригрела Кыз-Тугмас, потому, что хотя она и носила имя «Не будет иметь дочерей», но все-таки тосковала о дочери. Ведь дочь всегда вьется около матери, и даже замужем, в новой юрте, она ближе к матери, чем сыновья.

«Юлдуз скоро можно будет отдать за немалый калым — корову, коня и верблюда, Юлдуз стройная, красивая девушка, с веселой улыбкой и блестящими карими глазами. Не беда, что Юлдуз бедно одета! Ее блестящие черные волосы всегда тщательно заплетены в шестнадцать косичек и перевиты нитями стеклянных бус. Не один джигит уже засматривается на нее...»

Мать знала, что Мусуку нравится Юлдуз. Какая старикам выгода, если бедняк женится на нищей сироте? Не лучше ли ему подождать с женитьбой, а Юлдуз выдать за богатого кочевника или муллу? Но об этом Кыз-Тугмас никогда не говорила и не раз вздыхала, думая:

«Мусук упрям, как отец, и поступит, как сам захочет. Тогда мы никогда не выйдем из бедности!»

Собака, лежавшая у порога юрты, подняла голову, заворчала и с громким лаем помчалась в степь.

На холме показались ягнята. Они шли, растянувшись по тропе, взбивая пыль. Среди них шагала тонкая девушка, подгоняя особой пастушьей песенкой отстающих. Услышав ее голос, из соседних юрт выбегали женщины и спешили к стаду. Юлдуз, отдав захромавшего ягненка, которого несла на руках, бегом пустилась домой. Она сделала шаг, наступила на камень и проскользнула в яму.

«Ты победил! — завопил полководец! — завопил полководец! — завопил полководец!»

«Ты пройдешь через степь! Ты первый из первых полководцев! Прими от меня первого из первых петухов! Он поет, как святой азанчи на минарете, всегда в одно и то же время и громче

друга о войне. Надо ли уйдут в поход джигиты? Лицо Юлдуз, всегда веселое, с ямочками на щеках, вытянулось, и узкие брови сдвинулись. Еще бы! Сколько раз они говорили о будущей совместной жизни, а теперь из-за этого страшного похода все мечты разлетаются, как испуганные птицы. А если Мусук не вернется?.. Мало ли смелых джигитов сложило свои отчаянные головы на далекой стороне, в безлюдной пустыне, где шакалы растащили их изрубленные кости!

Но Мусук посвистывал и смеялся. Набег — это праздник для молодого джигита. Он увидит новые страны, он прославится удалством, станет знаменитым батыром. Вернувшись из похода, он всем привезет подарки, а для Юлдуз особенно: и красную шелковую рубашку до пят, и цветной пояс, вышитый бисером, и зеленые стеклянные бусы, похожие на изумруды, и перстень с камнем, сверкающим голубыми искрами.

Мусук не мог утешить нежную, робкую Юлдуз. Слезы одна за другой скатывались по ее щекам.

Он обнял Юлдуз, вскочил на своего коня и, беспечно махнув папахой, поскакал напрямик через степь к табунам хана Баяндера.

Он встретил на пути толпу всадников. Они были на отличных конях, украшенных золотой сбруей, с соколами на рукавицах, окруженные борзыми собаками. Вдали сотни две джигитов, растянувшись цепочкой, загоняли дичь. Мусук проехал близко от нарядных всадников в синих монгольских одеждах. Из зарослей выбежали четыре джейрана и, закинув на спину рожки, помчались по степи. За ними погнались охотники. Они направились в ту сторону, где Юлдуз пасла ягнят. Мусук подумал: «Как бы эти монгольские ханы, всадники, красивую девушку, не приказали выгнать и захватить ее с собой. ко он уже явно устал, от его прихоти побежал дробной рысь, становились более равномерными. Уже заметно было, что он слушался повода и делал ровный круг, приближаясь к месту, где стояли Назар и табунчики.

Дикий конь был укрощен.

обычное приветствие и подсел сбоку. Все усердно ели рисовый плов с бараниной. По очереди, степенно брали концами пальцев горсточку риса и отправляли в рот.

«Откуда у нас плов? — удивился Мусук. — Значит, в доме барыши! Отчего? Где отец заработал столько, что всех сыновей угощает дорогим пловом?»

Мусук оглянулся. Почему у матери заплаканные глаза? Почему она сердито гремит посудой?

— Что же ты не ешь, Мусук? — сказал старший брат.

Мусук колеблется. Тревожные мысли, ужасная догадка захватили дыхание.

Деревянное блюдо было вскоре очищено до последней крупинки. Демир, обращаясь к Мусуку, сказал с важностью и достоинством старшего брата:

— Наш младший брат Мусук! Ты, конечно, сам понимаешь, что нам, сыновьям нашего почтенного отца Назар-Кязризека, необходимо явиться в отряд хана Баяндера на исправных конях, с хорошими для похода седлами и с отточенными клинками. Если хан Баяндер увидит нас оборванными байгушами¹, он с нами и разговаривать не станет...

Мусук вскочил и отступил к двери.

— Так это правда? Вы продали Юлдуз на базаре, как связанную курицу, жирному баю или торговцу рабами?

— Но ты сам подумай! Ехали мимо, охотясь, сыгнакские богачи. Увидели Юлдуз и сказали: «Вот хороший цветок для нашего хана!» Они предложили отцу очень хорошую цену — двадцать четыре золотых динара. Где нам, беднякам, найти такие деньги? Ведь твоя доля — четыре динара. Мы честно все разделили, взяв и тебя в долю. — И Демир бросил на войлок четыре золотых монеты.

Мусук отвечал злобно, но тихо, положив руку на рукоять ножа, засунутого за пестрый пояс.

— У меня больше нет ни братьев, ни отца! Не попадайтесь мне на дороге!

¹ Байгуш — сова, сыч, здесь в значении

¹ Менду! (по-...)

Он выбежал из юрты. Все молча, опустив глаза, прислушивались к тому, как Мусук садился на коня, и ожидали, что он скажет матери и Тургану, которые с плачем выбежали за ним.

— Ты еще вернешься сюда?

— Никогда!

16. СОЗВАТЬ ВСЕХ ДЕРВИШЕЙ

Субудай-Багатур разослал нукеров¹ во все концы города Сыгнака — разыскать и привести дервиша, летописца и поэта по имени Хаджи Рахим аль-Багдади. Нукеры вернулись с ответом: «Этого дервиша в городе нет. Домишко его заколочен, и сам он уехал неведомо куда».

Субудай, рассердившись, послал две сотни с приказом привести к утру следующего дня всех дервишей Сыгнака, с их святыми шейхами и пирами².

Утром отряд монгольских всадников пригнал к лагерю толпу дервишей и ободранных бродяг. Дервиши были в просторных балахонах с пестрыми заплатами, подпоясанные мочальными веревками; они приближались в туче пыли, с криками, с заунывными песнями и глухим воем. Одни хором повторяли: «Я-гуу! Я-хак!» Другие выкрикивали священные заклинания. Несколько календаров³ двигались впереди толпы, кружась, как волчки. Один крайне грязный дервиш с длинными космами черных спутанных волос держал на плече обезьянку, у которой от страха делался понос.

Нукеры поставили дервишей широким полукругом. Дервиши шумели, жаловались и стонали, крича, что они святые, над которыми властен только

¹ Нукер — то же, что дружинник у древних русских князей. Нукеры составляли личную дружину и охрану монгольского хана-феодала, исполняли, если нужно, всякие служебные обязанности: подводили коня, открывали дверь при входе хана и т. п. Они находились на полном иждивении хана и в дальнейшем становились его помощниками и начальниками отдельных отрядов, созданных из простых кочевников, призванных на войну.

² Шейх или пир — глава общины дервишей.

³ Календар — нищий. Была также община дервишей «календаров».

великий аллах. Несколько дервишей, широко расставив руки, бесшумно скользили по кругу.

Из юрты вышел старый сутулый и хромой полководец и остановился. Мрачный и страшный взгляд его раскрытого, неподвижного глаза заставил всех замолчать. Последний кружившийся дервиш свалился, как будто без сознания, на землю у ног Субудая и, приоткрыв осторожно глаза, следил за каждым движением прославленного монгола.

Около Субудая появился молодой толмач в красном полосатом халате и белой чалме. Субудай-Багатур затворил хрипло и отрывисто. Его слова громко переводил толмач.

— Вы — святые!.. Вас слышит небо. Вы отказались от богатства.. Поэтому вы все можете.. Все знаете..

Дервиши хором закричали:

— Мы знаем не все! Мы не знаем, кто нас накормит и завтра, и сегодня!

Субудай снова обвел взглядом толпу, и она затихла.

— Мне нужен один дервиш. Его зовут.. как его зовут? — повернулся Субудай-Багатур к толмачу.

— Хаджи Рахим из Багдада! Кто его знает?

— Мы не знаем его! Он не наш! Выбери вместо него кого хочешь из нас. Мы будем верно служить тебе!

Субудай ждал, когда дервиши замолчат.

— Вы все вместе не стойте его одного. Молчите, кто не знает. Пусть кричит тот, кто знает!

— Я знаю! Я скажу!

Сквозь толпу протиснулся старик. Он подошел к Субудай-Багатуру, трясущимися руками вынул из розового платка большого облезлого петуха почти без перьев, с мясистым, свалившимся на сторону красным гребнем.

— Ты великий полководец! — заговорил старик. — Ты пройдешь через степи и реки! Ты победишь весь мир! Ты первый из первых полководцев! Прими от меня первого из первых петухов! Он поет, как святой азанчи на минарете, всегда в одно и то же время и громче

других петухов! Он будет восхвалять твои подвиги перед восходом солнца! Он принесет тебе новую славу!

Старик поставил петуха перед багатуром. Долговязый петух сделал несколько шагов, высоко поднимая длинные, тонкие ноги.

Что-то вроде улыбки искривило лицо полководца.

— Я спросил — где дервиш Хаджи Рахим?

— Я скажу, где он. Недалеко. Он лежит больной в моей юрте, в юрте старого честного труженика, твоего слуги Назара-Кяризека. Его избили сыны шайтана, чьи-то нукеры.

Субудай-Багатур сдвинул брови.

— Толмач! Возьми двух нукеров и поезжай за стариком. Привези ко мне Хаджи Рахима. Не отпускай этого старика ни на шаг. Если он соврал, пусть нукеры выбьют из него пыль.

— Будет сделано, великий!

Субудай повернулся к юрте, но остановился.

— Я беру этого голого петуха. Что ты хочешь за него?

— Я прошу одного, возьми меня с собой в поход!

— Приведи сперва мудреца Хаджи Рахима.

Субудай направился к юрте шаркающими шагами.

Дервиши завопили:

— Кто накормит нас сегодня? Зачем ты призвал нас?

Субудай пробормотал толмачу несколько слов.

— Тише, — крикнул толмач. — Субудай-Багатур приказал, чтобы вы крепко молились об удачном походе. Кто из вас хочет отправиться в поход на запад, может итти, но кормиться должен сам.

— Ты все можешь! Ты великий! Прикажи сегодня накормить нас...

Субудай-Багатур ответил:

— Я никого кормить не могу. Я только воин, нукер на службе у моего хана. Вы, святые праведники, пойдете в Сыгнак к богатым купцам и скажете им, что начальник монгольского войска приказал купцам всех вас накормить.

Дервиши снова запели и с гулом и криками нестройной толпой направились по степи обратно к Сыгнаку.

17. МЕЧТА ЗАВОЕВАТЕЛЯ

Мы бросим народам грозу и пламя — несущие смерть Чингиз-хана сыны.

Из древней монгольской песни

Монгольские заставы с удивлением пропускали странных спутников, направляющихся к юрте главного полководца Субудай-Багатура. Впереди шел тощий дервиш в высоком колпаке с белой повязкой паломника из Мекки. Его можно было бы принять за обыкновенного дорожного нищего, если бы не просторный шелковый синий чапан с яхонтовыми луговицами, оправленными в золото. Через плечо висела сумка, из которой высывалась книга в кожаном переплете с медными застежками. В руке он держал длинный посох и сплетенный из тростника фонарь с толстой восковой свечой. За дервишем плелся старик в козловой шубе, с кривой саблей на поясе. За стариком ехали рядом на небольших серых конях молодой толмач и два монгольских нукера. Оба монгола без конца тянули заунывную песню. Приближаясь к заставе, они кричали: «Внимание и повинение!» — и затем снова продолжали протяжную песню. Дервиш, приближаясь к дозорным, сдвигал на затылок колпак, и на лбу его блестела овальная золотая пайцза¹ с изображением летящего сокола.

Возле юрты полководца Субудай-Багатура дервиш остановился. Два огромных рыжих волкодава, гремя цепями, прыгали на месте, давась от злобного лая.

Дервиш долго стоял, задумавшись, опираясь на посох. Из юрты слышался голос:

¹ Пайцза — овальная пластинка (металлическая или деревянная), служившая своего рода пропуском или паспортом в монгольском войске и во всех монгольских владениях. Имевший пайцзу пользовался содействием властей, получал от них продовольствие и фураж для лошадей. Пайцзы были различных степеней и соответственно отличались рисунком зверя или птицы. Пайцза высшей степени имела рисунок головы тигра.

— Пусть учитель войдет!

Дозорный, стоявший рядом, толкнул копьем неподвижного дервиша и указал на вход.

В юрте на ковре сидело несколько военачальников, склонившись над круглым листом пергамента, где начерчены были горы, черные линии рек и маленькие кружки с названиями городов.

Толстый сутулый Субудай-Багатур поднял загорелое лицо, уставился на мгновение выпученным глазом на дервиша и снова склонился к пергаменту, тыча в него корявым коротким пальцем.

— Вы видите: от Сыгнака до великой реки Итиля¹ для каравана сорок дней пути. Нам же придется итти в два-три раза дольше. Как только выберем джихангира, войско выступит.

— Да помогут нам заоблачные небожители! — воскликнули монголы, встали и, прижимая руки к груди, один за другим вышли из юрты.

Субудай-Багатур остался один на ковре. Он прищурил глаз, всматриваясь, точно стараясь проникнуть в тайные думы дервиша. Хаджи Рахим стоял неподвижно, спокойно выдерживая взгляд полководца, прославленного победами, известного своей беспощадной жестокостью при подавлении врагов и при разгроме мирных городов.

— Я слышал о тебе, что ты знаешь многое.

— Всю жизнь я учусь, — ответил Хаджи Рахим. — Но знаю только ничтожную крупишку премудрости вселенной.

Субудай продолжал:

— Ты был первым учителем моего воспитанника. Я вожу его с собой уже десять лет через земли многих народов. Он в седле учился быть воином и полководцем. Ты слышал об этом?

— Теперь услышал.

— Я хочу, чтобы он закончил великие дела, которые не успел выполнить его дед, священный «Потрясатель Вселенной»². Я слышал однажды, давно, как ты рассказывал о храбром полко-

водце, Искендере-Зуль-Карнайне¹. Он тоже начал походы юношей. У него были опытные в военном деле советники, которые оберегали его...

Субудай-Багатур зажмурил глаза, отвернулся и некоторое время молчал. Затем снова повернулся к дервишу.

— Бату-хан полон страстных желаний, как пантера, которая видит вокруг себя сразу много диких коз и бросается то вправо, то влево. Возле него должен быть преданный, верный и осторожный советник, который будет предостерегать его и не побоятся говорить ему правду.

— Я араб. Ложь считается у нас пороком.

Вошел дозорный и остановился у входа, приподняв занавеску.

— Внимание и повинование! — сказал он вполголоса.

Субудай-Багатур с кряхтением поднялся и, хромя, медленно направился навстречу. В юрту стремительно вошел Бату-хан. На нем был новый синий монгольский кафтан с яхонтовыми пуговицами в золотой оправе. Молодое загорелое лицо со скошенными узкими глазами горело беспокойной тревогой. Рот слегка кривился хищной улыбкой, на темном лице казались особенно белыми крупные ровные зубы.

Субудай-Багатур низко склонился перед ним:

— Ты хотел видеть ученого мудреца. Вот он!

Бату-хан быстро подошел к Хаджи Рахиму и схватил яхонтовую пуговицу на его плаще.

— Я посылаю за тобой, мой старый учитель Хаджи Рахим. Отныне ты меня не покинешь. Скоро начнется еще не виданный великий поход. Ты будешь моим летописцем. Ты должен записывать мои повеления, мои изречения, мои думы. Я хочу, чтобы правнуки мои знали, как произошло вторжение неодоли-

¹ Искендер-Зуль-Карнайне — Александр Двурогий. Так в Азии называют Александра Македонского, величайшего полководца древности. На монетах его преемников он изображался с рогами, как «сын Юпитера-Аммона (египетского рогатого бога) и царь вселенной».

¹ Итиль — Волга.

² Потрясатель Вселенной — Чингиз-хан.

мых монгольских войск в земли запада. Посмотри сюда!

Он опустил ся на ковер и стал водить пальцем по пергаменту.

— Субудай-Багатур, садись здесь, а ты, Хаджи Рахим, сядь с другой стороны. Вот великий путь, красной, кровавой нитью идущий на запад. Я пойду дальше, чем ходил мой дед. Я поведу войска вперед до конца вселенной...

Бату-хан продолжал говорить, указывая на пергамент, о предстоящем походе, перечисляя названия разных мест и городов. Видимо, он давно продумал план войны.

— Ты будешь описывать каждый мой шаг, прославлять мое имя, чтобы ничто не было забыто.

Субудай-Багатур смотрел в сторону с каменным, равнодушным лицом.

— Я должен продолжить замыслы моего деда. «Монголы — самые храбрые, сильные и умные люди на земле», — говорил он. Потому монголы должны царствовать над миром. Только монголы — избранный народ, отмеченный небом. Все другие народы должны быть нашими рабами и трудиться для нас, если мы оставим им жизнь. Все, кто будут дерзки и не покорятся, будут сметены с равнины земли. Они, как князья, сгорят на монгольских кострах!

Бату-хан обратился к Субудай-Багатуру:

— Скоро ли мы двинемся в поход?

Субудай-Багатур вздрогнул, точно очнувшись.

— Когда прочтем войску заветные Священного Правителя¹ и утвердим джихангира². До этого прошу тебя, Бату-хан, будь особенно осторожен. Держись одиноко. Берегись хмельных пиров. Нельзя подвергать себя опасности перед началом великого дела. Если ты погибнешь, войско поведет другой царевич — Гуок-хан или Кюлькан-хан. Они никогда не сумеют выполнить замысла деда, и войско развалится.

¹ Священный Правитель, или Воитель, — название Чингиз-хана. После его смерти имя его не прозвучало монголами и заменялось другими почтительными словами.

² Джихангир (по-арабски) — покровитель вселенной, титул главнокомандующего.

— Дзех, дзэ!¹ Мне нужно иметь около себя преданного человека, который напомнил бы мне важное и срочное и говорил правду. Кругом я слышу только лесть и восхваления. Ты мне поможешь, мой старый учитель Хаджи Рахим. Я думаю также о смелом юноше, который уступил мне своего белого коня. Его зовут Арапша. Субудай-Багатур, прикажи разыскать его. Он кажется мне верным и не способным на измену и лукавство. А ты, Хаджи Рахим, с сегодняшнего дня начнешь описывать великий поход. Начни с моего поучения: «Великий полководец должен быть загадочным и молчаливым. Чтобы стать сильным, надо окружить себя тайной... твердо идти по пути великих дерзаний... не делать ошибок...»

18. ИЗБРАНИЕ ГЛАВНОГО ВОЖДЯ

Восток быстро разгорался. Золотисто-желтая полоса над горизонтом стала огненной. Наконец, красный шар солнца выкатился на небосклон. Тотчас же раздался свирепый хриплый рев длинных труб, возвестивших начало торжественного праздника.

По древнему степному обычаю, все монголы, сняв шапки и повесив пояса на шею, упали на землю, поклоняясь небесному светилу. Шаманы, ударяя в бубны, нестройным хором запели молитвы и заклинания, прося заоблачных, всегда гневных, богов стать милостивыми, дать успех и благополучие предстоящему походу, просветить ясным разумом головы съехавшихся ханов: пусть они выберут самого сметливого и самого счастливого из монгольских царевичей-чингизидов. Он возьмет в сильные руки псед чингизханова коня и поведет войско для покорения вселенной.

Молодой Гуок-хан сидел первым справа от пустого золотого трона. Дрвольная, счастливая улыбка пробегала по его пухлым губам. Кому же быть джихангиром, как не ему, сыну великого кагана, наследнику золотого трона монгольских повелителей! Он окидывал беспокойным взглядом других ханов, скры-

¹ Дзех, дзэ! (по-монгольски) — да, да! Ладно!

зающих мысли под каменной неподвижностью желтых, застывших в почтительной улыбке лиц. Гуюк-хан часто обращался: его тревожило отсутствие Бату-хана. Его нигде не было видно. Только братья его—Орду, Шейбани и Тангут — с мрачными, настороженными лицами сидели тесной группой в стороне.

Вопли и завывания шаманов резко оборвались. Гуюк-хан, считая себя самым знатным, поднялся, желая говорить. Но хриплые трубы снова заревели, и Гуюк-хан опустил на ковер.

Во всех концах нукеры закричали:

— Слушайте слова Священного Правителя! Слушайте почтительно и с трепетом!

Все бросились на колени, касаясь руками земли, и, подняв головы, слушали, что будет сказано.

Четыре писаря Субудая-Багатура, мусльмане-уйгуры¹, в белых тюрбанах, выбранные глашатаями за свои зычные голоса, встали на четырех сторонах кургана. Держа в руках пергаментные свитки, они одновременно стали читать, стараясь перекричать друг друга:

— Слушайте, непобедимые воины, слушайте! Вот что повелел десять лет назад великий Священный Правитель. Вот какие слова записаны в его завещании: «Мы возвели на высокий ханский престол нашего старшего сына Джучи-хана, подчинив ему западные улусы. Мы повелели ему пойти дальше к закату солнца с войском непобедимых монголов. Мы повелели ему идти покорять вселенную до последнего моря, до того места, куда сможет ступить копыто монгольского коня. Но тайный враг, подобно черной собаке, подползающей в дождливый день, подкрался к моему непобедимому сыну и обратил багатура Джучи-хана в пыль, развеянную ветром. Слушайте, мои верные сподвижники, багатуры и нойоны! Мы назначаем повелителем монгольского войска, идущего на западные страны, моего смелого, до-

блестного внука Бату-хана, сына Джучиева. Он поведет к новым победам и прославит собранный мною монгольский народ, для чего я даю ему знамя с рыжим хвостом моего боевого коня. Мы приказываем нашему верному слуге, опытному в военных делах Субудай-Багатуру, помогать нашему внуку Бату-хану твердо держать золотые поводья. Внуку нашему повелеваем во всем слушаться советов осторожного и мудрого Субудай-Багатура. Тогда Бату-хан сорвет с неба утреннюю звезду, уничтожит всех врагов, покорит вселенную до того места, куда проваливается солнце. Тогда прекратятся мор, голод и засуха и настанет всеобщий мир». Слушайте, воины, таково желание Священного Правителя, таким должно быть и желание всего монгольского народа!..

— Пусть так будет! — закричали монголы и татары, стоявшие на коленях вокруг кургана. — Пусть воля Священного Правителя опять поведет нас войной на другие народы! Пусть указывает нам дорогу знамя с хвостом чингизханова жеребца! Покажите нам его.

Из сотни лихих всадников, стоявших на страже у подножья кургана, выехал молодой смуглый монгол на белоснежном жеребце. Он вихрем взлетел на вершину кургана и осадил бесившегося коня на краю ската. За ним примчались три воина. Средний держал белое пятиугольное знамя с девятью трепетавшими на ветру широкими лентами. На золотом острие древка развевался длинный рыжий конский хвост, хорошо известный всем старым монголам, соратникам непобедимого Чингиз-хана.

— Это Бату-хан! — завывала толпа. — Это Бату-хан, сын Джучи, внук Чингизов! Под ним Сэтэр, белоснежный конь великого бога войны Сульдэ! Веди нас в бой, Бату-хан!

Утреннее солнце ярко освещало золотой шлем Бату-хана, его кольчатую броню и плясавшего горячего жеребца с огненными глазами. Бату-хан натянул золотые поводья и поднял над головой кривую саблю.

— Слушайте, смотрящие мне в глаза мои багатуры! — крикнул он сильным звучным голосом, и равнина затихла. —

¹ Уйгуры — племя, обитавшее близ Алтая. Уйгуры часто служили писарями и чиновниками у монголов и у других племен.

Великий дед мой, Священный Потрясатель Вселенной, приказал мне завоевать все земли на западе до последнего предела, и я клянусь, что с вами, непревзойденные в храбрости багатуры, я сделаю это и проведу кровавую огненную тропу до конца вселенной!

Гул радостных восклицаний прокатился по рядам воинов и затих.

— Я обещаю, что шелковыми тканями оберну животы моих воинов! Я захвачу сотни тысяч быков и баранов и буду кормить мясом досыта все войско. Я обещаю, что каждый получит новую шубу! Впереди богатые страны, где народы разленились от спокойной жизни. С вами, непобедимые багатуры, я покорою трусливые, не умеющие драться народы. Ваши плети будут гулять по их жирным затылкам!

Крики снова пронеслись по равнине:

— Ты настоящий внук Потрясателя Вселенной! С тобой мы покорим все народы!

— Клянусь еще в одном! Я не забыл своих врагов, я разыщу тех ночных желтоухих собак, которые задушили моего отца, и я сварю их в котлах живыми! Хотя бы винозником оказался мой брат, клянусь, что и с ним я поступлю так же! Больше медлить мы не будем! Завтра на рассвете выступаем в поход. Первый сбор всего войска будет на берегах великой реки Итиль. Оттуда начнется буйная и веселая охота на племена и народы. Там я выпущу в бой моих смелых орлов и кречетов!

Новый джихангир, повернув пласавшего белого жеребца, медленно подъехал к юрте Субудай-Багатура. Несколько ханов подбежали к нему, ухватили золотой повод, коснулись стремени и терлись бородой о замшевый сапог Бату-хана.

— Умоляем тебя, великий джихангир! Сойди с коня, сядь на трон, который отныне принадлежит тебе! Радуюсь твоему избранию, мы устроим торжественный пир! Все ханы и кипчакские султаны хотят поцеловать перед тобой землю и выказать тебе преданность и усердие!

Бату-хан снисходительно улыбнулся и соскочил с коня. Ханы расступились, да-

вая ему дорогу к узорчатому ковру перед золотым тронном.

Но молодой воин с белым тюрбаном на длинных черных кудрях, грубо расталкивая ханов, бросился вперед и загородил копьем доступ к трону.

— Назад. Бату-хан! Смотри, что ожидает тебя!

Он с силой метнул копьё в середину узорчатого пестрого ковра перед тронном, и копьё, пробив ткань, исчезло. Воин схватил ковер за край и отвернул его: под ковром зияло черное отверстие глубокого колодца.

Бату-хан вскрикнул:

— Арапша, за мной! — бросился к юрте Субудай-Багатура и исчез за входной занавеской.

— Какие хитрые злодеи, какие желтоухие собаки могли подготовить такую западню? — шептали ханы и теснились к колодцу, стараясь в него заглянуть.

— Субудай-Багатур идет! — пронесся гул голпы.

Старый сторбившийся полководец на кривых ногах, со скрюченной правой рукой, медленно подходил к трону. Вытаращенным неморгающим левым глазом он обвел безмольную толпу ханов и гостей.

— Два дня я отсутствовал и не досмотрел, как черные ночные мангусы¹ подрыли западню возле стоянки джихангира. Пока я жив, этим ядовитым чудовищам не удастся погубить молодого вождя, назначенного Священным Правителем! Я вырву клещами языки всех, кто готовил ему гибель. Посмотрю, будут ли они так же храбры со мною, как были хитры, готовя западню? Мы не станем медлить. Мы выступаем в поход не завтра, а сегодня, сейчас! Сворачивайте шатры! Седлайте коней! Нукары, зажигайте костры!

Кряхтя и еще более согнувшись, старый полководец повернулся и медленно заковылял к своей юрте.

Ветер стих, и в неподвижном воздухе над курганом потянулись к небу девять

¹ Мангусы — сказочные кровожадные чудовища, вампиры, вредящие человеку и обладающие сверхъестественной силой. Войной с мангусами занимались герои-богатыри монгольских былин.

столбов дыма — это расторопные нукеры Субудай-Багатура разожгли приготовленные заранее костры, бросая в них

сырую солому, извещая все кочевые племена, что начался великий поход на запад.

★

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БАТУ-ХАН ДВИНУЛСЯ НА ЗАПАД

...Напрасно думать, что монгольское нашествие было бессмысленным вторжением беспорядочной азиатской орды. Это было глубоко продуманное наступление армии, в которой военная организация была значительно выше, чем в войсках ее противников.

Наполеон

1. ВОЙСКО ВЫСТУПИЛО

С того дня, как старый Назар-Кяризек, держа в красном узелке длинноногого петуха, доставил его в юрту грозного монгольского полководца, факих Хаджи Рахим оказался в полном плену одноглазого вождя Субудай-Багатура, который, фыркая, точно выплевывая слова, сказал:

— Великий джихангир Бату-хан повелел, чтобы ты, его многознающий учитель, всегда находился возле него... Чтобы ты усердно, очень усердно описывал походы ослепительного через вселенную. Да! Чтобы ты имел достаточно бумаги и черной краски и два раза в день получал рисовую кашу и мясо. Ты все получишь—мое слово кремень!— А этот хитрый старик будет о тебе заботиться... Чтобы ты не сбежал, да!.. Ты не будешь скакать, как отчаянный нукер, на неукротимом коне — во время скачки ты растеряешь и перья, и бумагу! Да!.. Ты поедешь на сильном тангутском верблюде. Вы оба будете следовать на нем за мной. А ты, петушинный старик, помни, что если этот ученый книжник будет писать лениво или захочет убежать, то с тобой поговорят мои нукеры и выбьют из тебя пыль, накопленную за шестьдесят лет... Не спорь и не отвечай! Так приказал джихангир и так будет! А тебя, старик, я, сверх того, назначаю сторожем будильного петуха. Разрешаю итти.

Субудай отвернулся, точно забыл о факихе. Два монгола, подхватив под руки Хаджи Рахима, потащили его к огромному темносерому верблюду. По

сторонам его мохнатых горбов, на соломенном седле с деревянными распорками, висели две продолговатые, сплетенные из лозы, корзины-люльки «кеджава». Верблюд с протяжным стоном опустился на колени. Монголы усадили Хаджи Рахима в люльку. В ней было тесно, и колени поднялись до подбородка.

Назар-Кяризек влез в другую люльку. Он вздыхал и недовольно ворчал: — Мне бы лучше боевого коня!.. Подобаает ли старому воину сидеть в корзине!

Он тщательно привязал к корзине сырмятным ремешком своего петуха. Верблюда отвели в сторону и опустили на колени рядом с другими, на которых выючили части разобранных юрт. Назар-Кяризек шепнул сидевшему в раздумьи факиху:

— Все, что сказал этот кривой шайтан, будет исполнено, кроме одного — о еде нам придется заботиться самим. Вечно голодные монголы и крупинки риса нам не дадут, а сами его слопают. Я проберусь к повару нашего свирепого начальника и постараюсь подружиться... Тогда нам найдется, что поест.

Старик вылез из корзины и скрылся. Хаджи Рахим наблюдал шумную суету военного лагеря. Воины бегали, кричали, торопили друг друга. Субудай-Багатур уже потребовал себе коня. Кипчакские женщины с пронзительными песнями разбирали юрты, сворачивали войлоки, сдвигали косые решетки и выючили все это на верблюдов вместе с бронзовыми котлами, железными та-

ганками и чувалами¹. Нукеры волочили пестрые мешки с зерном и мукой, тащили за рога баранов, навязывали на запасных коней переметные ковровые сумы, подтягивали ремни и уносились вскачь, присоединяясь к отряду, который собирался на равнине.

Субудай-Багатур, кряхтя и прихрамывая, подошел к догоравшему костру.

Угрюмый, неподвижный, сутулый, он долго стоял, глубоко задумавшись, точно видя перед собой предстоящие битвы, убегающие испуганные толпы и восходящее солнце боевой славы его воспитанника, покровителя вселенной Бату-хана.

А тот уже подъезжал на белом нарядном жеребце. За ним следовали в три ряда девять телохранителей. У переднего на бамбуковом шесте развевалось пятиугольное белое знамя с трепетавшими от ветра узкими концами. На знамени был вышит шелками серый крик², держащий в когтях черного ворона. Бату-хан был в легком кожаном шлеме, украшенном пучком белых перьев серебристой цапли. Безусый, загорелый, с черными, слегка скошенными, живыми глазами, в синем шелковом чапане с рубиновыми пуговицами, он уверенно сидел на горячившемся коне. Левою рукою он натягивал повод с золотыми бляшками, в правой держал короткую черную плеть.

— Я готов! Смотри, войско уже снимается со стоянки! Смотри, мои отряды торопятся скорее прибыть к великой реке Итиль, чтобы броситься ураганом на дрожжащие от страха племена!

Бату-хан указал плетью на запад. С холма была видна далеко раскинувшаяся равнина. По всем тропам тянулись уходившие на запад конные отряды воинов.

Субудай, очнувшись, повернулся к Бату-хану. Он нагнулся и, кряхтя, коснулся корявыми пальцами сухой земли.

¹ Чувал — большой вьючный мешок, кожаный или шерстяной, часто с ковровым рисунком.

² Серый охотничий крик, несущий черного ворона, считался покровителем рода Чингизхана, так как бедный предок его Бодуанчар жил исключительно охотой его прирученного крикета.

— Я давно готов, — сказал он. — Верно сказал: с таким войском ты накинешь аркан на вселенную!.. — Подойдя вплотную к Бату-хану, Субудай добавил шопотом: — Не отъезжай от меня ни на шаг! Помни, что опасность грозит тебе не с запада, а здесь, среди выкопанных для тебя ям и сладких улыбок предателей!

Бату-хан нахмурился. Его рот скривился. Он отмахнулся плетью.

— Надоели мне они! Скоро ли мы будем за рекой Итилем в Кипчакских ковыльных степях! Вольный ветер тянет меня вперед, подальше от этих мест, где все отравлено изменой, завистью и лестью... — Он продолжал вполголоса: — Я еду, не оглядываясь, и больше сюда не вернусь. Там, впереди, я покорю народы и создам новое, небывалое царство, до которого не дотянется цепкая лапа Каракурума!..

— Хорошо, хорошо! — бормотал Субудай и косился на стоявших поблизости монголов.

2. В ПУТИ

...Все монгольские принцы одновременно двинулись на запад весной года Обезьяны, месяца Джумада-второго. Проведя в дороге лето, они осенью соединились в пределах Бугарских с родом Бату Урды, Шейбана и Тангута (сыновей Джучиевых), которым были назначены во владение те пределы.

Рашид эд-Дин. Летопись

«...С каких облаков я сорву сверкающие молнии разящих слов, в каком озере мудрости я зачерпну прочной сетью серебристую стаю правдивых волнующих мыслей, где я найду раскаленный котел кипящей смолы, чтобы ею начертать полные жгучей жалости и негодования картины горя, отчаяния и безутешных слез, которыми сопровождается каждый шаг вперед монгольского войска?.. Это войско пожирает и уничтожает все, что ему попадает на пути... Каждый человек, женщина или ребенок, становится беспомощными жертвами неумолимых воинов... Всякое сопротивление карается смертью, всякая покорность влечет тяжелое рабство, и ничто не спасает встречного... Где же

ряды смелых удальцов, которые не дрогнут при страшном вое четырехсот-тысячной орды несущих разгром и смерть монголов? Кто отбросит степных хищников, занятых только страстью грабежа и насилия?..»

Так писал Хаджи Рахим, сидя в плетеной корзине, собравшись в комок, держа на коленях лист серой самаркандской бумаги. Он старательно продолжал свои «Путевые записки». Верблюд шел размашистым шагом, не отставая от охранной тысячи «бешеных» Субудай-Багатура.

Хаджи Рахим писал:

«... Выйдя из Сыгнака весной, войско шло на запад в течение всего лета, сухого, знойного, без дождей. Путь, проложенный веками, направлялся от одной степной речки к другой, так что громадное скопище коней не особенно страдало от жажды и бескормицы. Степь зеленела весенними побегам, а чем дальше, тем больше попадалось сохранившихся после весенних разливов поемных лугов, болот и речек с камышами, где было достаточно корма для неприхотливых татарских коней.

Тридцать три тумена, каждый в десять тысяч всадников, шли по тридцати трем дорогам такой широкой лавой, что понадобилось бы три дня пути, чтобы проехать от левого крыла до крайнего правого крыла огромного монгольского войска.

Каждый тумен знает только свою тропу и останавливается особым лагерьем. Передовые разведчики отыскивают для него заблаговременно удобные для остановок места, богатые камышами или луговой травой.

Самое крайнее к северу правое крыло ведет хан Шейбани и с ним два других брата Бату-хана. Каждый из них имеет свой тумен, они поддерживают друг друга и с помощью гонцов находятся в постоянной связи. Они выполняют приказ джихангира: покорить северное, Булгарское царство, лежащее на реке Каме, притоке Итиля. Середину всего войска занимает Гуюк-хан, а дальше, к левому крылу, движутся тумены других царевичей-чингизидов. Гуюк-хан нарочно избрал себе середину

войска — он все еще надеется, что власть над всеми отрядами перейдет к нему, что Бату-хан будет смещен или внезапно умрет — да сохранит его небо от этого! — и тогда, уже без спора, Гуюка объявят джихангиром.

Где находится Бату-хан — никто не знает. Он обычно едет с Субудай-Багатуром, а этот старый одноглазый полководец прославлен своими стремительными переходами и проносится, как ураган. Он со своим туменом внезапно показывается то на правом, то на левом крыле, то в середине войска, делает ночную остановку и опять исчезает в неизвестном направлении.

Бату-хана можно увидеть только вместе с Субудай-Багатуром. Он слушается одноглазого свирелого полководца, как мудрого учителя, если тот что-либо ему почтительно посоветует. Субудай-Багатур относится к Бату-хану, будто тот и умнее, и опытнее. При разговоре старик склоняется до земли, почитая в Бату-хане внука Священного Правителя. У Бату-хана есть своя тысяча джигитов личной охраны. Их называют «непобедимые». Половина этих храбрых всадников ездит на рыжих конях, половина на гнедых. Начальником одной сотни гнедых с самого начала похода назначен молодой воин Арапша. Бату-хан благоволит к нему и всецело ему доверяет с тех пор, как Арапша, в день избрания вождя, спас жизнь молодому джихангиру. Арапша со своей сотней всюду сопровождает Бату-хана и ночью охраняет его сон.

У Субудай-Багатура есть свой тумен. Воины его личной охранной тысячи прозваны «бешеными». Они участвовали вместе с Субудай-Багатуром в его походах, готовы беззаветно выполнять самое опасное приказание своего вождя; из них он готовит начальников отдельных отрядов. Такой порядок был установлен Субудай-Багатуром еще при великом Потрясателе Вселенной — Чингиз-хане...»

3. ОДИН В ПУСТЫНЕ

«У меня нет больше дома с белобородым отцом и сереброкудрой матерью,

нет братьев, — все улетело, как подхваченный вихрем пучок соломы!.. У меня остался один друг — конь хана Баяндера, с плохим седлом. Степной ветер гонит меня по этим равнинам, как слепого волка. Надо пристать к какому-нибудь отряду. Но кто меня возьмет? У меня нет ни меча, ни копыя, я захватил только отточенный обломок ножа. Все идут родами, племенами и никого со стороны в свой отряд не пускают... А кто мечется, как я, тот байгуш, карапшик¹, степной бродяга... Всякий воин вправе отнять у меня моего гнедого и седло, и мой кожаный походный мешок, обвинив меня, что я конокрад, скитаюсь с жадными руками...»

Так угрюмо думал Мусук, сидя на пригорке в бескрайней степи.

Но усталость брала верх. Глаза слипались. Постепенно он погрузился в глубокий сон.

Мусук с трудом раскрыл усталые глаза. Жгучее солнце ослепило его. Большие зеленые мухи кружились над головой. Вдруг он ясно услышал: «Мусук!» Зажмурясь, прикрывая рукой глаза, он разглядел перед собой несколько желтых высоких верблюдов, украшенных нарядной сбруей с красными кистями и бахромой. Маленькие двухместные паланкины с цветными занавесками были укреплены между горбами верблюдов. Там сидели одетые в яркие шелковые платья женщины. Их лица были так густо набелены и подрисованы, что все казались похожими друг на друга. Женщины смеялись, прятались за занавески, одна из них бросила в Мусука горсть фиников и орехов. Тонкая рука с золотыми браслетами кинула ему шелковый мешочек. В это время с дикими криками прискакали монгольские всадники, и верблюды с хриплым ревом зашагали вперед, мерно позвякивая бубенцами и колокольчиками.

Теряясь между холмами, караван удалился, как сон... Но это не было сном! Мусук подобрал на глинистой почве много фиников, орехов, несколько лепешек, посыпанных анисом, и шелко-

вый полосатый мешочек, перевязанный шнурком. Внутри его оказались желтые кусочки льдистого сахара¹, фишашки, миндаль и девять золотых монет. Этот странный подарок Мусук задунил за пазуху.

Солнце уже спускалось с пылающего неба, когда вдали, между холмами, показались всадники. Десять отлично вооруженных джигитов в больших черных овчинных шапках скакали с пиками наперевес на темногнедых отборных конях. Впереди ехал молодой воин в белом арабском тюрбане. Что-то знакомое почудилось Мусуку в его посадке и в строгом, мрачном лице и, особенно, в стройном гнедом коне.

Подъехав к Мусуку, всадник задержал коня.

— Как звать тебя? Где твой отряд? Почему ты валяешься здесь?

Мусук встал и, торопясь, полный отчаянья, рассказал о своем желании участвовать в походе.

С неподвижным, каменным лицом выслушал странный всадник речь Мусука. Он сказал:

— Меня зовут сотник Арапша. Тебя я узнаю: ты раньше был конюхом у хана Баяндера. Я верю тебе и беру с собой. Пока ты будешь на испытании, конюхом, а потом получишь коня, копые и меч. Садись на крайнего коня.

Мусук взобрался на круп коня одного из всадников и ухватился за его пояс. Всадники помчались. У Мусука затлела надежда, что началась новая, более счастливая полоса его жизни.

4. ВОРОТА НАРОДОВ

Хаджи Рахим, сжавшись, как только мог, не замечая покачиваний скрипучей корзины и густой пыли, сядившейся на листы его книги, усердно писал строку за строкой.

«...Войско ослепительного Бату-хана непрерывно движется на запад путем, который искони называется «Воротами народов». Он тянется по равнинам к

¹ Сахар в то время представлял большую ценность. Он добывался в Индии и в Египте из сахарного тростника, был прозрачный, желтого цвета, имел кристаллическую форму.

¹ Карапшик — черная кошка, разбойник.

югу от Каменного пояса¹ и к северу от Абескунского моря². По этому пути некогда прошли из восточных степей воинственные хун-ну, почтенные предки монголов³, и потрясли ужасом западные народы.

Впереди войска скачут разведчики, но и без них путник нашел бы в степных просторах тропу, протянувшуюся через великие Ворота народов. Всюду можно заметить брошенные в давние времена стоянки по валяющимся осколкам побитой, разрисованной посуды. Издалека, точно сигнальные вежи, видны синие курганы, где похоронены неведомые багатуры неизвестных племен... Мир их праху!»

Пока стояла весна, пока всюду еще блестели лужи и перепадали дожди, шествие войска было торжественным и величественным и не столь мучительным, каким оно стало теперь. Когда же настали знойные дни, когда под лучами палящего солнца земля стала высыхать и трескаться, тысячи двигающихся вперед коней и людей начали взбивать облака пыли, закрывшей все небо. Эта тонкая густая пыль совершенно застилает солнце, так что становится темно, как ночью. В нескольких шагах уже нельзя узнать человеческое лицо. Все всадники должны твердо сохранять свое место и в десятке, и в сотне, потому что, если немного отойти в сторону, можно потеряться в толпе, как в камышах, и придется несколько дней искать свой отряд.

Есть что-то страшное в этом безмолвном движении трехсоттысячного войска в полумгле, в клубах взвизывающей пыли, когда кругом видны только тени коней и людей...

На стоянке с яростным ревом опускается на колени тангутский серый верблюд. Из люльки с трудом вылезает

¹ Каменный пояс, или Каменная гряда, — Уральские горы.

² Абескунское море — Каспийское море, имевшее в старину несколько названий.

³ Хун-ну — племена тюрко-монгольского корня, ушедшие в I в. нашей эры из Центральной Азии на запад и в VI в., под начальством Аттилы, вторгнувшись в Западную Европу, где они были известны под именем гуннов.

факих Хаджи Рахим и старик Назар-Кяризек, разминая затекшие, одеревяневшие члены.

Назар-Кяризек сметливый в житейских делах, уходит к повару Субудай-Багатура, говорит ему длинные почтительные приветствия и возвращается от него с горшком рисовой каши или мясной похлебки; иногда он сам печет в золе лепешки или жарит над угольями узкие ломтики мяса, добытого неведомыми путями. При этом он без конца рассказывает сказки или поет разбитым, дребезжащим голосом старинные кипчакские былины.

Хаджи Рахим не может отойти от каравана: верблюд — его жилище. Факих старается записать все, что видит или слышит, беседуя с кем-нибудь из начальников или простых воинов. Он заметил, что великий советник Субудай-Багатур не всегда едет вместе со своим туменом. Часто он уезжает в сопровождении охранной сотни в сторону от главного пути. Иногда по нескольким дням не видно вовсе монгольского полководца, который исчезает вместе с молодым джихангиром. Вечером они внезапно появляются около назначенного заранее места остановки. Хаджи Рахим тогда идет к ним и записывает их замечания.

К заходу солнца караван ускоряет ход. Все, даже животные, знают, что скоро будет вода и отдых, и движутся веселые. Караван-баши¹ посылает разведчиков, которые исчезают с утра, уносясь на легких конях. Они находят ровную площадку и подают знаки издали, поднявшись на холм, поворачивая коня то вправо, то влево, то кружась по дватри раза; все это имеет особое, понятное воинам значение.

Дозорные не подпускают никого из других отрядов к месту стоянки Субудай-Багатура. Каждый отряд должен идти своим путем, не смешиваясь с другими, иметь свой лагерь. Вокруг стоянки Субудай-Багатура располагаются только его личная тысяча «бешеных» и далее, по степи, воины его тумена.

¹ Караван-баши — начальник каравана.

Воины из охраны разводят свои отдельные костры, варят себе в котлах чай с салом и кто что сумел достать. Они располагаются вокруг костров, растянувшись на войлочных пополах. Их стреноженные кони пасутся невдалеке в степи. Коня сами себе находят корм, обедая неприглядные растения и выбивая копытами корни. Они неприхотливы в еде, на них можно проехать, не заботясь, через всю вселенную.

В темноте слышится переключка дозорных на холмах и тягучий возглас, повторяющийся по всей равнине:

— Внимание и повиновение!

Иногда на месте стоянки ставятся шатры. Все понимают и радуются: дватри дня будет остановка и отдых. В шатрах разостланы войлоки и ковры, брошены шелковые подушки. Быть может, предстоит совещание ханов, или готовится праздничная облавная охота.

5. СЕМЬ ЗВЕЗД БАТУ-ХАНА

«...Вместе с передовой отборной тысячей «непобедимых» ослепительного Бату-хана идет особый караван в пятнадцать рослых тангутских верблюдов. Они желто-серые, с сединой, полудикие и свирепые, но очень сильные и скороходные, и во время стремительных переходов Субудай-Багатура почти никогда не отстают.

На этих верблюдах едут «семь звезд» Бату-хана. Так их называют в отряде. Это его семь прекрасных жен. Мудрая мать Бату-хана Ори-Фуджинь перед походом сказала сыну:

— Ты будешь завоевывать новые страны. В каждой стране покоренный народ придет тебе в дар свою самую блистательную и в то же время самую коварную женщину, чтобы погубить тебя. Вспомни судьбу твоего деда, Священного Правителя. Ему в шатер привели тангутскую царевну, и она его изранила, ускорив смерть Величайшего. Не доверяй чужим уговорам, остерегайся вражеских даров! Как на небе ночью, на Повозке вечности¹ светится семь

звезд, так и тебе в пути будут верно и преданно светить, принося счастье и радость, семь лучших красавиц.

Бату-хан, всегда почтительный к матери, ответил:

— Пусть будет так! Но одну из семи я выберу сам. Это должна быть девушка, которую зовут «Утренняя звезда», Юлдуз... Субудай-Багатур, ты мне ее разыщешь!..»

...Через день нукеры Субудай-Багатура разыскали в Сыгнаке несколько девушек по имени Юлдуз. Всех их, трепещущих от страха, привели к Бату-хану. Он обвел девушек скучающим взглядом и указал на худенькую девушку, почти девочку, со слезами на ресницах. Ее закутали в шелковое покрывало и отвели к старой ханше Ори-Фуджинь. Ханша приказала ее раздеть, сама осмотрела, потрогала худые плечи и ребра и нашла, что девочка Юлдуз че имеет внешних пороков, скромна, красива, глаза ее пронзительны, на щеках у нее ямочки, но худа и пуглива, как дикий гусенок.

— Что ты умеешь делать? — спросила Ори-Фуджинь девушку.

— Я умею... доить злую корову, пасты ягнят, вязать пестрые узорчатые носки, печь в золе лепешки с изюмом...

— В дороге все это полезно, — сказала старуха и более ласково посмотрела на девочку. — Еще что ты знаешь?

Бесшумно подошел Бату-хан и слышал ответы Юлдуз.

— Говори, что ты еще знаешь?

— Я могу петь наши кипчакские песни и рассказывать сказки про старого Хызра, про свистящих джинов¹ и про смелых джигитов...

В глазах Бату-хана сверкнули веселые искры, и он переглянулся с матерью.

Ори-Фуджинь милостиво кивнула головой:

— Она может ехать!..

6. СЕДЬМАЯ ЗВЕЗДА

Когда татарско-монгольское войско двинулось в поход, Юлдуз посадили на

¹ Повозка вечности — созвездие Большой Медведицы.

¹ Джинны — вредящие людям сказочные существа, упоминаемые в восточном фольклоре.

седьмого верблюда вместе с рабыней-китайкой, приставленной к ней по приказу ханши Ори-Фуджинь. Юлдуз сидела в кеджавэ под балдахинном, прикрытая шелковой занавеской. На второй день пути она вдруг забеспокоилась, целый день прятала свое лицо под покрывалом и вечером сказала своей рабыне:

— Я вижу невдалеке от нас на верблюде едут двое: старик и дервиш — факих. Если бы они стали спрашивать про меня, не смей им отвечать. Я боюсь этого старика, он мне уже принес несчастье... Сделай так, чтобы меня никто не узнал...

Опытная в женских хитростях китайка на остановке старательно растерла белила, навела румянец, удлинила до висков брови и так разукрасила Юлдуз, что она сама себя не узнала, посмотрев в серебряное полированное зеркальце.

В пути «семь звезд» держались отдельным караваном, имея особую охрану. На передних четырех верблюдах ехали четыре монгольские княжны. Они были из самых знатных кочевых родов, отличались полнотой и длинными косами до земли. За ними ехали две кипчакские княжны. Одна из них была дочерью хана Баяндера. Обе кипчакские княжны обыкновенно усаживались вдвоем на одном верблюде, без конца ботгали и смеялись, а на другом верблюде помещались их служанки. Как-то на стоянке они подошли к Юлдуз, заговорили с ней и рассказали, что каждая из них имеет своего собственного скакового коня, что они будут участвовать в праздничной облавной охоте и на скачках.

— Ты, конечно, рабочая, черная жена!¹ Коней у тебя нет, приданое — твои одежды и украшения — тебе дала ханша Ори-Фуджинь. Бату-хан на тебя и смотреть не станет. Ты будешь обливать чашки, из которых мы пьем.

¹ У народов Средней Азии, у которых было принято многоженство, в более состоятельных семьях обычно жены делились на привилегированных, из богатых семейств, и «черных, рабочих» жен, на которых ложилась вся тяжелая работа по хозяйству.

Юлдуз съежилась, попятилась и прижалась к рабыне-китайке. С неподвижным, окаменелым лицом разглядывала она кипчакских княжен.

— Что же ты не отвечаешь? Ты, коровница, разве не умеешь говорить? Тогда мычи!

Юлдуз опустила глаза и хотела что-то ответить, но не смогла... Она схватила шелковый платок, привычным жестом стала его сворачивать и свернула в куклу, как обычно делают девочки в кочевьях. Наконец она выговорила:

— Уходите отсюда, если я коровница. Если мой хозяин прикажет, я буду мыть чашки, прикажет — я погоню вас в поле хворостиной, как коров...

— Она еще совсем глупый ребенок, — сказала одна.

— И останется глупой на всю жизнь! — добавила вторая, и обе со смехом ушли.

Когда Юлдуз осталась одна, она встряхнула платок, закуталась в него с головой и стала плакать. Не в первый раз она плачет с того дня, как отец и старший брат Демир отвезли ее в караван-сарай невольников и продали чернорабочему купцу в красном полосатом халате, с большим тюрбаном, круглым, как качан капусты. Ей было обидно: ее осматривали, как овцу, назначенную в продажу. Чем она виновата? Она хочет жить хотя бы в самой бедной закоптелой юрте около родника и чтобы к ней каждый вечер приезжал Мусук на своем гнедом коне и рассказывал, что делается в табуне, как дерутся жеребцы, какие родились жеребята и как он отогнал подбивавшихся к ним волков...

Чи-то пальцы нежно коснулись локтя, и тонкий голос прошептал:

— О чем ты плачешь, звездочка?

Это была рабыня, китайка И-Ла-Хэ. Она сидела на коленях перед Юлдуз и с привычной почтительностью быстро кланялась, положив на ковер ладони.

Китайка сказала:

— Ханша приставила меня к тебе, чтобы я научила тебя ходить, петь, кланяться, говорить тонким голосом и красивыми движениями разливать чай в чашки, как это делают знатные женщи-

ны во дворце... Ты хочешь этому научиться?

— Если это нужно, я все выучу, — ответила Юлдуз.

— Этого мало! Я научу тебя рассказывать такие интересные, страшные и веселые сказки, что твой хозяин будет постоянно к тебе приходить, чтобы слушать тебя. Тогда он будет делать все, о чем ты попросишь. Я расскажу тебе сказку о людях, которые ездят по небесному пути в повозке, запряженной ласточками, сказку про бедного пастуха, который заставил дракона выстроить город, где люди не знали слез, и много других сказок...

С этого дня Юлдуз уже не чувствовала себя одинокой. Она видела в китаянке свою защитницу и слушала ее указания, советы и сказки, нужные для того, чтобы красиво и грациозно принять, угостить и развлечь своего господина, когда он захочет навестить ее.

7. БЕСЕДА С ДЖИХАНГИРОМ

...Утром в пятнадцатый день месяца Реби-второго¹ ослепительный призывал к себе в золотисто-желтый шатер Хаджи Рахима.

Бату-хан сидел на куске простого темного войлока, брошенного на бархатный персидский ковер. Хаджи Рахим поцеловал землю и, оставшись на коленях, пригостовил записывать то, что услышит.

Джихангир заговорил шепотом. Его слова иногда летели в таком беспорядке и с такой быстротой, что было трудно записывать, но Рахим старался удержать их в своем сердце.

— Сегодня будет великий совет ханов... День может окончиться кровью, если монголы, потеряв рассудок, начнут рубить друг друга... Тогда новые синие курганы вырастут на тропе Ворот народов... Да, это будет!.. Помнишь великий курултай² моего деда, непобедимого Чингиз-хана? Я хорошо все помню, хотя мне было тогда семь лет... Сперва Свя-

щенный Правитель изредка спрашивал, и все ханы отвечали с усердием и терпением, не перебивая друг друга. Каждый взвешивал на весах осторожности свой ответ. Когда же Покоритель Вселенной начал говорить, слова его падали на сердце, как молния, как удар меча, как прыжок коня через пропасть, прыжок, после которого нет возврата... Никто не осмеливался возражать или высказывать сомнения в удаче похода. Теперь ханы забыли великие правила мудрейшего, единственного. Они грызутся между собой, как это было в наших монгольских степях до того дня, когда Священный Правитель сжал всех в своей могучей ладони... Сегодня на великом совете все ханы, кроме Менгу-хана¹ и моих братьев, захотят сделать меня смешным и жалким, чтобы я, как кабан, пронзенный стрелой, убежал трусливо в камыши... Этого не будет! Или я перебью всех, кто не поцелует передо мной землю, или я сам упаду, рассеченный на куски... Я уже давно бы сломал им всем хребты, но я помню завет деда — «не заводить смут среди его потомков». В их ли руках власть над вселенной? Почему же они раскачивают и подрубают столб, на котором держится шатер рода Чингизова?.. Сегодня я покажу им, по праву ли я держу девятихвостое знамя моего деда!..

Дверная занавеска заколебалась, и большая квадратная ладонь, просунувшись, ухватила за боковую деревянную стойку. Послышались сердитые крики.

— Это чужой! Это не наш! — прошептал Бату-хан, схватил лук, натянул его, и красная стрела, пронзив ладонь, впилась, дрожа, в деревянную стойку двери. Рука исчезла, унося стрелу.

Голоса затихли. Бату-хан ударил колушкой в бронзовый щит. Вошел дозорный в длинной монгольской одежде, в кожаном шлеме с назатыльником, с коротким копьём в руке.

— Кто порывался пройти сюда?

— Гонец от Гуюк-хана. Он пытался оттолкнуть меня, показывал золотую

¹ Месяц Реби-второй — июнь.

² Курултай — совет высших лиц Монгольского государства, аристократов-феодалов и военачальников.

¹ Менгу-хан — друг Бату-хана, будущий великий каган монголов.

пайду и лез без разрешения в шатер. Я вытащил меч и ударил его рукоятью по зубам. Я сказал, что если он сделает еще шаг, то мой меч пронзит его грудь под ребро...

— Ты поступил, как верный нукер, — сказал Бату-хан. — Я возвеличу тебя. Где сотник Арапша?

— Он потащил гонца в свою юрту.

— Для чего?

— Чтобы отрезать ему левое ухо...

Бату-хан задумался, его глаза скосились. Потом он рассмеялся.

— Как тебя звать?

— Мусук.

— Где я тебя видел?

— Ты меня видел, когда я ловил для тебя гнедого жеребца. На нем теперь ездит сотник Арапша. Он меня взял в свою сотню.

— Узнаю Арапшу. Плохо тем, кто становится ему на дороге. Но он не забывает тех, кто оказал ему услугу. Ступай.

Дозорный ушел. Бату-хан снова начал говорить, обращаясь к Хаджи Рахиму:

— Я веду войска на запад и знаю, что я там встречу. Мои лазутчики и купцы, посланные мной в земли урусудов, мне все рассказали... Я покорю урусудов и те народы, которые живут дальше, за ними. Покорить урусудов, этих лесных медведей, будет нетрудно. Они все разбиты на маленькие племена и их ханы-кочазы ненавидят друг друга. У них до сих пор не было своего Чингиз-хана, который собрал бы их в один народ. Я посажу в их городах моих баскаков, чтобы собирать налоги, а сам пойду дальше до Последнего моря — бросать под копыта моего коня встречные народы...

В шатер бесшумно вошел грузный и широкий Субудай-Багатур. Он круто повернулся к двери и, подняв руку к широкому уху, внимательно прислушался. Видна была только его сутулая круглая спина в старом синем шелковом чапане, покрытом жирными пятнами. Затем, недовольно косясь на Хаджи Рахима, он подошел, шаркая кривыми ногами. Бату-хан выждал, пока он выполнил обязательный земной поклоң, и попросил старого полководца сесть рядом.

Субудай опять покосился на Хаджи Рахима и вздохнул, громко сопя.

— Говори все, не бойся! Мой учитель предан мне и молчалив, как придорожный камень.

— То, что я говорил раньше, подтверждается. Гуюк-хан привел сюда, к нашему лагерю, свою тысячу. Я усилил охрану и приказал, чтобы никого близко не подпускали. Другие ханы тоже прибыли, вопреки приказанию, с отрядами по несколько сот воинов. Более крупные их отряды стоят недалеко, и, если ханы поднимут тревогу, войска могут явиться сюда немедленно.

— Что же делать? Драться?

— Это будет видно сегодня вечером. «Бешеные» и «непобедимые» наготове...

8. ВЕЛИКИЙ СОВЕТ ЧИНГИЗИДОВ

Ненависть, гнев и зависть преобладают в природе этого народа.

Рашид эд-Дин

...Вечер был спокойный, без ветра. Легкий дождь прибил докучливую пыль. Кругом пылали костры, и доносился запах жареного бараньего сала.

Ханы подъезжали с пьяным смехом и грубыми возгласами. Они остановили коней в десяти шагах от большого золотисто-желтого шатра — дальше их не пустили тургауды, преградив путь копьями. Ханы хотели гурьбой направиться к шатру, но три главных шамана встали перед ними.

— Проходите между огнями. Мы обкурим вас священным дымом. Он очистит сердце от злых помыслов, прогонит черных духов тьмы.

Часовые стояли двумя рядами по сторонам дорожки, ведущей к шатру. Ханы и их военачальники проходили медленно, останавливаясь около восьми жертвенников, сложенных из камней и глины. На них дымились костры. Шаманы размахивали опахалами, сплетенными из камыша, раздували огонь, стараясь, чтобы дым направился в сторону ханов. Другие шаманы колотили в бубны и громко распевали старинные заклинания.

У входа в шатер двое дозорных под-

держивали копьями дверную занавеску и, наклонившись, наблюдали, чтобы входившие не коснулись ногой священного порога.

Внутри шатра, на высоких бронзовых подставках, горели светильники, распространяя аромат амбры, мускуса и алоэ. Кругом на разостланных пестрых коврах лежали сафьяновые и шелковые подушки. В глубине шатра с потолка спускалась, закрывая заднюю стенку, широкая малиновая шелковая занавеска, расшитая золотыми птицами и цветами.

Субудай-Багатур, в парадной китайской одежде, сверкая золотом, стоял у входа и приглашал входивших снимать оружие и складывать его у двери, затем проходить дальше и садиться по правую сторону. Менгу-хан и четыре брата Бату-хана расположились слева. За ханами сидели их главные военачальники, знатнейшие нойоны¹ и багатуры.

Гуюк-хан, в красных сафьяновых сапожках на очень высоких изогнутых каблуках, вошел последним, переступая мелкими шажками. Его пухлый живот был перетянут парчевым поясом, за который был засунут китайский кинжал с нефритовой рукоятью. Синий шелковый чапан был застегнут большими рубиновыми пуговицами. Под чапаном виднелась малиновая безрукавка, расшитая золотыми драконами.

Презрительно улыбаясь, Гуюк-хан сел в глубине шатра и обвел всех подозрительным взглядом. За ним пытались пройти три монгольских телохранителя, но Субудай-Багатур зашипел на них:

— Назад! Кто вам разрешил входить на совещание князей?

Гуюк-хан вмешался:

— Пусть остаются! Пусть учатся, как управлять!

— Арапша! Выброси их, — крикнул Субудай.

Пришедшие монголы настойчиво лезли к Гуюк-хану. Арапша схватил сзади одного и выволок из шатра. Братья Бату-хана поднялись и вытолкали двух остальных.

Вошли три раба в китайских простор-

ных одеждах и внесли золотые с узорами подносы, на которых стояли простые деревянные аяки¹ с пенящимся белым кумысом. Эти серые обкусанные чашки хранились у Бату-хана как святыня — из них пил когда-то сам великий Чингизхан. Все посматривали с почтением на эти старые аяки, столь обычные в юртах бедняков. Чашь было одиннадцать, по числу ханов из рода Чингизова. Рабы стояли неподвижно, держа подносы на вытянутых руках.

Субудай прошел в глубь шатра и осторожно отдернул малиновую, расшитую золотом занавеску. За ней, на широком и низком троне, отделанном золотыми украшениями, сидел строгий и неподвижный Бату-хан. На нем была переливающаяся искрами, блестящая стальная кольчуга, китайский золотой шлем с назатыльником, украшенный наверху большим, с голубиное яйцо, алмазом. С шлема свисали по сторонам четыре хвоста чернобурых лисиц.

На груди Бату-хана красовалась на золотой цепи большая овальная золотая пластинка, пайцза, с изображением головы разъяренного тигра. Эту пайцзу получил из рук самого Чингиз-хана отец Бату-хана, суровый и смелый Джучи-хан. Голова тигра означала повеление кагана: «Все должны повиноваться хранителю этой пайцзы, как будто мы сами приказываем». На коленях Бату-хан держал китайский меч с длинной рукоятью, блистающей алмазами.

Все затихли, впиваясь взглядами в мрачного джихангира. Он смотрел вперед, поверх людей, с каменным лицом и сдвинутыми бровями, как будто далекий от обычных земных дел.

Гуюк-хан несколько мгновений сидел неподвижно, затем повернулся к сидящему рядом хану Кюлькану и шепнула так, чтобы другие слышали:

— Полевая крыса, которая думает, что похожа на льва!

Субудай-Багатур опустил перед тронном на колени и сказал:

— В этом походе джихангиром объявлен Бату-хан, — он справедливый,

¹ Аяк — чашка для питья, выдолбленная из корня березы или березового напльва.

¹ Нойон — князь.

он безупречный, он смелый! Ему подобает называться «Саин-хан» — доблестный! Все видят золотую пайцзу на его крепкой груди и знают, что означает голова разъяренного тигра. Окажите почет Бату-хану, как будто перед вами сам Священный Правитель. Если все войско будет повиноваться Саин-хану, как оно повиновалось единственному и величайшему, то вся вселенная будет лежать под копытами наших коней. Преклонитесь перед джихангиром!

Братья Бату-хана поднялись, сложили руки на груди и пали ничком. За ними Менгу-хан и некоторые старые полководцы также встали и сделали земной поклон, поцеловав ковер. Семь царевичей, косясь на Гуюк-хана, оставались неподвижными.

У Бату-хана чуть дрогнули губы:

— Раздайте чаши!

Субудай сжался, еще более сгорбился и сделал знак рабам. Они с бесшумной ловкостью обошли всех чингизидов и передали им старые деревянные чаши с кумысом. Таковую же простую чашу взял Бату-хан и, держа ее перед собой, готовился произнести моление.

Гуюк не дал ему этого сделать. Он заговорил, торопясь, желая показать, что он, наследник престола великих каганов, является высшим ханом на этом собрании:

— Первые капли нашего родового кумыса из этих древних священных чашь мы выпьем за процветание, величие, здоровье и могущество великого владыки всех монголов и повелителя ста семидесяти других подчиненных ему народов, хранимого вечным синим небом кагана Угедэя...¹

Некоторые ханы поднесли чаши к губам и стали пить, другие выжидали, поглядывая на Бату-хана. Он продолжал оставаться неподвижным и в наступившей тишине, растягивая слова, громко сказал:

— Первую чашу нашего кумыса мы выпьем в память Священного Правителя, ушедшего от нас повелевать заоблачным миром, того величайшего

воителя, кто приказал начать этот поход, чтобы пронести ужас монгольского имени до последних границ вселенной!..

Бату-хан медленно выпил чашу до дна, оставшиеся капли вылил на руку и провел ею по груди. Все царевичи немедленно припали губами к чашам — разве можно отказать выпить в память великого Чингиз-хана!

Рабы принесли серебряные подносы с золотыми кубками и чашами различной формы и стали их наполнять кумысом из висевшего около двери большого телячьего бурдюка. Все пили за великого создателя монгольской державы и за предстоящие победы.

Бату-хан снова заговорил тихо, но его слова звучали четко в шатре, где все сидели неподвижно, предчувствуя, что теперь могут вырваться наружу тайные злобные страсти, кипевшие у чингизидов.

— Мы сейчас будем говорить о том, что в этом походе полезно и что не нужно. Вот что я хочу вам объявить..

Гуюк дергался на месте, шептался с двумя соседними ханами. Он уже раньше, днем, выпил слишком много хмельного айрана, и глаза его налились кровью. Он закричал хриплым яростным голосом:

— О чем ты можешь объявить? Кто тебя захочет слушать? Тебе ли сидеть на троне, тебе ли начальствовать над войсками? — и, захлебываясь от смеха, Гуюк повернулся к другим ханам: — Не правда ли, что Бату-хан не что иное, как баба с бородой! Я прикажу последнему из моих нукеров побить его поленом!

Приближенный Гуюк-хана полководец Бури во весь голос завопил:

— Га, га! Дай это сделать мне! Я ткну Бату-хана пятаком, свалю его и растопчу!

Царевич Кюлькан смеялся, пьяно взвизгивал и старался перешагнуть через сидевших вокруг него ханов.

— Воткни этой бабе с бородой деревянный хвост! Пропустите меня, я это сделаю!

По знаку Гуюка все его сторонники вскочили и, доставая из-за пазухи ножи, толкая друг друга, бросились к трону.

¹ Угедэй — отец Гуюк-хана, каган (император) монголов.

Голова Бату-хана ушла в плечи, зубы оскалились, глаза обратились в щелки. Он вдруг выпрямился, отбросил в сторону меч и выхватил из-за голенища короткую пlectь. С размаху он стал колотить ею по головам наступавших на него ханов.

— Я проклинаю великим проклятием тех, кто в походе не повинуется джихангиру! А тебе, Гуюк, не бывать великим ханом, как не летать курице над облаками! Назад! На колени!

Вдруг прогремел хриплый, яростный голос Субудай-Багатура:

— Ойе! Урянх-Кадан! Зови «бешеных» и «непобедимых»!

Молодой сильный голос повторил:

— «Непобедимые» и «бешеные», сюда!

Из-за занавески, из кожаных сундуков, из-за скатанных ковров мгновенно выскочили монгольские воины. Они бросились к Бату-хану, подхватили его на руки, и он исчез за полотнищами шатра. Другие воины колотили метавшихся ханов кулаками прямо в лицо, опрокидывали их и тащили за ноги из шатра.

Из-под бокового полога шатра вылез Субудай-Багатур, бережно держа в руках оставленный Бату-ханом его наследственный кривой меч с алмазной рукоятью. Около Субудая строились тесными рядами «бешеные» и «непобедимые». К ним подбегали все новые нукеры. Субудай-Багатур спокойно ждал, пока его сын Урянх-Кадан вместе с другими всинами выносили барахтавшегося Гуюка.

— Где он? — снова закричал Гуюк. — Я раздеру его лицо! Он крыса, а не джихангир!..

Субудай прищурил свой красный глаз.

— «Непобедимые», готовьтесь! — крикнул он.

Нукеры ударили ладонями по рукояткам, и с резким лягом вытащили из ножен кривые мечи, а Субудай продолжал, наступая на Гуюка:

— Великое, непобедимое войско ведет назначенный Священным Воителем джихангир Бату-хан и повелевает тебе, Гуюк-хан, сейчас же, не переводя дыха-

ния, выехать к берегу великой реки Итиль и дожидаться там у того места где в нее вливается речка Еруслан¹.

Гуюк опять загорелся гневом:

— Ты не смеешь так говорить со мной, наследником золотого трона! Ты, бродяга, пастух, возвеличенный моим дедом! Молчи, мой слуга косоглазый, калека, и повинуйся!

Субудай, шипя и задыхаясь, подскокил на месте. Он тихо проговорил:

— Да! Я слуга! Я исполняю волю моего и единственного для всех здесь повелителя, джихангира Бату-хана! Для него я нукер и слуга! Кто спорит, тот будет сметен с пути! Кто не выполнит приказа, будет рассечен на девять частей! Ойе, «непобедимые», первый десяток! Посадите охмелевшего хана Гуюка на коня! Скрутите ему локти! Он еще слишком молод. Айран ударил ему в голову. Одним духом отвезите молодого хана в его лагерь! Сдайте его на руки нойону Бурундаю и немедленно скачите назад. Если меня уже здесь не будет, догоняйте! Вперед, уррагх! Уррагх!..

Нукеры, державшие Гуюк-хана, скрутили ему руки за спиной и поволокли его к коням.

9. НА БЕРЕГУ РЕКИ ИТИЛЬ

Была пора: татарин злой шагнул
Через рубеж хранительный Волги.

Орест Миллер

Монгольское войско, вышедшее из Сыгнака ранней весной, прибыло к берегам Итиля поздней осенью. Переход через степи до первых рубежей земель урусутов, болгар и других непокоренных народов, продолжался полгода. Бату-хан и «у стремени его» Субудай-Багатур прибыли во главе передовой тысячи «неодолимых» к берегам великой реки Итиль. Всадники, покрытые густой пылью, забыв порядок, рассыпались по

¹ Еруслан — левый приток Волги, около 40 км выше Камышина. Близ слияния Еруслана с Волгой, на возвышенной равнине, находятся 17 курганов, один из них громадной величины. Существует предположение, что здесь было или татарское кладбище, или поле битвы, на котором погребены тела павших воинов.

береговым песчаным холмам, пораженные величественной, могучей рекой, которая свободно несла обильные воды.

— Если ее запрудить, — толковали монголы, — вода в один день поднялась бы до неба!

Воины стояли на холмах, с трудом сдерживая потных коней, тянувшихся к воде.

— Это не то, что наш глубокий Керкулен или золотой Снон, которые мы переходили вброд... Попробуй-ка переплыть эту реку... Однако упрямый Субудай перетопит половину войска, но если он решил переправиться здесь, то он заставит нас плыть...

Бату-хан, в кожаном шлеме, закутанный в плащ, на белом жеребце, потемневшем от пыли, спустился к берегу.

Беспокойные серые волны набегали на песок, выбрасывая клочья дрожащей от ветра пены, и перекатывали большие полосатые раковины.

— Здесь кончились наши монгольские степи, — сказал он подъехавшему Субудая. — Там, за рекой, все будет другое! Там засверкает наша слава!..

На противоположном берегу реки по отлогим холмам тянулись кудрявые леса, уже тронутые золотом осени; кое-где яркими малиновыми пятнами выделялись заросли осины. На холмах подымались две высокие сторожевые башни, сложенные из бревен. Песчаные отделились от зеленых берегов. Стаями проносились кулики, утки и другие птицы. По берегу лениво брели несколько коров. С горы сбегали две женщины и, стегая коров хворостинами, угнали их в лес.

— Наш обед от нас уходит, — заметил монгольский воин.

Войску была объявлена остановка. На равнине повсюду задымили костры. На другой день сотник Арапша сказал Мусуку:

— По приказанию начальника тысячи Кунджи тебе поручается важное дело: поймай и привези какого-нибудь человека из живущих по этим берегам. Здесь, должно быть, много людей рыбачит и сеет ячмень, — всюду видны по-

севы и в воде у берега привязаны сетки-мережи. На другом берегу заметны узкие черные ладьи. Я дам тебе в помощь нукеров.

Мусук и пять монголов отъехали от берега в ковыльную степь, нашли тропинку, чуть не увязли в болоте и едва выбрались, вытянув друг друга арканами. Потом снова приблизились к реке и пошли украдкой, ведя коней на повоу.

Сверху, скользя по быстрому течению, показалась большая лодка. Четверо гребцов сильно ударили по воде длинными веслами. На корме рулевым веслом правил в виду знатный человек в темномалиновом бархатном кафтане, расшитом золотыми цветами. В его ногах, на дне лодки сидело еще двое молодых с длинными ножами за поясом. Лодка с разбега врезалась в песчаный берег. Гребцы, сложив весла, с копьями в руках прыгнули на песок и подтянули лодку.

Человек в бархатном кафтане сказал властным звучным голосом по-татарски:

— Я посол от великого племени рязанского, князь Глеб Володимирович. Еду приветствовать вашего великого хана, пожелать ему благополучия и много лет царствования... Далеко ли мне еще ехать?

— Если поедешь с нами медленно, — будешь у Бату-хана через три дня. Если захочешь проскакать быстро, — будешь ехать сто дней и его не встретишь, а найдешь себе могилу на перекрестке трех дорог...

— Тогда я поеду вместе с вами. Укажите мне дорогу, в убытке не останетесь.

Мусук старался рассмотреть знатного человека, сидевшего в лодке. Он был уже не молод. Черная окладистая борода с сильной проседью ниспадала на широкую грудь. Бархатная шапка, отороченная бобром, была не нова и сильно выцвела. Да и красивый цветистый кафтан был поношен. Суровое лицо и пристальные черные глаза смотрели тяжело и неприветливо. Видно, человек этот когда-то жил в большой чести и довольстве, а с тех пор видывал виды, и жизнь его сильно потрепала.

Князь долго спорил с монголами, как они будут ехать, и наконец порешили на том, что знатный посол в лодке поплывет близ берега, а монголы верхом будут держаться поблизости.

10. ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ИТИЛЬ

Подходя к Итилю, все монголо-татарские войска получили приказ джихангира в три дня переправиться на другой берег. Гонцы носились вдоль лагерей. Некоторые отряды еще не прибыли и где-то тянулись позади по выжженной солнцем равнине.

Субудай-Багатур о многом позаботился заблаговременно. Сверху, из царства Булгарского¹, прибыла тысяча двадцативесельных просмоленных лодок. Этот подарок прислал Бату-хану его брат Шейбани-хан по просьбе одноглазого полководца. В лодках сидели полуголые, в отрепьях гребцы-булгары, ставшие от жгучего солнца темными, как сосновая кора.

Лодки остановились в устье Еруслана и вдоль берега Итиля. Субудай-Багатур выделил сто лодок и приказал, чтобы в каждую лодку вошли по двадцать нукеров, имея с собой лишь седло, переметные сумы и трехдневный запас ячменя для корма коня. Коня же сами переплывут реку.

Было яркое, теплое осеннее утро. Река спокойно несла прозрачные воды, лежась под ласковыми лучами солнца. В этом месте река была очень широка, коням придется плыть с трудом. Как-то они справятся с течением?

Арапша со своей сотней должен был переправиться первым. Он стоял на песчаном берегу и измерял взглядом ширину реки. Смелости-то хватит, а вот хватит ли силы? К нему подошел коренастый монгол в синем, длинном до земли чапане, с загорелым, молодым лицом. Из-под отворотов войлочной шапки смотрели властные, холодные глаза. Это был сын Субудай-Багатура Урянх-Кадан, выдвинувшийся в китай-

скую войну решительностью и смелыми набегами.

— Я узнал, что мой почтенный отец поручает тебе первому переправиться на тот берег. Дело не только в переправе. Приготовился ли ты к битве? На той стороне собрались неведомые всадники. Сколько их — неизвестно. Они могут вступить в бой. Кто они — саксины, куманы, буртасы¹ или урусуты — не все ли равно! Надо их отогнать, занять берег и отослать все лодки сюда обратно. В каждой лодке должны остаться пять нукеров присматривать за гребцами, не то на обратном пути булгары захотят убежать от нас вниз по реке. На конях надо оставлять оброти² или уздечки и связывать их чембурами³. Слабые кони должны плыть около лодок, их следует поддерживать за повод. Мой почтенный отец дает в твои руки старого крепкого жеребца, своего любимого саврасого, который покажет другим коням, как надо плыть. Он уже переплывал и серебряный Енисей, и Черный Иртыш, и многоводный Джейхун⁴.

— Я сберегу драгоценного коня! — сказал Арапша. — Только зачем посылать обратно для присмотра за гребцами по пять нукеров. Достаточно одного! Кто осмелится ослушаться одного монгола?

— Осторожность в большом деле не вредит! — ответил Урянх-Кадан.

Субудай-Багатур, сутулый и грузный, стоял недалеко на берегу, возле саврасого жеребца с широкой грудью, черной гривой и длинным черным хвостом. Субудай гладил его толстую мускулистую шею, что-то шептал ему в мохнатое ухо, опять гладил и ласкал, и кормил его кипчакской просяной лепешкой. Саврасый кивал головой и, казалось, молчаливо соглашался поддержать славу монгольского коня.

¹ Саксины и буртасы — исчезнувшие племена, жившие в низовьях Волги. Куманы — половцы.

² Обротъ — конская уздечка без удила с одним ремнем.

³ Чембур — длинный ремень, идущий от уздечки, служащий для привязывания коня.

⁴ Джейхун — Аму-Дарья.

¹ Булгары — народ, живший в низовьях Камы.

Субудай сам свел жеребца к реке и вошел вместе с ним в воду, еще раз что-то шепнул коню на ухо и ударил его ладонью:

— Уррагх! Вперед!..

Жеребец наклонил голову к воде, понюхал, фыркнул, поиграл ногой и решительно направился вперед. Возле него бодро шагал стройный гнедой конь Арапши, за ними следовали кони всей сотни.

Тысячи монголов взобрались на береговые холмы и наблюдали, как их кони сами поплывут через великую реку.

Сперва пришлось идти через песчаную отмель, за которой сразу начиналась глубина.

Саврасый погрузился первым, за ним гнедой; только лоб и торчащие уши подымались из быстро несущейся, блестящей на солнце воды. Два-три следующих коня бодро поплыли вслед за ними, потом другие, наконец весь табун исчез в волнах, и только торчащие уши и слегка всплывавшие головы показывали, как движутся кони, стараясь преодолеть могучее течение Итиля.

В это время первые большие черные лодки выдвинулись из устья Еруслана. В них поспешно садились воины, сверкая оружием, некоторые вели за собой более слабых коней. Гребцы опустили в воду длинные белые весла, взмахнули ими, и лодки медленно поплыли.

Правый берег быстро приближался. Вот желтые, песчаные обрывистые берега, заросшие серебристой осокой. Дальше видны убегающие люди. Они на бегу мечут стрелы из небольших луков. Несколько стрел ударило в борта лодок, другие плеснули по воде. Монголы отвечали из лодки, натягивая тугие огромные луки, ловко попадая длинными стрелами в ближайших противников.

Лодка зашуршала по песчаному дну. Нукеры соскакивали прямо в воду, тащили седла, бежали к своим коням, которые подплывали к берегу ниже по течению реки. Конь Мусука почувствовал дно и попытался встать на ноги, но две стрелы впились ему в бок. Вода окрасилась широким алым пятном.

Конь, изгибаясь, снова завалился в воду.

Табун коней во главе с саврасым жеребцом Субудая уже выходил на песчаную отмель. Монголы бежали к коням, набрасывали седла на их мокрые блестящие спины, подтягивали подпруги, садились и взбирались вверх по песчаному откосу, готовые к бою.

Арапша выскочил из лодки и оглянулся.

Далеко за блестящей гладью реки был виден левый берег. На нем, как муравьи, двигались пешие и всадники огромного монголо-татарского войска. Черные лодки, взмахивая белыми веслами, уже плыли обратно к оставленному берегу, а им навстречу плыло множество других лодок, и всюду на глади реки виднелись торчащие уши и морды фыркающих коней.

Раздался громкий голос Арапши:

— На коней! Живее! Готовьтесь!.. Вперед!..

И монголы с дикими криками бросились преследовать убегающих воинов неведомого народа.

Бату-хан некоторое время оставался близ горы Урака. Он приказал переправившимся через реку передовым отрядам двинуться вперед, в великую Половецкую степь, и там начать погоню за быстро уходившими на запад и на юг половецкими племенами.

— Кто будет сопротивляться, — говорил Бату-хан, — того уничтожить! Кто из половецких ханов покорится вместе со своими родами, пусть присоединяется к войску, но его скот и все имущество должно послужить для монгольских воинов как военная добыча. Для кипчаков, половцев и других племен — великая честь вступить воинами в мое великое войско. Своими победами они приобретут новые богатства...

11. ЗЛАЯ НОЧЬ

Ты откудава, удамый добрый молодец,
Ты коей земли, коей орды?
Как ты нуть зовут по имечку,
Величают по изотчине?..

Из древней былины

Итиль бушевал, волны яростно бились о крутые берега. Ветер потрясал

шатры, точно пытаюсь сбросить их в реку. Потоки дождя обрушивались на татарский лагерь.

Воины, проклиная злых урусутских мангусов, встретивших их холодом и бурей, дрогли около угасавших костров.

В шатрах было холодно, сыро и мрачно. Верхние отверстия были затянуты войлоком. Огоньки тусклых светильников колебались при каждом порыве ветра. Длинные дрожащие тени падали на стенки.

Арапша прошел вдоль шатров, проверяя охрану. Итти было трудно, темно, в двух шагах ничего не видно. Ветер сбивал с ног. Арапша повторял нукерам:

— Злая ночь! Берегитесь! Такие ночи любят враги.

Арапша вошел в юрту джихангира.

Бату-хан, сидя на пушистых шкурах, беседовал с верным своим советником Субудай-Багатуром. Арапша почтительно остановился у входа.

— Злые боги урусутов,—говорил Бату-хан,—нагнали бурю, ливень и холод на моих храбрых воинов, чтобы напугать нас, чтобы не пустить нас в свои земли.

Резкий порыв ветра потряс стенки шатра. Бату-хан поднял голову.

— Слышишь, как ревет Итиль? А мы все же его переплыли!

Бату-хан умолк и снова прислушался к яростному реву волн. Сквозь шум непогоды донеслись спорящие голоса.

Арапша вышел из шатра. Он вскоре вернулся.

— Какой-то человек хочет видеть тебя, ослепительный! Он говорит, что знает важное.

— Пусть войдет.

Арапша приоткрыл дверь. Свистящий порыв ветра вырвал и швырнул в юрту дверную занавеску, обдав холодом и ледяными брызгами. Пламя заколебалось. Стало темно.

Светильник, мигая, разгорелся. Тусклый огонь снова осветил юрту. У двери стоял высокий худой человек.

Незнакомец снял темный колпак с мокрым бобровым околышем и отряхнул

его. Он шагнул вперед и опустился на ковер.

— Кланяюсь великому царю мунгалов! — проговорил он хриплым, низким голосом. — Слава твоя летит впереди твоего могучего войска.

— Будь гостем, — милостиво отвечал Бату-хан. — Что привело тебя сюда в такую непогоду?

Монголы с любопытством разглядывали ночного посетителя. Он говорил по-татарски, но не был похож на скуластых куманов. Большой нос с горбинкой придавал хищное выражение его худому и костлявому лицу. Из-под нависших густых бровей горели темные, глубоко сидящие глаза. Он часто проводил по длинной черной с проседью бороде узловатой, сухой рукой.

— Великий хан! Ты видишь перед собой не простого путника, а человека, рожденного богатым и сильным. Я великий князь — Глеб Владимирович Рязанский!

Бату-хан прищурился.

— Ты посол от Рязани, коназ Галиб? Почему же ты один?

Князь Глеб поморщился.

— Нет, великий хан! Не послом пришел я к тебе. Я пришел предложить тебе стать твоим союзником.

— Что это значит?

— Я знаю все дороги и города великой русской земли. Я буду тебе полезен.

— Субудай-Багатур! Покажи коназу землю урусутов.

Субудай-Багатур развернул на ковре лист пергамента.

— Вот, коназ, смотри: вот Итиль, вот твоя Рязань, вот Ульдемир¹. Здесь все урусутские города, и реки, и дороги.

— Чертеж земель русских! Откуда? Как ты мог промыслить его?

— Я все могу! — Бату-хан положил руку на пергамент. — Вот так земля урусутов будет под моей рукой! Я заставлю всех покориться мне! Может, ты за этим пришел, урусутский коназ?

Князь Глеб, пораженный, молчал. Бату-хан продолжал, явно насмехаясь.

— Где же твои покорные нукеры?

¹ Ульдемир — Владимир.

Где твой народ? Где твои подарки, великий коназ Галиб?

— У меня больше нет ни народа, ни дружинников, ни богатства! Враги отняли у меня все. Мне пришлось бежать. Уж много лет я живу изгнанником среди половцев.

Бату-хан нахмурился.

— Чего же ты хочешь от меня?

— Я хочу помочь тебе разметать моих врагов.

— Кто твои враги?

— Князя, правящего теперь Рязанью.

— Я сам наказываю своих врагов! Когда мы придем, погибнут все, не только конази.

— Я ненавижу весь народ рязанский! Рязанское вече меня изгнало!

Бату-хан взглянул на мрачно молчавшего Субудай-Багатура.

— Что скажешь ты, мой мудрый советник?

— Бессмертный воитель, твой великий дед оставил в подчинение потомкам мудрые законы «Джасак». Они говорят, что «лазутчики, лжесвидетели, все люди, подверженные постыдным порокам, и колдуны — приговариваются к смерти».

Князь Глеб невольно отшатнулся. Бату-хан смотрел на него прищуренным глазом.

— Коназ Галиб! Не союзником моим ты будешь, а послушным нукером. Если ты захочешь обмануть меня, то простишься с жизнью. Можешь идти! Арапша, позаботься о нем!

Князь Глеб склонился до земли, ожидая приветливого слова. Бату-хан отвернулся. Субудай-Багатур смотрел прямо перед собой немигающим глазом. Арапша с каменным, неподвижным лицом открыл дверь юрты.

Черные глаза князя злобно сверкнули. Он шагнул в ненастную тьму.

★

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МОНГОЛЫ НАДВИГАЮТСЯ НА РУСЬ

1. СТАРШОЙ ЛЕСОВИК

Перед той перед бедой, за великой рекой Боры древние загорались...
Загорались боры древние, дремучие,
Черный дым стоял, застил солнце на небе...

А над теми над борами из-за поल्या, Из-за дыма птицам лететь нельзя...

Тогда по земле вести пошли,
Вести страшные, вести ратные...

Из Рукавишников «Ярило»

Нелюдимый и угрюмый Савелий Севрюк, по прозвищу Дикорос¹, жил на берегу уединенного озера, затеря-

¹ В XIII в. у русских людей, помимо христианского имени, было второе имя, обычно древнеславянское (напр. Булатко, Гневаш, Шолох, Прокуда, Шестак и др.). Из этих имен образовались фамилии: Севрюков, Ваулин, Прокудин, Звягинцев, Шестаков, Шолохов и т. п. Вторым именем могло быть не только прозвище (не обязательно языческое) но и другое христианское имя.

В то время верили в заклинанья, в «черный глаз», в напускание порчи. Поэтому данное при крещении имя скрывалось, чтобы не «сглазили», а в обиходе употреблялось второе имя.

ного в глубине вековых рязанских лесов. На небольшой поляне стояли избы выселка и бревенчатая часовенка. Кругом густо росли пышные кусты малины и смородины. И поляна, и выселок назывались «Перунов бор».

Говорили старики, что здесь раньше жили колдуны, поклонялись деревянным истуканам. Один такой истукан, трухлявый и вросший в землю, лежал в малиновых кустах среди ельника.

Во все стороны тянулись топкие болота и бездонные трясины, по которым едва заметными тропами пробегали только зайцы. Эти топи засосали немало неосторожных охотников, прельстившихся заманчивыми изумрудными лужайками.

В выселке, кроме Дикороса, жило еще несколько крестьян-лесовиков. Ближайшего соседа справа звали Ваула. Был он мордвин и бежал со своей родины в поисках лучшей доли. Ростом невысо-

кий, черноволосый и рябой, он и жену имел такую же низкорослую и рябую. Между собой они говорили по-мордовски, отчего и пошло крестьянину прозвище «Ваула» (шепелявый). Детей у них была полна изба — все маленькие, юркие и черноглазые, как мышата.

Другим соседом Дикороса был Звяга, пришедший из Рязани, высокий, худой и костлявый. Жил Звяга в небольшом срубе, крытом дерном и пластами бересты; в избе его главное место занимала глиняная печь. Детей было много, все беловолосые, вымазанные копотью, так как изба топилась «по-черному», трубы не имела, а дым из печи уплывал через волоковое оконце над дверью. Жена Звяги, тоже худая и высокая, едва успевала и по хозяйству, и по работе в лесу: она помогала мужу летом рубить вековые сосны и ели, а зимой вывозить их по льду в ближний монастырь.

Был на выселке еще крестьянин Лихарь Кудряш. Пришел он из Суздальской земли позже других, вместе с молодой женой. Вдвоем они нарубили ровных сосен, свезли их по первопутку на поляну, поставили себе сруб и пристройку для скота. В новой избе родилась дочка, назвали ее Вешнянка. Заболела жена горячкой и вскоре умерла. Выгесал Кудряш из липового кряжа гроб, похоронил тело молодой жены под березкой и остался с маленькой дочкой жизнь вековать вдовцом. Кудряш вскормил ее с рожка, через коровью соску, потом часто уходил то на постройки в Рязань, то в «Дикое поле»¹, где кочуют половцы, торговать у сторожевых застав; то он неделями пропадал в лесу, где ловил силками и западнями белок, горностаев, куниц и других зверьков. А Вешнянка тем временем жила как родная в избе соседа Дикороса.

В поселке считали Савелия Дикороса за старшего — он раньше других посе-

лился в Перуновом бору и всем показывал пример: когда начинать пахать, когда сеять, не боясь утренних холодов, или отвозить по замерзшим трясинам лещей, моченые ягоды и соленые грибы для монастыря. Дикорос был ширококостный, крепкий мужик с угрюмым взглядом из-под нависших на лоб волос. Своими руками, своим горбом отец и дед Дикороса расчистили лесную чащу, выкорчевали и выжгли старые огромные пни. Первыми засеяли они вспаханную и засыпанную золой целину — сперва овсом, а в следующие годы рожью и коноплей.

С радостью ушел бы Дикорос еще дальше в глубь лесов, чтобы работать на приволье, без чужого хозяйского глаза, но все равно не скрошется от длинной руки монастырского сборщика в подряснике или княжеского тиуна¹ с острыми хищными глазами, все равно сыщут и доберутся до распаханных мест и начнут высчитывать и надбавлять дань². Крякнет Дикорос, бросит в сердцах о землю собачий колпак, тряхнет космами и прогудит:

— Сделайте милость, повремените с данью! И коню дают передышку, пускают на луга пастись. Так зачем же добивать человека? Ведь работаю один, не покладая рук. Когда еще подрастет мне подмога! Сынишка еще мал.

И опять Дикорос налегал на рогаля³, или брал тяжелый топор и принимался за привычную работу: валить столетние стволы, прорубать просеку или, по пояс в грязь, выводить из болота канаву.

Всю надежду Дикорос возлагал на единственного сына. Пока тот был мал, звал он его Глузырем⁴, а как паренек стал подрастать и в работе оказался сметливый и расторопный, дали ему соседи кличку Торопка. Было у мальчика и другое имя, каким при крещении наградили его старый поп на погосте, да

¹ Дикое поле — так назывались вольные степи к югу от Рязанского княжества, где кочевали с тысячными стадами и табунами половецкие ханы. Около рязанских пограничных застав и сторожевых крепостей возникали временные поселки, куда приезжали половцы и устраивали меновую торговлю, обменивая кожи, баранов, быков, лошадей, шерсть на русское зерно, муку, меха, бортный мед и пр.

¹ Тиун — доверенный приказчик князя, управляющий, сборщик, часто из крестьян.

² Налоги и подати крестьян (смердов) в то время назывались «данью». Князь посылал за «данью» тиунов, иногда объезжал сам.

³ Рогали — рукоятки сохи.

⁴ Глузырь — птенец (старинн.)

то имя нелегко вымолвить: Анемподист. Высокий, вихрастый, в веснушках, с крепкими руками, он походил в работе на отца: и дерево срубит, и целину вспашет, и стрелой из лука собьет прыгающую по веткам веселую белку.

Была в Перуновом бору еще вдова, звали ее Опалениха. Считалась за крестьянина — и землю сама пахала, и дрова рубила, и на озере сетью ловила карпов и лещей.

Овдовела она с тех пор, как в низовьях Оки поволжские разбойники забрали у нее двух детей, мальчика и девочку, и продали болгарским купцам. А мужа, пытавшегося отбить детей, разбойники бросили в костер, отчего он и помер. С тех пор пошло ей прозвище — Опалениха. Переселилась Опалениха в Перунов бор. Работой хотела тоску приглушить. Завела несколько овец. Они у нее жили и плодились, тогда как у других овец погибали.

Опалениха все детей своих вспоминала. Крепко привязалась она к Вешнянка, больше других соседей нянчила ее, а в голодный год¹ подобрала на погосте двух сирот, стала их кормить и пестовать как родных детей.

2. ПРИШЕЛЬЦЫ «МИРА»

Редко кто заходил в Перунов бор. Лежал он в сторонке от большой дороги, и чаще, чем люди, туда заглядывали звери: то огромный лось-сохатый с лосихой и теленком, то неуклюжий медведь, то вылетит на поляну стройный пятнистый олень, спасаясь от рыси, а зимой подходили к избам волчьи стаи, и кругом по пашням петляли и жировали зайцы.

Зимсю, когда топкие болота затягивались прочным льдом, к глухому озеру приезжали из «мира»² два странных всадника и с ними слуга. Сидели они на

отборных конях, и оружие их было в серебре. Один, молодой и с виду силы изрядной, часто шутил и быстро сдружился с обитателями Перунова бора. Другой был мрачный старый монах, с длинными полуседыми волосами, в черном подряснике под полушубком, в остроконечной скуфейке.

Они расспрашивали Кудряша и Дикороса о диких зверях, где замечены медвежьих берлоги, где проходили сохатые. Затем переодевались сподручнее для охоты. Монах сбрасывал долгополую одежду, надевал заячий треух, полушубок и брал рогатину. Оба становились на лыжи и вместе с Дикоросом, Кудряшом и Торопкой уходили загонять лося или подымать медведя из берлоги; целые дни бродили по лесу, пока не находили и не валили зверя.

Вернувшись к ночи в избу Дикороса, охотники ели щи из сохатины и рассказывали, какие с кем бывали случаи на охоте. Как-то Дикорос спросил старого монаха:

— Отчего ты, отче Эпимах, надел на себя черную рясу? Тебе бы меч или копье были куда сподручнее. Ты дивно ловкой на медведя. Твое дело ходить на бой, а не отбивать земные поклоны.

Монах ответил:

— Не думаешь ли ты, что мне, витязю Ратибору, привыкшему полевать¹ в диких степях половецких, было радостью скинуть бранную кольчугу? Да по своей ли я воле в монастыре стал заточенником? Встал я кой-кому поперек дороги, и вот пришлось смириться и уйти в глухую обитель... Князей и князьков развелось теперь много, все щелкают зубами, кормиться хотят и приглядываются, на какой бы стол поближе приступить. Ну и пусть себе князья грызутся! А я сижу в своей келье, пишу летописи о том, что слышу, добавляю то, что помню из моей долгой и бранной жизни... А когда за мной заезжает молодой витязь Евпатий, я бросаю гусиные перья и беру медвежью рогатину... Любо мне плечи поразмять да попробовать силушку один-на-один с медведем...

¹ Полевать — воевать в степи.

¹ За восемь лет до татарского нашествия была страшная засуха, все поля погибли, а затем объявили мор и начался голод, продолжавшийся два года.

² В глухих лесных деревушках «миром» обычно называли густо населенную часть области. Отправляясь из лесу в большие села или города, говорили: «поехал в мир», «вернулся из мира», «что слышно в миру?»

Однажды зимою в Перунов бор заехал бродячий торговец в санях с плетеным из ивы коробом, запряженным парой мохнатых лошадок. В коробе торговца хранилось много заманчивого товара: иголки, цветные ленты, нитки, платки, шитые цветами, стеклянные бусы, медовые пряники. Денег торговец не брал; искал он только в обмен мехов: кунных, лисьих, бобровых и других. Торопка выменял у него на связку белых шкурок зеленые стеклянные бусы и подарил их Вешнянке.

Торговец был не русский. И шапка у него иная, горшком, обмотанная белым полотенцем, и голенища сшиты из цветных кусков сафьяна, и кафтан особого покроя. Бабы сразу заметили, что кафтан его застегивался не на правую сторону, как у всех православных христиан, а налево — как у басурман или у лешего.

От торговца обитатели Перунова бора впервые услышали о приходе с востока из степи страшного народа, который никого и ничего не щадит, всех избивает: и старого, и малого, жжет села и города.

— Примчались эти люди к нам, к булгарам, в наш город Бияр, что на реке Каме, — рассказывал торговец. — Упали они на наши головы, как град среди бела дня, и был то передовой полк¹ хана Шейбани, внука Чагониза², и зовутся они татары и мунгалы. Разорили они наши города, наловили людей, отобрали тех, кто знает ремесла. Связали их и увели в неведомую страну. Спаслись только те, кто спрятался в лесах... Татары поставили отряды в пяти городах, чтобы закрепить над булгарами неволю, а главная их рать ушла дальше... Скоро и вы их увидите. А бороться с ними нет мочи. Множество их, что комарья над болотом... Нападают они скопом, с диким воем, тысячи за тысячами, страшные, в закопелых овчинах... И нет от них спасенья!

— Это для вас, булгар, татары страшные враги, — сказал Дикорос. — Вы,

¹ Слово «полк» — имело значение: отряд, рать, войско.

² Чагониз — так русские называли Чингиз-хана.

булгары, привыкли торговать да сапоги точать, а доброго война из булгарина никогда не бывало.

— Поглядим! — ответил торговец. — Как татары навалятся, что от вас останется?

— Типун тебе на язык, — закричала Опалениха. — Пусть только эти нехристи сунутся сюда; мы их Чагониза примем в топоры!.. И бабы пойдут биться рядом с мужиками.

— Пусть татары кричат и на нас валам валят, — сказал Дикорос. — И медведь ревет, когда прет на рогатину. И половцы по-звериному вопят, когда в бою налетают, — запугать хотят... Наши рязанские дружины к этому привычны и знают, как их назад в степь отогнать. Чем татары их страшнее?

3. ПЕРВАЯ ТРЕВОГА

Торговец уехал, мужики поговорили о татарах и мунгалах Чагониза и забыли о них — «до нас далеко! К нам они не сунутся!» А полгода спустя, поздней осенью, из ближайшего погоста Ярустова, — что стоял за двадцать верст на опушке бора, — прибежал запыхавшийся гонец. Он пробрался напрямиком, через болота, подмерзшими тропами. Гонец кричал в окошко каждой избы, что от князя Рязанского пришел приказ, и пусть все соберутся выслушать княжью волю.

Гонец подождал на кладке бревен, пока подошли мужики. Прибежали и бабы с ребятами. Гонец сказал:

— Князь Рязанский Юрий Ингваревич — отец наш...

— Какой там отец! — прервал его Кудряш. — Никогда мы этого отца не видывали! Тебе да псу лысому о отце!..

Гонец вытер рукавом нос и невозмутимо продолжал:

— Князь кличет народ сбираться в поход. Большая вражеская сила идет на рязанские земли. Пока нехристи пойдут из Дикого поля к нашим заставам, надо выйти, к ним навстречу и не пустить на наши пашни...

— Откудова ты это услышал? — прервал гонца Звяга. — Кто тебя по-

слал по нас: волостель, или поп, или еще кто? Чего нас пужаешь?

— Приехал к нам в Ярустово княжеский тиун и с ним охраны двадцать отроков,¹ все наряженные, на хороших конях. Староста расставил всех по избам, и мы их кормим вторые сутки. Ну и едят, что борова, точно в Рязани их не кормили! Тиун собрал сход и толковал, что идет на нас неведомый народ, по прозвищу татары. Тиун приказал, чтобы все мужики и парни от шестнадцати годов с топорами и рогатинами, что у кого есть, шли в Рязань. Там князь собирает «большой полк»² и раздает всем мечи, копья и секиры. Тиуны и дружинники княжеские поскакали во все концы: и в Зарайск, и в Муром, и к великому князю Суздальскому во Владимир — всюду скликать народ...

Дикорос, мрачно выслушав гонца, закряхтел и сказал:

— Не к добру ты прибежал! Что же это князь так поздно хватился? Татары уже на рязанские пашни входят, а вы только раскачивать народ начинаете. Чего же раньше глядели! Почему на сторожевые заставы в Диком поле не пришли суздальские полки? Большой полк суздальский куда сильнее нашего — рязанского. Теперь будут татары напирать на рязанцев, а суздальцы, сидя за стенами, на нас поглядывать да приговаривать: «дуи их горой», а сами — в усы посмеиваться. Почему всем не пойти одной стеной?

— Ишь, чего захотел, — сказал Звяга. — Князья готовы друг дружке горло перегрызть. Станут они помогать один другому!

Дикорос сказал гонцу из Ярустова:

— Скажи волостелю и тиуну, что от нашего выселка пойдут завтра к Рязани все мужики. В Ярустове я найду к твоему батьке и обсудим, как и что.

Гонец сейчас же отправился обратно, прыгая через кочки, только лапти его замелькали, и вскоре скрылся в про-

секе, между засыпанными снегом слоями.

Савелий Дикорос стал готовиться к походу. Ободрал последних пойманных белок, вывернутые шкурки повесил под потолком в кладовке.

— В случае чего такого, — сказал он жене, — обменяешь белок на жито.

Оправил и заново обтянул жилами-подтужинами железный нож на рогатине, с которой ходил на медведя. Насадил тяжелый топор на более длинное топорщице. Привез из лесу валежника и сухостоя, чтобы бабе легче было щепу колоть и печь топить. Приготовил из обломка косы вторую рогатину для Торопки. А легкий плотницкий топор оставил жене для хозяйства.

Жена его Марьица вместе с Вешнянкой замесили тесто из ржаной муки на житном квасе, испекли три каравая и несколько коврижек. Каравай разрезали на тонкие ломти и высушили в печи. Сухарями набили заплечные мешки, положили туда же луковиц, пареных репок и горсть соли в тряпице.

— Соль-то у нас наисходе, — сказала Марьица. — Там, в миру, легче соли найдете.

Утром, чуть между дремлющими елями засветилась багровая заря, мужики собрались около избы Дикороса. У каждого за плечами был удобно привязан мешок с «запасом», на поясе топор и пара новых лыковых лаптей.

Бабы, накинув на плечи зипуны, проводили ратников до незамерзающего ручья, через который были перекинуты три лесины. Здесь они бросились на шею мужикам и стали с воплями причитать:

— Бедные наши головушки! На кого-то вы нас оставляете! На кого вы нас покидаете?!

4. НАРОДНЫЙ СПОЛОХ

Еще до полудня ратники с Перунова бора пришли к погосту Ярустову, на большой дороге из Мурома в Рязань. Потемневшая бревенчатая церковь, когда-то в один день выстроенная всем «миром», была окружена густо теснившимися крестами кладбища. Между

¹ «Отрок», или «детский» дружинник, — молодой воин из дружины князя.

² «Большой полк» — главная часть войска, центр.

крестами толпились мужики с вилами, копьями и бердышами. Выкрики и гул народный слышны были издалека. Над толпой тревожно гудел набатным звоном медный колокол.

Вокруг церковного холма извивался ручей, чернея среди засыпанных снегом берегов. Здесь у воды расположился пестрый табор. Около сотни людей, одетых необычно: мужчины в обшитых красными лентами войлочных шапках, женщины в ярких цветных шабурах, желтых и зеленых платках, дети, полуголые, в отрпьях, жались и шумели около костров.

Прохожие останавливались около табора; к ним подбегали дети, протягивая голые, грязные от золы руки, подползали женщины. Все твердили:

— Хлеба!.. Кушай надо!.. Наши болгар... татар резаль...

Прохожие давали шляги¹ или куски хлеба и ускоряли шаги.

— Опять болгары! Сколько их прибежало. Что за беда струсилась над нами?

На ступеньках церковки показался старый священник в лиловой ризе из грубой крашеной холстины с нашитыми желтыми крестами. Двумя руками он высоко подымал небольшой медный крест и благословлял толпу. Дребезжащим голосом кричал:

— Доспевайте, православные! Идут на Русь ратные вой, мунгалы-табунщики. Рать вражья идет от Дикого поля, стан их согляддали на реке Воронеже...

Мужики внимательно прислушивались, а священник продолжал выкрикивать:

— Услыша отец наш князь Юрий Ингваревич, что на рубеже земли рязанской стал Батыга, немилосердый и льстивый хан табуноцкий. Наш князь послал гонцов по братья свои и в Муром, и в Коломну, и в Красный...

Дикорос стоял в толпе, опершись на рогатину. Рядом с ним Торопка искоса посматривал на лицо отца. Хмурой душой заволочилсь строгие глаза Дикороса.

— Батя, — спросил тихо Торопка, потянув отца за рукав, — взаправду ли на нас табунщики идут?

— Посмотрим да послушаем, — сказал Дикорос. — Кудряш, ты как смекаешь?

Грустно покачав головой, Кудряш ответил:

— Поглядел я на этих болгар, что мыкаются внизу у ручья. А раньше болгары все в кожаных сапогах гостями в лодьях приезжали. Нам ли так же босыми мыкаться, убежав от полей наших? Да и куда бежать?

— Доспевайте, православные! Не попустите окаянному царю Батыге владети русскою землею! — продолжал надирать священник. — Все вступайте в большой полк князя Юрия Ингваревича!..

— А куда итти-то? Где сбор? — прогудел Дикорос.

В толпе послышались возгласы:

— Где собираться? Кто поведет?

Священник ответил:

— Сейчас вам слово скажет дружинник князя Рязанского, славный витязь Евпатий Коловрат! — Священник спрятал медный крест за пазуху и загнул замерзшие ладони в широкие рукава.

На паперть вбежал высокий воин в коротком полушубке и железном шлеме. На туго затянутом ремennom поясе была привешена длинная кривая сабля в зеленых ножнах. Он взмахнул боевым топориком с золотой насечкой и, выпрямившись, окинул толпу веселым взглядом. Затем низко поклонился на три стороны.

— Бью вам челом, крепкие ратники, медвежьи охотники, лихие удальцы, узорочье и воспитание рязанское! Дайте мне слово сказать!

— Говори, говори, Евпатий! Слушаем!

— Знаю я, кто такие эти табунщики-татары! Своими глазами их видел, своими руками их прошупал и хребты им сам ломал. Да и мне они оставили немало рубцов на груди. Вот эта железная шапка и кривая сабля сняты мною с побитого князя татарского.

¹ Шляга — мелкая монетка.

— Ишь, какой наш Евпатий Коловрат!

— Двенадцать лет назад — многие из вас это помнят — ходил я вместе с ротовскими дружинниками против этих татарских лиходеев. Далеко мы зашли, к самому синему морю, на Калке встретились с татарской ратью. Тогда нам впервые было видеть, как они налетают, как увертываются от боя, как бегут от нас, будто со страху, а сами заманивают нас на свою засадную рать. Здорово бьются, только не стойкие, чуть им что сразу не далось, удирают без оглядки и снова скопляются вдали...

Кудряш подтолкнул в бок Дикороса:

— Слышь, что татаровья делают? Нам бы не сплоскаться...

— С таким бы нам воеводой пойти, как наш медвежатник Евпатий! Вместе мы на медведей ходили, с ним будет нам сподручней и татар бить.

Евпатий сказал еще несколько горячих слов, призывая всех итти в Рязань, на княжий двор, и там присоединиться к большому полку. Он быстро сбежал с паперти и, проходя сквозь расступившуюся толпу, увидел Дикороса.

— Здорово, Савелий, — сказал он. — Небось, воевать собрался?

— Вот и сына с собой веду. И соседи идут. В твоей дружине биться хотим.

— Возьму. Поспевайте в Рязань. Найдете меня на княжьем дворе.

Два дружинника подвели большого горячего коня. Евпатий вскочил на него и поскакал в сторону Рязани.

5. РЯЗАНСКОЕ ВЕЧЕ

...Ответствуй, город величавый,
Где времена цветущей славы,
Когда твой голос, бич князей,
Звуча здесь медью в бурном вече,
К суду или к кровавой сече
Сзывал послушных сыновей?

Дм. Веневитинов

Вечевой колокол с самого утра созывал народ на вече. В тихом морозном воздухе неслись густые тягучие звуки и сеяли кругом тревогу. Далеко слышали их окрестные села. Люди выходили на крыльцо, прислушивались и, тороп-

ливо накидывая на себя армяки и полушубки, хватали шапки. По обоим берегам реки, на засыпанных снегом пашнях зачернели вереницы мужиков, тянувшихся в город.

— Слышь, как «вечевик» выбивает сполох! — рассуждали, шагая, мужики. — Что-то деется?

Старая Рязань на высоком обрывистом берегу Оки, вся засыпанная снегом, казалась серебряной. Высокие земляные валы вокруг города и «детинец»¹ внутри, окруженный тыном и сторожевыми башнями, сложенный из столетних дубовых кряжей, делали город грозной, стойкой крепостью.

Что может угрожать Рязани? Почему так настойчиво гудит медный «вечник»? Опять свара князей? Опять пошлют мужиков бить друг друга, как десять лет назад на речке Липице? И для чего? Чтобы спихнуть со своей шеи одного князя и посадить другого? Пусть князья меж собой дерутся, зачем же гнать на бойню мужиков?

Площадь на Соколей горе, возле Фотьянова столпа, как обычно в базарные дни, была заставлена крестьянскими возами с зерном, мукой, морожеными свинными и телячьими тушами, глиняной посудой, деревянными кадками и прочей крестьянской снедью и утварью. Но в этот день площадь так густо заполнилась толпой, что в ней затерялись крестьянские возы. Мужики и горожане вливались со всех концов на площадь, стараясь приблизиться к паперти соборной церкви Успенья богородицы, где выступали на вече князья с княжичами.

Дикорос и его спутники из Перунова бора пробрались к самой паперти, где два дюжих молодца, скинув шапки и полушубки, усердно раскачивали железный язык большого медного колокола, подвешенного возле церкви к бревенчатому стропилам звонницы.

После бойкого перезвона мелких колоколов из церкви выбежал служка с заплетенной косичкой, в подряснике и

¹ Д е т и н е ц — укрепленная часть внутри города, кремль, где жили «дети» и «отроки», т.е. боевая дружина, охранявшая князя.

махнул красным платком молодцам, колотившим в «вечевик». Те перестали звонить и отерли рукавами вспотевшие лбы. Толпа еще более потеснилась к паперти. Мужики влезали на возы, садились на упряжных лошадей — все хотели узнать, чего ради поднят народный сполох?

Из церкви с протяжным пеньем вышел хор певчих. За ними двигались четверо дюжих дяконов-ревунов в церковных облачениях, размахивая дымящимися кадилами. Затем торжественно плыли десять священников в золотых ризах с серебряными и медными крестами в руках; наконец показался епископ, поддерживаемый под руки двумя мальчишками в одеянии послушников.

Вслед за духовенством из церкви вышел князь Рязанский Юрий Ингваревич в красном плаще «корзено», расшитом жемчугами и драгоценными камнями. Двадцать лихих дружинников с обнаженными прямыми мечами на правом плече охраняли князя и отталкивали теснившийся к паперти народ. А тем временем из собора выходили все новые и новые люди: великая княгиня Агрипина Ростиславна, окруженная снохами, молодыми женами семи сыновей и племянников княжеских, думные бояре и знатнейшие приближенные князя. Юрий Ингваревич поднялся на каменное возвышение близ вечего колокола, а свита и духовенство выстроились вдоль паперти.

На другом конце ее собрались старосты разных концов города и ближних слобод. Они стояли, степенные и скромные, в овчинных полушубках и купеческих кафтанах смурого и домотканного сукна.

Князь, сумрачно посматривавший на толпу, тряхнул полуседьми длинными кудрями и степенно поклонился на три стороны затихшей толпе.

— Слушайте, православные, — заговорил он усталым, потухшим голосом. — По важному делу созвал я вас. Не без тревожной причины с утра гудел вечевой колокол. Надо нам вместе, одной волей, одним сердцем решить неотложное дело...

— Говори, говори, князь, а мы рассудим! — послышались голоса.

— Уже давно, с весны, из Дикого поля приходили вести недобрые, что среди половецких ханов идет замятня, бьются половецкие полки с народом неведомым, пришедшим издалека, из-за Волги. Народ этот злобен и силен, побил половецких ханов, погнал их из кочевий по всему Дикому полю и ограбил их дочиста, в прах...

— Слышь-те, православные, что за народ объявился!

— Самых знатнейших ханов потеснили пришельцы, выбили и сделали своими конюхами.

— Какие же это такие люди? Как звать их? Они тоже табунщики?

Князь продолжал:

— Зовется этот пришлый народ, — безбожные мунгалы и татары. Разгромили они половецкие вежи¹, порезали их быков и баранов, а теперь пошли в нашу сторону и стали близ наших застав на реке Воронеже. Видно, хотят итти войной на нас. Прислали татары нам послов бездельных, — про все они спрашивают, про все выпытывают, все хотят знать — два мужа татарских и одна бабища...

— Давай их сюда! Мы на них посмотрим и скажем, какой дорогой им отъезжать обратно...

— А ну-те-ка, приведите сюда татарских посланцев! — сказал князь дружинникам. — Да охраняйте их, как свой глаз, чтобы наши ребята не стали с ними баловаться, долго ли их обидеть! Все же они посланцы могучего царя татарского Батыги.

6. ПОСЛЫ ТАТАРСКИЕ

Несколько дружинников поспешили в княжеский дом. Они вернулись оттуда с татарскими послами и провели их на высокое крыльцо князьего дома. Послов было трое: первый — старик в меховой шапке, повязанной белой тканью, в длинной до пят желтой лисьей шубе; другой — коренастый молодой воин в войлочной шапке с отворотами, в синем

¹ Вежи — шатры.

кафтани и с кривой саблей на поясе. Что-то необычное чувствовалось в этом воине — короткая шея и богатырские плечи, угрюмое безбородое лицо и властный взгляд. Он посматривал на толпу со спокойствием и равнодушием человека, привыкшего повелевать, казнить и милловать. Третий посол своим видом изумил всех. Это была старая женщина с опухшим лицом и бегающими безумными глазами, на плечах — медвежья шкура, на голове — высокий колпак, на поясе висели на ремешках медвежьи когти и зубы, ракушки, узкие длинные ножи и большой круглый бубен, разрисованный звездами. Ни на мгновение она не оставалась спокойной, все время оглядывалась кругом, точно чего-то искала, и бормотала вполголоса какие-то странные слова.

— Да это ведьма-чародейка! — сказали в толпе.

— Скажи нам, княже, чего хотят посланцы? Чего им от нас надобно?

Князь сказал ближнему думному боярину:

— Распорядись, пускай они народу скажут, зачем пожаловали в наш город...

Возле послов появился переводчик.

Переводчик говорил с послами и вполголоса передавал их ответы думному боярину. Тот, обращаясь к толпе, стал громко объяснять:

— Слушай, князь со княгиней и народ православный, что послы мунгальские от нас требуют. Говорят-де, что ихний царь Батыга Джучиевич над всеми князьями князь, над всеми царями царь. Все народы покорились его деду, хану Чагонизу, и он забрал их под свою руку. Говорят эти бездельные посланцы, что теперь народ русский должен царю Батыге Джучиевичу покориться, а буде не захочет ему бить челом, так Батыга всех растопчет конями, как раздавил всех ханов половецких и сделал их своими пастухами и конюхами...

— Зря похваляется! Не бывать тому! — кричал Евпатий, стоявший близ князя.

— Вестимо, брешет, похваляется, — сказал князь Юрий Ингваревич. — Объясни им, чтобы нам не грозилась, а

толком сказали, чего они хотят от рязанской земли?

Боярин опять обратился к переводчику, а тот к послам. Молодой монгол говорил резко, топал ногой, хватался за костяную рукоять кривой сабли. Старый посол стоял неподвижно, соединив ладони, а бабища-ведьма дергалась, приплясывала и бормотала непонятные слова.

Боярин снова заговорил:

— Не гневайся, княже, за слова бесстыжие, что я услышал от этих мунгальских посланцев. Требуют они дани неотступной, десятины во всем: и в князьях, и в людях, и в конях; десятое в белых конях, десятое в бурых, десятое в рыжих, десятое в пегих...

В толпе воцарилась тишина, как перед бурей. Четко прозвучали слова князя:

— Когда нас не будет, пусть тогда берут все!

В толпе прокатился гул, послышались возгласы и смех:

— Го-го-го! Вишь, чего захотели! Возьми-ка, выкуси! Гони их, князь, назад в Дикое поле и выпусти на них вдогонку собак!

Повода злыми глазами, послы наблюдали, как разливается грозный шум на площади.

Князь повернулся к Евпатию и сказал:

— Ты умеешь говорить с нашими крикунами. Успокой-ка их, а то они, того гляди, разорвут послов.

Евпатий взбежал на крыльцо княжеского дома и, сделав знак рукой толпе, кричал так громко и четко, что слова его донеслись до крайних мужиков, сидевших на возах с сеном.

— Слушай меня, народ рязанский! Раньше Рязань слободой слыла, деревенщиной, а нынче Рязань зовется стольным городом... А для города нужно обхождение не как у мужиков кривопятых, а вежливое, с улыбочкой... Не гоже посланников иноземных встречать словами обидными и проежывать собаками. Вы же все молодцы, узорочье и воспитанье рязанское, не ударьте лицом в грязь, выступайте соколами!..

— Го-го-го! — зашумели в толпе. — Вот как наш Евпатий разливается!

— Послы мунгальские запросили с нас много, а кто из половецких табунщиков, когда коней продавал, не запрашивал втридорога? Мы им скажем: спасибо, гости дорогие, на добром слове, но не мы хозяева! Не мы решаем! Есть хозяин повыше нас, великий князь Георгий Всеволодович во стольном городе Владимире-Суздальском. Вот к великому князю мы и пошлем послов царя мунгальского Батыги. Отвезем их с почестью, на санях-розвальнях, крытых коврами и полостью медвежьей, на тройке с бубенцами и с колокольчиком. И пусть великий князь Суздальский Георгий Всеволодович им свое слово скажет: отдавать ли нам десятого мужика и десятого коня татарам или же еще повременить?

— Верно, Евпат! Верно!

— Проводить гостей в город Владимир!

— А сейчас князь Юрий Ингваревич просит дорогих гостей в свою горницу отведать хлеба-соли, пирогов и калачей... — обратился Евпатий к послам.

Послы удалились с крыльца, а народ долго еще не расходился и волновался на площади. Все говорили, что надо грудью стать за родную землю, отогнать охального врага, пока он не ворвался на рязанские земли.

Проводив послов до ворот, князь призвал Евпатия и сказал ему:

— Чует мое сердце, грозная туча идет на нас из Дикого поля. Надо сзывать на подмогу всех, кто может держать меч. Вместе с мунгальскими послами я пошлю во Владимир брата просить великого князя Георгия Всеволодовича поднимать весь народ суздальский, ростовский и белозерский, призвать на помощь и Великий Новгород и спешить сюда навстречу татарам, пока он будет вести с ними переговоры. А в Дикое поле к царю татарскому я пошлю сына своего Феодора с дарами и с ловкими думными боярами, чтобы Батыгу улецивать. Ты же, Евпатий, выезжай в Чернигов, кланяйся там земно князю Михаилу и приведи его полк нам на подмогу. Боюсь туда послать кого

другого — и войска не приведет, и сам не вернется... Тебя же, Евпатий, я знаю. Своих кровных братьев, рязанцев, ты не подведешь и во-время придешь с подмогой. Бери из моих конюшен сменных коней, сколько тебе надобно, и скорей возвращайся!

И помчался Евпатий той же ночью в Чернигов.

7. В ДИКОМ ПОЛЕ

Уже три дня ратники шли на юг, все более углубляясь в Дикое поле. Рязань, передовой оплот русской земли, со всеми ее тревогами и сумятицей осталась далеко позади. Первым шел конный отряд под начальством князя Всеволода Пронского. Длинной вереницей двигались всадники по веками протоптанному через степь шляху. А еще дальше, на самом горизонте, рыскали конные разведчики, посланные следить, не покажутся ли где вражеские отряды. Они подымались на отлогие холмы и одинокие курганы, подавали знаки, подбрасывая шапки и кружась на месте, и снова уносились в простор степи.

Шлях уходил на юго-восток сетью тропинок, протоптанных караванами из далекого Сурож¹, стадами и табунами степняков и отрядами бродячих по степи хищников. Все они ездили к Залесью, как тогда называлась северная Русь, одни для мены и торговли, другие для набегов и грабежа.

Торопка шагал по тропинке, жадно следя за всадниками. Наслаждаясь развернувшимся перед ним степным привольем, он мало думал об опасности, гордясь, что участвует впервые как взрослый в походе. И жутко, и весело было думать, что ему придется биться с неведомыми людьми, страшными татарами.

«Отец знает воинское дело, — думал Торопка. — Он и с суздальцами бился, и в Дикое поле ходил, и не раз возвращался домой, перевязанный побуревшими от крови тряпицами».

В дружине, по расчету Торопки, бы-

¹ Сурож — торговый приморский город в Крыму, ныне Судак.

ло около двух тысяч ратников. Люди шли вразброд, где кому лучше, разбитые на сотни. В сотне люди теснились друг к другу, не смешиваясь с другими сотнями. Вел сотню «сотский», из княжеских дружинников. Ехал он на дорожном коне, украшенном медными бляхами и цепями. Во главе некоторых сотен шли «волостели», старосты, умевшие «воеводствовать» и раньше ходившие в Дикое поле.

За каждой сотней тянулись «товары». Они состояли из телег и саней-розвальней с плетеными коробами, в которых везли каравай житного хлеба, мешки с мукой, пшеном, салом. В эти же сани складывались кольчуги, брони, оружие и тулупы, чтобы ратникам было легче итти.

Ратники из Перунова бора шли дружно, в одной сотне с ярустовскими мужиками. Впереди семеня в лыковых лапотках низкорослый и широкий Ваула Мордвин. Он пел свои мордовские песни и круто обрывал их, когда замечал в пути что-либо новое, им не виданное. Он впервые попал в степь, прожив всю свою жизнь в лесах.

Звяга, тощий и долговязый, молча шел за Ваулой, погруженный в свои невеселые думы.

— А ну-ка, Звяга, у тебя ноги длинные, поймай-ка козла за хвост.

— А след ли мне за этими козлами гоняться? Это вы, мордвины, все прыткие, ловите за уши зайца поскокучего. Ты и скачи за ним!

Лихарь Кудряш шел в стороне. Он часто взбегал на курганы, всматривался вдаль и указывал:

— Там с востока Сосновая Ряса течет, а с Запада — Ягодная Ряса. Обе речушки впадают в реку Воронеж. А вот там, под яром, прошлый год стояли белые вежи половецких ханов. Они пригоняли баранов и быков на продажу... Я у них дней двенадцать жил; для ихнего хана набивал на телеги железные скобы и на колеса ободья. Ничего люди! По-ихнему говорить научился, зовут они себя «команами». У меня остались среди них побратаны, кардаши... Весной в степи хорошо. Трава выше человека. Быка с рогами не видно.

Весной у табунщиков много молока, они делают из овечьего молока сыр, а из кобыльего — хмельной кумыс. Весной все половцы ходят веселые, у костров песни поют и пляшут...

Дикорос шел молчаливый и угрюмый. Раза два он в раздумьи сказал Торопке:

— Не знаю, вернемся ли мы целым домой...

Когда стало темнеть, сотня сделала привал в овраге близ отлогого берега речки. Другой берег был высокий и обрывистый. Там затаились дозорные на ночь.

Среди ночи отец разбудил Торопку, приказал итти в дозор и до рассвета сторожить на высоком бугре:

— Затаись там и виду не показывай, не шелохнись — татаровья могут подкрасться и прирезать! А коли что заметишь — гомони и скликай подмогу!

Торопка взобрался на бугор и затаился между кустами сухого репейника. Кругом было темно. В овраге близ речки догорали костры. Около них мирно спали мужики. Невдалеке тревожно, точно чуя близость зверя, фыркали кони.

Торопка сидел, насторожившись, крепко сжимая в руках рогатину. Сон убежал, усталость была забыта. Ему казалось, что в темноте к нему подползает татарин, держа в зубах длинный нож.

Заунывный тягучий крик донесся из степи. Так иногда ночью кричала в лесу неясить¹. Другой тонкий вой послышался где-то ближе. Что это? Волки? Или татарские лазутчики подают другу другу весть и подбираются в темноте?..

Среди темной ночи небо светится, и на нем четко видны стебли сухого репейника. В одном месте стебли сильно закачались. Ого! Это неспроста! Кто-то пробирается через заросли... Показалась голова человека... Человек приподнялся, повернулся, осматриваясь, и снова бесшумно опустился в траву... Свой или враг? Закричать, звать на подмогу?.. Враг убежит. А если это свой, засмеют, что зря сполошил!

Торопка вслушивается в каждый шорох

¹ Неясить — сова.

рох и ждет... не покажется ли снова голова?.. Вот опять показался неведомый человек, он теперь справа и ближе. Торопка ждет и слышит сиплый шум слева, точно дыхание зверя... Он чувствует острый запах овчины и шопот... не русский! Непонятная речь... Кто-то затаился совсем близко от него... Заметит, поразит мечом или стрелой... Нельзя медлить!.. Надо его опередить...

Все силы напруг Торопка и бросился вперед. Рогатина воткнулась во что-то упругое... Стон хриплый, сдержанный, чтобы себя не выдать, и жалобный... В то же мгновение тяжелая туша навалилась на Торопку. Другая туша свалилась под ноги. Жесткие ладони обхватили лицо, сдавили нос, пальцы крепко сжимают рот, не дают вздохнуть...

Торопка забилась, стараясь вывернуться, но прибавилась еще тяжесть. Кто-то душит горло... нельзя ни крикнуть, ни застонать. Его волокут по земле. Как дать знать отцу? В беде отец сына не оставит... Но Торопке трудно дышать, не только крикнуть... Его тащат через заросли, колючки засохшего репейника царапают и рвут одежду. Руки, жесткие и сильные, пахнут чужим запахом. Ему запихивают тряпку в рот, завязывают лицо... Ноги и руки крепко спутаны веревками...

8. ТАТАРЫ ПОШЛИ КАЛМИУССКИМ ШЛЯХОМ

В лето от сотворения мира 6745 (1237 г.) пришел безбожный царь Батый на русскую землю со множеством воинов татарских и стал на реке Воронеже, близ Рязанской земли.

Летопись

Татары шли на север старинным Калмиусским шляхом, по водоразделу между Доном и Донцом. Здесь дорога была легкая, не приходилось переправляться через многоводные реки; поздний снег слегка запылил степь, кое-где в оврагах ветром намело сугробы. Бурьяна, репейника было много для кустов. Степных пожаров осенью не было, и увядшая трава — готовый корм неприхотливым татарским коням — ле-

жала повсюду, прибитая осенними дождями.

Вели татар половецкие проводники.

Татары шли отдельными отрядами, родами и коленами, тысячными скопищами коней, держась широкими развернутыми крыльями. Была особая ревность и соперничество между отдельными отрядами и племенами, да и грозные приказы Субудай-Багатура требовали, чтобы не смешиваться, не попадать на чужую стоянку.

Каждый отряд через гонцов поддерживал связь со своим ханом, а тот — с главной ставкой, в которой находились распоряжавшийся всеми войсками джихангир Бату-хан и с ним его военный советник, одноглазый Субудай-Багатур.

Одиннадцать царевичей-чингизидов шли каждый со своим отдельным туменом в десять тысяч коней. Особые военные советники, приставленные к царевичам, держали в своих руках всю власть над воинами. Царевичи проводили время беззаботно, охотились с борзыми и соколами и пьянствовали, вполне полагаясь на своих советников, прошедших суровую школу войны в походах грозного Чингиз-хана.

Бату-хан вел все отряды на север широким фронтом, особыми тропами и в определенных места, указанные строгими повелениями Субудай-Багатура. Кипчакские проводники, охраняемые монгольскими дозорными, под страхом казни, отыскивали места для стоянок.

В этом походе трехсоттысячного войска на север коренных монголов было мало, всего около четырех тысяч, но в разноязычной армии они играли главную роль, являясь руководителями, военными советниками, телохранителями чингизидов. Они же наблюдали за порядком и выполнением приказов главной ставки — «орьги».

Всадники шли налегке, без юрт. Спали они на земле, близ пасущихся коней: ведь потерять коня в походе — это верная гибель в бескрайней степи! Многие воины имели двух или нескольких коней и в пути пересаживались с одного коня на другого.

Шатры и разборные юрты полага-

лись только самым знатным ханам — им не приличествует часто показываться перед простыми воинами и сидеть рядом с ними у костра.

Звенящие цепями слуги успевали на стоянках поставить несколько юрт для хана, его жен, военного советника, лекаря, звездочета, писаря, шамана, муллы и главных ханских прихлебателей и приготовить для них обед.

Простые воины сами заботились об еде и питались тем, что сумели достать в пути. Голод был главной силой, позволяющей отрядам долго стоять на одном месте, — они должны были двигаться вперед и вперед, пожирая все запасы, встречаемые на пути.

Хан Баяндер со своим пятитысячным отрядом кипчаков шел впереди монголо-татарского войска. Ему поручено было следить за степью, производить разведки, узнавая, где находятся передовые посты русских, и пытаться ловить их, чтобы спешно доставлять пойманного «языка» в шатер Субудай-Багатура.

Баяндер выделил из отряда четыре сотни отчаянных нукеров; они гарцовали далеко впереди, были глазами, шушайцами отряда, и каждый день доносили своему хану обо всем, что замечали в пустынной равнине между бывшими половецкими владениями и русскими лесами.

Каждый день от Субудай-Багатура скакали гонцы с приказом: «Давайте пленных! Шлите «языка»! Если не будет пленных, переведу хана Баяндера в гыл войска плестись в хвосте, питаться объедками будущих побед!»

Хан Баяндер сердился, вызывал к себе и бранил тысяцких — «бин-баши», тысяцкие вызывали и бранили сотников — «юз-баши», а сотники свирепствовали над десятскими — «он-баши».

В одной из передовых сотен находились четыре сына Назара-Кязризекка. Начальник сотни, Тюляб-Бирген, бывший раньше простым нукером-сокольным у Баяндера, призвал к себе однажды четырех братьев.

— Вы лихие джигиты, степные волки! Вы, как ящерицы, спрячьтесь в песке! Отправляйтесь сегодня ночью впе-

ред, к той далекой дубовой роще... Сегодня там были замечены урусутские всадники. Надо их подстеречь. Пробежитесь незаметно логами до самой реки. Там спрячьтесь и захватите в плен хотя бы одного урусута. Свяжите его и притащите в целости...

Начальник сотни, поглаживая блестящую черную бороду, поглядывал исподлобья на четырех братьев. Они стояли хмурые: полученный приказ их не радовал.

— Что же не отвечаете?

Старший, Демир, сказал:

— Если мы приведем урусута, что нам дашь в награду?

— Расскажу про вас хану Баяндеру. В его милости будет вас наградить.

— Э-э, нет! Дай каждому по овчинному тулупу! Видишь, в каких рваных чапанах приходится нам ночевать в открытом поле. А ты везешь с собой два тюка шуб, отнятых в кипчацком кочевье. Мы мерзнем...

— Приведите мне завтра урусута, будет вам по тулупу на каждого.

— Верно должно быть твое слово!

— Берите коней! За смелым тенью бежит удача. Но только с пустыми руками не возвращайтесь и притащите пленного не полудохлым, а невредимым, чтобы его можно было показать хану Баяндеру! И поджечь ему пятки, чтобы он все нам выболтал. Аллах вам подмога!

9. В ТАТАРСКОЙ ПЕРЕДОВОЙ СОТНЕ

Передовая сотня Тюляб-Биргена стояла в «Долине бродячих покойников». Здесь протекал ручей, заморозки покрыли его ледяной корой. Сохранились землянки, окруженные валом и бревенчатый тыном. Раньше это была стоянка рязанского сторожевого поста. Узнав о наступлении татар, рязанцы отошли к северу. К этому же посту раньше приезжали русские купцы и торговали с кочевниками, пригонявшими гурты скота. Повсюду земля была зашпана конским навозом и бараньим пометом.

Приехавшая в эту долину сотня Тюляб-Биргена застала в ней только од-

ну тощую старуху с черными горящими глазами и свиным носом. Она равнодушно сидела на пороге полуразвалившейся землянки. Обшарив землянку, татары отобрали у старухи все, что нашли, так что у нее остались только широкие шаровары, изодранный чепан и глиняный треснувший кувшин, которым она черпала из ручья воду. Вечером, когда татары укладывались спать, старуха подходила к костру, подбирала объедки и тихо возвращалась к своему порогу.

В лучшей землянке с непроломанной крышей поместился сотник Тюляб-Бирген. В этой землянке сохранилась в целости пузатая глиняная печь, сложенная урусутами, и около нее нары из жердей. Сотник подолгу сидел на нарах, подобрав ноги, накинув шубу на плечи, и молча смотрел на огонь, пылавший в печи.

Джигиты проклинали это место с мрачным названием «Долина бродячих покойников».

— Куда нас загнал хан Баяндер? Разве в степи нет лучшего места, чем эти землянки, похожие на разрытые могилы, с тощей старухой, которая сторожит, пока мы все здесь подохнем. То мокрый снег, то мороз — нет времени просушить одежду! Когда же мы пойдем вперед, обогреемся у горящих городов, переоденемся в урусутские шубы из куницы и соболей?!

Суеверные джигиты всю ночь не тушили костров, а дозорные, подымаясь на бугры, тряслись от страха и осматривались, не бродят ли в степи души непохороненных воинов, потерявших здесь свои головы.

10. ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПЛЕННЫЙ

Среди ночи проводник Сентяк рассказывал о набегах кипчаков на урусутское Залесье. Джигиты лежали вокруг костра и в полусне слушали его рассказ. Легкая снежная пыль неслась над землей и засыпала лежавших. Издалека донесся вой волка, на равнине показались тени.

— Наши, — сказал чей-то голос.

На бугре показались четыре всадни-

ка. Возле переднего шел пленный без шапки, со связанными за спиной руками. Светлые, как кудель, волосы сбились. Лицо было измучено. Ноги с трудом передвигались. Второй всадник сидел, пригнувшись к гриве коня, и непрерывно повторял:

— Вай-улай! Жжет!.. Огонь во мне!.. Воды, дайте холодной воды затушить огонь в моем животe!

Медленно спустились всадники по косогору и остановились у костра. Сотник Тюляб-Бирген, узнав вернувшихся четырех братьев, заложив руки за пояс, подошел к пленному и внимательно его осмотрел. Высокий худой юноша, в холстинных портках, в расстегнутой рубахе и босой, стоял равнодушный, окаменелый, с посиневшим от холода лицом и только облизывал рассеченную верхнюю губу, из которой сочилась кровь. Метнув недоверчивый взгляд на сотника, он опять уставился в одну точку.

Три брата, соскочив с коней, осторожно сняли четвертого и положили на войлок около костра. Раненый лежал на спине, с полузакрытыми глазами, лицо его обтянулось, нос заострился. Рот кривился, и губы что-то шептали.

Мулла Абду-Расулы опустился на пятки возле раненого и, вглядываясь в его лицо, строго говорил:

— Повторяй за мной: «Бог царь царей! Слава алаху! Нет бога кроме алаха, и бог велик!..»

Тюляб-Бирген долго стоял возле раненого, подняв правую бровь, всматривался в его судорожно дергавшееся лицо, наконец безнадежно махнул рукой и, сбросив с плеч баранью шубу, pokrыл ею умирающего джигита.

К сотнику подошли вернувшиеся братья. Бури-бай сказал:

— Как ты приказал, мы пробрались оврагами до дубовой рощи. Мы оставили коней внизу, а сами проползли на высокий бугор. Увидели лагерь урусутов. Их было около тысячи. Они хранили на всю степь. Мы стали пробовать, как бы скрасть одного из спящих, и продвигались к ним. Демир двигался первым и наткнулся в кустах вот на этого мальчишку. Мальчишка вскочил и перерезал Демиру кишки. Если бы не

твой приказ, мы бы тут же прикончили сосунка — так обидно было за Демира. Такого смелого брата, укротителя диких коней, потерять из-за такого сопляка! Мы связали его и заткнули ему рот. Если бы Демир закричал, нас бы схватили урусуты, — они были рядом. Но Демир молчал, точно откусил язык... Сутки мы просидели в дубняке, выжидали. И справа, и слева проходили отряды урусутов. Теперь пленный перед тобой. Мы свое дело сделали, а брата Демира зовет к себе аллах. Давай нам обещанные тулупы.

Сотник сказал сухо:

— Храбрый был джигит Демир! Аллах его успокоит в своих райских рощах... Моя шуба на нем... А почему вы ободрали пленного раньше времени? Зачем сняли с него чапан! Почему он босой? Я должен показать его хану Баяндеру целым и необмороженным, а голый он подохнет этой же ночью.

Ворча и ругаясь, три брата стали одевать пленного, наворачивать ему на ноги олучи и подвязывать лапти. Проводник Сентяк, знавший немного порусски, расспрашивал пленного, сколько всех урусутских воинов, хотят ли урусуты драться?

Пленный говорил мало и отрывисто. Глядел злобно и все облизывал расщепленную губу.

— Зовут его Торопка, родом он из лесной деревни Перунов бор. Сколько войска — он не знает. А драться с татарами хотят все урусуты, и все пошли на войну...

Сотник внимательно слушал, что переводил проводник Сентяк. Переводчик скоро использовал все русские слова, какие знал, и больше ничего не мог выпытать от пленного. Несколько ударов по голове плетью не помогли делу: мальчишка упрямо молчал.

Сотник сказал, что сам отвезет пленного к хану Баяндеру. Его гнедой жеребец, давно оседланный, был привязан возле землянки. Десять джигитов должны были его сопровождать. Но выезжать в метель среди ночи было опасно.

Тропы замело снегом, и вьюга усиливалась. Приходилось ожидать рассвета, и сотник ушел в свою землянку.

Торопка сидел на земле близ костра. Руки, закрученные за спиной, затекли и мучительно ныли. Снег, летевший сбоку, засыпал голову и плечи, и Торопка не мог стряхнуть его с лица. Петля аркана держал в руке молодой джигит, сидевший рядом. С другой стороны лежало на конском потнике тело Демира, покрытое бараньей шубой. Демир уже перестал стонать и навсегда затих.

Прошло много времени. Костер, в котором лежали с вечера большие жерди, почти совсем догорел. Последние огоньки перебегали по тлеющим в золе красным углям. Лагерь заснул. Не спал лишь Торопка, обдумывал, как бы вырваться из плена, и не спала изможденная тощая старуха. Она сидела на пороге своей полуразвалившейся землянки и смотрела на огоньки костра злыми черными глазами. Она дождалась, когда джигит, стороживший мальчику, приляжет на бок. Тогда она поднялась и бесшумными кошачьими движениями приблизилась к костру. Она не искала остатков еды. Она склонилась к лицу похрапывавшего джигита, отшатнулась и сделала шаг к Торопке. Вытащив из широких складок своих синих шаровар обломок отточенного ножа, осторожно перерезала волосяные веревки и безмолвно указала рукой в ту сторону, где стоял гнедой жеребец сотника. Затем бесшумно исчезла.

Торопка почувствовал, как ослабели веревки. Медленно приливалась кровь, постепенно начали шевелиться пальцы. Торопка, выжидая, посматривал на спавшего джигита. Наконец поднялся и осторожными шагами направился к гнедому коню. Дрожащими руками он отвязал повод и оказался в седле...

Он был на бугре, когда услышал позади себя крики. Но ветер уже свистел в ушах, снег бил в лицо, а сильный жеребец упругими прыжками уносил его вперед, в простор немой беспредельной равнины.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПЕРВЫЕ СХВАТКИ С МОНГОЛАМИ

1. РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО К БАТЬЮ

Во всей нашей истории не было более страшного рокового события, которое могло бы произвести более потрясающее впечатление на воображение наших предков, чем этот опустошительный ураган, пронесшийся почти над всеми землями Руси, поглотивший сотни тысяч человеческих жизней, покрывший наше отечество пожарами, развалинами и поработивший остатки населения ненавистному татарскому игу.

Всев. Миллер. Былины

Грозные вести о наступлении татарских полчищ заставили крепко призадуматься князя Феодора и обо всем позаботиться перед выездом в Дикое поле. Был он хотя и молодой, но настоящий домовитый хозяин, ничто не ускользало от его зоркого глаза. Он переговорил и с боярами, и с прибывшими с разных концов князьями и воеводами, и с простыми крестьянами, заполнившими своими возами городскую площадь. Хотел он знать, крепко ли они будут стоять за русскую землю, и о чем и как придется ему договариваться с татарским царем?

Все говорили одно: «За нас не бойся! Мы своей грудью встретим первый удар. Суздальцы, хоть и соседи, но, как это и раньше бывало, не захотят нам помочь. Еще обрадуются, что рязанцы ослабнут. Суздальцы, пожалуй, надеются, что князь Владимирский спрячет под свою полу всю ослабевшую рязанскую землю и делает ее старых бояр своими конюхами. Не бывать этому!»

Никто не знал, о чем совещался надменный владимирский великий князь Георгий Всеволодович с молчаливыми, угрюмыми татарскими послами. Что он выговорил у них в свою пользу? Что ему пообещали косоглазые соглядатаи?

Князь Феодор Юрьевич страха не имел. С юных лет он был удалой охотник и на пардуса¹ ходил, и на медведя был ловок, и на тура. Он и теперь решил ехать в лагерь царя Батыея, как

раньше ходил на лютого зверя: «Где не возьмешь силой, попытайся взять уловкой!»

Уже все было готово к отъезду, обо всем князья договорились; подарки отобраны и уложены в кожаные сундуки и переметные сумы, часть навьючена на коней, часть погружена на повозки. Глиняные запечатанные кувшины с хмельным медом и бочонки с уловом бережно окутаны войлоком и уложены в сено. Из повозок торчали ноги мороженных телячьих и свиных туш.

Узнав от бежавших половцев, что с царем Батыем соединились десять мунгальских царевичей, князь Феодор, по совету отца, отобрал двенадцать лучших рослых жеребцов с пышными хвостами, шелковистыми вьющимися гривами. Жеребцы были вымыты, гривы намочены квасом, заплетены и перевиты красными лентами. Крутые гладкие спины покрыты пестрыми шемаханскими коврами. Двенадцатого коня Феодор решил подарить главному полковнику Батыя, его правой руке — «темнику Себдяю».

Что же медлит князь Феодор? Уже возы пущены вперед; уже все двенадцать коней один за другим с заплетенными хвостами и гривами ушли под охраной опытных конюхов; уже к крыльцу княжеских хором подвели статного рыжего коня, легкого, как ветер, — подарок половецкого хана, уже и спутники Феодора, князь Итеславльский и с ним четыре хитроумных боярина — все в походных полушубках и собольих колпаках — столпились у крыльца, а Феодор все еще возвращается в гридницу, выходит на крыльцо и озабоченно посматривает по сторонам.

Кто-то воскликнул:

— А вот и гостья долгожданная!

В конце площади, из-за угла дома вылетело несколько всадников. Во весь мах, взбивая снежную пыль, помчались они к крыльцу. Два дружинника соскочили с коней и схватили под уздцы серого в яблоках иноходца. С него легко

¹ Пардус — барс.

спрыгнула молодая женщина в бараньем полушубке и зеленом бархатном колпаке, отороченном темным соболем. С первого взгляда ее можно было принять за юношу — и сапоги у нее высокие сафьяновые, и подпоясана ремнем с коротким мечом, но радостный смех и румяное лицо с блестящими карими глазами были всем знакомы: всегда рязанцы видели в соборной церкви рядом с князем Феодором его молодую жену, заморскую греческую царевну Евпраксию.

Как мальчишка, побежала она навстречу Феодору, сходявшему с крыльца, и бросилась ему на шею.

— Все боялась, что не захвачу тебя, Феодор. Всю дорогу мчалась, меняя лошадей. Зачем уезжаешь?

Феодор, обняв за плечо Евпраксию, поднялся на крыльцо. Навстречу спешила княгиня-мать Агриппина, в темном лисьем шушуне, наброшенном наспех. Дрожащими руками обняла она молодую невестку, и обе залились слезами.

— Успокойся, Евпраксеюшка! — утешал Феодор. — Не воевать еду, а о крепком мире договориться. Все улажу, да и опытные мои советчики мне помогут и придумают, как утихомирить татарского царя Батыгу. А где же наш Ванятка?

— Едет в возке. А я не могла больше ждать и помчалась вперед.

— Ну и девчонка ты! — сказала старая княгиня Агриппина. — Бегаешь, как заяц!

— И я то же говорю, — прервал Феодор. — Тебе бы еще хороводы водить! — шопотом на ухо добавил: — Вот за это и люблю тебя! Знаю, что ты готова со мной ехать хоть на охоту, хоть в поле полевать.

— Возьми меня, Феодор, с собой! Может, я сумею лестью да шутками смягчить татарского царя.

Феодор приблизил к себе юное розовое лицо с блестящими карими глазами и поцеловал побледневшие губы. Он бережно отнял цеплявшиеся руки и мигнул матери. Та сзади обняла Евпраксию. Молодая княгиня торопливо расстегивала свой полушубок.

— Постой, Феодор! Возьми с собой

мое заветное жемчужное ожерелье из Царьграда. Может быть, ты сумеешь им ублажить татарскую царицу, а она успокоит своего яростного мужа. Да еще возьми с собой мое благословенье... — Она сняла с шеи золотой круглый образок на серебряной цепочке. Феодор скинул колпак; он наклонил к молодой жене голову с прямым прибором и расчесанными на две стороны русыми волосами. Она надела ему на шею иконку. Феодор поцеловал в последний раз Евпраксию в лоб, резко повернулся и, стуча подковами красных сапог, сбежал с крыльца к нетерпеливо перебиравшему ногами коню.

Евпраксия забилась в крике и плаче на руках старой княгини, а князь Феодор, сдерживая сильного коня, направился, не оглядываясь, через засыпанную снегом площадь. Хмурый, со сдвинутыми бровями, вглядывался он в сизую туманную даль. С площади и с крепостных валов видна далеко на десятки верст снежная равнина, по ней кое-где чернели небольшие рожицы. Низкие серые тучи медленно плыли над пустынными полями. Слышался унылый свист ветра и хриплое карканье и гомон галок и ворон, стаями летавших над широким шляхом, уходящим в Дикое поле.

2. В ТАТАРСКОМ ЛАГЕРЕ НА РЕКЕ ВОРОНЕЖЕ

Пишет Хаджи Рахим: «Да сохранит скитальца небо от новых напастей, которые надвигаются отовсюду, как черные тучи перед ураганом!»

Бату-хан остановился большим лагерьем на реке Воронеже, среди дубовой рощи. Даже зимой в богатой травой степи привольно татарским коням. Разгребая копытами снег, татарские кони находили себе достаточно корма. Лагери других чингизидов растянулись по степи далеко на восток.

Воины говорили о скором набеге на урусутские земли, о том, что там откормятся и разгуляются вволю. Каждый самый простой воин награбит столько добра, что станет богат, как хан, владеющий целой областью и тысячами подданных.

Говорили, что урусуты народ сильный и злобный, как волки, и в бою упорный и стойкий. Они не отдадут без борьбы, без защиты свои пашни, свой скот.

Неожиданно прибыло посольство урусутв. Во главе — Феодор, молодой сын рязанского князя. Бату-хан, желая показать свое величие, сообщил через векиля, что он занят государственными заботами и примет князя Феодора через несколько дней.

Урусуты поставили на берегу шатры. Один большой княжеский с золотой маковкой, и три малых, пестрых из бухарской ткани. Субудай-Багатур окружил лагерь стражей, чтобы оберегать урусутов от дерзостей татарских воинов, которые сразу полезли в шатры и стали хватать все, что попадало под руку. Это вызвало несколько драк приезжих урусутов с татарами. Наконец, «бешеные» Субудай установили порядок, колотя древком копья любопытных.

Бату-хан, готовясь к приему урусутов, долго беседовал с сыном Субудай-Багатура, Урянь-Каданом, который ездил в рязанские земли, все высмотрел там и только-что вернулся. А сопровождавшая его шаманка Керинкей-Задан колдовала, напуская на урусутов страх и болезни, чтобы их сердца разорвались.

Урянь-Кадан рассказывал про города Рязань и Ульдемир.

— Это, — говорил он, — не простые города, а сильные крепости, и взять их будет нелегко. Потребуется много приступов, чтобы проломить высокие толстые стены. Летом дороги урусутов, как западни: всюду ручьи и топкие болота. Можно ехать только зимой по замерзшим рекам. Летом урусуты ездят друг к другу в лодках. Всюду дремучие леса. Эти леса защитные крепости. Поэтому надо идти на урусутов зимой, когда замерзнут реки.

Бату-хан пожелал видеть привезенные урусутами подарки. Но послов он все еще к себе не допускал.

На повозках было много шуб, лисьих и собольих, крытых акамитом и парчей. Десять воинов несли по связке мехов. В каждой связке — по сорок лучших темных соболей.

Для Бату-хана были еще подарки: прямой меч с золотой рукоятью, серебряное блюдо, чаши и кубки, а для его жен — украшения из драгоценных камней: повязки на голову, золотые ожерелья, перстни и запястья.

Бату-хан стоял суровый и недовольный возле шатра. Он равнодушно следил, как мимо проносили подарки. Все драгоценности складывались на коврах в его шатре. Он сказал, что получал из китайских дворцов более роскошные и искусно сделанные дары. Обрадовался только, когда перед ним провели двенадцать коней, один прекраснее другого.

Бату-хан сам отобрал себе вороного коня с белыми до колен ногами, который косился огненным глазом, поджимая зад, и пытался укусить державших его конюхов. Остальных коней Бату-хан велел отвести к другим царевичам.

Бату-хан принял, наконец, урусутских послов. В его шатре собрались чингизиды и главные военачальники. Джихангир сидел на золотом троне, в шапке, украшенной большим алмазом, в одежде, расшитой золотыми драконами. Он поддел стальную кольчугу, не доверяя урусутам. По правую сторону сидели на ковре его жены, «семь звезд» Бату-хана. Они уже украсились подарками, привезенными рязанским князем. На старшей жене было ожерелье из крупных жемчугов, на других золотые запястья. У младшей — на лбу повязка из жемчужных нитей. По левую сторону трона сидели ханы и военачальники.

Князь Феодор Рязанский оказался совсем молодым воином, роста среднего, статный, с широкими плечами. Держался прямо, смотрел гордо в глаза, не опуская взгляда, без улыбки — как дикий непокорный сокол. Он вошел без оружия, которое отобрали нужеры при входе в шатер. Князь Феодор сделал два шага и остановился, плохо видя в полумраке шатра. За ним вошли шесть человек его свиты и четыре боярина — его советники. Они выстроились в два ряда. Феодор снял собольий колпак и низко поклонился Бату-хану, коснувшись пальцами ковра. Его свита сделала то же самое.

Феодор сказал:

— Здравствуй на много лет, царь татарских стран, владыка и вождь храброго татарского войска.

Бату-хан долго молчал. Затем, зажмурил глаза, прошептал сидевшему у его ног рязанскому князю Глебу Владимировичу:

— Как этот невежа мне кланяется? Скажи ему, что он мне не ровня, а мой слуга. А слуги целуют землю.

Глеб Владимирович сидел на пятках, подобострастно прижавшись к трону. Он сказал послам:

— Князь Феодор Юрьевич! Ты стоишь перед кем? Перед величеством мунгалским и, дерзяся, не сгибаешь колен?

— Что-то мне лицо твое больно знакомо, — ответил Феодор. — Не ты ли князь Глеб Владимирович? Не ты ли изменой завлек своих братьев на пир и всех перебил? Теперь же ты переметнулся и помогаешь татарам губить русские земли? Объясни царю, твоему новому хозяину, что мы, христиане, земной поклон делаем только перед святой иконой, когда творим молитву царю небесному, и до сих пор у нас царя земного не было.

Бояре перемигнулись:

— Живуч Иуда!..

Глеб перевел слова Феодора. Пенной покрылись губы Бату-хана.

— Вся вселенная поклонилась моему деду, священному воителю. По всему миру он пронес ужас монгольского имени. Вы ли, урусуты, думаете спорить с нами? Все народы, которые дерзко с нами спорили, обращены в пыль и пепел. На что вы надеетесь? Вы ли нас сильнее?

Феодор спокойно сказал:

— Я слышал о твоем великом деде, хане Чагонизе. Я почитаю этого великого воителя и тебя, его внука, и желаю тебе здоровья и благоденствия на много лет. Но для чего тебе, столь богатому и сильному, нужны еще наши бедные рязанские земли? Вы, татары, живете в степях, кони ваши любят ковыльную траву. Мы же, как медведи, запрятались в лесах, живем в дымных избах. Почему нам не жить с тобою, как добрым соседям?

Глеб прошепел:

— Сосунок! Как ты смеешь так отвечать повелителю непобедимых монголов?

В это время в шатер вошел баурши и, пав на землю, прошептал:

— Обед готов. Разреши, ослепительный, принести все, что приготовлено для твоего пира.

— Неси! — сказал Бату-хан, оставаясь неподвижным и непроницаемым.

Феодор и его спутники продолжали стоять. О них как будто забыли.

Феодор и его спутники не раз бывали у половецких ханов, знали их обычаи: на пирах, во время угощенья, всякое блюдо, всякий кусок мяса, имеют свое значение, свой порядок и показывают больший или меньший почет. Поэтому русские зорко следили, будет ли им, как послам, оказан почет и какой именно.

По татарским обычаям, сваренный баран или другое животное — жеребенок, дикая коза — разнимается на части согласно особым древним правилам. Поручается это специальному лицу, опытному в этом важном деле. Туша разрезается пополам — правая и левая сторона животного — и раскладывается на особом блюде. Животное делится на 24 части, и эти части раскладываются либо на 24 блюда, либо на 12 блюд, по числу гостей. И каждый гость получает либо целое блюдо, либо, когда гостей много, одно блюдо едят двое или трое.

Слуги входили парами, торжественно неся перед собой на вытянутых руках одно золотое и следующие — серебряные блюда.

Баурши, взяв золотое блюдо из рук слуги, остановился перед Бату-ханом и опустился на колени. На блюде лежали: тазовая кость с мясом и голова барана. Бату-хан принял двумя руками блюдо и поставил перед собой. Он выхватил из-за пояса тонкий нож, отрезал одно ухо барана и передал голову своему брату, хану Шейбани, сидевшему слева. Тем временем ловкие слуги бесшумно проскользывали между гостями и ставили перед ними блюда. Четыре гостя получили по блюду каждый — знак высшего

пчета. Следующим подавали по одному блюду на двоих.

Баурши произнес молитву, после чего все татары принялись за еду.

О послах все забыли... Нет, и им слуги принесли два блюда и поставили перед ними на ковре. Но что тут было: конечности ног, кишки и хвостовые кости.

Послы поняли, что все это делается с умысленной целью их оскорбить, что им дают те части, которые уделаются низшим слугам, женщинам, очищающим внутренности животных, и мальчишкам, которые подкладывают катыши кизьяка под котел. Ни один из русских не протянул руки к блюду, все спокойно наблюдала за обедом. Некоторые шутки, которые отпускались на их счет, были понятны послам.

Наконец все обедавшие покончили с мясом и стали вытирать вымазанные в сале руки о цветные ширинки¹, о полы шуб, а то и о голенище правого сапога. Слуги принесли серебряные подносы, где стояли разной величины и формы золотые кубки и чаши с хмельными напитками: кумысом и хорзой, кто что пожелает.

Все взяли в руки чаши. Русским послам также принесли чаши, полные хмельной хорзы.

Тогда баурши встал на колени перед Бату-ханом и произнес благодарственную молитву:

Тебе, неодолимому доблестному хану, за гостеприимное угощение да пошлет небо благословение на голову твою.

Преобразившись в счастливую птицу, да посетит наш покровитель бог Сульдэ этот золотой шатер, где мы сидим.

Пусть хозяйки этого шатра двенадцать раз будут плодоносны, и их глаза озарятся радостью, увидев, что у них родился сын, а не дочь.

Да не отступит никогда от тебя богатство! Данное тебе небом счастье да не будет никем растоптано!

Да окружают твой шатер тысячи тысяч верблюдов, у которых задние горбы свешиваются от сала, и громко ржущие друг перед другом стройные жеребцы и жеребята, и стада овец и баранов, и жирные коровы и быки, у которых на ходу хрустят казанки.

А если кто умыслит злое против тебя, пусть у того лошадь умрет в походе, и жена

умрет, не увидав возвращения мужа, и пусть кибитка завистника разломится с треском, и спицы юрты сломаются и воткнутся твоему врагу в спину!..

Все стали пить. Русские тоже поднесли чаши к губам. Но тут один из ханов воскликнул:

— Пусть погибнут урусуты, как саранча под ногой верблюда!

Другие ханы поддержали:

— Да разлетятся урусуты, как воробы перед кречетом, как шакалы перед борзой-волкодавом!

Послы опустили чаши и поставили их перед собой.

Бату-хан увидел, что русские не пьют, и стал издеваться над ними:

— Зачем вы приехали одни? Вы бы привезли с собой своих жен.

Князь Глеб, вторя общему смеху, сказал:

— Вот князю Феодору особенно следовало бы привезти свою молодую жену Евпраксию. Она заморская царевна и славится красотой, как звезда на небе.

Сильно охмелевший Бату-хан сказал Феодору:

— Сходи скорей домой и привези нам молодую жену. Она бы нам и попела, и поплясала, и красотой своей усладила нас.

Князь Феодор ответил спокойно:

— Так поступать недостойно! Если ты нас в войне одолеешь, тогда завладеешь всем, что у нас есть.

Князь Итеславльский шепнул князю Феодору:

— Нам здесь больше делать нечего.

Князь Феодор встал. Бату-хан, прищурив глаза, смотрел на него.

— Ты прости меня, светлейший хан, но мы должны ехать домой...

Феодор и все послы поклонились Бату-хану до земли, сняв колпаки. Феодор выпрямился, тряхнул кудрями, нагнувшись на брови соболий колпак и, прямой, смелый и гордый, вышел из шатра.

Бату-хан шепнул несколько слов Субудай-Багатуру. Полководец, кряхтя, поднялся и, пятясь, проковылял к выходу.

¹ Ш и р и н к а — полотенце.

Бату-хан, вцепившись в ручку трона, сидел неподвижно. Все замерли, прислушиваясь и ничего не понимая. Послышался конский топот... Всадники пресеклись мимо шатра.

Отчаянные крики... Сдавленные хрипящие стоны. Звон и стук мечей...

Бату-хан сидел попрежнему неподвижно. Никто не решался шевельнуться и встать с места.

Вернулся Субудай-Багатур. Его глаз сверкал, лицо покрылось каплями пота. Он задыхался.

— Ну что? — спросил Бату-хан.

— Все перебиты!.. Остался в живых один старик-слуга... Отняв татарский меч, он бился над телом своего господина, коназа Феодора, и до сих пор стоит над ним с мечом в руке. Я приказал его не трогать. Твой дед, священный вонтель, не раз говорил: «Нужно возвеличить верного слугу, даже если господин его был твоим врагом».

— Я хочу его видеть. Коназ Галиб, приведи его!

Князь Глеб Владимирович поднялся и, разминая ноги, пятясь по-монгольски, вышел из шатра. Он вернулся с высоким, седым стариком. Два монгольских воина держали старика за локти. Лицо его было рассечено, кровь стекала по белой бороде.

— Кто ты? — спросил Бату-хан.

— Я пестун и слуга князя Феодора Юрьевича.

— Как звать тебя!

— Апоница.

— Хочешь служить у меня? Ты будешь в почете!..

— Прикажи меня зарубить, а служить у тебя не буду.

Младшая жена Бату-хана, Юлдуз, сказала дрожащим, слабым голосом:

— Джихангир, отпусти его!

Бату-хан покачал одобрительно головой и сказал:

— Ты человек верный. Я тебя прощаю. Я дам тебе коня. Разрешаю ехать обратно. Расскажи коназу Рязанскому, что его сын за дерзкую грубость перед царем вселенной казнен. Субудай-Багатур, приставь к этому урусуту четырех надежных нукеров. Прикажи, чтобы они его в пути не убили, а довели невре-

димым до первого урусутского сторожевого поста.

Монголы вывели из шатра Апоницу. Бату-хан и его гости продолжали пир и обсуждали планы наступления на землю урусутов.

3. МОНГОЛЫ НАСТУПАЮТ

Первым в вихре снежной пыли ушел тумен «бешеных» Субудай-Багатура. Своими стремительными переходами, меняя в пути коней, Субудай пробивался через сугробы. Он посадил на коней нескольких половецких пленных проводников. Они указывали ему едва заметные степные тропы. Субудай держал проводников возле себя и расспрашивал обо всем, что ему казалось странным и необычным.

Быстрым налетом его передовой разъезд захватил в лесу трех охотников. На поясах у них мотались десятка два белок. Около них вертелась черная лохматая собачонка. Пленных привели к Субудая. Он сидел на саврасом заиндевавшем иноходце. Из-под лилового малахая с наушниками виднелся только его сверлящий глаз.

— Что вы тут делаете? — спросил Субудай через половецкого переводчика.

— Белкуем.

Переводчик объяснил Субудая, что охотники ходят по лесу, бьют стрелами и ловят в западни белок.

— А где вы спите ночью? Уходите назад в свой дом? Где ваша юрта?

— Нет! Пока мы промышляем, мы спим в лесу. Изба далеко. Разве можно в нее возвращаться с охоты?

— Как далеко?

— Дней шестнадцать ходу.

— Как же вы спите в лесу? Как заяц, в снегу?

— Зачем, как заяц! Мы копаем в снегу яму до самой земли, чтобы было сухо. И тогда уже на земле разводим костер. Мы спим возле костра, как на печке, или ложимся на то горячее место, где горел костер.

— И тепло?

— Как в избе. Снимешь полушубок, набросишь на плечи, греешься и спишь.

— А какой делаете костер? Из чего? Из веток?

— Зачем? Свалишь рядом три лесины, разожжешь их посередине — лесины и пылают всю ночь, одна от другой разгораются, жар берут. Ночью встанешь, передвинешь обгорелые концы лесин в огонь и опять заснешь.

— Трудно срубить лесину?

— Почему трудно? Дело привычное.

— Покажи, как ты рубишь?

— Почему не показать.

Охотники вытащили из-за спины топоры, поплевали на руки. Один из них хотел сбросить полубок. Другой заворчал: «Не скидывай, украдут твою лопоть!» Охотники ловко и быстро срубили три еловых лесины, оттащили их и сложили рядом, обрубив ветки. Посередине, быстро высекая из кремня железным огнивом искры на трут, разожгли бересту. Положили на бересту еловые ветки, и лесины запылали веселым пламенем.

Субудай внимательно следил за работой охотников и сказал своим помощникам:

— Эти охотники будут показывать нам, как прорубать просеки. По ним мы протащим к Рязани наши китайские камнеметные машины.

Субудай показал пальцем на лохматую собачонку, которая жалась к ногам охотника и грызлась на монголов.

— Как по-урусутски зовется эта зверушка?

Охотник ответил:

— А пес! Пустобрех!

Субудай спросил другого:

— Как зовут зверушку?

— Жучка! Тютька!

Субудай спросил третьего охотника. Тот сказал:

— Лайка! Охотницкая собачонка.

Субудай покачал головой.

— Трудный язык урусотов. По-монгольски все просто и ясно — одно слово «нохой», и все знают, что это собака. А урусуты — путаники. Каждый называет по-своему. Вот они и не понимают друг друга. Потому всегда и ссорятся.

4. КНЯГИНЯ ЕВПРАКСЕЮШКА

Проходили дни, а от посольства, отправившегося к татарам, все не было известий. В Рязани стали тревожиться: «Что с послами? Почему не шлют гонцов? Скоро ли приедут?»

Княгиня Евпраксеюшка места себе не находила.

— Зачем я отпустила Феодора? Почему не упростила его взять меня с собой? Берегла бы его там.

Часами просиживала она в высоком тереме. Без усталости глядела в окно на далекую снежную равнину — не покажутся ли долгожданные путники...

Но уныло простиралось бескрайнее поле, пустынное, неприветное. Напрасно искали темные глаза Евпраксеюшки — не видно было поезда посольского. Туманились прекрасные глаза, бледнело молодое лицо. Заливаясь слезами, роняла она голову на беспомощные руки.

— Ну, что ты, родная, убиваешься! — уговаривала ее старая нянька. — Ладно ли так? Приедет князь-батюшка, что скажет? Не уберegli тебя... Смотри, как исхудала!

— Измучилась я... Чует сердце беду...

— Полно, что ты! Еще накликаешь...

Старуха торопливо крестилась и кланялась иконам в переднем углу.

Евпраксия, в тоске и тревоге бродя по хоромам, услышала озлобленные, раздраженные голоса и вошла в gridницу. Там собрались съехавшиеся на совет князя и воеводы. Они сидели и спорили, кричали, шумели. Один говорил одно, другой не соглашался, и решить ничего не могли. Ели и пили за длинным столом и снова принимались за споры.

— Надо еще раз послать гонцов во все большие города, — говорил важный седой князь. — Надо собрать всех князей, весь народ, надо всем миром, сообща, итти против татарских полчищ.

— Соберешь вас! — возражал Юрий Ингваревич. — Посылал я во Владимир-Суздальский к князю Георгию, а что толку? Даже не ответил!

— Неужто великий князь Владимирской не оставит своей гордыни? Неужто не двинет свои полки на подмогу?

— Будет медлить! Наше разорение ему наруку: он давно хочет себе примыслить рязанские земли...

Старый князь уныло покачал белой головой:

— Пора бы оставить раздоры и ссоры. Каждого из нас в отдельности легко татары осилят. Будем вместе стоять, тогда им с нами не справиться. Надо нам соединиться, одной головой думать!..

Молодой князь вспыхнул и вскочил с места:

— А этой головой не тебя ли назначить?

— Куда мне! Я стар!

— Знаю я тебя! Ты давно ищешь власти, а я к тебе под начал не пойду!

— Довольно ссориться! — вмешался Юрий Ингваревич. — Если к Батыге под начал попадем, хуже будет! Я мыслю выйти с моими рязанцами навстречу татарам в Дикое поле, чтобы задержать их там, пока из Владимира не подойдет подмога.

— Одних рязанцев мало, — возразил старый князь. — Надо поднять народ всей земли русской, призвать всех, и землян, и городских...

— Что толку с простых смердов си-волапых! — запальчиво вставил слово один воевода.

— Может, больше толку, чем с иных воевод! — вызывающе ответил молодой князь.

Сидевшие вскочили и бросились друг на друга.

— Стыдитесь, князь! — успокаивал споривших князь Юрий. — Одумайтесь! Всем нам погибель грозит, а вы что делаете?

— А сам ты что сделал? — крикнул дерзкий голос.

— Я сына не пожалел, к татарам отправил! — с достоинством отвечал Юрий Ингваревич. — Бог знает, что с ним случилось! Нет ли беды? До сих пор нет вестей...

— Может, удалось ему уговорить царя Батыгу? Может, не пойдут на нас татары?

— А чего нам их бояться? Кто их видел? Может, и не страшны они вообще?

Князья снова заспорили, снова зашумели, стараясь перекричать друг друга.

Евпраксия постояла в дверях, послушала и печально вернулась в свой терем. Еще тоскливее стало на душе.

Снова тоскливо смотрела она на далекую безлюдную дорогу, снова лились из глаз непослушные слезы.

Старая княгиня, скрывая собственную тревогу, утешала любимую сноху. Даже невестки пытались развеселить ее, — но Евпраксия никого не слушала. Бесцельно бродила она по опустевшим горницам и думала все ту же безрадостную думу:

«От князей защиты не дождешься, а Феодора все нет!.. Придут татары. Кто укроет, кто заступится? Князья все спорят да ссорятся, каждый верховодить хочет... Погубят они землю русскую! Придут татары... Зарежут, аль уволочут к себе».

Семена ножонками, подошел к ней сынишка. Крепко прижавшись к матери, поднял на нее отцовские глаза. Хоть и мал был, а чувствовало дитя, что у матери горе. Обняла Евпраксия любимца, с трудом сдержала слезы.

Снизу послышался странный шум. Захлопали двери, раздался громкий войль и рыдания.

Сердце оборвалось у Евпраксии. Не помня себя, с ребенком на руках, опрометью бросилась она вниз, вбежала в горницу... На руках у плачущих женщин билась старая княгиня Агриппина. Князь Юрий, казалось, потерял разум. Он рвал на себе одежду и кричал:

— Я виноват в его кончине! Я!..

Впереди стоял старый Апонца, верный слуга и пестун князя Феодора. В рваной и грязной одежде, с запекшимися кровавыми ранами, измученный и похудевший, он заливался горькими слезами:

— Изрубили его, окаянные! Никого в живых не оставили! Меня отпустили вам поведать... На моих руках скончался наш соколик!

Евпраксия не закричала, не забила слезах и причитаниях. Молча повер-

нулась и, прижимая к груди сына, вышла из горницы. Поднялась по витой лестнице в свой терем, подошла к окну, распахнула его и вместе с ребенком бросилась на черневшие внизу камни.

5. ПЛЕННЫЕ МОНГОЛЫ

Рязанское войско вошло в глубь Дикого поля. Застигнутое метелью, войско остановилось боевым лагерем.

Князь и воеводы сидели в шатре тесным кругом на большом ковре. Думали, как оберечь русскую землю. В шатре, сквозь полотнища, слышалось завывание метели, унылый свист ветра. Лучины в двух поставцах горели трепетными огнями. Угольки, шипя, падали в деревянные ковши с водой. Чадь¹, сидя на коленях, присматривал за огнем. Нападения не жди в такую ночь, — буря с ног валит!

Кто-то подъехал на коне. Стал спрашивать, где найти князя? Приподняв тяжелый полог, в шатер пролез засыпанный снегом отрок в нагольном полушубке. Скинув запыленный колпак, отрок сказал:

— Приехал старый воевода Ратибор. Говорит: важные слухи привез. Ждать до утра не может.

— Какой он воевода! — сказал один из князей, давно враждовавший с родичами Ратибора. — Не поп и не расстрига! Сидел бы в монастыре и отбивал бы лбом поклоны и молитвы! Бродит по ночам, как леший. Видно на душе немало тяжких грехов, если не спится, не сидится и сон не берет.

— Истину ли ты говоришь? Бог тебе послух! — ответил из угла другой голос.

Все замолкли. Отрок приподнял полог, и в шатер вошел большой, грузный Ратибор. Он снял меховой треух, растегнул нагольный полушубок. Вытащил и расправил окладистую седую бороду. Перекрестился трижды на образ в золоченой ризе, стоявший на кожаном сундучке в углу, и поклонился в пояс князю Рязанскому.

— Проходи, отче Ратибор! — сказал князь Юрий Ингваревич. — Садись с нами. Трудные думы сейчас у нас. Может, ты что доброе скажешь?

Ратибор опустил на ковер и начал свой сказ:

— Я держал сотню дружинников в засаде, в камышевой заросли. Хотел выловить татарина. Надо у них выведать, что они надумали. Метель нас засыпала снегом, да обидно было отступать с пустыми руками. На счастье наше, заметили мы нехристей. Видно, сблизись с пути, или сами пробирались, чтоб достать у нас языка. Мы дружно набросились на них. Они пустились наутек. Одного удалось стащить с коня. Как дикий зверь, отбивался, визжал, не хотел покориться. Насилу мы его ошарашили секирой и перевязали ремнями.

— Живьем забрали?

— Забрали и допытывали. Видно, много знает, а сказать ничего не хочет.

— Пытать не умеешь, — сказал кто-то. — Привез бы ко мне.

— Я и привез.

— Давай-ка сюда! — сказал князь.

Отроки ввели в шатер пленного. Руки его за спиной были затянуты ремнями. Лицо сухое, точно выкованное из красной меди, напоминало голову рассерженного сыча. Глаза, надменные и зловещие, на мгновение острым испытующим взглядом остановились на каждом из сидевших в шатре. Это были глаза гордого, непокорного, но затравленного зверя, готового к прыжку при первой надежде на битву и свободу.

Князь приказал крикнуть Лихаря Кудряша.

— Ты будешь отвечать? — обратился Лихарь к пленному.

Тот покосился на него и отвернулся.

— Если молчать будешь, тебя прижгут огнем.

— Буду отвечать.

— Кто ты? Как тебя зовут?

— Я сотник Уряих-Кадан, из туме-на владыки всех владык Бату-хана.

— Сколько у него войска?

— Войска у Бату-хана столько, что пересчитывать его придется девяносто девять лет.

— Где находится Бату-хан?

¹ Чадь — слуга.

— Здесь, в степи. На расстоянии полета стрелы. Прямо перед вашим войском.

— Куда он идет?

— Бату-хан идет покорить урусутэв и сделать их своими кандалниками.

— Почему он стоит, а не идет вперед? Бойтся нас?

— Бату-хан ничего не боится. Он выжидает, пока успокоится метель. Злые духи урусутэв плюют снегом нам в лицо, не хотят пустить нас в свои земли. Когда сингоны прогонят урусутских мангуссов, Бату-хан пойдет вперед, прямо на город Рязань.

— Кто главный начальник у монголов?

— Их много. Главные начальники — одиннадцать царевичей священной крови великого воителя Чингиз-хана.

— Все ли идут на Рязань?

— Чтобы итти всем на Рязань, нехватит места войскам, корма коням. Войска идут рядом, широкими крыльями, как облавой на охоте. Самый правый — Шейбани-хан, самый левый — Гуюк-хан.

— Кто из них идет на Рязань?

— На Рязань сперва пойдет Гуюк-хан, а за ним Бату-хан.

— А что делают другие начальники?

— Они идут на другие города урусутэв.

Князь задумался, и воеводы поникли головами. Поняли, что тяжелая будет борьба с надвигающимися, как тучи, татарскими войсками.

— Кто же скажет бодрое слово? Кто даст дельный совет? — спросил Юрий Ингваревич.

На лице монгольского пленного как будто мелькнула насмешливая улыбка. Князь Юрий сказал Кудряшу:

— А ну-ка, возьми пленного и держи его крепко. Завяжи ему ноги сыромятными ремнями, веревки перегрызет зубами и убежит. Уведи его отсюда.

Кудряш вышел с пленным. Ратибор, расправляя бороду, кряхтел и вздыхал, что-то душило его.

Воеводы молчали. Князь обратился к Ратибору:

— У тебя, отче Ратибор, опыта во-

инского много. Ты бы сказал, что думаешь о тех вестях, какие нам поведал нечестивый мунгал?

— Прихвастнул мунгал перед нами. Войско у них большое, верно, — но тут для них и выгода, тут им и горе. Большое войско, такое, как у них, стоять долго на месте не может. Монгольские кони уже объели всю траву, выбили копытами даже корни из земли. Еще несколько дней — и у мунгалов начнется падеж их табунов, кони друг у друга начнут отгрызать хвосты. Если бы наши князья дружно стояли одним полком, никакие мунгалы нам не были бы страшны.

— Верно ли говорил мунгал?

— Конечно, врал, что татарское войско надо считать девяносто девять лет, ну, а все прочее — правда.

— Что же, по-твоему, надо делать?

— Мунгалы растянулись отсюда до самого Пронска. Одним валом они на нас не ударят. Если не соврал мунгал, то перед нами стоят полки Гуюк-хана и самого Батыги. Надо, не теряя ни часа, двинуться вперед и отколоть Гуюка от середины, где стоит войско Батыги. В такую метель они ничего не заметят. Нападём на войско Гуюка и погоним его. Затем повернем на Батыгу. Это будет трудное дело, — но если на нас навалятся мунгалские полки, то будет нам еще труднее. Тогда — наш конец!

Воеводы заговорили, заспорили, каждый давал свой совет. Князь Юрий Ингваревич принял в конце концов совет Ратибора, приказал с рассветом поднимать войско и наступать на левое крыло татар.

6. БИТВА В ДИКОМ ПОЛЕ

«...Лежали на земле пuste, на траве ковыле, снегом и льдом померзоза, никим брегоми, и от зверей телеса их снедаемы, и от множества птиц растерзаемы. Все бо лежаша купно, умроша, едину чашу пища смертную».

Повесть о приходе хана Батыя, XIII век

На рассвете полки были наготове. Дружинники ночевали в снегу. Костров не разводили. Метель затихла, снег повалил крупными хлопьями. За холмами

занималась заря. Воины подымались, отряхали снег, брали секиры и копья. Кто имел, надевал кольчугу.

Князь Юрий Ингваревич проезжал вдоль полка. Воины строились плечо к плечу.

В тихом воздухе четко разносилась речь князя:

— Готовьтесь, братья мои молодые, воины смелые, удалцы, узорочье рязанское! Окаянный враг стал с мечом у русских пределов. Занес он руку над нашей волей. Готовьтесь к борьбе. Зачем поднялся на нас лукавый враг средь мира и покоя? Он уже владеет всей землей половецкой. Чего он от нас еще хочет? Огонь и меч пустить по нашей земле! Поганые мунгалы камня на камне не оставят в свободной Рязани. От вашей храбрости зависит судьба родного города, наших пашен, сел, любимых детей, жен и родителей наших. Грозный враг не дремлет. Он спешит на Рязань, чтобы отогреться пожарами, поживиться добром нашим. Враг здесь, перед вами! Скоро начнется бой. Не отступите перед ним!.. Я, брат ваш, напредь вас иду испытать чашу смертную. Умрем за вольную отчину отца нашего Ингвара Святославича!

Лицо князя было угрюмо и хмуро, но строгие глаза горели несокрушимой волей. Он сжимал рукоять меча, сдерживал нетерпеливого, застоявшегося на морозе гнедого коня.

Воины отвечали короткими криками:

— Постоим! Не печалься! Скорее Ока назад потечет, чем мы отступим!

Тысячные и сотники объезжали ряды своих отрядов и объясняли:

— Мы пойдем навстречу окайным мунгалам. Будем пробиваться в их середину, раскалывать их надвое. Покончим с одним крылом, тогда навалимся на другое. Будьте стойки! Мунгалы хитры. У них старая волчья сноровка. Они притворно побегут, как будто поджали хвосты, чтобы увлечь наши полки в засаду. Не верьте им и не гонитесь за ними! Стойте так же дружно, плечо к плечу, и ждите, когда князь начнет второй удар. Так мы отобьем мунгалов...

Запорошенные снегом воины слушали сурово и спокойно, опираясь на шестоперы, копья и секиры. Их потемневшие от времени и непогоды полушубки и рыжие армяки, подпоясанные узким ремнем с ножом в деревянных ножнах, их лапти и шерстяные онучи, обвитые до колен и затянутые лыковыми бечевками, — все говорило о скудной жизни, о повседневной тяжелой работе. Они встали на защиту рязанской земли. Они лягут на месте, но не пустят врага к оставшимся позади родным избам.

Войско двинулось вперед медленным шагом, взбираясь на отлогие гребни холмов. Итти было трудно. Буря нанесла снегу до колен.

Уже поднялись на гребень передние ряды и остановились. Вдруг резкий крик прорезал напряженную тишину.

— Урусут! Урусут!

Это закричали во всю силу, подавая знак своим, связанные пленные, шедшие рядом с Ратибором. Этот крик повторился и впереди, и справа, и слева и перекатился вдаль. Степь, засыпанная глубоким снегом, казавшаяся мертвой пустыней, вдруг ожила. Из снега поднялись темные фигуры, послышались гортанные выкрики, и с гулом и топотом множество людей и коней понеслось по снежной равнине прочь, все дальше, теряясь в сумеречном тумане. Гул затих, и только вдаль слышались отдельные выкрики. Вскоре все исчезло...

— Ну и татарва! Ну и окайные мунгалы! — говорили дружинники. — Чего ж они побежали. Нас испугались? Или завлекают? Нас не проведешь.

Сотники успокаивали воинов и указывали места, где им ложиться, прячься за бугры.

Русские ряды опустились в снег, выжидая, прижимаясь друг к другу. Багровое солнце прорезало низкие тучи и длинными розовыми лучами осветило белоснежную равнину. Вдали ясно виднелась извилистая линия монгольских всадников. Они уже направлялись обратно, выставив вперед копья, положив блестящие кривые мечи на правое плечо.

Дружинники продолжали безмолвно

лежать в снегу, прячась за грядой холмов.

Уже слышался равномерный глухой топот мчавшихся монгольских коней. Казалось, вся степь гудела и дрожала от удара десятков тысяч копыт. В облаках снежной пыли и пара от разгоряченных коней приближались разъяренные монголы.

Они дико визжали:

— Кху, кху, кху, уррагх!

Татары стали взбираться по отлогому скату холмов, где затаились русские. Несколько коней споткнулись и грохнулись, другие продолжали мчаться нестройной лавиной. Они были шагах в двадцати от гребня. Рязанские воины вскочили и бросились на врага с криками:

— Вперед, Рязань!

Кони были ошарашены. Одни повернули назад, другие, сбросив всадников, поднялись на дыбы и упали. Остальные продолжали мчаться, встречая повсюду удары секир и топоров.

Русские яростно нападали на всадников, разрубая меховые шубы и железные колпаки. Кривые сабли татар мелькали в воздухе. Они пустили в ход большие луки, метали длинные стрелы с закаленными стальными наконечниками. Русские воины падали, снова вставали, продолжая бой, и продвигались вперед, вниз с холмов, куда стала откатываться монгольская конница.

Рязанцы одолевали. Монгольский удар не опрокинул русские ряды. Ополченцы, стиснув зубы, хрипя, бились отчаянно, прорубая страшную дорогу среди быстро вертевшихся монгольских всадников.

Прозвенели удары в медные щиты. Послышались резкие выкрики монгольских сотников. Татарская конница круто повернула обратно и помчалась, откатываясь черными волнами от снежных холмов, устланных трупами. Пытаясь встать, окровавленные кони бились на земле. Другие, спотыкаясь, старались ускакать в сторону, волоча зацепившегося ногой за стремя всадника.

Много мертвых тел лежало на отлогом скате холма, под низкими свинцовыми тучами.

7. МЕРТВОЕ ПОЛЕ

О поле, поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями?

Пушкин

Утром лучи багрового солнца, как полоска крови, протянулись низко над снежной равниной. К Бату-хану прискакали гонцы и рассказали, что тумен Гуюк-хана напал на войско урусутов. Урусуты дрались со страшной яростью, как злые духи мангусы. Они рубили топорами и людей, и коней. Войско Гуюк-хана не удержалось, не могло одолеть урусутов и отхлынуло обратно, потеряв очень много воинов.

Бату-хан спросил мнение своих ханов и подконец Субудай-Багатура. Все говорили, что Гуюк-хан должен снова напасть на урусутов. Но Бату-хан сказал:

— Если Гуюк-хан не мог взять холмы, где залегло небольшое войско урусутов, то где же ему захватить Рязань с крепкими высокими стенами? Он опозорил славу и ужас монгольского имени. Пусть он сперва нашьет заплаты на дыры своих шароваров, лопнувших после боя с урусутами. Мы повелеваем: наш тумен «непобедимых» и тумен «бешеных» Субудай-Багатура пусть немедленно выступают, нападут на холмы, где залегли урусуты, и, не задерживаясь, идут на Рязань. Гуюк-хана мы ждать не будем. Моя тысяча пойдет со мной. Я буду сам наблюдать за боем. Пленных не брать. На поле битвы не останавливаться. В пути сделать самую короткую остановку, чтобы только подкормить коней и дать им передышку. Хань поставят свои юрты перед стенами Рязани.

Метель кончилась. Солнце появилось на светлом бирюзовом небе. Ветер угнал к югу серые тучи.

Ярко блеснула равнина, гладкая, спокойная, похоронившая под снежным покровом тысячи убитых и раненых.

Вереница волков пробиралась трусцой по прямой, как струнка, тропинке. Каждый волк ставил лапу в след переднего. Вожак шел в ту сторону, откуда доносился острый запах крови.

На снегу чернело много трупов. Зве-

ри приближались. Иногда лежавший шевелился. Тогда вожак делал прыжок в сторону и отходил в новом направлении.

Стаи ворон и галок летели к полю битвы. Они садились возле павших,

медленно, косыми прыжками, приближались к ним. Изредка взмахивала рука. Стая взлетала с хриплым карканьем, искала новой поживы.

На мертвом поле волки и вороны справляли свой кровавый пир.

★

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ ГОРИТ

1. ДЕРЖИТЕ КРЕПКО ТОПОРЫ

...О, родина святая!
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя!..

В. Жуковский

Твердым, мерным шагом Савелий Дикорос шел на север обратно к Рязани. Белая равнина, пересеченная голыми рощами и засыпанными снегом оврагами, была пустыня. Иногда вдали виднелись темные точки. Это были немногие, случайно уцелевшие рязанцы; все они тянулись к родной земле.

Когда-то здесь, на большом шляху, были мелкие поселки, торговавшие со степняками. Они стояли теперь пустые, и ветер свистел в открытых настежь воротах. Стаи галок и ворон опускались на безлюдные дворы и, не найдя ничего, каркая, улетали.

В пути Савелий не встречал монголов. «Видно, отдыхают после боя, отыскивают свих раненых и грабят наших упокойничков».

Его обогнали несколько плетеных коробов на полозьях. Сани везли крепкие лохматые лошаденки. За ними брели коровы, телята, бараны. Из коробов выглядывали детские головы. Мужики и бабы плелись сзади, подгоняя хворостинами усталый скот.

— Откуда бог несет, добрые люди?

— С заставы, за Пронском. Во-время поднялись, едва ушли от степняков, — ночь и вьюга нас укрыли. Слешим до Рязани, там найдем защиту. Здесь бо-язно, — нагрянет татарва, тогда свету божьего не увидим! Ну, ходи, Пестрянка! Вперед, Рыжуха! Вперед!..

Савелий равномерно шагал, как привык ходить по лесу или за сохой. Он

шел и ночью, и днем, отдыхая неподолгу, прислушивался к каждому шороху и крику, опасаясь снова увидеть татар.

Наконец ранним утром вдали, под нависшими тучами, показались засыпанные снегом высокие валы и бревенчатый тын Рязани. За ним виднелись разноцветные церковные купола. Голубоватый дымок вился над избами пригородных посадов.

У раскрытых городских ворот Савелия задержали сторожа в тулупах и железных шишаках. Опираясь на секиры, они загораживали проход.

— Кто? Откуда? По какой нужде идешь в Рязань?

Узнав, что Савелий идет с Дикого поля, где полегли рязанские полки, сторожа кликнули отрока и поручили ему отвести Савелия к воеводе.

Старый хмурый воевода, накинув шубу на одно плечо, стоял на крыльце бревенчатого дома и, печально покачивая головой, слушал рассказы нескольких ратников. Все они были повязаны окровавленными тряпками: у кого была ранена голова, у кого плечо или рука.

— Тяжело было! — говорил лохматый мужик, без шапки, с повязанной головой. — Бились-то мы крепко, да татар больно много было. На одного навалится десять. Отобьемся — думаешь — передохнем! Куда там! Глядишь — опять несутся, проклятые. Не по-людски орут: — Кху, кху! Уррагх! Многих мы порубили. Но и наших не осталось. Все полегли там! И государь наш, князь Юрий Ингваревич, свою голову сложил на Диком поле.

— Как ты-то спасся?

— К ночи татары затихли. Я спу-

стился в овраг, перевязал рубахой рану на голове и зарылся в сугробе. К утру завывали волки. Я подался на север, обошел дорогу на Пронск. Тут сбег¹ меня подобрала.

Воевода снял меховой колпак, перекрестился на золоченый крест соборной церкви и сказал:

— Вечная память сложившим свои головы за родную землю. И внуки, и правнуки не забудут этой крови, залившей Дикое поле. Не мы напали на татар. Это они пришли сюда жечь наши избы, отымать наших коней. Это они хотят резать мужиков наших и полонить детей и жен. Будем драться, братья! Не отдадим родной земли!

Твердая решимость была у всех на лицах. Кто-то сказал:

— Не отступим! Будем биться!

Воевода продолжал:

— Если мы и падём, то в лесах укроются наши дети и внуки. Они подрастут, ответят сыновьям царя Батыги в урочный час. Чую, татары скоро прикажут сюда, к стенам Рязани. Они полезут и дальше, на Суздаль, Ростов и Новгород. Но удержатся ли они там?.. Это мы вспахали пустыри и осушили болота. Мы вырубали древние леса, выкорчевали вековые пни, а татарам здесь будет не любо. Пронесутся они по дорогам, сорвут зипуны, шубы и бабьи телогрейки, а затем все одно повернут назад в свои степи. У них кони легкие, к ковылю привыкли, на болотной трясине они завязнут, нашей сохикормилицы не потащут. Не опускайте руки, братья-друзи, держите крепко топоры! Идите на стены рязанские! Будем крепко биться! Выдержим!

2. НА РЯЗАНСКИХ СТЕНАХ

Расположенная на высоком обрывистом берегу над Окой, Рязань казалась неприступной. Земляные валы были огорожены тыном из дубовых стоек. Крутые скаты, политые водой, покрылись наледью, по которой взобраться было невозможно.

Все население города и ближних посадов поднялось на защиту родной Ря-

зани. Немало рассказов вспомнили бойцы о том, как в старину осаждали город и половцы, налетавшие из степей, и безжалостные суздальцы, грабившие своих же русских братьев. Нелегкое дело одолеть эти огромные откосы стен, когда сверху польется горячая вода и кипящая смола. Нужно только дружной ратью встретить врагов.

Воевода и бояре не ссылали больше охочих людей, — теперь все улицы, все концы сами собрали свои дружины. Каждый являлся в дружину, приносил с собой меч, секиру, копье или тугой лук. День и ночь стучали молотки, кузнецы «надыманием мешным» «творили разжение железу» и ковали добротные булатные мечи. Искусные «ремесвенники» готовили шлемы, кольчуги, щиты и стрелы.

Савелию Дикоросу было указано место на городской стене — над обрывистым скатом к реке. Сам воевода назначил его быть старшиной над полусотней ратников. Савелий не стоял без дела. Он позаботился о запасных стрелах и о камнях, сложенных горами возле каждого защитника. Достал он и тяжелые секиры, и шестоперы. Вместе с другими вырыл землянку, чтобы можно было в ней укрыться от непогоды.

Невдалеке находился лабаз Живилы Юрятича, новгородца, где хранились пенька, соль, хлеб и другие товары. Савелий прошел к купцу и сурово спросил:

— Ты, Живила Юрятич, грешься на теплой лежанке, а почему к нам на стену не заглянул? Мы и днем, и темной ночью, в непогоду и в стужу стоим на страже и не видим даже горячей полехки-пустоварки. Ты как же нам помочь думаешь?

Рослый, дебелый купец в лисьей шубе поежился и заговорил грустным слабым голосом:

— Я ведь не тутошный, я новгородец. Да и, выкатывая бочку с варом, с тула сдернул, и теперь мне в нутре жгет. Лучше я моих молодцов-сидельников на стену поставлю. Только вот с делом управляюсь. Князю Юрию Ингваревичу я подарил для ратного дела десять лодок с хлебом. Теперь и вас

¹Сбег — беженцы.

кормить стану. Сегодня же прикажу поварихам каждый день давать твоим молодцам котел похлебки и котел крупяной каши. Может быть, Спас-Неруководный простит мне по грехам моим.

Савелий ночевал на стене, завернувшись в тулуп. Ему не спалось, на сердце было тревожно. Он часто вставал, прислушивался, всматривался в туманную даль, — не видать ли татарских огней?

Утром подъехал на небольшом пегом коне половчанин в цветном клобуке с меховыми отворотами и в одежде, обшитой красными тесемками. Приезжий окликнул:

— Савелий, аль меня признать не хочешь?

— Кудряш?! Что же ты так чудно переоблокался?

— Еду в поле Батыгово, может, князя Юрия Ингваревича тело найду...

— Кудряш! ты по-напрасному едешь, — сказал Савелий. — Татары бегают по дорогам. Поживы ищут. Слыхал, царь Батыга идет сюда с повозками, с вельбудами, с огнем и молоньей. Схватят тебя татары и кожу сдерут.

— Пустое! Пусть не хвалится Батыга! — отвечал Кудряш. — Может, и споткнется. У него две руки, да и меня мать родная не с одной рукой родила. Погодим сегодня, посмотрим, что будет завтра. Соберу ватагу молодцов. Будем за татарами и мунгалами следом ходить, за пятки их хватать. Не дадим покоя, пока в землю их не уложим или сами не свалимся. Пойдем, Савелий, со мной!

Савелий в раздумье покряхтел.

— Нет, Кудряш. Меня здесь на валу поставил воевода. Своей волей этого места не покину. Ты на коне, а я с топором. Оба будем одно дело делать.

— Ну ин так! Прощай, Савелий! — Кудряш, отъехав несколько шагов, вдруг вернулся:

— Главное-то сказать тебе и запомнил! Видел я твоего Торопку. Он жив, ускакал из плена на татарском коне. И конь же у него — отборный! Как бежит — земля дрожит, из ушей и ноздрей дым валит.

Савелий подбежал и ухватился за Кудряша.

— Скажи верное слово: не врешь? Меня утешить хочешь?

— Ей-ей, не вру! Торопка сюда приехал гонцом от князя Пронского. Привез от него грамотку и помчался обратно. Я его мельком видел. Он мне сказал: «Передай, коли встретишь, ты-еньке, Савелию Микитичу, мой низкий поклон. Чести своей, сказал, не замараю и татарам спину не покажу. Раз я перенес татарскую неволю, второй раз меня туда не заманишь...» Ну, прощай, Савелий! Бог весть, увидимся ли с тобой еще! Времена-то настали какие!

3. «ТАТАРЫ ИДУТ!»

На городских валах Рязани установилась своя жизнь, свой порядок.

Каждый «конец» города выделил дружину, которая выбрала участок на стене, где ей предстояло отбиваться от врагов. Определенные участки занимали «ремесвенники»: плотники, каменщики, шорники, кузнецы и прочие мастера. Отдельно стояли купцы со своими сидельцами. Была тут и смешанная толпа. Защитой города ведал боярин Вадим Кофа. Избрали его на вече всем народом за прямоту, усердие и воинские заслуги. Князь Игорь утвердил его, отправляясь в Дикое поле.

На старом белом длинногривом коне, подстать седым кудрям и серебристой бороде, боярин Кофа, Вадим Данилыч, и днем, и ночью показывался в разных местах города, объезжал валы, проверяя, всюду ли стоят защитники. Много ли сложено камней для метания, остры ли мечи, сколько заготовлено запасных колчанов с закаленными стрелами? Привезена ли вода с реки?

Савелий всю ночь простоял дозорным на стене. На рассвете, упорно отгоняя сон, он все так же зорко смотрел вдаль, на снежные равнины. Солнце поднялось из-за золотисто-багровых туч, протянувшихся над самым горизонтом. С высокого вала было видно далеко, на десятки верст. Равнина была пустынная, кое-где чернели одинокие дубки.

Вдруг что-то привлекло внимание Савелия. Он протер глаза, всматриваясь в дымчатую даль. По снежной равнине рассыпались черные точки. Они двигались, прибывали, ползли торопливо, точно муравьи на белом полотне. Они уже разделились потоками, отклоняясь в разные стороны. Вскоре можно было различить скакавших всадников.

— Татары! Кому ж другому быть! — понял Савелий и побежал изо всех сил по пустынным улицам к дому воеводы. Тот ехал навстречу, подгоняя белого коня.

— Они! Татары! — задыхаясь, крикнул Савелий. — Они!.. Большим валом валят!

— Беги в собор! — распорядился воевода. — Подыми звонаря, пусть бьет в набат!

Савелий побежал в соборную церковь на площади. Главные двери были открыты. Внутри перед иконами в золотых и серебряных ризах мирно светились лампы. Старый пономарь в длинном подряснике с заплетенной косичкой подметал вежником каменный пол.

— Где звонарь? Звоните в большой колокол!

— Оба звонаря ушли на стену сторожить, а отец протопоп без всякого благословения звонить не приказывает.

— Да ты пойми — татары идут! Что ты мне тычешь протопопом! Давай звонаря! — Савелий ухватил пономаря и поволок его за собой.

— Да что ты, нечестивый, дерешьсь? Чего толкаешь духовное лицо?

— Где звонарь? Беги за ним! Сам буду звонить!

— Вон наш старый звонарь! — сказал пономарь, стараясь вырваться из крепких рук Савелия. — Он теперь на покое, слепенький.

В углу, около свечного ящика, сидел старик с бельмами на широко раскрытых глазах. Он слышал разговор и, протянув руки, уже шел, спотыкаясь, к Савелию.

— Можешь звонить? — спросил Савелий.

— Как не могу? Сорок лет звонил, каждую веревку знаю, от какого колокола, большого или малого...

Все трое поспешили в звонницу. Через отверстия в потолке свешивались разной толщины веревки. Слепой звонарь ощупал их, уцепился за одну крученую, самую толстую, и переспросил: — Большой набат звонить? Отец протопоп ничего не скажет?

— Твоему отцу протопопу влетит по заливку от воеводы, что звонарей около колокола не было! Валяй во-всю! Бей тревогу, бей набат!

— Как при пожаре?

— При самом большом пожаре!

Слепой привычным движением, двумя руками, стал изо всех сил равномерно натягивать веревку. Сверху, с колокольни, полились частые, необычные удары большого колокола, вызывая тревогу, щемящее чувство неизвестной беды, набежавшего горя.

Спящий город ожил. Беда, которую ждали, но в которую до последнего дня не хотели верить, теперь обрушилась воочию: колокол сзывал всех на стены, на защиту города.

Застучали калитки, залились лаем дворовые псы. Люди выбегали на улицу, останавливались, прислушивались и бежали дальше к стенам. Во всех концах города церкви подхватили призыв, и звонари ударили в большие колокола.

Услышав набат в Рязани, откликнулись церкви пригородов. Всюду набатный звон призывал людей братья за мечи и топоры — встречать незваных страшных гостей.

Савелий бегом вернулся на стену. Опираясь на секиру, он жадно всматривался, как приближалась черная конная масса, ошетилившись копытами. Он видел, как по ту сторону реки выбегали из дворов люди, размахивая руками, указывали в сторону степи. Одни бежали в сторону Рязани, другие на санях и пешие, подхватив узлы на спину, уходили вверх по берегу реки, угоняя скот в сторону засыпанных снегом лесов.

Татары зашевелились. От них отделилась сотня. Всадники по-трое в ряд медленно потянулись вокруг города. Передний монгол держал значок: длинное копьё, с верхушки которого свешивался рыжий конский хвост. За ним

ехал всадник в золоченой кольчуге и в серебряном сверкающем шлеме с пучком белых перьев.

Далее двигалась вереница монголов, в панцырях и кольчугах, с короткими копьями и круглыми щитами на левой руке.

Вторая сотня отделилась от толпы монгольских воинов и поскакала в ближайший пригород, где с колокольни еще слышался беспокойный звон. Вскоре звон прекратился. Над избами густым облаком стал крутяться, подыматься черный дым.

Третья сотня монголов оставалась на другом берегу Оки, наблюдая, что делается на стенах Рязани. Десяток всадников отделился от отряда, спустился на лед реки и, не торопясь, поднялся к большим дубовым воротам города.

Рязанцы с любопытством глядели на невиданных раньше татар и, забыв боязнь, влезали на тын и высовывались из бойниц. Враги были в долгополых шубах, прикрывавших ноги до пят. У некоторых на груди были пришиты железные и медные пластинки. На спине защитных пластинок не было¹. К седлам были прикреплены саадаки² с луками и колчаны, набитые красными стрелами. Женоподобные лица монголов были темны, как сосновая кора.

Два дня спустя Бату-хан во главе тысячи «непобедимых» был перед стенами Рязани. Джихангир послал переметчика-толмача, старого рязанского коназа Галиба, с десятком всадников к запертым городским воротам. Коназ кричал стоявшим на стенах, чтобы они сдали город. Со стен его забросали камнями, и он вернулся, ругаясь, вытирая платком расцеченное камнем лицо.

Желая устрашить рязанцев, Бату-хан приказал жечь окрестные погосты. Он сам объехал кругом Рязань вместе с князем Галибом, подробно расспрашивал его, откуда лучше всего сделать приступ на стены, где их проломать, где их подкопать. Войти в город было

¹ По монгольским понятиям, воин должен прикрывать свою грудь, а спину прикрывают только убегающие тусы.

² Саадак — кожаный футляр для лука.

нелегко, со всех сторон подымались крутые обледенелые валы.

«Без лестниц и пороков города не взять!» — решил Бату-хан.

Монголы начали пригонять пленных урусотов, полуголых, ободранных и избитых. Татары стегали их плетью и понуждали, чтобы они строили штурмовые лестницы. Урусуты спросили: кто будет их кормить? Они голодны, два дня ничего не ели.

— Кони и другая скотина нас возят. а еды не спрашивают, — отвечали татары. — Они сами себе находят корм. Можете есть корни растений или конский навоз, а лестницы стройте.

Упрямых татары били по голове дубинками с железным шаром на конце. Угрюмые, почерневшие от голода, урусуты молча разыскивали в брошенных избах топоры и ручные пилы. Они выламывали из домов бревна и доски и строили лестницы. На другой день были первые пороки, поставленные на полозы. Против главных городских ворот выдвинули стенобитную машину. С грохотом начала она метать большие камни.

4. В ПРИГОРОДНОМ ПОСАДЕ

Объехав городские стены, Бату-хан вернулся в посад, на противоположный берег реки. В брошенных жителями избах толпились татарские воины. Они рыскали по улицам, тащили охапки сена, сдирали солому с крыш, — все годилось на корм их диким коням. Повсюду над избами вились дымки, — татары заставили захваченных в плен женщин печь им блины и аржаные лепешки.

Бату-хан проезжал через посад на вороном коне с белыми ногами и белой отметиной на лбу. Загорелое лицо было неподвижно, суженные глаза смотрели поверх людей, — никто не мог прочесть на его лице ни радости, ни заботы.

В посаде баурши показал Бату-хану просторную избу и предложил избрать ее для ночлега.

— Кто жил в этой деревянной юрте?

— Урусутский шаман. Зовут его «поп».

Бату-хан сердито отмахнулся.

Вмешался великий советник Субудай-Багатур. Подъехав на саврасом коне, он сердитым хриплым голосом сказал:

— Разве подобает джихангиру жить в юрте шамана, да еще урусутского? А это что за дом? — он указал плетью на бревенчатое строение с остроконечной высокой крышей и золоченым крестом наверху.

— Это дом урусутского бога.

— Джихангиру подобает жить там, где обитают боги, — сказал строго Субудай-Багатур.

Бату-хан искоса посмотрел на потупившего глаза баурши, на ханов, начавших горячо поддакивать великому советнику, и повернул коня к церкви.

Баурши бросился к церковной двери. На паперти около входа сидели четыре монгольских воина.

— Сюда нельзя! — сказал один из них.

Баурши начал спорить с монголами.

— Кто вас поставил сюда? — спросил подъехавший Субудай.

— Сотник Гуюк-хана, Мануке-Сал.

— Возвращайся к своему сотнику и скажи, чтобы он выбирал для своего хана более подходящую юрту. Убирайся, живо!

Четыре монгола посмотрели друг на друга, просвистали сквозь зубы и, подобрав подола длинных шуб, пошли через глубокий снег к своим коням, привязанным к церковной оградке. Один повернулся и сказал Субудай:

— Когда Гуюк-хан начнет нас бить по щекам костью лопаткой, ты ведь за нас не заступишься?

— Кто тебе отрезал ухо? — спросил Арапша. — Смотри, второе отрежу!

Монгол, оскалив зубы, присел, вытягивая меч, злобно его задвинул обратно в ножны и быстро вскочил на коня.

— И ты того же дождешься! — крикнул он и поскакал.

Арапша злобно посмотрел ему вслед.

— Гуюк-хан опять подсылает убийц!

Нужеры привели старика, найденного в соседней сторожке. Он был в собачьем колпаке, холщевых портах, рубаше

и лыковых лаптях. Он весь посинел и дрожал от холода, но не выказывал страха. Старик отпер ключом большой замок на двери. Баурши вошел первый и, сложив руки на животе, встал около двери. Бату-хан соскочил с коня и, разминая онемевшие ноги, прошел в церковь. Сквозь узкие окна, затянутые пузырями, тускло проникал свет. Впереди поблескивал золотом алтарь с резными деревянными дверьми. Перед некоторыми иконами мигали огоньки лампад, освещая темные, насупившиеся лики святых.

Бату-хан прошел в алтарь, обогнул кругом престол. На столике в углу нашел пять круглых белых просвирок. Приказал следовавшему за ним баурши попробовать эти хлебцы — не ядовиты ли? Баурши откусил, пожевал и сказал:

— Авва! Да сохранит «хан-небо» и тебя, и меня от несчастья! Хлеб вкусный!

Бату-хан вернулся на середину церкви, опустил на конскую попону. Возле него полукругом уселись ханы.

— Пол каменный, — сказал Бату-хан. — Разожгите здесь костер и сварите чай.

Баурши заметался, переговорил с толмачом и пленным стариком.

— Здесь огонь разводить нельзя — это прогневает урусутского бога, и его дом загорится. Но пленный старик будет целый день топить печь, и тебе станет тепло.

Субудай-Багатур приказал, чтобы его военные помощники — юртджи — поместились в доме урусутского шамана. Бревенчатый дом состоял из сеней и двух горниц, разделенных стеной. Большая, сложенная из камней и глины, квадратная печь выходила в обе горницы.

В первой половине поместились четыре монгольских юртджи и два мусульманских писца-уйгура. Вторую горницу взял себе Субудай. Он увидел рязанского князя переметчика Глеба, сидевшего вместе с юртджи, и спросил:

— Что такое «гречишные блины»?

— Это трудно объяснить, надо попробовать. Заведи себе бабу, она тебе будет каждый день печь.

— А что такое «баба»?

— Во дворе монгольский воин предлагает купить у него двух баб. Покупай!

— Сколько он хочет?

— Сейчас их приведу.

Глеб вышел во двор и вернулся вместе со старым монголом, который толкал в горницу двух упиравшихся женщин. Одна, высокая, дородная, в синем сарафане, войдя, поискала глазами и трижды помолилась на тот угол, где остались кюты от содранных образов. Сложив руки под пышной грудью, она пристальным взглядом уставилась на Субудай-Багатура, который сидел возле скамейки на полу, на конском потнике. К бабе тесно прижалась девушка с русской косой и испуганными глазами, в рваном дубленом полушубке, из-под которого виднелся подол красного сарафана.

— Вот тебе две отборные бабенки, — сказал по-татарски князь Глеб. — Старшая — опытная повариха, а эта — садовый цветочек, макова головка.

Субудай обвел женщин беглым взглядом и отвернулся.

— Станьте на колени! — сказал князь Глеб. — Это большой хан. Отныне вы будете его ясырками.

— Большой, да не набольший! — ответила женщина. — На колени зачем становиться? Пол-от грязный, гляди, как ироды натоптали!

— Поклонись, говорю, твоему хозяину!

— Мой хозяин, поди, лет десять, как помер. Ну, Вешнянка, давай, что ли, поклонимся.

Низко склонившись, они коснулись пальцами пола.

Субудай пристальным взглядом уставился на женщин, и глаза его зажмурились. Он покосился на князя Глеба, присевшего на дубовой скамье, поднялся и, положив потник на скамью, взобрался на нее; подобрав под себя ногу.

— Как зовут? — спросил он у Глеба. Тот перевел вопрос.

— Опаленихой величают, а это Вешнянка.

— Дочь?

— Нет, сирота соседская. Я ее пестую.

— Почему тебя так зовут? — продолжал спрашивать Субудай.

— Моего мужа спалили на костре. С тех пор я стала Опалениха, а это — Вешнянка, весной родилась и сама, как весна красная.

— Трудные урусутские имена, — не запомнишь! — сказал Субудай. — Работать для меня будете, или позвать других?

— Всю жизнь на кого-нибудь работала. Таково уж наше бабье дело.

— Пусть они мне испекут и блины, и аржаные лепешки, и каравай.

— Был бы житный квас да мука, тогда все будет.

— Вам старый Саклаб все даст, — вмешался князь Глеб. — Он, поди, не забыл говорить по-русски.

Обе женщины живо обернулись к старому слуге Субудая, стоявшему у двери.

— Ты наш, рязанский?

— Сорок лет мучаюсь в плену. Нога с цепью срослась. И с вами то же будет: как надели петлю, так до смерти не вырваться... — Старик тяжело вздохнул. — Вот вам мука, а вот квас... — И он придвинул к печи мешок и глиняную бутылку. На ногах звякнула железная цепь.

— Батюшки - светы! — воскликнула Опалениха, всплеснув руками. — И ты сорок лет таскаешь на ногах железо! — И Опалениха погрозила пальцем невозмутимо наблюдавшему за ней Субудая.

— Ладно, поговорим потом... Сейчас натаскаю дров, — сказал старик.

— Ну, Вешнянка, война войной, а тесто ставить надо!

Опалениха вздохнула и направилась к печи, но ее удержал монгол, натянув ремень, брошенный на шею. Она остановилась, поглядывая на Субудая. Тот обратился к монголу:

— Откуда достал этих женщин?

— Я был в сотне, которую послали обойти город с востока. Мы ехали через лес, там бежали люди, много женщин. Одних мы зарубили, других погнали назад в наш лагерь.

— Так!

— Этих двух я сам поймал и притащил на аркане.

— Так!
 — Я хочу их продать.
 — Так!
 — У меня очень старые рваные сапоги. Ноги мерзнут...

— Так!
 — На урусутах я не видел кожаных сапог, они ходят в лаптях из липовой коры.

— Так!
 — Я хочу обменять этих женщин на пару новых сапог.

— Значит, ты хочешь, чтобы я снял свои сапоги и отдал тебе? Ты хочешь ободрать своего начальника? Ты знаешь, что тебе сейчас за это будет?

Старый монгол с клочками седых волос на подбородке смотрел испуганными глазами, раскрыв рот.

— Я этого не хотел, великий хан! Прими от меня этих женщин в дар. Пусть хранит тебя вечное синее небо!

Монгол отвязал ремень и, пятась, вышел из избы.

5. ТРЕВОЖНЫЕ НОЧИ

Враг замыслов своего врага не знает.

Восточная поговорка

Всю ночь Савелий провел в тревоге. Всматривался сквозь бойницу вдаль, прислушивался к шуму взбаламученного города. Обычная ночная тишина вокруг Рязани исчезла. Тысячи огней горели внизу под стенами и на равнине, за рекой, точно щедрая рука разбросала вокруг раскаленные угли. Это татары всю ночь напролет жгли костры, безжалостно растаскивая для этого избы, сараи и заборы. Вдали, под небосклоном, полыхали огромные пожары. На низких тучах дрожали их багровые отблески.

Подошли ратники. Беспokoйно смотрели вдаль.

— Вон горит Пронск!

— Сказал тоже! До него верст пятьдесят будет.

— А что же это?

— Ведь в самом деле Пронск...

— Гляди, Соболевку подпалили!

— Братцы, братцы!.. Ухорскую жгут...

— Где?

— Да вон, за лесом...

— А не Переволоки?

— Нет, их пока не тронули...

— Да что ж это, братцы?! Изверги проклятые!..

— Вон, еще горит! Вон — далеко!..

— Это Ярустово...

— Как Ярустово? — застонал Савелий. — Да ведь Ярустово верст тридцать за Рязанью! — и он подумал о своих, которым советовал, в случае беды, бежать к Пахому-рыбаку в Ярустово.

— Зачем им ждать, пока возьмут Рязань? Что им, окаанным, тридцать верст! Вишь, их сколько! Кругом так и рассыпались. Жгут да грабят погосты...

В стороне Ярустова зарево было особенно сильным. Яркое желтое пламя поднялось высоко и лизало облака...

— Дурни! — сказал молодой ратник. — Это татары себе на голову стога с сеном подожгли.

— Нет! Зря сказал! — возразил Савелий. — Татарам сено дороже хлеба. Кони-то без сена пропадут... Куда эти стервецы тогда денутся? Это наши сами сено подожгли. Будем жечь скирды и стога, татар выморим.

— Да! Уж им здесь не житье!..

Ночь прошла тревожно. Стража не смыкала глаз.

Утром за рекой пропели петухи. В Рязани отозвались другие. Покрытые инеем воины всматривались в затухавшее зарево. Татарские костры продолжали мигать тысячами огней.

Солнце поднялось над синей бахромой дальних лесов. Пробежавшие по снежной равнине розовые лучи осветили татарские отряды, черными потоками направляющиеся к городу.

Лошади и люди тащили розвальни с бревнами, жердями, досками. На стене с любопытством и волнением толпились рязанцы и гадали, что будут делать татары. Стали прибывать группы пленных. Вокруг них вертелись татары и стегали плетью, подгоняя отстававших. Со стены было ясно видно, что на многих татарах уже надеты русские крестьянские полушубки и армяки, а плен-

ные идут раздетые, оборванные, многие в одних портах и рубахах. Некоторые падали; на них набрасывались татары и били, пока те не вставали снова или же не затихали навсегда.

Пленные начали возводить внизу, вокруг города, деревянный забор, склады вали растасканные из домов бревна и доски.

— Гляди, точно баранов огораживают!.. — говорили на стенах.

— И шкуру сдерут, как с барана...

— Посмотрим, кто кого! Пусть сюда, стервецы, сунутся!..

К воротам подъехало несколько всадников. Среди них был князь Глеб. Он кричал, клялся, что никакого вреда никому в Рязани не будет.

— Откройте ворота и выходите в поле. Только добро свое оставьте дома. Свободно пойдете, куда хотите, татары пальцем вас не тронут.

— Это Глеб Владимирович, — заволновались на стене. — Братоубийца окаянный! Сродственников обманом перебил. Каин проклятый!.. Не даром тебе анафему поют!

— Наши молодцы до тебя доберутся!

— Братъев сгубил, теперь родину продаешь... Кол тебе осиновый в спину!

Со стены полетели стрелы. Ловко пушенный камень ранил Глеба. Он поспешно повернул коня и ускакал обратно.

На рассвете камнеметная машина продвинулась ближе к городским воротам. Татары, скрываясь за большими деревянными щитами, начали обстрел. Они оттягивали бревно с железной чашкой на конце, опускали в чашку большой камень. Бревно с грохотом откидывалось вперед, швыряя камень.

Невдалеке, за развалинами дома, скрывались в засаде татарские всадники, поджидая, не выйдут ли смельчаки из ворот.

Воевода Кофа приказал строго-настрога:

— Сохраняйте свою силу! Отбивайте неверных! Но не выходите из ворот. Они нам готовят лукавую заготовку!..

6. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ РЯЗАНИ

... Погибе град и земля Рязанская, изменися доброта ея, и не бе что в ней благо видети, токмо дым и земля и пепел.

«Повесть о приходе хана Батия», XIII век

С утра татары подошли близко к рязанским стенам, подтаскивая за собой лестницы. Они были разные: и связанные из нескольких коротких тесин, и сбитые сосновые лесины с перекладинами, были и сделанные наспех из длинных бревен с двухсторонними зарубками.

Под городскими стенами раздавались крики татар, вопли избиваемых пленных, стук топоров и заунывный визг дудок, которыми татарские воины подбодряли себя перед штурмом.

Лестницы стали выдвигаться на стены одновременно со всех сторон.

Первыми полезли русские пленные, подкальваемые сзади копьями. Полуголые, в рваных посконных рубахах, посиневшие от холода, они с трудом подымались по лестницам и кричали, умоляя защитников Рязани не бить их.

— Пощадите нас, братья! Дайте перевалить через тын. Вместе с вами обернемся на татар... Не своей волей идем, нас сзади рубят...

Сверху отвечали:

— Поворачивайте назад! Трусы, заячи хвосты! Вырывайте мечи у татар, бейте их, ломайте лестницы!

Некоторые пленные, не в силах биться со своими же братьями рязанцами, дойдя до половины лестницы, бросались вниз и скатывались по застывшим наледям. Внизу они схватывались с татарами и падали изрубленные.

Савелий, вооруженный топором на длинной рукояти, ждал на стене, готовый сбить всякого, кто подымется по лестнице. Приблизились сразу концы трех лестниц. По ним быстро, один за другим, карабкались люди. Кто они — русские или татары? Полуголые, в отрепьях, с дубинами в руках, они лезли с отчаянием ужаса и кричали, не помня себя.

Савелий крикнул:

— Наш аль нет?.. Перекрестись!

Первый не ответил, а вопил диким голосом, держа над головой дубину, и хотел ударить ею Савелия. Но дубина вылетела, и он покатился вниз со ска-та.

Следующий кричал:

— Дикорос! Сват! Не тронь... Я Ваула! За мной Звяга...

Топор Савелия застыл в воздухе. Мужики грузно перевалили через дубовую стену. За ними быстро карабкался молодой татарин с кривым, блестящим мечом. Он полетел вниз с рассеченной головой. Савелий бил с яростью и силой, так же уверенно, как привык рубить в лесу старые вековые ели.

Звяга и Ваула встали рядом с Савелием. Они сталкивали жердями каждого, кто подымался по лестнице. Рядом на стене так же отчаянно защищались остальные рязанские ратники, отбивая приступ.

Им помогали женщины. Они выливали ведра кипящей воды на штурмующих. Бросали камни и глыбы льда на всех, кто пытался взобраться по лестнице.

К полдню штурм был отбит. Татары притихли и отошли. Внизу, под стенами, двигались, ползали и отчаянно кричали раненые. Татары ходили между ними, своих они оттаскивали, а русских добивали.

Штурмы повторялись и днем, и ночью в течение пяти суток. Рязанцы упорно стояли на своих местах. Но ряды их уменьшались, и некому было заменить павших. Женщины становились на место мужчин, убитых стрелами или раздробленными пудовыми камнями. А татары посылали на приступ все новые, свежие отряды. Они лезли упрямо, надеясь на скорую поживу: кто первый ворвется, будет грабить все, что захочет.

Савелий, Звяга и Ваула помогали друг другу, чередуясь. Во время недолгого затишья они ложились тут же, на стене, и засыпали мгновенно, сунув под голову руку.

Вслед за камнеметной машиной к воротам подползли два тарана — большие

бревна с железными концами, подвешенные на прочных подставках. Работавшие возле таранов монголы и пленные, прячась за кожаные щиты, раскачивали бревна, с страшной силой ударяя ими в городские ворота. Дубовые доски трещали, отлетали щепки. Со стены лили кипяток, горячую смолу, металы стрелы и камни.

А тараны упорно били и били без остановки и наконец раскололи ворота.

С криками торжества ворвались в ворота татары и натолкнулись на толстую каменную стену, наглухо закрывавшую вход. Ее сложили за дни штурма рязанские женщины, которым помогали дети.

Татары не прекращали натиска и, добавив лестниц, снова посылали отчаянных воинов, старавшихся сломить упорство рязанцев.

Защитники города видели, что силы их слабеют, понимали, что конец близок.

Двадцатого декабря вдова князя Рязанского, Агриппина, с молодыми снохами и ближними боярынями сошлись в соборной церкви. Они решили встретить здесь неминуемую гибель. Их окружили многие рязанские женщины. Епископ и священники пели молитвы и сулили райское блаженство всем, принявшим мученическую кончину.

Слепой звонарь неустанно продолжал звонить в большой набатный колокол. Звон, казалось, говорил, что борьба продолжается, что никто не сдастся, что русские люди лягут костями за родную дедовскую землю.

На шестой день осады, 21 декабря, татары снова двинулись по лестницам, неся горящие факелы. Непрерывные потоки татар попали одновременно со всех сторон. Одни бились кривыми саблями, другие стрелами сбивали защитников.

Наконец татары стали одолевать. Дикий, радостный вой несся со всех концов города. Татары уже бежали по улицам, врывались в дома и рубили всех, старых и малых, никому не давая пощады.

Они разбили церковные двери, вбежали внутрь храма, изрубили женщин

и священников, подожгли здание. Они бросали в огонь маленьких детей, вырывая их у матерей, которых тут же, на глазах у всех, насиловали, после чего распарывали им животы.

К вечеру в Рязани в живых не осталось никого. Современник пишет:

«Некому было стонать и плакать, некому скорбеть о погибших, родителям о детях, детям о родителях, братьям о братьях — все вместе лежали мертвые...»

В числе немногих спасшихся был Савелий. Несмотря на ледяную воду, он переплыл Оку. В мокрой одежде, с топором за поясом, он вылез на противоположный берег и остановился. В последний раз оглянулся на Рязань.

В вихре пламени и дыма выделялись колокольни горевших церквей. Савелий ясно слышал покрывавший вой и крики победителей равномерный одинокий звон набатного колокола, в который продолжал бить слепой звонарь.

Так, до последнего вздоха, пока его не прикончил разъяренный татарин, звонил старый слепой звонарь, призывая русский люд на защиту родины.

7. ПРОЩАНИЕ С ПАВШИМИ

Штурм окончен. Пожар угасал. Рязань, за ночь засыпанная снегом, вся в обугленных развалинах, лежала, как страшно изуродованная покойница под парчевым серебристым покровом.

Бату-хан пожелал проехать через покоренный им стольный город. Гонцы поскакали в ближайшие отряды «непобедимых» с приказом через день к восходу солнца выстроиться против ворот Рязани.

Сотни заметно поредели. Во многих десятках нехватало где по одному, где по три всадника. Среди оставшихся было немало перевязанных — со следами русских мечей и стрел.

Вдоль реки, на скатах городских валов и на дороге валялись трупы. Голые человеческие тела, уже запорошенные снегом, лежали в самых необычайных положениях: одни — свернувшись, другие — раскинув руки и ноги, неко-

торые — упав головой вниз, в выбоину. Из глубокого снега торчали голые ноги, на которых сидели крикливые галки.

Тысяча «непобедимых» уже давно выстроилась вдоль реки. Кони застоялись и тянули повод. Вдали протрубил боевой рожок. Другие рожки повторили сигнал. Джагун первой сотни звучным голосом крикнул:

— Внимание и повиновение!

— Внимание и повиновение! — повторили за ним сотники и десятники. Воины выпрямились, подобрали поводья. Тысяча замерла в напряженном ожидании.

Из посада, со стороны уцелевшей от пожара церкви, выехала группа всадников. Впереди скакали трое, средний держал белое пятиугольное знамя с девятью широкими развевающимися лентами. Под золотой маковкой копья висел рыжий конский хвост жеребца Чингиз-хана. На знамени был вышит золотыми нитками крик, державший в когтях ворона.

Позади ехал другой всадник. Он вез воткнутую на копье голову рязанского воеводы Вадима Данилыча Кофы. Глаза были закрыты, лицо строгое и спокойное; ветер развевал длинную седую бороду и серебряные кудри.

Бату-хан ехал на рослом вороном жеребце с белыми до колен ногами и белой отметиной на лбу. Джихангир был в серебристой, переливающейся в солнечных лучах кольчуге и в золотом шлеме с длинным белым пером. На коне была серебряная с золотыми бляхами сбруя, чепрак был расшит золотом — все, сделанное русскими мастерами. Конь был убран так, как обично ездили русские князья.

Бату-хан проехал вдоль линии войск. Татары и монголы кричали: — Уррагх!¹ Им вторили кипчаки: — Яшасын!²

Джихангир повернул обратно. Сотня «непобедимых» отделилась и последовала за ним. Бату-хан со своей свитой переехал реку, где на льдинах чернели большие промоины и человеческие трупы.

¹ Уррагх! — Вперед!

² Яшасын! — Да живет!

Городские ворота были уже расширены. У стены работали пленные. За ними присматривали монгольские воины, держа на правом плече блестящие кривые сабли.

Город был совершенно разрушен. Деревянные дома сгорели. Повалившиеся обугленные бревна чадили. Пахло паленым мясом. Из глеющих пожарищ стекали грязные ручейки.

Бату-хан подъехал к развалинам соборной церкви и поднялся на каменное возвышение, возле которого прежде собирался народ. Здесь еще сохранился почерневший от дыма медный колокол. Перекладины, на которых он висел, обгорели, и колокол-вечевик боком лежал на снегу.

Мрачное зрелище открылось перед глазами монгольского владыки. На середине площади были сложены бревна, доски, двери, оконницы, колеса, сани, огобли и обугленные остатки рязанских домов. На этой груде правильными рядами тесно лежали мертвые воины Бату-хана, монголы, татары, кипчаки, все, кто пал, штурмуя Рязань.

Сколько их? Кто сосчитает! Кто узнает, откуда они родом? Кто скажет, что будет с юртами, где целыми днями родные глаза смотрят на запад, ожидая возвращения сына, отца, брата, обещавшего вернуться с конями и верблюдами, нагруженными богатой добычей?..

Безмолвные, с страшными ранами, с застывшими лицами, искаженными страданием, лежали они на спине, уставив открытые глаза в чужое холодное небо.

Шумливые спутники джихангира затихли при виде павших товарищей. Они ушли навсегда в тот неведомый небесный мир, где за облаками умершие воины призрачными тенями собираются в отряды Священного Воителя. Так учили шаманы..

В наступившей тишине прозвучал протяжный жалобный стон. Он донесся из середины нагроможденных оледеневших тел. Стон повторился, отчетливо донесли слова:

— Тяжело... Воды!..

Монголы заволновались.

— Нельзя разбирать священный костер!..

Бату-хан оставался неподвижен. Он процедил сквозь зубы:

— Начинайте скорей!

Один из приближенных ханов сказал нараспев:

— Счастлив тот, кто вместе с багатурами, павшими за величие монгольского улуса, улетит, захваченный дымом священного костра! Он попадет за облака в алмазный дворец бога Сульдэ!

Загremели барабаны. Затрубили рожки. Тридцать шаманов в белых одеждах, с медвежьими шкурами на плечах, пошли, издавая пронзительные вопли, приплясывая и ударяя в бубны, вокруг огромной груды тел. Некоторые монголы, потерявшие близких, сойдя с коней, последовали за шаманами, подняв в правой руке шелковый расшитый платок.

Китайские мастера, служившие в монгольском войске, с восьми сторон подожгли паклю, намоченную горючей жидкостью. Черный дым за клубился над костром и быстро побегал по сухим бревнам и доскам. Пламя охватывало лежащие тела и желтыми языками взлетало к небу.

Жар становился все сильнее. Монголы попятались от костра, но никто не смел удалиться, пока джихангир, неподвижный и молчаливый, прощался со своими нукерами. Но джихангир не уезжал, ожидая, пока его верные слуги не пошлют ему прощального привета.

Пламя облизывало трупы. Промасленная одежда вспыхивала желтыми языками. От жара трупы шевелились, скрючивались, двигали руками. Мертвый монгольский сотник, большой и могучий, приподнялся и, точно прощаясь, повернул голову в сторону своих боевых товарищей.

Воины, прикрывая глаза ладонями, жадно вглядывались в огненные языки. Им казалось, что багровые языки пламени обращаются в призрачных скачущих всадников на коротконогих монгольских конях, которые в снопах ярких искр взмываются вверх, улетая в засблачный мир, в священное царство воинственного правителя Чингиз-хана..

Жар стал нестерпим. Горячий вихрь закрутился по площади. К небу поле-

тели раскаленные головни и обломки досок.

Бату-хан, закрываясь рукавом, крикнул:

— Бай-арлалла, баатр дзоригтэй!¹

Он хлестнул плетью коня и, вырываясь из дыма, поскакал с площади вниз, к реке. За ним, звеня оружием, теряя порядок и сталкиваясь, помчались монгольские всадники с прощальными криками:

— Байартай! Байартай!²

Подожженная поминальным костром Рязань загорелась вторично. Целые сут-

ки были видны вспышки огней и доносился удушливый запах паленого мяса.

Войско отдыхало три дня. Воины резали пригнанный скот. Хань ели вареную жеребятину и пили вино, найденное в подвалах рязанского князя. Простые нукеры пили чай, сваренный с коровьим салом и мукой, и переговаривались шопотом:

— Гей, о-й-о! Если при штурме каждого города будет гибнуть столько воинов, то много ли багатуров вернется на родину... Чуй! Не будем думать о завтрашнем дне! Сегодня будем веселиться, пить и наедаться!..

★

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ЧЕРНАЯ ТУЧА НАД РУССКОЙ ЗЕМЛЕЙ

1. ДЛАНЬ КНЯЗЯ ШИРОКА И ПРИЖИМИСТА

Князь Георгий Всеволодович Суздальский был высок, плечист и дороден. Окладистая полуседая черная борода украшала высокую грудь. Взгляд темных строгих глаз из-под черных бровей пронизывал насквозь, приводил в трепет. Когда князь стоял в соборе на узком шемаханском ковре, отставив ногу в пестром сафьяновом сапоге с серебряной подковкой, и, заложив левую руку за золотой пояс, правой истово совершал крестное знамение, касаясь перстами белого открытого лба, золотой пуговицы на животе и широких плеч, — все молящиеся дивились его величественным движениям, любовались, как степенно он оправлял вьющиеся полуседые темные волосы и откидывал их назад.

В народе говорили, что «хозяин он крепкий и прижимистый, спуску и поблажки не дает». Когда он отправлялся по княжеству, никто не мог отвертеться от дани и подарков, со всякого он умел получить хоть шерсти клочок.

¹ Спасибо, доблестные богатыри!

² Байартай! Байартай! — До свидания! До свидания!

Он считал себя на голову умнее и смысленнее всех, любил каждого почитать и не терпел спорщиков.

— Ты еще молод, чтобы мне перечить! Если бы ты на моем стольце¹ посидел, то многому бы научился и многое бы понял! Богом указано мне княжить и судить людей.

Когда пришли первые вести о нашествии на болгарское царство татар и мунгалов, а затем, когда толпы болгарских сбегов с женами и детьми начали прибывать в Суздальское княжество, князь Георгий Всеволодович только посмеялся:

— Ну что ж! Булгарам худо, а мне от того лучше. Милости просим, с алтына на восемь, гости многоценные, искусники кожевники и сафьянники! Всем место найдется. Мне такие мастера нужны. Я их расселю по разным городам, пусть сколачивают дубильные чаны, пусть мочат и мнут кожу, пусть шьют сапоги. Через год все мои бояре и старшие дружинники будут ходить не в лаптях, а в кожаных сапогах.

И князь расселил болгарских кожевников в Кинешме и в других горо-

¹ Стольце — кресло.

дах княжества, и стали они выделять разные кожи: бычьи, конские, козьи, кабаньи и шить из них сапоги, черевья и чоботы.

Пришли новые вести: татары появились в Диком поле близ рязанских пределов. Князь нахмурился, но не особенно встревожился.

— Рязанцы всегда носы задирают, своего князя «государем» зовут. Мы же, суздальцы, рязанцев били и их город сожгли, князей и бояр рязанских сажали в порубы, а мужиков рязанских расселяли у себя по дальним погостам. Думалось, Рязань никогда уже не справится, — а вот гляди! Снова заселилась и растет Рязань пуше прежнего, как трава-лебеда на пожарище...

Когда рязанцы направили во Владимир прибывших к ним татарских послов—двух соглядатаев и чародейку,— князь Георгий Всеволодович принял их пышно, показывал свое богатство и могущество: сам сидел на золоченом престоле и в парчевом кафтане; бояре и боярыни были в парчевых и аксамитовых одеждах. С послами говорил он властно, но подслащивая свои речи. Он отослал их обратно, одарив помалу, не так, как мог бы.

Рязанцы прислали к нему челобитчиков. Оставив свою гордость, они слезно просили подмоги.

— Присылай свои полки! Сам веди их, главенствуй над рязанской ратью! Надо соединиться, станет русская сила грозна. Половецкие лазутчики доносят, что бесчисленно татарское войско, что и не бывало еще такого. Надобно всем, кто может, схватить топоры, грудью встретить врагов, иначе обратят они русские земли в золу и пепел.

— Ишь, как испугались, нивесть чего выдумали! — ответил князь Георгий Всеволодович. Сам притти отказался и от своих полков не захотел дать ни одного ратника.

— Вы бы, рязанцы, раньше подумали с Владимиром и Суздаем в дружбе жить и смуту с нами не заводить. А коли ко мне сюда татары и мунгалы докатятся, я сам с ними справлюсь.

Уехали рязанцы ни с чем. И при-

шлось полкам рязанскому, пронскому, муромскому и зарайскому одним выйти в Дикое поле, чтобы задержать татарский набег.

Бояре стали осторожно спрашивать князя, что он будет делать, если татары прискачут к стенам стольного города Владимира? Георгий Всеволодович, грозно поводя очами, сказал:

— Не мне их бояться! Я знаю хорошо повадки табунщиков-удальцов: приедут, повертятся, пошарпают в погостах и предложат уплатить им дань. Тут наше дело переманить их послов, угостить их доотвалу белорыбицей и пирогами, напоить старым медом и с ними отослать дары: тысячу пар красных сапог, сотню аксамитовых и собольих шуб и впридачу подарки ханским женам, всего, что у нас припасено в сундуках и кладовых. Захотят татары еще чего-нибудь, — коней вороных, рыжих, пегих и других, — так и это дадим. От того не обеднеем. А стены городские у меня крепкие, ворота прочные. Степнякам и на коне их не перескочить, и лбом не пробить.

Все же князь Георгий Всеволодович некоторые меры принял. Он отправил своих лучших коней в дальние, северные города, склады зерна и сена, бывшие за рекой, перевез в город, усилил дружину, переписал в городе охочих людей, призывая их вступать в дружину. Назначил воеводой Еремея Глебовича, написал другим князьям — новгородскому, ростовскому, белозерскому и прочим, чтобы готовились и по первому зову спешили к Владимиру отбивать врагов от русских земель.

Он объяснял всем, что бояться нечего, что он обо всем подумал, все предвидел, все предусмотрел, что татарские табунщики три года будут стучаться в стены, а потом все же уйдут.

2. ТАТАРЫ БЛИЗКО

Был двадцать третий день десятого месяца Студня.¹ Князь Георгий Всево-

¹ До XVI в. декабрь, или, по древнерусскому наименованию, Студень, считался десятым месяцем в году. Год начинался с 1 марта.

лодович вечером, после сытного ужина прилег на лежанке, крытой бараньими шкурами.

Среди ночи его осторожно разбудил старый дружинник, раскачивая за плечо. Князь, разогретый жарко натопленной печкой, с трудом очнулся. Ему снился архиепископ владимирский, суровый владыка Митрофан, в полном облачении. Будто он с амвона грозил перстом и уговаривал его: «Вставай, княже, очнись, солнцеворот прошел, солнце повернуло на лето, и медведь в берлоге повернулся с одного бока на другой...»

— Ин и я повернусь! — бормотал князь, поворачиваясь, но твердая рука дружинника крепко держала его за плечо.

— Вставай, княже, очнись! — говорил старый, преданный воин. — Плохие вести привезли гонцы из Рязани.

— Какие гонцы? Какие вести? — спросил князь, с трудом приходя в себя.

— Прибыл из Рязани князь Роман Ингваревич. Мы его впустили в город.

— Что говорит?

— Сам тебе хочет поведать.

— Прибыл из Рязани? Что там стряслось? — говорил князь, натягивая чоботы.

— Рязани больше нет.

— Да ты в уме ли? Где князь Роман?

— Здесь, в гриднице.

Дружинник подал беличий охабень.

Сильные руки князя Георгия дрожали и долго не попадали в рукава.

Князь Георгий Всеволодович прошел в гридницу, где обычно происходили его беседы с боярами. Там уже находились несколько ближних советников.

Слабый свет лампад перед старыми темными иконами озарял бревенчатые стены, кое-где завешанные сукном и коврами. Впереди безмольных бояр стояли княжеские сыновья — Владимир и Всеволод, спешно среди ночи прибывшие в гридницу.

Воеводы Жирослав Михайлович, Еремей Глебович и Петр Ослядюкович стояли спокойно. Ничто не могло их удивить, — в долгой боевой жизни они всякое видели.

За столом на скамье, крытой ковром, сидел, положив кудрявую голову на руки, приехавший из Рязани князь Роман. Он крепко заснул, устав от бессонной дороги и скачки на переменных лошадях.

Громко, властным голосом заговорил вошедший князь Георгий Всеволодович.

— Что ты привез из Рязани? Что сделали с нею татары? Крепко ли бились рязанцы, или показали пяты и отдали родной город?

Князь Роман Ингваревич ничего не слышал и продолжал сидеть неподвижно. В тишине ночи слышалось легкое дребезжание оконного пузыря и ровное дыхание спящего.

— Я спрашиваю, как бились рязанцы? Наверное, уже сдали город?

Князь Роман очнулся, услышав последние слова. Он вскочил и крикнул хриплым голосом, сдерживая ярость, согнувшись, готовый броситься на князя Георгия:

— Не тебе так говорить, не тебе с нас и спрашивать! Отвернулся ты от нас в тяжелый час, и сам не пришел и подмоги не прислал... Нет больше Рязани! Сожгли ее мунгалы, и на горящих развалинах города полегли все рязанцы! Но никто не отступил, и не отдали мы нашего города. Только через наши трупы ворвались к нам окаянные мунгалы!

— А князь Юрий Ингваревич?

— Убит в Диком поле...

— А князь Проиский, князь Муромский, Василий Красный, Глеб Михайлович?

— Все полегли, отбиваясь!.. Все оглядывались, не идут ли на помощь суздальцы, ростовцы, новгородцы. Где там! Заперлись вы за своими стенами, взобрались на печи и, ворочаясь, только тараканов давили.

— Не смей говорить такие речи! — закричал Владимирский князь.

— Где вы были, суздальцы, сальники, кулики?¹ Что вы сделали, на болоте сидючи?

¹ Сальники, кулики — обычный шуточный эпитет, который укрепился за суздальцами.

— Больно ты дерзок приехал! — захрипел князь Георгий.

— А ты не порочь рязанцев! Лежат они, застывшие, на снежных полянах, и некому даже бросить на них горсть родной земли... Разобью тебе голову, если услышу хоть слово издевки!..

Князь Роман схватил лежавший рядом с ним меч, но бояре и оба княжеских сына бросились вперед и повисли на руках споривших. Князь Георгий, стараясь вырваться, кричал и тянулся к мечу, висевшему на стене.

— Не ему меня учить! Зарублю! Нищий и безродный пришел ко мне просить помощи, а каркает, что ворона, залетевшая в чужие хоромы!..

— Батюшка! Не надо так говорить с гостем! — старались успокоить князя Георгия его сыновья.

Сильный низкий голос вдруг покрыл шум. Послышались протяжные, произносимые нараспев слова:

— Мир, тишина и благодать дому сему!

Все оглянулись. В дверях стоял высокий худой монах в черной до пят одежде и в черном клобуке. Длинная черная с проседью борода, большой с горбинкой нос и запавшие под густыми бровями черные глаза делали лицо монаха мрачным и неприветливым. В правой руке он держал медный крест, а в левой длинный посох.

— Я вижу распря, слышу спор в высоких княжеских хороммах. Не время заводить ссору, рагозу и котору! Я пришел оттуда, где дымом заволокло небо, где горят города, где движется на нас нечестивый страшный народ и несет миру смерть и гибель!..

— Кто ты? Откуда пришел? Что тебе надобно? — спросил князь Георгий Всеволодович.

— Я раб божий, странник Феофил Неврюй, родом новгородец. Иду из святой земли, из града Иерусалима, где поклонялся гробу господню и кресту животворящу. В Диком поле попал я в узы немилостивых татар, но чудесным промыслом Божиим я сплсся из неволи и пришел сюда, в славный го-

род Владимир. Пришел я сказать вам: покайтесь, пока не поздно!

Князь Георгий Всеволодович перекрестился, приложился к медному кресту и сказал монаху:

— Отче Феофил! Мы беседуем о деле порубежном. Сейчас не до тебя! Время позднее. Пройди-ка в сенницу, там мои дружинники проведут тебя в теплую истобку¹. А завтра я пошлю за тобой.

— Исполать дому сему! — сказал монах и степенно удалился.

У князя Георгия Всеволодовича гнев отошел, и он заговорил своим обычным самоуверенным, властным голосом:

— Я виноват, что сказал слово неудачливое, речь повел не по-ученому. Вечная память сложившим свои головы за землю святорусскую. Поднимем светлый меч, вышавший из мертвых рук. Продолжим бой. Выгоним из нашего княжества татарских воров-грабителей, истребим их злобное племя. Я разделю мои полки: с одним ты, мой старший сын, князь Всеволод, пойдешь в Колмну, с другим полком пойдет в МоСКВУ мой младший сын Владимир. Ему в подмогу я дам воеводу Филиппа Няньку. Скачите изгонной ратью, — татары могут налететь раньше вашего... А здесь, во Владимире, на время моего отъезда останется воеводой Петр Ослядькович!..

Все молчали, пораженные желанием князя в тревожное время уехать из Владимира. Княжич Всеволод сказал:

— Батюшка, мы выполним твою волю. Мы не уступим родной земли. Мы будем биться, пока хватит сил.

Князь Георгий Всеволодович встал, обратился к киоту с образами и, торжественно крестясь, стал молиться:

— Боже всеильный, боже милостивый! Помоги мне собрать святорусское войско, вложить мужество в души русских людей! Помоги единой могучей стеной поднять их против нечестивых татар! Помоги прогнать злое племя обратно в дикие поля!

Повернувшись к сыновьям, князь об-

¹ Истобка, истба — изба.

нял и благословил их. Затем он сделал знак воеводам подойти ближе. Он говорил тихо, чтобы не услышали женщины в соседней горнице:

— Я вместе с племянниками выезжаю на Волгу, в Ярославль, Кострому, Углич. Я найду укромное поле среди густого леса, где построю боевой стан. Там соберу новую могучую, несокрушимую рать. Князя и ближние, и дальние, с Бела-Озера, и покровичи, и смоленцы, и новгородцы — все пришлют ко мне свои доспешные дружины и простых воинов. Пока татары будут осаждать суздальские города и укладывать здесь свои рати, я соберу во един сноп свежее могучее войско и наброшусь на них. Они уже рассыпались отдельными отрядами и беспечно бродят по нашей земле. Я буду на них нападать врасплох, пока они не собрались опять в одну силу. Буду разбивать их по частям. Я сделаю то, что не удалось самохвальным рязанцам — одолею татарского царя Батыгу!

— Дай-то, бог! Исполать тебе! — воскликнули все.

Воеводы хотели расспросить князя о воинских приготовлениях в городе Владимире, но он отказался им отвечать.

— Теперь вы сами распоряжайтесь! Теперь вы головы, вы начальники.

3. СПЕШИТЕ НА ОБОРОНУ РОДИНЫ

Прощаясь с отцом, князем Георгием Всеволодовичем, младший сын Владимир поцеловал ему руку с большим золотым перстнем на указательном пальце.

— Батюшка, сколько дружинников я могу взять с собой?

— Мои дружинники понадобятся здесь, для защиты моего преславного города. Вместо войска я даю тебе воеводу Феодора Няньку. Он дороже всякой дружины. Он ополчит горожан, призовет крестьян, быстро соберет целую рать. Под его опытным глазом ты отобьешь всех врагов-недругов. Бейся крепко и не бойся! Я хорошо знаю этих табунщиков: поторкаются в стены, покрутятся и отхлынут назад в свои дикие степи.

— Батюшка, а Рязань-то пала? Стены ее не спасли?

— Рязань! Вон что сказал! Какие у Рязани стены, — кошка перескочит! А сами рязанцы что такое? Разве это воины? Коротконогие, широкие, как пни. То ли дело мы, суздальцы да владимирцы: грудь колесом, росту саженного, красавец к красавцу. Мы всегда били и будем впредь бить рязанцев. Смотри же, сынок, не отдай Москвы!

— Все же, батюшка, дай мне сколько-нибудь ратников. Ты ведь дал моему брату Всеволоду шесть сотен.

— Так ведь Всеволод едет в Коломну. Она поважнее Москвы. Коломна — передовой порог Дикого поля. А Москва так себе, перекресточек промеж четырех реченок. Татары, пожалуй, и смотреть-то на Москву не станут. Впрочем, выбери десять дружинников, чтобы тебя охраняли. Ты будешь их посылать ко мне с вестями, что у тебя делается. Ну, господь бог да сохранит тебя в боях ратных! Вернешься со славой, награжу тебя знатно.

— Дай мне тогда в княжение Рязань.

— Ну и дам. Я давно хочу промыслить себе всю Рязанскую землю...

Великий князь Георгий Всеволодович уехал на рассвете вместе с двумя племянниками и сотней верховых дружинников. Княгиня Агафья Ростиславна, высокая, дородная, в собольей шубе, провожала мужа до последней ступеньки резного крыльца.

Юный князь Владимир и воевода Феодор Нянька помчались немедленно, чтобы скорее попасть в Москву. Сопровождали их десять дружинников верхами. У каждого был заводной¹ конь. За ними следовали десять саней, груженных кольчугами и оружием, с запасом еды для ратников и ячменя для коней.

Ехали сперва по реке Клязьме, потом направились зимними путями, напрямик, чтобы избежать речных извилин и

¹ Заводной — запасной.

перевертов. Всюду, в глухих лесных дорешушках встречали тревогу. Вся Русь всколыхнулась. Мужики вострили топоры и рогатины и спрашивали, где собирается ратный люд? Но никто толком ничего не знал, и не было одной головы, чтобы собрать воедино всю русскую силу.

Князь Владимир остановился в лесном поселке покормить лошадей. Он сидел возле избы на завалинке. Из лесу показался высокий человек с большой рогатиной в руке и луком за спиной. Он нес на плече дикую козу и шел мерным твердым шагом. Охотник остановился перед Владимиром и снял меховой колпак. На плечи упали белые волосы, пожелтевшие на концах. Он вытаскивал из-за воротника седую бороду, рассыпавшуюся по всей груди.

Узнав, что перед ним сын князя Владимирского, старик опустил к ногам молодого князя козляную тушу.

— Кушай, княжич, на здоровье! Поудничай вместе с твоими ратниками. Слышал я от монаха-странника, что на Русь навалилась несметная сила. Вот и я не удержался и вышел из своего звериного логова. Уж много лет живу я в болотах с медведями и сохатыми, да еще бортичаю — кормят меня дикие пчелки!.. Теперь я поднялся скликать на войну сыновей и внуков, а их у меня двадцать семь молодцов. Все вместе пойдем отбивать лихих врагов. По паре коней на каждого у них да отнимем! Где нам собираться?

— Иди в город, что поближе, — во Владимир.

— Это к батюшке твоему, князю Георгию Всеволодовичу? Нет, к нему я не пойду! У него рука тяжелая и незадачливая. Тому назад пятнадцать годов стоял твой батюшка с суздальским войском на реке Гзе, а потом на Липице. Оттуда он перешел на Авдovu гору и зря уложил там все свое войско. Десять тысяч мужиков-суздальцев тогда пало. Да какие все молодцы! А кто нас рубил? Свои же земляки: новгородские, смоленские, ростовские. А для чего рубились? Ты не скажешь? Нет, ты этого не знаешь!..

— Знаю. Они хотели отнять княженье у моего отца, князя Георгия Всеволодовича.

— Князья промеж себя не поладили: сидеть ли во Владимире князю Георгию Всеволодовичу, или его родному брату Константину Ростовскому. Брат на брата с ножом полез. Каин Авеля хотел зарубить. Заставили братья за себя биться простых мужиков. Нам-то не все ли равно, какой брат будет сидеть на нашей спине, — Константин или Георгий? Так князья мужиков не пожалели, и покатались глупые крестьянские головы! О татарах тогда и не слыхивали, а братья резались хуже татар. Теперь князь Георгий Всеволодович, твой батюшка, небось, почесывается да охает: как бы у колдунов найти живой и мертвой водицы и поднять против татар этих десять тысяч покойничков? Эх, княжич Владимир, в том-то и беда, что покойничков никакими ни заговорами, ни молитвами не подымешь! А кто из стариков остался жив, как я, кто бился на Липице, и помнит, что с нами князья сделали, так те за князем Георгием не пойдут!

— Ты что же речи ведешь воровские? — рассердился молодой князь Владимир. — Да как звать тебя? Да я тебя за такие слова зарублю на месте!

— Еще одним покойником больше будет, а татары все равно придут. И мы, мужики, будем с ними драться и гнать из нашей земли, — угодно ли это князьям или нет. А как будет с ними драться князь Георгий Всеволодович, — мы еще посмотрим? Я с сыновьями и внуками свою ватагу соберу и других сторонников призову. Будем татар ловить и на рогатину сажать... А ты, княжич Владимир, не сердчай на старика и кушай мою козлятину на здоровье, да в бою не показывай татарам хвоста своего коня...

Старик снял колпак, низко поклонился князю Владимиру и, тряхнув седыми кудрями, пошел прочь, высокий и прямой. Из кустов вышло несколько мужиков с рогатинами и луками, таких же высоких, стройных, в овчинных шкурах.

4. ИДЕМ НА МУШКАФ

Субудай-Багатур сказал Бату-хану:

— Выслушай, джихангир, твоего верного слугу. Важное дело впереди. Ты увидишь ключ к дверям вселенной. Мы должны немедленно двинуться к городу Машфа¹ и взять его раньше, чем его займут другие ханы. Там устроены склады товаров, привезенных из других стран. Там живут иноземные купцы. Там мы захватим большие богатства, заморское серебро и золото, греческое красное вино и германское сукно.

Бату-хан с полузакрытыми глазами ответил усталым голосом:

— Мы успеем это сделать завтра.

Субудай засопел, наклонился к уху Бату-хана с висящей тяжелой золотой серьгой и едва слышным прошептал:

— На войне один упущенный день, упущенный час — это потерянная победа и пропавшие труды девяносто девяти лет.

Отряды Бату-хана и Субудай-Багатура пошли ускоренными переходами по извилистому течению Оки. Они торопились первыми примчаться к небольшому городу Мушкаф, где, по слухам, находились склады иноземных товаров.

— Это новый город, — рассказывали болгарские купцы. — Близ него скрещиваются водные пути урусутской земли. Там останавливаются купцы из разных стран, едущие в богатый Ульдемир и Булгар.

Джихангир решил: не надо допускать в Мушкаф других чингизидов.

Утром передовая тысяча, с которой ехал Бату-хан, прибыла к крутому и обрывистому берегу, поросшему старым сосновым лесом. Внизу изогнулась заснувшая подо льдом река.

На другом берегу, на холме, виднелся небольшой деревянный городок, опоясанный бревенчатыми стенами. В беспорядке теснились дома, два пестрых терема, амбары, четыре небольших церквушки. Засыпанный снегом городок был окутан сизым дымом, клубившимся над деревянными крышами.

Здесь прибытия татар, видимо, еще не ожидали. К городу тянулись обозы, шли люди к реке и обратно. Бабы на коромыслах несли деревянные ведра. У проруби на реке стояли сани с бочкой. Человек доставал черпаком воду. Несколько женщин, стоя на досках у проруби, били вальками по вымытым портам.

Черные маленькие срубы, из которых валил густой пар, выстроились вдоль берега реки. Голые люди выскакивали оттуда, бежали к проруби, окунались с головой и стремглав возвращались назад.

Бату-хан указал плетью на черные срубы.

— Что делают эти безумцы?

— Эти домики называются «мыльни», — объяснял толмач. — Там люди бьют себя березовыми вениками, моются горячей водой и квасом, затем окунаются в проруби на реке. Это очень полезно для здоровья. Оттого урусуты такие сильные.

Бату-хан важно заметил:

— Кто смывает с себя грязь, тот смывает свое счастье. Оттого монголы счастливы в боях, что никогда не обливаются водой и не моются.

Жители Москвы укрылись за прочными бревенчатыми стенами и отчаянно бились, сбрасывая татар, влезавших по приставным лестницам. Воевода Филипп Нянька и князь Владимир руководили защитой, сменяли усталых бойцов и посылали помощь на особенно опасные места.

На пятый день прибыли метательные и стенобитные машины. Сотни лошадей и пленных приволокли их к стенам. В город полетели огромные камни и длинные стрелы с пылающей паклей, намоченной горючей жидкостью. Деревянные дома загорались сразу в нескольких местах. Жители уже не успевали их тушить.

На высоком берегу между двумя кострами, на ковре, брошенном на упавший ствол сосны, сидел Бату-хан. Рядом стоял Субудай-Багатур. Они равнодушно смотрели на горящий город. Что для них пылающий Мушкаф?! —

¹ М а ш ф а или М у ш к а ф — так в древних восточных летописях называлась Москва.

одним городом больше или меньше, не все ли равно? Много лет они разоряли Китай, Хорезм и другие страны, сжигая и громя города...

Городок Мушкаф продолжал пылать. Деревянные строения быстро превращались в горящий костер. По небу в темных облаках дыма металась белая точка голубей. Проносились с хриплым карканьем стаи галок и ворон. Стенобитные машины проламывали широкие входы в стенах, через которые бросались, теснясь, татарские всадники.

— Так велит Яса! Уррагх, кху-кху, монголы!.. — кричали татары, рубили встречных и срывали с них шубы и шапки. Пробираясь по узким улицам города, они врываются в дворы и дома. Было дымно и жарко возле горящих зданий. Захватив добычу, татары спешили выбраться из города. Некоторые гнали перед собой женщин или везли детей. Другие тащили на арканах пленных со связанными руками.

Два дня город и все окружающие села были во власти татар. Они скакали во все стороны, рылись в развалинах и рубили пленных, в которых больше не нуждались.

На третий день татары стали собираться в отряды. Повсюду складывались костры. На них монголы положили рядами своих убитых воинов. Костры задымилась вокруг развалин Москвы. Татары сидели вокруг, ели жеребятину, пели, раскачиваясь, заунывные песни и кричали: «Байартай!», прощаясь с павшими товарищами.

Утром следующего дня татары ушли так же быстро, как и появились.

5. ХАН КЮЛЬКАН ПОД КОЛОМНОЙ

Монголы осадили крепость Коломну. Старые бревенчатые стены казались городу прочной защитой. Ворота с ржавыми железными щитами, бляхами и перекладинами были закрыты. Жители взбирались на стены и со злобой смотрели, как кругом развезжали группы невиданных всадников. Их небольшие крепкие кони то неслись вскачь, легко перелетая через бугры и кусты, то оста-

навливались, крутились на месте и снова мчались в другом направлении.

Иногда железные ворота с визгом открывались, из города выезжали в поле сотни русских всадников. Они бросались на вертевшихся перед стенами монгольских удальцов, гонялись за ними, чтобы захватить пленных, как приказывал воевода. Но монголы близко к себе никого не подпускали и не считали постыдным удирать во всю прыть.

Некоторые отчаянные татарские удальцы показывались перед самыми воротами. Они стреляли из луков в защитников Коломны, наблюдавших сверху, со стен. Монгольские стрелы были длинные, с железными закаленными остриями. Татары стреляли почти без промаха, стрелы их пронизывали грудь насквозь.

Старый русский воин, кряхтя и ругаясь, вытащил стрелу из кровоточащей раны. Все с любопытством рассматривали невиданную стрелу. К ней была приделана глиняная свистулька, издававшая при полете пугающий визг.

Группа татарских всадников на легких, быстрых конях оказалась близ городских ворот, дразня и вызывая на схватку. Коломенские удальцы просились у воеводы на битву с татарами, но старый опытный воевода их удерживал:

— Еще не пришел последний час. Не верьте хитрому татарину, — он вас заманивает!

Защитой Коломны ведал Еремей Глебович, прославившийся в войнах с половцами. Помогали воеводе сын великого князя Всеволод Георгиевич и спасшийся из Рязани князь Роман Ингваревич. Оба начальствовали двумя полками: князь Всеволод — суздальским полком, а Роман — собранным из ратников, прибежавших из Рязани.

Сперва казалось, что татар не особенно много. Хотя они окружали город кольцом своих отрядов, все же их было нисколько не больше, чем коломенских защитников. Молодые князья Всеволод и Роман порывались схватиться с татарами, разбить их и с боевой славой двинуться дальше, на другие татарские полчища.

Воевода приказал десяти сотням приготовиться, чтобы с рассветом сразу выйти из всех ворот города. Воевода хотел сделать налет на татарский лагерь.

— Захватите татарских пленных. Надо у них выведать: сколько у татар войска, кто из ханов перед Коломной и где другие ханы; придут ли они тоже в Коломну или поведут свои отряды на другие города? Без пленных не возвращайтесь!

Главным начальником войска, осаждавшего Коломну, был молодой хан Кюлькан, младший сын великого Чингиз-хана. Он вел тумен монголо-татарских всадников в десять тысяч человек; кроме того, у него было пять тысяч кипчаков хана Баяндера и смешанный тумен из воинов разных татарских племен. Но отряды эти к Коломне не явились, а рассыпались по суздальской земле, занимаясь грабежом бегавшего в леса населения. В течение месяца они сожгли и пустили на пыль и ветер четырнадцать городков.

Хан Кюлькан подъехал к Коломне в суровый зимний день. Он приказал поставить походные юрты на противоположном берегу реки, на опушке соснового леса. Оттуда отчетливо виднелись зубчатые бревенчатые стены Коломны, запертые железные ворота и вооруженные люди между бойницами. Безлюдная равнина замерзшей реки, где над льдинами стаями перелетали черные вороны, была хорошим полем для передвижения войск и предстоящей битвы.

Высокий сильный Кюлькан, такого же богатырского сложения, как и отец его Чингиз-хан, стоял возле своей юрты и жадно всматривался в крепость, разгром которой принесет ему первую воинскую славу. Лицо Кюлькана было неподвижно, но в душе его кипели страсти, стремления к богатырским подвигам и в то же время недовольство собой.

«Мне уже девятнадцать лет, — думал он, — а я еще ничего не сделал! Правда, в мои годы отец тоже ничего еще не сделал. Он был в то время лишь бедным сыном простого десятника, от

которого разбежались его голодные нукеры. Он был рабом и находился в плену с тяжелой колодкой на шее, колотил молотом по наковальне, подготавливаемый толчками жестокого хозяина-кузнеца. А я же — могущественный хан Кюлькан! Я сын повелителя всех народов вселенной, у меня прекрасные кони, под моей властью двадцатипяти-тысячное войско. Одним движением руки я могу послать его в любую сторону. Я, хан Кюлькан, закончу то, чего не мог выполнить отец, я покорю вселенную до Последнего моря. Мне мешают соперники! Первый — Гуюк-хан. С ним нужно дружить до моей победы. Сильнее всех Бату-хан. Зачем его избрали джихангиром? При первой же неудаче Бату-хана надо казнить, объявив его неспособным. А потом убить и Гуюк-хана. Но главное, здесь, под Коломной, надо прославиться удальством, смелостью, щедростью к нукерам, чтобы они говорили у костров, как они любят Кюлькан-хана. Потом они же помогут мне сделаться великим каганом...»

В отряде хана Кюлькана находился хан Баяндер с пятью тысячами кипчаков. Как правоверные мусульмане, кипчаки стояли особыми лагерями, не смешиваясь с монголо-татарскими отрядами. Здесь с ними были сеиды¹ в зеленых чалмах, затянутые матерчатыми зелеными поясами. Они наставляли кипчаков в правилах мусульманской веры, поучали их, как держаться в бою, говорили им, как радостно пасть за веру. При этом пена выступала у них на губах. Речи их кончались призывом:

— Избивайте иноверцев! Кто падет в бою за веру, тот попадет в райские сады, там он испытает неомрачаемое счастье и блаженство.

Среди мусульманских воинов были еще подразделения по вере: сунниты и шииты. Суннитского толка придерживались кипчаки, а шиитского — воины из иранцев, говорившие по-персидски. На остановках сунниты и шииты ни-

¹ Сеид — духовное лицо, считающее себя потомком пророка Магомета.

когда не сядились рядом и ели из разных котлов.

Под Коломной заговорили, что среди урусотов, выезжавших из ворот, многие видели удалыца верхом на гнедом коне Тюляб-Биргена.

Сотник Тюляб-Бирген отправился искать помощи к хану Кюлькану. Двое запорошенных снегом дозорных, после долгих уговоров, пропустили сотника в юрту. Позади костра из сосновых веток, на ковре из барсовых шкур сидел светлейший сын Священного Правителя. Налево от хана тесно прижались друг к другу шесть тысячников. У каждого в руке была круглая деревянная чашка. Слуга-монгол, без сапог, в войлочных чулках, стоял на ковре близ бурдюка, подвешенного на крюке, и подливал ковшиком крепкую арзу в деревянные чашки.

Тюляб-Бирген скромно выжидал, сняв меховой колпак и повесив на шею пояс — знак того, что он всецело отдает себя на волю вечного синего неба. Кюлькан, желая показать свое величие, продолжал беседу. Наконец он заметил безмолвного просителя.

— На что ты жалуешься и что просишь, храбрый и славный Тюляб-Бирген? Проходи сюда к нам.

— Я твоя жертва! Ты один можешь спасти меня. Если ты не поможешь, я брошусь в бой и отдамся мечам урусотов. Если я неспособен сам проложить себе дорогу доблести, то лучше мне умереть.

— О чем тебе горевать? — сказал старый темник Бурундай, прославленный опытный полководец Чингиз-хана. — Ты молод, но в рассказах у наших костров уже отмечен как отчаянный рубака и лихой разведчик. Продолжай начатый путь! Добивайся новой славы!

— Это все было. А теперь каждый желторотый юнец при виде меня гогочет, хотя сам еще не умеет поднять правильно меч и срубить одним взмахом голову врага.

— Что же ты просишь? — спросил хан Кюлькан.

— Прошу — искру жалости! Из крепости Коломны каждый день вместе с

урусутскими всадниками выезжает молодой урус на украденном у меня гнедом коне. Мое сердце не может перенести этого...

— Разве воин может допустить, чтобы кто-нибудь из врагов ездил на его коне! Поймай дерзкого да изруби.

— Ты читаешь, как по книге, скрытые мысли твоих верных слуг и знаешь, о чем я хочу просить.

— Я все понял! Дай чашу арзы верному Тюляб-Биргену. Я устрою облавную охоту на этого дерзкого урусута... Надо захватить живьем и коня, и ездока. Даю тебе сорок всадников на лучших моих конях. Ты расставишь их вдоль реки по четыре человека через каждые триста шагов. Как только урусут выедет из ворот, сотня моих всадников врежется в толпу урусотов, расколует их и отгонит молодого в сторону. Охотники погонятся за мальчишкой, готовя арканы. Все время будет прибавляться новая четверка всадников на свежих конях. Самый лучший конь не выдержит такой скачки. И мы захватим арканами усталого коня...

— Ты великий, ты щедрый!

— Потом я сам буду допрашивать мальчишку, а ты, Тюляб-Бирген, будешь прикладывать к его спине раскаленные угли, чтобы он говорил правду. Для этой веселой охоты я дам тебе лучшего коня.

6. ОБЛАВНАЯ ОХОТА

...Он догадлив был:

Вымал из налучника тугой лук,
Из колчана вынул калену стрелу,
А спела ведь тетива у туга лука,
Угодила стрела в сердце молодца.

Из древней русской песни.

Торопка приехал в Коломну в рязанском отряде князя Романа Ингваревича. Он остался рассыльным при князе, который ценил юношу за точность и быстроту.

— Что ни поручишь Торопке, — говорил князь Роман, — он все исполнит, хотя бы пришлось спуститься в пылающее пекло, да еще прихватит ротозея чертенка.

Любимым товарищем Торопки был стройный гнедой жеребец, который вы-

нес его из татарского плена. Торопка и холил, и лелеял его, и кормил его из рук хлебом, и, сам часто голодая, отдавал коню последнюю горку. Доставать в Коломне хлеб и сено становилось все труднее, и конь стал худеть. Жители берегли и прятали хлеб, не зная, сколько времени продолжится осада. Народу в городе набилось много, так как съехались сбеги из окрестных погостов.

Торопка, чтобы спасти своего любимца, решил взяться за самую опасную задачу, самое трудное поручение, лишь бы выйти из города.

Он стал упражняться в стрельбе из лука, найденного на убитом монголе. Доставать стрелы было легко, каждый день они летели в крепость из монгольского лагеря, сбивая на стенах воинов.

Торопка прикрепил к стене мешок с опилками и учился попадать в него с коня. Сперва это казалось невозможным: монгольский лук, сделанный из черных рогов горного козла, был очень тугой. Торопка мог натянуть его только до половины стрелы, которая летела вяло и скоро валилась на землю. Монголы же натягивали лук, держа тетиву у подбородка и сразу выпрямляя всю левую руку. Коснувшись тетивой правого уха, они пускали стрелу, которая летела с визгом, готовая пробить любую цель. Постепенно Торопка добился такой же сноровки.

Однажды князь Роман призвал Торопку и дал ему сложенный листок бумаги, завернутый в красную тряпицу.

— Тебя недаром прозвали Торопка-расторопка. Князь Всеволод поручает тебе важное дело. Завтра мы неожиданно ударим на татар. Будет горячая сеча. Татары не заметят, если во время схватки ты бросишься через реку в сторону соснового леса. Там, охотничьими тропами попытайся уйти на север. Князь Всеволод извещает в этой грамоте своего отца, великого князя Георгия Всеволодовича, как тяжело идет у нас защита города, и просит его о помощи. Татарва к Коломне валом валит и скоро нас задавит. Ты дорогу держи на Киржач, Ростов и Углич. Туда еще татары не дошли и проезд свободен. Месяц, два мы еще выдержим. Но ес-

ли к тому времени великий князь не поспеет, все мы до единого здесь поляжем, и спасения нам нет. На тебя надежда, что ты доспеешь, найдешь великого князя и с его дружиной вернешься к нам на выручку.

Перед рассветом назначенного дня еще в темноте, вооруженные всадники заполнили узкую улицу, ведущую к городским воротам.

Торопка и с ним еще три княжеских отрока находились у самых ворот. Эти отрокам тоже был дан наказ: в темноте пробиться через татарские посты и отвезти грамотки в три разных города.

Уже с ночи закрутила метель. Ветер сметал с крыш снег и осыпал всадников. Немногие были в кольчугах, большинство только в нагольных шубах с нашитыми на груди и плечах железными и костяными пластинками.

— Ну, чего еще ждать! — зашумели хриплые голоса. — Эй, сторожа, открывай!

Заскрипели с лязгом и скрежетом ржавые петли ворот, и обе дубовые створки распахнули путь в жуткую темную пустоту. Там затаилась смерть. Там ждали тысячи скошенных глаз и отточенные кривые сабли.

Гнедой конь Торопки сам тронулся вслед за другими всадниками. Впереди отряда, окруженный телохранителями, ехал князь Роман Ингваревич. Отряд знал свою задачу — налететь на спящий татарский лагерь среди леса на другой стороне реки.

Отряд перешел в рысь, всадники подтягивались, держась теснее друг к другу. На белом снегу выдвигались черные фигуры. Небо, закутанное низкими облаками, начинало светлеть на востоке.

Доехав до середины реки, Торопка свернул в сторону и стал ускорять бег коня. Вдруг высокий тонкий голос, совсем вблизи, закричал:

— Кху-кху, кху-кху, монголы!..

Сбоку вылетели три монгола. Провистела около уха стрела. Гнедой мчался, перелетая через бутры и льдины. Татары с яростными криками преследовали его некоторое время, но потом отстали. Торопка сдержал коня.

Остановился. Прислушался. Впереди снова были слышны глухие голоса и топот коней. Торопка бросился опять в сторону и налетел на монголов, державших под уздцы лошадей. Послышались радостные крики:

— Тюляб-Бирген! Твой гнедой сам скачет к тебе! Держи его!

Монголы вскочили на коней и помчались за Торопкой. Они все были на отличных конях, легко гнались за гнедым, и скоро один стал настигать. Гнедой уже неся из последних сил. Торопка предоставил коню выбирать дорогу. Оглянувшись, он натянул лук и пустил стрелу, целясь в голову. Всадник вскинул руками и упал с коня. Скакавшие сзади монголы дико завывали:

— Горе! Горе! Хан Кюлькан! Убит хан Кюлькан!

Гнедой уходил от погони. Монголы отстали.

Торопка свернул на боковую замерзшую речку с ровной наезженной дорогой среди густых береговых кустов. Места были знакомые. Эта речка вилась бесконечно, начинаясь в тех трясиновых болотах, где стояла родная деревня Перунов бор. Конь, тяжело дыша, перешел на шаг и остановился. Кругом тихо дремали засыпанные снегом старые ели.

Торопка поехал, сдерживая коня, охотничьей тропкой, чутко прислушиваясь к каждому лесному шороху.

«Почему я поехал к Перунову бору? — подумал он. — Что потянуло меня сюда, оставив дорогу на север. Не серые ли глаза Вешнянки? Нет, это монголы согнали меня с пути, а своя деревня недалеко. Как же мне не заехать? Может быть, кто жив остался, расскажет, что делается в наших местах?»

К полдню пошли глухие опасные места. Болота затянуло льдом.

Наконец в просвете между деревьями показались знакомые вековые дубы на склоне Перунова бора. Точно к старым друзьям, подъехал Торопка к громадным деревьям. Он нашел валяющийся под ними большой деревянный истукан, перед которым молились прадеды. Выпученные глаза истукана смотрели в небо.

Кругом, на снегу, виднелись свежие следы. Видимо, недавно здесь бегали в лапотках бабы и ребята. Смелее тронул коня Торопка и въехал на бугор.

Половина избенок погорела. Уцелели только крайние. Кто сжег? Кому нужно было выкинуть на мороз бедных лесовиков?

Избы Савелия Дикороса не было. На месте ее подымалась только закоптелая пузатая глиняная печь и высокий шест с привязанной на верхушке метелкой. Кругом торчали полузасыпанные снегом обугленные бревна.

С лаем бросился навстречу мохнатый пегий пес. Где-то залились ответным лаем другие собаки. Неужели это Пегаш? Жив еще? Пегаш узнал своего молодого хозяина, стал прыгать и бросаться к седлу.

Торопка приблизился к закоптелой избе, где жил когда-то Звяга. В щель окна пробивалась тонкая полоска света. Торопка подъехал к оконной заслонке.

— Эй, живые люди! Отомкнитесь! Свои приехали, принимайте!

Из окошка донесся голос:

— Да ты чей будешь? Откуда?

— Или не хочешь признать? Торопка я; Савелия Дикороса сын! Скорее отомкнитесь! Мне недосуг. Должен дальше ехать.

Застучал засов, открылись ворота. Высокая сухая жена Звяги, кутаясь в рваную шубу, взяла за повод коня и отвела под навес.

— Сено найдется?

— Есть немного, родимый. Сейчас принесу. Куда его теперь беречь: и коня, и коровенку злодеи зарезали. Проходи в избу.

Дымная лучина горела неровным огнем, потрескивая и вспыхивая красноватым пламенем. Жена Звяги и трое белоглазых детей сидели кругом Торопки. Разинув рты, смотрели они на него, пробовали пальцами его кольчугу, остроконечный шишак, высокие красные сапоги...

— Они и у нас здесь были, точно с неба свалились, окаянные! — рассказывала изможденная женщина. — Награбили хлеба, пожгли скруды, избы, захватили с собой баб и девок и много

детей. Вот эти трое моих забились под хворост, их и не сыскали татаровья, а троих увезли... Не увижу их больше никогда. Опалениху угнали и твою... — она всхлипнула, — и твою Вешняночку угнали. Помолись за них. Из татарского плена разве кто вернется? А где мой Звяга? Одни говорят, будто видели его на рязанских стенах, другие — что ушел, в лесу скрывается. Если так, то домой скоро вернется... Покушай, родимый, хоть хлебушка. Мы теперь хлеб пополам с сосновой корой печем: натолчешь кору и с аржаной мукой замесишь. Муку беречь надо, а не то до весны не дотянем... Иногда выловишь мережкой на озере рыбку. А греем мы горячей водой с березовой чагой¹. Заболтаешь в котелке воду мукой, сделаешь болтушку, вот ребятки и хлебают...

— А что о других мужиках слыхала?

— Все, кто в лесах укрылся, все ополчаются в отряды, ловят отсталых татар, садятся на их коней. Татар, говорят, очень много. Такая сила, что и в сказке не сказать. Но и наши мужики дерутся, как волки, ни за что не сдаются. Думаю я, что татары здесь побудут да и уйдут когда-нибудь, а мы тогда снова построимся...

Передохнув, Торопка отправился дальше.

7. ГНЕВ БАТУ-ХАНА

Гонцы, посланные один за другим, примчались к Бату-хану с известием о гибели хана Кюлькана, младшего сына Священного Правителя, Чингиз-хана.

Джихангир не пожелал никого видеть. Гонцы твердили, что они не могут ждать «ни на кормежку коня», что они сейчас же должны мчаться обратно с ответом джихангира.

— У нас нет полководца! Войско не знает, что делать! — кричали они.

Дозорные — тургауды — их грубо отталкивали:

— Нельзя! Ждите!

Проходя мимо, на гонцов обратил внимание начальник охранной сотни

Арапша. Высокий, худой, с несмеющимся взглядом, он остановился перед ними, точно оценивая и стараясь узнать каждого.

— Отличились! — сказал Арапша. — Плохо теперь ваше дело!

— Чем мы виноваты! Мы преданно исполняем приказы и привезли джихангиру донесения от темника Бурундая.

— Вы привезли черную весть, в которой вы виноваты. Знаете ли вы, что вас ожидает?

Гонцы вскочили, некоторые хотели садиться на коней.

— Внимание и повинование! — крикнул Арапша. — Нумеры, не выпускайте никого из этих «черных вестников». Держите их коней. А вы ждите, скоро с вами будет говорить джихангир.

Арапша вошел в юрту. Бату-хан сидел мрачный, скрестив ноги, опустив голову, и пристально смотрел на концы соединенных пальцев.

Рядом сидел на пятках Субудай-Бататур. Он взглянул на вошедшего Арапшу, остановившегося у входа. На тихий вопрос: «Можно ли остаться?» — ответил движением головы.

— Он и Гуюк-хан были моими злейшими врагами, — сказал Бату-хан. — Что же мне остается, как не радоваться!

— Бату-хан может радоваться, но джихангир обязан горевать! — тихо и твердо возразил Субудай.

— Кюлькан искал моей гибели. Кюлькан громко говорил, что я баба с бородой. Только ты помешал мне распороть ему грудь и вырвать ядовитое сердце. Многие из моих врагов еще живы. Главный из них Гуюк-хан, я и с ним разделаюсь.

— Тише!.. — Субудай начал сердито сопеть. — Никто в войске не должен знать об этом. Не говорил ли ты сам, что полководец должен быть скрытым... Если бы ты стал радоваться, все бы сказали: «Бату-хан такой же, как все!» А ты, как внезапный гром с неба, порази вокруг всех ротозеев, зубоскалов, гуюкских блюдолизов! Укажи цель, куда идти и что делать. Оставьйся необычайным, неведомым, непонятным...

¹ Чага — древесные наросты на березе.

Бату-хан очнулся, вскочил, вытащил из ножен кривую саблю.

— Где эти «черные вестники»? Теперь я знаю, что делать.

Арапша ответил:

— Они здесь, близ юрты, ждут твоих повелений.

Бату-хан с саблей в руке вышел из юрты, обвел взглядом сидевших гонцов. Они упали на колени.

Бату-хан начал говорить тихо, сквозь зубы. Постепенно голос его усиливался. Поджонек он выкрикивал слова.

— Вам было вверено великое счастье, кусок солнца — сын Священного Правителя. А как вы сберегли его?

— Он сказал, что сам хочет биться, — лепетали гонцы.

— А вы и обрадовались? Разве дело полководца рубить мечом в передовом отряде? Разве так поступал Священный Правитель — великий Чингиз-хан? Он был настоящим полководцем. Он находился позади войска и передвигал девятью словами десятки и сотни тысяч всадников. Так он одерживал победы, потрясавшие мир...

— Мы это знаем... Мы это помним...

— А что вы сделали с ханом Кюльканом? Вы обрадовались, что хан Кюлькан стал простым нукером и скачет впереди в драке с урусутами, и никто не удержал его, не отвел назад, не закрыл его своим телом. Вы предатели, и нет вам пощады...

Гонцы распростерлись на земле, лицом в снег.

— Скачите назад. Скажите войску, что джихангир приказывает загладить вину и взять крепость Коломну до моего прихода... Если же я приеду, а вы все еще будете скакать вокруг города, я прикажу всех вас перебить, как отбросы великого войска, созданного Чингиз-ханом. Прочь отсюда, желтоухие собаки! Чего вы еще лежите?

Гонцы бросились к своим коням, вскочили на них. Через несколько мгновений ни одного из них не осталось.

— Ты слышал, Субудай-Багатур?

— Да, ослепительный. В твоих словах я узнал голос твоего деда!

— Я покажу урусутам, что значит

убить сына величайшего из людей — Чингиз-хана!.. Я залью кровью всю урусутскую землю... Я перебью все живое, всех живущих, последнюю собаку и последнего ребенка. Страшным пожаром пронесется монгольское войско и обратит урусутскую землю в молчаливое кладбище, где будут слышны только крик вороны и вой волка. Скорее подайте мне коня!..

Глаза Бату-хана стали круглыми. На губах выступила пена. Он топал ногой и кричал в бешенстве:

— Коня мне! Скорее коня!

Зазвенели медные гонги, сзывавшие нукеров. Задрезбжали рожки, извещавшие о походе.

— Пока будет начальствовать, по обычаю, старший темник Бурундай. Он воин опытный, а через день я сам буду на месте и покажу, как надо брать приступом крепости!..

Через день передовые отряды Бату-хана и Субудай-Багатура были перед Коломной. Бой был в полном разгаре. Монголы непрерывной лавиной старались взобраться на стены, откуда их сбивали защитники города. Но силы русских воинов слабели, помощи нигде не приходило. Татары ворвались в город.

С великим мужеством бился среди рязанских дружинников и пал доблестной смертью князь Роман Ингваревич. Рядом с ним сложил седую голову воевода Еремей Глебович.

Татары резали всех без милости. Многие, оставшиеся в живых, попали в тяжелый плен. На дымящихся развалинах Коломны татары гуляли и пировали три дня.

В середине города, на площади, где стояла сгоревшая церковь Воскресения, Бату-хан приказал сложить большую кладку бревен, на которую положили тело молодого хана Кюлькана. Вместе с ним монголы сожгли сорок самых красивых коломенских девушек. Два любимых коня в нарядной золотой сбруе лежали в ногах хана Кюлькана. И девушки, и кони должны были последовать в заоблачный мир, чтобы там верно служить своему господину.

8. СКОРБНЫЕ ДНИ ГОРОДА ВЛАДИМИРА

Татары появились перед городом внезапно. Еще на рассвете из городских ворот выехало несколько десятков крестьянских саней; на них уезжали горожане, желавшие спастись в лесах, а в полдень город Владимир был уже отрезан от всего мира.

Все население Владимира поспешило на стены взглянуть на воинов невиданного народа, о странных обычаях и жестокостях которого передавалось столько жутких рассказов.

Княгиня Агафья и снохи ее, княгини Мария и Христина, в сопровождении ближних боярынь и нянюшек, тоже поднялись на крепостную стену близ Золотых ворот. Здесь уже находился воевода и молодые князья Всеволод и Мстислав. Все они внимательно следили за передвижением татарских войск.

К Золотым воротам подъехал отряд, в котором выделялись нарядно одетые ханы в красных полосатых и пестрых одеждах.

Толмач, по виду половецкий перебежчик, на чубаром коне приблизился к воротам и обратился к стоявшим на стене:

— Не стреляйте! Слушайте! Великий джихангир, Бату-хан, прибыл сюда со своим могучим непобедимым войском. Знает ли великий князь и государь Георгий Всеволодович о прибытии в его земли великого хана? Почему же ваш князь до сих пор не явился к великому хану с поклоном? Почему он не шлет даров, не дает клятвы верности, не открывает городских ворот? Где прячется ваш князь? Приведите его сюда, мы с ним будем говорить!..

Стоявшие на стенах бояре тихо переговаривались. Воевода шептал:—О, времена тяжкие!— Некоторые из нетерпеливых владимирцев пустили стрелы. Раненый татарский конь закружился на месте. Татары сейчас же ответили десятком стрел.

Два всадника тащили на аркане высокого худого юношу. Он не упирался, а шатался от слабости, ноги передвигались, как деревянные. Всадники натягивали концы аркана. Так иногда

охотники ведут опасного дикого зверя натягивая веревки в разные стороны не давая зверю броситься на провожающего.

Отчаянный крик донесся со стены. Это закричала княгиня Агафья, узнав пленного своего сына, князя Владимира, уехавшего оборонять Москву. Женщины, стоявшие рядом с княгиней, громко зарыдали, видя юношу, оставленного в жестокою стужу в одних холщевых портах и рубахе, с тряпками на ногах вместо сапог.

— Сын мой, Владимир! — стонала в слезах княгиня Агафья. — Что они с тобой сделали?

— Матушка моя, не плачь! — отвечал снизу князь Владимир. — Крепко стойте за родной город! Побивайте их и ничего не бойтесь! Они долго в нашей земле не останутся и скоро уйдут в Дикое поле! Они мучили и ущемляли меня, но сломить не могли. Не бывать их воле над нами! Стойте крепко! Отбивайте недругов!

Проводники стали стегать Владимира плетью.

— Слушайте, упрямые владимирцы! — крикнул толмач. — Перед вами неразумный гордец, молодой князь Ульдемир. Смотрите, какую жалкую судьбу он себе приготовил. Он наказан за то, что не хотел покориться великому джихангиру. Вот что ожидает каждого, кто дерзок и упрям. Города Рязань, Пронск, Ижеславль, Мушкаф и девяносто девять других взяты и обращены в пепел. Непокорные жители перебиты или уведены в плен. Князь Ульдемир перед вами, и мы его водим на веревке, как медведя, на потеху людям. И вы хотите того же? Сдавайте ключи от городских ворот, и вам, под властью нашего великого Бату-хана, будет хорошо, спокойно и светло!..

— Не слушайте его! — кричал Владимир. — Отбивайтесь. Татары жалости не знают. Если вы покоритесь, они вас все равно вырежут! Врут они, окаянные!

— Умрем, но не покоримся! — отвечали со стены.

Князья Всеволод и Мстислав и толпа на стенке подхватили:

— Умрем, но не покоримся! Уезжайте в свои степи! На русской земле вам делать нечего!

Татары повернули обратно. Два всадника, сторожившие Владимира, сбили его с ног и потащили за собой по снегу, как мертвую тушу.

В тот же день татары поставили на бугре против Золотых ворот желтый шатер и по обе стороны его десятков круглых, как шапки, белых и черных войлочных юрт. Кругом задымили костры многочисленной стражи.

Жители Владимира жадно наблюдали с крепостных стен за поведением татар. Никто не говорил о сдаче, о покорности. Все знали, какая участь ждет пленников, все слышали об уловках татар, старавшихся хитростью проникнуть в город: «Только пусти их, а затем жителям пощады не будет».

Пока татары готовились к приступу, большой их отряд отделился и направился к Суздалью. Город защищался два дня. На третий — татары ворвались в Суздаль, разграбили его, подожгли княжий двор и Дмитриевский монастырь, перебили жителей. Спаслись из суздальцев только те, кто ранее убежал в леса. Татары безжалостно рубили всех: стариков, беспомощных старух, калек, слепых, и, вопреки своему обыкновению щадить церковников, перебили в Суздале и попов, и монахов, и монахинь. Остались в живых только молодые монашки, увезенные татарами в плен.

От разгрома спасся стоявший в стороне среди густого леса Богородицкий девичий монастырь. Татары его не нашли, горюясь вернуться обратно в свой лагерь под Владимиром.

6 февраля¹ тысячи татар подтащили к стенам города странные, сложенные из бревен, сооружения, каких владимирцы раньше не видывали. Это были стенобитные и камнеметные машины. Татары спешно окружили город сплошным тыном, чтобы перехватывать убежавших горожан.

Никаких надежд у владимирцев

больше не оставалось. Татар было так много, что на одного горожанина приходилось по двадцати противников. Владимирцы в слезах прощались друг с другом:

— Завтра, в день памяти святого Феодора Стратилата, снежная вьюга сплет всем нам вечную память!

Седьмого февраля на рассвете татары бросились со всех сторон на город.

Княгиня Агафья и ее две снохи, ближние боярыни и старейшие жены и монахи укрылись в каменной Соборной церкви. Там их ждал епископ, владыка Митрофан, высокий, худой, с черной бородой и воспаленными черными глазами. Рядом с ним на амвоне перед иконостасом, в погребальных черных ризах, стояло все духовенство. Они пели хором молитвы. Епископ низким сильным голосом призывал всех спокойно, искренно, с верой встретить неизбежную мученическую кончину.

Бывшие в храме поочередно подходили к владыке Митрофану. Он отрезал у каждого прядь волос, в знак пострига, и чертил священным маслом крест на лбу. Посвящаемые в схиму надевали себе на голову черные куколи¹ и брали друг друга крепко за руки. Все стояли тесными рядами и пели священные псалмы. А снаружи доносились грубые голоса разъяренных татар и дикие пропитательные вопли убиваемых женщин.

Уже слышались тяжелые удары бревен в церковные двери, треск ломаемых досок, как вдруг княгиня Агафья хватилась, что приемной дочери Прокуды нигде не видно. Прокуду стали звать, нянюшки подымались наверх, на хоры и колокольню, но нигде Прокуды не нашли.

— Погибнет девка без пострига, без покаяния! — стонала княгиня Агафья. — Не попадет она со мной в обители райские! Бедная я, бедная! Всех родных сразу теряю!

9. ЖИВОЙ КОСТЕР

С высокого берега Клязьмы Батухан внимательно следил за штурмом

¹ В 1238 г., а по летоисчислению того времени — «в 6746 году от сотворения мира».

¹ Куколь — остроконечный черный колпак с нашитым белым крестом.

города Владимира. Багровые отблески пожара переливались на золотой сбруе его коня. Красными искрами вспыхивала золотая насечка стального шлема.

К главным воротам, волна за волной, подъезжали все новые и новые татарские всадники. Они оставляли коней внизу, лезли вверх по примету и штурмовым лестницам.

Наверху, на каменной стене, шел отчаянный бой. Владимирцы упорно отбивались. Татары схватывались с ними, старались прыгнуть со стены внутрь города. Русские ратники спешили на место погибших, но бойцов становилось все меньше, а новые толпы татар непрерывным потоком, с буйными криками влезали на стены.

— Смотри, джихангир! — Бурундай повернул к Бату-хану желтое безвольное лицо. — Воины хаңа Гуюка подождли город с двух концов!

Лицо Субудая перекопилось:

— Воины Гуюк-хана всегда опаздывают! Это не они, а сами урусуты подожгли свой город...

— Что же медлят «непобедимые»? — спросил Бурундай.

— Не лезь, Бурундай! — огрызнулся Субудай-Багатур. — Осажденные храбры и упрямы только по утрам. Надо выждать: в полдень сюда приплетутся дрожющие старики в парчевых шубах и поднесут тебе на золотом блюде ключи от города... Да!.. Так всегда бывало и в Китае, и в Тангутах, и в Бухаре, и в Самарканде! Так будет и сегодня здесь!

Но Бату-хан не хотел ждать. Он визжал и бесновался. Его вороной жеребец перебирал ногами, прыгал на месте и порывался броситься вперед.

У ворот длинный тяжелый таран с железным набалдашником с грохотом выскакивал из бревенчатого сруба на полозьях и ударял в ворота. Полуголые пленные раскачивали таран под равномерный счет:

— Вдарь сильнее! Вдарь еще!

Монголы стегали плетями пленных, понуждая их бить сильнее. Некоторые пленные отказались помогать врагам. Монголы их тут же зарубили.

Сверху, из бойниц и из окон церков-

ки на Золотых воротах, на монголов швыряли кирпичи, горящие головни и металы стрелы. Под ударами тарана дубовые створки ворот трещали и, наконец, развалились. Татары с ликующим воем бросились вперед, сбивая натиском коней встречных защитников.

Узкая улица была загорожена бревнами, телегами, санями, поваленными заборами. Владимирцы встречали татар ударами топоров и тяжелых дубин. Защитники сидели на крышах домов, стреляли из тугих луков, швыряли сверху тяжелые камни... Улицы все более загромождались трупами, но ничто не могло удержать ворвавшихся разъяренных кочевников. Они прыгали с коней, сдирали одежды с мертвецов, грабили дома и лавки, снова вскакивали в седла и пробивались дальше. Их маленькие крепкие кони, спотыкаясь, карабкались на преграды, перебирались через бревна, падали вместе с всадниками. Нукеры упорно расчищали путь для следовавшего за ними Бату-хана и его свиты.

Бату-хан остановился перед каменным собором на главной площади, где толпились «непобедимые». При его приближении воины прекращали грабеж и падали лицом в снег. Бату-хан, не глядя на них, сохранял надменное величие. Изредка хищная улыбка кривила его неподвижное лицо. Он сказал Субудай-Багатуру:

— После Булгара и Рязани я беру уже третью столицу!

Субудай прохрипел:

— Да! К концу великого похода монголов на твою ожерелью будет девяносто девять столиц!..

— Где же обещанные тобою старики с ключами? — насмешливо спросил тонким голосом подъехавший Бурундай.

— Если они не придут, тем хуже для них! — отвернулся Субудай.

— Тем хуже для них! — повторил Бату-хан. — Я не стану слушать их просьбы о милости... Весь город будет вырезан! Сегодня оскорбленная кровь хана Кюлькана напьется вдоволь урусутской крови.

Высокий величественный собор, сложенный из белых камней, казался не-

одолимой твердьней. Около его входных дверей суетились татары, стараясь разбить топорами темные дубовые створцы, украшенные тонкой резьбой. Из собора доносилось плавное протяжное пение многих голосов.

— Что там поют? Где толмач? — спросил джихангир.

— Я здесь! — откликнулся князь Глеб. — Люди, укрывшиеся в соборе, сами поют себе панихиду, чтобы легче было умирать.

Нукеры притащили длинное бревно. Раскачивая его на руках, они стали равномерно ударять в соборные двери и вскоре разломали их.

Пение послышалось сильнее. В темном отверстии под входной аркой показались искаженные ужасом женские лица. В черных куколях с нашитыми на лбу белыми крестами и в черных одеждах, держа зажженные восковые свечи, женщины протяжно пели: «Со святыми упокой!..»

На возвышении посреди собора, в черной ризе, с золотой митрой на голове, стоял епископ Митрофан. Двумя руками он высоко подымал золотой крест, благословлял им на четыре стороны и кричал звучным голосом:

— Кайтесь, братья и сестры! Настал день судный! Страха не имейте!.. Души убиенных в селениях праведных упокоятся!.. Кайтесь!..

Бледные трепещущие женщины, держась цепью ряд за рядом, в страшной тесноте, широко раскрывая рты, кричали:

— Спаси нас, господи!.. Каемся!..

Другие продолжали заунывно петь: «Со святыми упокой!..»

Бату-хан въехал по ступеням на каменную паперть, заглянул внутрь собора и бросил толпившимся нукерам:

— Уррагх! Смелые соколы! Перед вами белоснежные цапли и жирные утки! Хватайте их, добыча ваша!

Монголы радостно закричали:

— Уррагх! Кху-кху, монголы!

Двери были слишком узки для толпы теснившихся монголов, желавших проникнуть в собор. Монахи в длинных черных подрясниках встречали их яро-

стными ударами топоров, избивая напиравших воинов. Куча изрубленных тел росла в дверях, закрывая доступ к добыче.

— Огня! — шепнул джихангир Субудай-Багатур.

— Разведите костер! — крикнул Бату-хан.

Нукеры выломали соседние заборы и сложили на паперти огромный костер. Высокое пламя закрыло темный вход. Огненные языки врывались внутрь собора, лизали прочные каменные стены. Из верхних окон собора повалили клубы черного дыма. Сквозь дым и огонь из собора доносилось все то же протяжное, заунывное пение, прерываемое отчаянными криками женщин.

Все выше взвивалось пламя, все тише становилось пение. Монголы ждали, пораженные упорством и непримиримостью владимирских женщин.

Последние крики затихли. Донесся одинокий жалобный плач и оборвался. Слышался только треск горевших досок.

Монголы разметали костер и бросились внутрь собора. Они вытаскивали полубесчувственных женщин, волокли их на площадь, вырывали из их рук детей и швыряли в пылающие кругом дома. Они срывали с женщин одежды, набрасывались на них; насытившись, отрезали им груди, вспарывали животы и спешили к своим коням. Нагрузив их узлами с добычей, монголы отъезжали в поисках новой поживы.

Бату-хан, сохраняя надменное величие, ожидал на площади своей доли «священной добычи».¹

На разостланных женских шубах росли груды разноцветных ожерелий, серебряных и золотых крестов, запястий, колец и других дорогих украшений. Сюда же бросались парчевые поповские ризы, боярские шубы, серебро с икон, золотые священные чаши. Поверх всего

¹ Согласно строгим законам «Ясы», каждый нукер и просто воин после битвы должны были подъехать к джихангиру и, опустившись на правое колено, сложить перед ослепительным самую ценную, пятую, часть всего захваченного. Кроме того, особая часть откладывалась для отправки в Монголию великому кагану.

красовалась золотая митра епископа Митрофана.

Сюда же монголы приволокли потевшую сознание великую княгиню Агафью и положили ее у копыт вороного коня.

Бату-хан равнодушно смотрел, как воины сорвали с нее шелковую одежду, головные жемчужные подвески, красные чоботы с серебряными подковками, складывая все в общую грудку.

— Хи-хи! Кто хочет урусутскую красавицу? — спросил Бату-хан. — Уступаю!

— Конечно, темник Бурундай! — закричали, смеясь, монголы. — Бурундай любил больших женщин!.. Смотри, Бурундай, какая грудка: это розовое вымя, как у самой добротной буйволицы!

Бурундай подъехал к обнаженному беспомощному телу, долго рассматривал его. Чалый конь, опустив голову, фыркал и пятился. Бурундай, кряхтя, слез с коня. Несколько тысячников, сдерживая нетерпение, почтительно теснились полукругом.

Княгиня Агафья очнулась.. Она не плакала, не кричала. Стараясь прикрыть руками свое обнаженное тело, она вся съежилась от стыда и ужаса и остановившимися глазами смотрела на приближающуюся к ней сухую костлявую фигуру.

Монголы притащили к Бату-хану могучего старика. Он был скручен арканами, но упрямо старался вырваться.

— Джихангир! Ты приказал показывать тебе смелых вражеских багатуров! — сказал подошедший сотник Арапша. — Этот старик оставался последним в доме урусутского бога. Он бился один против всех... Ни дым, ни огонь, ни три стрелы в бок не свалили его...

— Берикелля! — сказал Бату-хан. — Коназ Галиб, расспроси старика!

Князь Глеб спросил пленного, как его зовут, давно ли он служит в войске.

— Меня зовут Шибалка. Я тридцать лет простоял дозорным на городской стене у Золотых ворот.

— Я прощаю твою вину! — сказал величественно Бату-хан. — Я беру тебя к себе нукером.

— Шибалка! — перевел князь Глеб. — Великий царь татарский оказывает тебе большую милость. Он прощает тебе, что ты по неразумию осмелился биться против его царского величия. Он берет тебя к себе на службу. Стань на колени и земно благодари!

Шибалка свирепо поводил налитыми кровью глазами, широко раскрывал рот, задыхался, — три стрелы торчали в его боку.

— Ладно! Послужу я ему верой и правдой! Дайте мне мою рогатину, я воткну ее в толстый живот великого царя татарского! И тебя, отступника, зарублю! — и собрав последние силы, старик плюнул кровавой пеной князю Глебу в глаза...

— Желтоухая собака! — завизжал Бату-хан, стегнув плетью по лицу Шибалки. Тот, не дрогнув, продолжал стоять. Четыре монгола крепко повисли на его руках.

— Эй, нукер! — прохрипел Субудай-Багатур.

Ближайший нукер соскочил с коня, вытащил из ножен кривую саблю и наискось вонзил ее по рукоять в живот Шибалки.

Кровь показалась на губах старика и ручейком потекла по седой бороде.

— Придет день! Будет свободной наша земля! — крикнул Шибалка, медленно осел и упал лицом в снег...

После разгрома Владимира Суздальского татарское войско двинулось на северо-запад тремя потоками. Один отряд под начальством темника Бурундай шел на Суздаль, Юрьев, Переяславль, Скнятин и Кашин. Отсюда татары направились на Бежецк и Красный Хоам.

Отряд Бату-хана рекой Корожечной поднялся вверх по течению до лесного поселка Кой. Третий отряд пошел на город Мышкин, откуда, пробираясь лесными дорогами, направился к верховьям реки Мологи. Татары пытали на огне захваченных в пути крестьян, стараясь выведать от них, где находится боевой стан коназа Гюрга Владимирского.

Мелкие татарские отряды были разосланы Бату-ханом для разорения великого княжества Владимирского.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

«ЕВПАТИЙ НЕИСТОВЫЙ»

1. КОРЕНЬ РЯЗАНСКИЙ

Какая тишина повсюду гробовая!
 Какая пустота унылая кругом!
 Все те, что жили здесь, судьбу благословляя,
 Лежали на камнях и спали мертвым сном.

В. Гюго. «Восточные песни»

Отряд всадников ехал Диким полем по дороге из Чернигова на Рязань. Все чаще попадались разоренные погосты, опустошенные гуменники без единого снопа... Видно, здесь успела похозяйничать татарская орда!

Впереди отряда, на беспокойном половецком коне, ехал молодой витязь. Он часто подымался на стременах, пытаясь всматривался в туманную даль. Росла тревога: что ждет его там, в родной Рязани? Ужель отряд опоздает, ужели помощь больше не нужна?..

Неласково встретил князь Михаил Черниговский Евпатия Коловрата, прибывшего послом из Рязани. Смирив гордыню, Евпатий воздал князю великий почет — поклонился земно.

— Челом бью тебе, княже, помоги! Великий князь и государь Юрий Ингваревич Рязанский прислал молить тебя — не оставь нас без помощи в злой беде!..

И Евпатий рассказал князю и боярам черниговским о грозных полчищах мунгалских, которые, как тучи саранчи, надвигаются через Дикое поле на северную Русь. Все рязанцы, и стар и млад, встали на защиту родной земли. Но одних рязанцев мало, не справиться им с бесчисленными татарами!..

— Красно говоришь ты, Евпатий! — ответил Михаил Черниговский. — Да над просьбой твоей поразмыслить надо... Не можем мы отдать своих ратников!

Бояре зашумели:

— Нельзя вести на мунгалов наш большой полк!

— С чем тогда останется Чернигов?

— Кто его оберегать будет?

Долго спорили бояре. Долго убеж-

дал и упрашивал их Евпатий. Порешили, наконец, созвать охотчих людей.

Бирючи крикнули клич, собрали народ черниговский. Вышел на вечеровой помост Евпатий, рассказал про угрозу Рязани и всей земле русской, поговорил с народом так, как привык говорить в родном городе на шумном рязанском вече.

Дружно откликнулись черниговцы. Много набралось охотников, да что толку от такого войска — без оружия, пешие, без теплой одежды...

Нахмурился Евпатий: в Рязани ждут не дождутся помощи, а тут...

— Слушай, Евпатий! Я так решил, — сказал князь Михаил Черниговский. — Выбери триста удальцов. Я им выдам отборных коней, воинские доспехи и запас на дорогу. А больше, — не взыщи, — помочь не могу!

Поблагодарил Евпатий народ черниговский, отобрал триста лихих молодцов. Снарядил их князь Михаил, и отряд поспешил в далекую, изнемогающую от врага Рязань.

После трудного пути по степным малоезжим дорогам отряд приблизился к Рязани. Всадники ускорили бег коней. На высоком берегу Оки, где недавно красовался нарядный город, они увидели пустынные, засыпанные снегом развалины.

Всадники провели коней по льду через реку. В полыньях и промоинах виднелись оледенелые тела. Всюду, на отвесных откосах берега, на городских валах и на дороге лежали в беспорядке скованные морозом трупы.

Всадники осторожно пробирались через рухнувшие балки и груды кирпичей и мусора. Они въехали на главную площадь. С трудом узнавал Евпатий места, где еще недавно шумело народное вече, где пестрели разноцветные купола Соборной церкви, где стояли великокняжеские хоромы с нарядными теремами и высоким резным крыльцом, откуда, бывало, князь говорил с наро-

дом. Все възжег, все сравнял бушевавший здесь огонь татарского разгрома!

Среди площади виднелись следы огромного костра. Валялись обгорелые людские кости, черепа, закоптелые татарские шлемы и щиты.

— Немало и татар здесь, видно, полегло! — говорили ратники.

Они сошли с усталых коней. Мрачно смотрели они на спустошенный город, пустынный и печальный, как заброшенное кладбище. С высоты вечерней площади вся разгромленная, сожженная Рязань была, как на ладони. Куда ни взглянешь — везде смерть, везде разрушение...

Около сохранившегося каменного вечерового помоста лежал на боку закоптелый медный колокол, чей могучий голос сзывал, бывало, рязанцев на многочисленные шумные сходы.

Евпатий медленно пошел в сторону. Ратники расступались, давая ему дорогу.

Он с трудом разыскал родные места. Вот каменные ступени церкви на углу улицы, а вон там, на пригорке, стояла его старая, просторная изба. Среди рухнувших, обгорелых бревен одиноко высилась теперь лишь закоптелая большая глиняная печь.

Евпатий пробирался с трудом через валявшиеся бревна, камни, железные прутья. На обломках, опустив голову на руки, неподвижно сидел человек. Что-то знакомое показалось в его могучих плечах, в длинных седых кудрях...

Камень покотился под ногами Евпатия. Сидящий обернулся.

— Евпатий!..

— Ратибор!..

— Я ждал тебя, друже, — говорил Ратибор, обнимая молодого воина. — Я знал, что ты приедешь. Твое слово крепко...

— Приехал, да поздно! — и Евпатий показал на обугленные развалины. — Где мои? Не знаешь?

— На все воля божья! Мужайся, Евпатий!.. Старуха, мать твоя, еще дышала, когда я сюда добрался. Жену твою татары хотели в плен утащить.

Она топором отбивалась. Тогда всех зарубили.

— А дети?

— Их в плен увели... вместе с друзьями...

Евпатий молчал.

— Евпатий! — продолжал Ратибор. — Догоним врагов! Посчитаемся с ними!.. Привел ли ты черниговцев?

— Привел, да мало. Всего триста человек.

— Найдем еще людей! Много народу в лесах схоронилось. Я был у «сторонников». Их с каждым днем все больше. Соединимся с ними и нагоним татар... Идем, друже!

Евпатий взглянул в последний раз на обломки родного дома.

— Идем!

Друзья пошли к вечеровой площади. По дороге Ратибор рассказал Евпатию о гибели рязанских полков в Диком поле, о том, как его подобрал молодой князь Роман, как они вместе пробрались обратно в Рязань, как раненая нога заставила его задержаться в пути. Князь Роман покинул его, торопясь в Рязань. Едва оправившись, Ратибор поспешил домой и прискакал как-раз к разгрому родного города. Теперь татары ушли в сторону Владимира. Здесь их не видно.

Черниговские ратники отдыхали на обугленных балках. Они поднялись навстречу Евпатию и Ратибору.

Широкий кряжистый воин, черниговский старшой, выступил вперед.

— Что надумал, Евпатий? Что будем делать?

Евпатий снял стальной шлем и обвел всех спокойным взглядом.

— А вы чего хотели бы, братья черниговцы?

— Ты звал нас помочь рязанцам. А Рязани больше нет! Татары ее в кладбище обратили!

Евпатий молчал.

— Так неужто мы стерпим это, — продолжал старшой. — Вот тебе наш сказ: порешили мы, черниговцы, на татар итти, отомстить за русских людей!

Евпатий низко поклонился.

— Спасибо, братья! И я, и отче Ратибор так же мыслим. Не станем мед-

лить, пойдём по татарским следам. Может, пленных кого выручим...

— Пойдем! Пойдем! — загудели ратники.

— Порешите сперва, кому воеводой быть.

— Евпатий! Пусть нас ведет Евпатий!..

Старшой снова заговорил:

— Кому же, как не тебе, Евпатий, вести нас на татар? Ты все дороги здесь знаешь, да и человек ты ратный. А мы ведь — пахари! От сохи воевать пошли... Да не бойся! Сумеем и мы постоять за Русь! Голов не пожалеем. Будем рубить татар, как лесины рубили. Запомнятся им топоры мужицкие!

— Верно, верно!

— Спасибо, братья черниговцы! — сказал Евпатий.

Протяжный, будто жалобный звук пронёсся над площадью. Евпатий обернулся. Несколько человек поднимали тяжелый колокол. Притащили три бревна, подняли их и связали верхние концы. Одни подтягивали веревками колокол, другие помогали, подхватив его за края. Наконец, колокол повис. Ратники обсасывали пальцы, на которых от натуги выступила кровь из-под ногтей.

— Не валяться же тут ему, — пояснил старшой. — Вечник, чай, наш, народный голос!..

Воины подошли к колоколу.

— А может, и жив еще кто? — сказал Евпатий. — Ну-ка, кто младший! Бей в колокол! Не всех же рязанцев татары перебили.

Молодой дружинник раскачал язык и ударил сразмаху. Раздался сильный, протяжный звук.

— Покойников не подымешь! — заметил один из ратников.

Дружинник продолжал бить в колокол, и медный гул пронёсся над опустошенным городом, над спаленными ближними городскими посадами, долетел до разгромленных дальних погостов.

Евпатий стоял на вечерном помосте и зорко смотрел по сторонам. Неужто никто не откликнется?..

Но что это? Из черного погребца, из-под обгорелых обломков, показался человек. Он поднялся и, закрывая глаза

от солнца, смотрел в ту сторону, где звучал вечерной колокол. За ним появился другой, третий... Отовсюду, из темных дыр, из-под избиц, незаметных тайников и подклетей вылезали изможденные, выпачканные в сажу и пыли ратники, старики, женщины, дети. Пошатываясь и ковыляя, они спешили к площади.

Мертвый город ожил. Люди прыгали с груди на грудь, спотыкались, падали и снова вставали. Их было немного, но все же — это были рязанцы!

Вдали, на снежных полях вокруг города, показались черные точки. Прятавшиеся долго люди торопились к развалинам старой Рязани, куда звал их знакомый призывный звон вечника.

Ратибор бросился им навстречу.

— Жива еще Русь!.. Жив еще корень рязанский!..

2. НА ЛЕСНОЙ ПОЛЯНЕ

Тихо в дремучем вековом лесу. Отчетливо слышно, как падает с ветвей клочковатый снег, как прыгнет белка, или вспорхнет одинокая зимняя птица.

Сугробы снега прикрыли кусты вереска, можжевельника и волчьих ягод. Ни пешком не пройти, ни верхом не проехать. Только на коротких лыжах, подбитых конской шкурой, можно пробраться через глухую чащу.

Еле заметная извилястая тропинка, протоптанная в глубину леса, вела на небольшую полянку. На ней собрались «сторонники»¹. Здесь были те, кому посчастливилось спастись от татарского отточенного меча или тугого аркана: мужики из сожженных селений, немногие уцелевшие защитники Рязани, оставшиеся ратники уничтоженных отрядов. Там, за лесом, где протянулись родные снежные поля, обливается слезами горе, сверкают мечи, течет кровь русских людей, пылают родные избы...

Ратники отдыхают, лежа на сосновых ветках, греясь у костров.

¹ В то время сторонниками назывались — свободные, не княжеские отряды, своего рода партизаны.

Тихий, задушевный голос затянул песню:

Еще что же вы, братцы, призадумались?
Призадумались, ребятушки, закручинились?
Что повесили свои буйные головушки...
Что потушили очи ясные во сыру землю?

Несколько человек дружно подхватили:

Еще ли лих на нас супостат-злодей,
Супостат-злодей, татарин лихой...

Молодой сторонник сердито проворчал:

— Распелись не к добру!.. — и отвернулся с недовольным видом.

Неожиданно раздался резкий окрик: — Стой! Кто идет?

По лесу пробирался на лыжах широкий, плотный и коротконогий крестьянин. Оглядывая сторонников, он часто откидывал голову назад, и тогда черная борода его стояла торчком. На плечах он тащил куль муки. Несколько сторонников подошли ближе. Остальные продолжали лежать, подставляя бока теплым лучам костра.

Насмешливый голос прокричал:

— Эй, удалыцы, молодцы, гвозди вострые! Прибежал сват от тещи, прямо с погоста, отмахал верст со ста! Притащил муки аржаной, куль большой. Подходи, кто не спесивый, не ленивый, подставляй чашку, ладони, аль шапку! Торопись печь блины, не то опара сядет, кумовьев отвадит!..

— Откуда мука? Кто принес? — загудели, приподнимаясь, мужики.

— Да вот — человек тароватый, борода лопатой. Татарва его с печи спугнула, косноязычным стал, и зовется с тех пор Ваула.

Звяга подскочил.

— Ваула! Сват!.. — и бросился обнимать приятеля.

— Смекнул я, что вы здесь голодуете. Я вам мучки и притащил, — объяснял Ваула.

— Ай да молодец! Накормил нас доотвала, когда в брюхе пусто стало!.. — говорили мужики.

— Садись, Ваула, к нашему костру!

— Нет, к нашему!..

— Да ты скажи, что с тобой стало? — спрашивал Звяга. — Видел я, как ты с рязанской стены в реку скатился. Я думал, ты утонул...

— Знать, день мой еще не пришел, — выбрался. Двое суток по лесу скитался, пока не обсох.

— Го-го-го! — засмеялись мужики. — Своим ли паром сушился!

— А то чьим же?

— А что слышно там у вас?

— Сами, что ли, не знаете? Время лихое, татары носятся то здесь, то там, всех рубят, душат петлей, пощады никому не дают.

Издали послышался протяжный свист, потом оклик дозорного:

— Эй, стой! Кто там едет на коне татарском?

Молодой, звонкий голос отвечал задорно:

— Конь из татарвы, да ездок такой же, как и вы!

На поляну выехал всадник. Конь был горбоносый, с поджарым, как у борзой, животом. На нем была татарская сбруя в сердоликах с серебряными пряжками и пестрые переметные сумы. На коне сидел мальчик в большой шапке и заплатанном зипунишке, обтянувшим узкую грудь. Тонкие ноги в кожаных лаптях были вдеты в короткие татарские стремена. Сзади, вцепившись в хвост коня, плелся второй мальчуган.

— Го-го-го! — грохотали сторонники. — Вот так вояка!

— Да с ним попутчик идет, коня за хвост дерет!

— Давно ли под лавкой медведкой ползал?

— Вишь какого лихого воина нам бабушка прислала!

Юный всадник подъехал к сторонникам.

— Примите нас, люди добрые. Мы из татарского плена удрали!

— Молодцы, ребята!

— Иди, иди к нам, кирпаты! А это что за молодец за тобой плетется?

— Да Поспелка! Он из сил выбился... Мы вдвоем на коне ускакали, а теперь по очереди пешком идем.

— Садись к нам, ребята!

Мальчики присели к костру и стали рассказывать быстро, захлебываясь, перебивая друг друга.

— Мы из Владимира. Татары подожгли город. Мы втроем бежали в лес, хотели к сторонникам пробраться... Нас поймали татары. Они поволокли нас на арканах. У них много пленных. Есть не дают, таскают за собой со связанными руками. В Ярустове татары нашли бочонки вина и браги, и все перепились. Они заснули, а мы с Поспелкой перегрызали ремни, подползли к коню и ускакали.

Поднялся Ваула.

— Братцы! Ярустovo недалеко, я туда тропу знаю. Идем!

Сторонники зашумели:

— Верно! Может, разбойники еще опохмеляются...

— Нам со Звягой там каждый пень знаком, — добавил Ваула. — Мы вас проведем!

Скоре отряд сторонников потянулся гуськом в сторону Ярустова. Впереди шел Ваула, за ним Прокуда и Поспелка. Муку и немногие пожитки сторонники нагрузили на татарского коня, которого вел за собой Звяга.

3. В ПОГОНЮ ЗА БАТЫЕМ

Пронеслась по русской земле молва, будто на безлюдных развалинах сожженной Рязани упавшие колокола сгоревших церквей сами зазвонили... Передавали, что вечевой колокол вдруг поднялся из пепелища, повис в воздухе и загудел, сзывая рязанский народ на борьбу с татарами...

Рассказывали, что во многих местах всколыхнулась разгромленная Русь, что укрывавшиеся в лесах мужики стали собираться в отряды сторонников, что во главе их встал удалой витязь Евпатий Коловрат, лихой охотник, знающий все лесные тропы, ходы и выходы, что его отряд уже не раз нападал на мунгальские разъезды и уничтожал целые отряды сильных супостатов.

Слыша такие разговоры, пахари и охотники, много лет промышлявшие в лесах, все, у кого рука не ослабла и глаза не померкли, стали поспешно при-

вязывать подтужинами к дреколюю ножи и обломки кос, точить на черном камне копыя и рогатины и, засунув топор за пояс, направляться на перекрестки дорог разыскивать боевые дружины Евпатия-медвежатника.

Тем временем Евпатий Коловрат двинулся на север, по следам Батыевой рати.

Примкнувших охочих людей Евпатий разбивал на десятки и сотни, назначал им атаманов и всем давал наказы, как биться с хитрыми и находчивыми врагами, к каким прибегать уловкам, как не поддаваться на татарские обманы. Едва ли треть ратников Евпатия была на конях. Но и пещы не отставали от конников и быстрым шагом или побежкой делали большие переходы.

Евпатий торопился. Он расспрашивал встречных, куда пролегла кровавая Батыева тропа. Остановки в лесах делал он самые короткие. Нужно было все итти вперед, добывая корм коням и хлеб ратникам, торопясь скорее догнать главного врага — царя Батыгу.

На одной из стоянок дозорные держали двух монахов. Засунув за кожаные пояса длинные шолы черных подрясников, с лыковыми котомками за плечами, оба монаха брели по тропинке на юг, в сторону половецких степей.

Один, высокий и тощий, как жердь, шагал вперед, другой, низкий и широкий, жмуря красные слезящиеся глаза, зацепил крюком посоха за ремень переднего и ковылял боком, стараясь не отстать.

— Куда вас нелегкая несет? — спросил их Ваула.

Красноглазый, тербя рыжую бородку, выступил вперед, переломился в поясе и поклонился до земли.

— Хошу речи вам, о братие, что бежим мы от бесчинствующих злодеев, рекомых татарами, кои все земное искореняют нещадно...

— Потому вы и расы надели?

— Расы эти исконные наши и обвисли на нас от малоядения, — пропищал бабьим голосом высокий монах. — Люди стали скупы, людие стали немощны, не чтут сана духовного. Чего толь-

ко очи наши не видели? — продолжал красноглазый. — И бессловесные скоты, и бесчувственное каменье, от того, что сейчас деется, могут повергнуться в плач и стенание! Увы!.. Горе нам, увы!

— А куда же вы путь держите? — строго спросил Ваула. — От смерти или за смертью?

— Да что ты непутевое речешь!.. В Киев мы идем, братие, в Киев златоглавый, первопрестольный! Там, скажут, монахи не голодуют и не бегают, как здесь, а спасаются в монастырских скитах в достодолжном почете... Потому — народ там богобоязненный, полный благочестия, а злые татаровья далеко. О них там и слухом не слыхали.

— А вы топоры держать умеете, или их за печку запрятали? — спросил Ваула.

— Отроду топора в руках не держали. Где нам мирским делом заниматься! Мы духовные стихи поем, заукойные молитвы и сладостные стихиры читаем.

— Видим мы, что вы из родной земли бежите, когда она кровью заливаётся, когда мунгалы детей в костры бросают! — сказал грозно Звяга. — У нас в отряде тоже есть монахи, отец Ратибор. Да еще человека четыре сбросили подрясники, натянули зипуны и взыались за рогатины. А вы что?

— Ненужные вы, дармоеды! Ни пользы от вас нет, ни толку. Отвечайте, не мешкая, где вы видели татар?

— В земле суздальской, о братие! Там татары и мунгалы по всем погостам рассыпались, жгут и насилуют христиан.

— И страху не имеют?

— А кого им бояться? Говорят, князь Георгий Всеволодович Суздальский уехал далеко, в белозерские леса, большой полк собирать, а его дружинники и ратные люди заперлись по городам за крепкими стенами... Нам бы поесть чего!

— Ладно! Садитесь к костру. Может, кто вас и покормит.

Сторонники, посмеиваясь, принялись за еду, когда между елями снова показался путник. Он вел в поводу коня.

— Кого бог несет? — крикнул дозорный.

— Гонец из Коломны!

— Ты нам самый нужный человек. Пойдем к старшему!

На поляне горели костры. В стороне стояли привязанные кони. Возле костров сидели ратники. Один из них, в коротком нагольном полушубке, зашивал дратвой разорванный сапог. Другой точил на камне топор, третий рассказывал:

— Налетел тут на витязя Алешу печенежский могучий удалец по имени Редедя и хотел ударить его в грудь торчмя головой. А лихой Алеша Попович как схватит Редедю за голову, как поднимет его над своим темячком, да как шваркнет о землю, тут у Редеди и дух вон!..

Рассказчик замолк. Все рассматривали подхитившего. Он был еще очень молодой, безусый, в кольчуге и высоких булгарских сапогах. Конь его был строен и статен, но очень истощен.

— Видно, дальний путь ты проехал, что конь твой так замаялся? — спросил один из сидевших у костра.

— Из Коломны. Еду гонцом к великому князю Георгию.

— Что же ты таким кружным путем едешь? — спросил ратник, чинивший сапог.

— Всюду татарские разъезды. Поневолу пришлось петлять...

— Что-то, сынок, лицо твое мне больно знакомо?

— Да и я тебя помню, — отвечал прибывший. — Не ты ли приезжал на Перунов бугор на медвежью охоту? Отец мой, Савелий, Дикорос, тебя по лесу водил. Здоров буди, Евпатий Коловрат!

— Ужель Торопка? Каким же ты удалым витязем стал! Да что же ты стоишь? Садись к нам!

Торопка привязал коня к дереву и опустился на ворох еловых ветвей у костра. Он подробно рассказал об осаде Коломны, о своем бегстве и стычке с монголами. Евпатий спрашивал его, где сейчас стоят татарские отряды, куда пролегает Батыева тропа. Торопка тол-

ково объяснил, что знал. Тогда Евпатий повернулся к сторонникам:

— Сниматься со стоянки! Идем на север!

4. НОЧНАЯ СХВАТКА

...Хоть мало нас, но мы — славяне!
Удар наш меток и тяжел...

Н. М. Языков

Евпатий узнал от встречных селян, что в усадьбе великого князя Георгия Всеволодовича близ Суздаля пирует и бесчинствует какой-то татарский отряд и что туда проехали важные ханы со знаменами и значками.

— Может, там стоит сам царь Батыга? — подумал Евпатий. — Теперь нать никогда я сосчитаюсь с ним!..

И отряд, разделившись, спешно направился к Суздалю. Конные «ястребки» делали большие обходы, чтобы миновать многолюдную дорогу, где рыскали татарские отряды в поисках живых. Пешие «волчата» шли напрямик, лесными тропами.

Подъехав к усадьбе, Евпатий задержал конных черниговцев за рощей, а сам пробрался вперед, на опушку.

Из-за высокого бревенчатого тына слышались заунывные песни и переливные трели татарских дудок. Сумерки быстро сгущались. Из ворот усадьбы выехало около сотни татарских всадников. Один из них держал белое девятихвостое знамя. Монголы стегнули коней и вскачь помчались по дороге.

Когда совсем стемнело и над спящим лесом поднялась яркая луна, к Евпатию подобрался Звяга.

— Волчата здесь, стоят наготове. Не пора ли?..

— Начинайте! — отвечал Евпатий. — Не подымайте шума. Бейте молча!..

Сторонники напали тихо, без единого крика. Спавшие крепким хмельным сном, монголы долго не могли понять, что случилось, откуда свалились неведомые враги. Быстро носились по широкому двору усадьбы безмолвные всадники. Переливались голубыми искрами их стальные кольчуги. Длинные прямые мечи и тяжелые палицы поражали та-

тарских воинов. Только хриплые стоны нарушали тишину.

— Крылатые мангусы! — пронесся крик. Его повторяли в ужасе просыпавшиеся татары. Очнувшись, они метались по двору усадьбы, стараясь вырваться, бежали к воротам, где их встречали неведомые люди и рубили топорами.

Отчаянный бой продолжался всю ночь в багровом дыму разгоравшегося пожара. Старые деревянные постройки пылали яркими огнями. Монголы, застигнутые врасплох, перепутались в общей суматохе и с воем отчаяния бегали между пылавшими избами и конюшнями.

В эту ночь сторонники вырезали многочисленный татарский отряд, но и сами в жестоких схватках потеряли немало своих.

5. БЕРЕНДЕЕВО БОЛОТО

Узнав о гибели отряда монголов, Бату-хан разослал во все концы нукеров, озывая отряды, рыскавшие по суздальской земле. Указано было место, где встретиться, — около города Переяславля-Залесского. Отряды должны были стягиваться кольцом, как на облавной охоте, затягивая петлю и сгоняя встречных.

Новые вестники донесли Бату-хану, что неуловимые «летучие урусуты» перебили еще несколько татарских отрядов и опять исчезли в дремучих лесах близ Переяславля-Залесского.

Тем временем Евпатий со своими сторонниками продвигался на север. От встречных убегавших в леса селян Евпатий узнал, что татары не идут дальше, а повернули обратно. Это известие встревожило Евпатию. Татары стали появляться со всех сторон, нужно было проскользнуть между ними, пробиться дальше, а корм кончался, не было ни сена, ни хлеба.

Лесными тропами Евпатий вышел на Берендеево болото, из которого берет начало речка Трубеж, впадающая в Плещеево озеро. По руслу реки Евпатий думал вырваться из кольца татарских отрядов и уйти к Угличу.

На гладкой поверхности замерзшего болота неожиданно показались татарские всадники. С копьями наперевес, на маленьких крепких конях, они выезжали из густого леса и мчались к растянувшемуся по льду отряду Евпатия. Не доезжая нескольких шагов, татары пускали стрелы и быстро скакали прочь, точно завлекая за собой противника.

Евпатий знал татарские уловки и вел свой отряд в сторону Плещеева озера. Однако на пути показалась новая густая толпа конных татар. Они медленно отступали в лес, уклоняясь от боя. Евпатий продолжал двигаться прежним путем, приближаясь к руслу речки Трубеж.

Впереди подымалась возвышенность, поросшая сосновым лесом. На ее обнаженной вершине виднелись каменные развалины странных древних построек, засыпанных снегом.

— Палаты царя Берендея! — заговорили сторонники. — Здесь жил царь Берендей, до колен борода!

Около развалин на холме появился еще новый татарский отряд. Впереди развевались длинные концы белого знамени.

— Батыга там!.. — крикнул Евпатий. — Вперед, соколики! — и вместе с конниками помчался в сторону холма.

Пешие сторонники продолжали идти ровным шагом, готовые помочь черниговцам. Татары на холме зашевелились и стали спускаться на лед. У подножия конники сшиблись с татарами. Евпатий отбросил несколько встречных татар и помчался вверх к белому знамени.

Наперерез Евпатию скакал на рыжем коне большой монгол с поднятым кривым мечом. Евпатий изловчился, повернул коня в сторону и, поровнявшись, понесся рядом с монголом. Тот замахнулся, но Евпатий ударил с такой силой, что кривой меч монгола переломился. Вторым ударом Евпатий рассек монгола до пояса, и тот свалился с седла. Крики ужаса слышались среди татар:

— Уй! Тогрул убит!.. Вай-дот! Тогрул убит!..

Евпатий снова бросился к холму. По-

доспевшие конники скакали рядом с ним, сшибаясь с налетавшими врагами.

Бой длился долго. Бесчисленные татары густым строем наступали на русских воинов. Спешившиеся черниговские всадники стояли плотной стеной, не уступая стремительным нападением. Плохо вооруженные сторонники в яростных схватках уложили немало татар. Но ряды русских заметно редели.

Там, где всего больше теснилось воинов, где чаще свистели стрелы, где громче звенели мечи, — выделялись два высоких воина. Они не пригибались к земле, укрываясь от удара, они не прятались от смертоносных стрел. Выпрямившись во весь рост, они отчаянно бились, не отступая.

Рядом с ними сражались плотными рядами ратники. Меткие татарские стрелы отлетали от крепких кольчуг, кривые сабли их не задевали. Несокрушимой стеной стояли они и отбивали буйные налеты татар.

Изредка, сквозь страшные звуки сечи — дикий визг татар, крики русских, ржание коней, лязг железа, вопли раненых — слышался густой раскатистый возглас:

— Держись, друже Евпатий! Рази их, окаянных!..

В ответ раздавался звучный голос, которому, бывало, на вече радовались рязанцы:

— Не бойся, отче Ратибор, держусь!

Прямой блестящий меч свистел в руках Евпатия. Рядом Ратибор сокрушал наседавших татар своей страшной палицей.

Лучших всадников посылали сюда ханы. Но кони испуганно поднимались на дыбы и уносились в сторону. Другие падали вместе с седоками, сраженные ударами витязей. Кто успевал увернуться от меча Евпатия, того настигала палица Ратибора.

Громадный, с блестящим шлемом на длинных седых кудрях, с горящим смуглым лицом и сверкающими темными глазами, с тяжелой палицей в руках, Ратибор приводил в ужас нападающих, Евпатий был также грозен в своей решительности и мужестве.

И в страхе отступили татары.

В стороне, верхом на любимом пятнистом жеребце, окруженный главными темниками, Бату-хан наблюдал за битвой. Движением руки он подозвал Субудай-Багатура.

— Повелеваем: привести мне обоих урусуты живыми!

Субудай послал отборную сотню, за ней вторую... Воины не вернулись, а урусуты продолжали биться.

Взбесившийся конь примчался, на нем едва держался в седле раненый. Он тяжело упал к ногам Бату-хана.

— Джихангир! Их взять нельзя! Это сам урусутский бог Сульдэ!..

Последние слова раненый прошептал чуть слышно. Он вздрогнул, вытянулся и затих. Нукеры оттащили его в сторону.

Бату-хан отвернулся. Лицо его искажилось.

А воины все падали вокруг страшных урусутских витязей.

Уже давно длилась битва. Но Ратибор и Евпатий не чувляли усталости. С прежней сокрушающей силой взлетала страшная палица, с прежней верностью косил острый меч. Так же громко звучал призыв Ратибора. Попрежнему уверенно отвечал Евпатий.

Русские воины, забывая усталость, сомкнув ряды, продолжали сражаться. Они наступали на татар, подбадривая друг друга громкими криками:

— Вперед, черниговцы!.. Держись, Рязань!.. За волю русскую!..

Бату-хан завыв, увидев, как третья сотня полегла от ударов грозных урусутов.

— Я теряю лучших моих воинов!..

Теснившиеся около джихангира темники топтались.

— Вай-дот! — кричали они. — Что с ними делать? Это не люди, а крепкие камни!

Бату-хан ударил себя по щекам и завизжал:

— Субудай! Субудай!

И бросил подсказавшему старому полководцу какое-то распоряжение.

Забегали нукеры. Послышался тяжелый топот коней, странный скрип и шум. Прозвучали новые татарские выкрики, треск и грохот. Резкие удары

в медные щиты отозвали с холма татарских воинов, схватившихся с урусутами.

Евпатий, видя отступление татар, высоко поднял меч:

— Вперед!.. За!..

Но страшный удар в грудь прервал его могучий голос. Он упал, обливаясь кровью.

С ужасной силой, сбивая все встречное, летели в теснившихся на холме русских воинов огромные камни. Это татары подтащили на полозьях китайские каменетные машины.

Взвыв Ратибор волчьим голосом. Отшвырнул палицу, бросился к любимому другу. В отчаяньи тербил его:

— Жив ли ты, Евпатий?.. Откликнись, друже!

Осторожно припал к нему ухом... Конечно! Больше не придется им вместе биться за родную Русь.

Он поднял голову, оглянулся. Со всех сторон с диким грохотом падали страшные камни, сокрушая русских храбров.

Ратибор поклонился мертвому другу, поднялся во весь свой громадный рост и пошел, безоружный, большой и грозный, с бурно дышащей грудью и горящими глазами, навстречу неминуемой смерти.

6. ПОСЛЕДНИЕ НА БУГРЕ

...Где честная могила Евпатия,
Знают ясные зори с курганами,
Знала старая песня про витязя,
Да и ту унесло ветром-вихорем!..

Лев Мей. «Песня про Евпатия»

Битва подходила к концу.

Между соснами на бугре еще стояла маленькая кучка людей. Это были последние, оставшиеся в живых воины полка Коловрата. Камни редко падали на бугор, где они стояли, выпрямившись, тесно прижавшись друг к другу, спокойно ожидая смерти.

Они выпустили последние стрелы. Сделать больше ничего нельзя.

Неожиданно высокий, звонкий, словно детский, голос затянул песню... Родную, протяжную и грустную песню.

Еще что же вы, братцы, призадумались.
Призадумались, ребяташки, закручинились.
Что повесили свои буйные головушки...

Песню дружно подхватили другие голоса, и она полилась, смелая и вольная.

Песня, казалось, говорила, что русские люди, умирая, прощаются с любимой родиной. Песня, казалось, говорила, что татары русских не сломили!

Взглянув в сторону оставшихся урусатов, Бату-хан приказал остановить машины. Грохот прекратился. И тогда до монгольских военачальников донеслись звуки плавного протяжного пения.

Джихангир удивленно прислушался.

— Взять их! — приказал он. — Привести сюда живыми!

«Непобедимые» бросились исполнять священную волю джихангира. Они окружили оставшихся урусатов. Набросились одновременно со всех сторон, захлестывая арканами, сломили уже бесполезное упорство, скрутили урусатам руки за спину. Только помня строгий приказ джихангира, монголы не разделались с ними.

Бату-хан окинул приведенных пленных внимательным взглядом. Многие урусаты были ранены, залиты кровью, ушиблены камнями. Были среди них белобородые старики, были двое юных, совсем мальчики. Урусаты стояли спокойно и мрачно. Они не склоняли головы, как виноватые, не было у них волнения или страха. Готовые к смерти, они смотрели твердо в глаза грозному хану.

— Развязать пленным руки! — приказал джихангир. — Субудай-Багатур, надень на шею каждому урусату деревянную пайцзу.

— Внимание и повиновение! — сурово отвечал старый полководец.

— Скажи им, коназ Галиб, — обратился джихангир к стоящему сзади старому толмачу, — Бату-хан прощает храбрых урусатов и дарит им жизнь и свободу. Они настоящие багатуры!

Князь Глеб поморщился, но поспешил исполнить приказание, — Бату-хан пристально следил за ним.

Показывая на пленных урусатов, Ба-

ту-хан крикнул громко, чтоб воины слышали его:

— Вот как надо любить и защищать свой родной улус!

К Бату-хану подошел летописец, факих Хаджи Рахим, и до земли склонился перед молодым джихангиром.

— Ты великий, ты справедливый! Твоими устами говорил сейчас Священный Воитель, твой мудрый дед. Он учил так поступать...

Баурши подошел к урусатам, которые еще не понимали происходившего. Но Бату-хан остановил его. Князь Глеб перевел вопрос джихангира:

— Кто запел песню?

Урусаты переглянулись. В одном порыве, три пожилых бородатых воина сделали шаг вперед. Но в тот же миг, оттолкнув их, выбежал молодой воин.

— Неправда, это я запел! — воскликнул он странно тонким звенящим голосом. Задорно закинув голову, вызывающе смотрел он на джихангира.

Бату-хан сдержал улыбку. Его прищуренные, слегка раскосые глаза смотрели на вспыхнувшее юное, почти детское лицо, в смелые, взволнованно блестящие, темные глаза мальчика. Джихангир повернулся к толмачу, но тощий высокий темник Бурундай перебил его. Приблизившись к молодому воину, он крикнул:

— Перед ослепительным целую землю, урусат! Благодаря на коленях за милость! — и неожиданно грубо толкнул мальчика. Тот упал, его меховая шапка свалилась, и с головы молодого воина сползли две русые косы.

К Бурундаю подскочил другой урусатский мальчик и вцепился в него.

— Не тронь! — крикнул он.

Бурундай схватился за меч, но властное движение джихангира остановило его. Бурундай отступил с искаженным от злобы лицом.

— Девочка? — удивленно протянул Бату-хан, наблюдая с любопытством, как молодой воин запрягивал косы под шапку.

— Как зовут эту девочку? — спросил Бату-хан.

— Она кня... — быстро заговорил ее маленький защитник, но девушка прервала его:

— Молчи, Поспелка, не к тебе вопрос! — Оборачиваясь к Бату-хану, она спокойно отвечала:

— Мое имя — Прокуда. Я бедная сиротка...

— Откуда ты?

— Из стольного города Владимира.

Бату-хан небрежно кивнул головой.

— Мои воины там были. Ульдемира больше нет!

— Знаю. Я видела, как вы жгли город. Я тогда и убежала с Поспелкой.

Бату-хан улыбнулся.

— Берикелля! — сказал он вполголоса.

Прибывшие нукеры доложили, что найдены тела урусатов — молодого воина-силача и старого шамана, павших под ударами тяжелых камней. Бату-хан пожелал их увидеть. Нукеры подвезли на

деревенских розвальнях тела Евпатия и Ратибора.

Джихангир внимательно осмотрел мертвецов, осторожно тронул пальцем полузакрытые глаза Евпатия.

— Нет, это были не мангусы и не шаманы! А храбрые воины, большие багатуры! Если бы они были живы, я хотел бы иметь их против моего сердца... Мои воины должны учиться у них!

И обращаясь к теснившимся вокруг монголам, Бату-хан сказал:

— Воздадим им воинский почет!

Тогда непобедимый полководец Субудай-Багатур, приближенные знатные темники и нукеры, с суровыми и строгими лицами, вынули блестящие мечи, подняли их над головой и трижды прокричали:

— Кху! Кху! Кху!..

★

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

ВЬЮГА ЗАКРУЖИЛА

... Татары под предводительством хана Батия опустошили и завоевали восточную Русь. Русские везде защищались героически.

К. Костомаров. «Русская история»

1. РОСТОВСКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛЬКО

Великий князь и государь Георгий Всеволодович, покинув свой стольный город Владимир, направился на север.

Лихая тройка, запряженная гуськом, не переводя духа, скакала от погоста к погосту, где подавали свежих коней. Великий князь строго говорил сбегавшимся селянам:

— Берите мечи и топоры! Ополчайтесь в дружины, собирайтесь вокруг князей, готовьтесь к смертному бою с врагом хитрым, жестоким! Кто нам поможет отогнать его в Дикое поле? Никто! Мы сами должны спасти родные

земли. С нами бог! Он — защита! Я сам поведу вас.

Из Ростова помчались гонцы. Они везли письма великого князя Георгия Всеволодовича и князя Василько Константиновича князьям, воеводам и волостелям и в Новгород, и в Псков, и в ближние волжские города: Судиславль, Ярославль, Кострому и дальше — в Галич и на Белое Озеро. Они призывали ратников в боевой стан близ Красного Холма, где русские люди будут ополчаться в единый большой полк.

Со всех сторон к Красному Холму потянулись воины. Некоторые были на конях, в кольчугах, с мечами и копьями.

Другие — их было большинство — шли пешие, в зипунах и полушубках, с рогатинами и топорами.

В Красном Холме князя Георгия не оказалось.

— Где же боевой стан? — толковали собравшиеся воины.

— Место это держат скрытно! А не то татары раньше времени о нем проведуют...

Греясь у костра, ратники говорили:

— Хорошо, что, наконец, великий князь Владимирский отбросил свое долгое раздумье! — Он теперь самый сильный из князей, пора ему встать во главе русского войска. Давно надо было так поступить, при первом слухе о татарах!.. Он сам тогда оплошал, не поддержал рязанцев... — Сколько русских людей напрасно полегло!.. — Всем миром надобно подняться на лютого врага, только тогда одолеем его... Эх, из-за княжеской розни, ссоры да которы гибнет русская земля!..

Великий князь Георгий Всеволодович, пробыв недолго в Ростове, поскакал в Углич, спустился по Волге до Мышкина и оттуда, лесными дорогами, проехал на реку Сить, недалеко от ее впадения в Мологу. Там, в деревне Боженки, князь остановился у попа, отца Вахрамея. Поп был древний, как и его деревянная, покосившаяся церковка, любил поговорить про старину. Попадья Олимпиада, рыхлая, как опара, ласковая и радушная, бесшумно бегала по горницам, несмотря на преклонные годы, стараясь угостить гостя и солеными груздями, и пирогами, половина которых была начинена кашей с грибами, а другая — рыбой с луком.

Отец Вахрамей объяснил, что к погосту Боженки с запада ведет только одна дорога из Бежецка, а с востока можно ехать только зимой, по рекам Мологе и Сити. Кругом леса, летом здесь непроходимые топкие болота с трясиными окнами, которые даже в стужу не замерзают, а дымятся.

— Значит, татары сюда не доберутся! — заявил князь Георгий.

— Все утопнут! — подтвердил отец Вахрамей.

— Эти места мне любы. Я построю здесь мой боевой стан.

— С богом! — поддержал отец Вахрамей. — Начинай, государь, а я отслужу молебен и каждодневно буду молиться господу вседержителю о даровании твоей рати победы и одоления над врагом.

На призыв первыми отозвались ближайшие к стану князя Сицкие. Они стали присылать дружинников и обозы с сеном, мукой и соленой рыбой. Пришли сицкие мужики, в зипунах и зайчихих полушубках, обшитых цветными ленточками, в волчьих треухах, с длинными до плеч волосами. Опираясь на рогатины, они тесной толпой остановились перед крыльцом, на которое вышел князь. Выступивший вперед старшой спросил шепелявой скороговоркой¹:

— Зацем кликал? Цаво сицкарей поднял? Сказывай нам, лесовикам, цаво рубить?

Князь Георгий сейчас же показал свою хозяйственную сноровку. Одним поручил ставить вдоль берега Сити срубы и крепко наказал, чтобы в каждом срубе была сбита из глины и камней печь. Другим поручил рыть длинные окопы, глубокие в рост человека.

— Это мы мозём! — отвечали сицкие мужики. — Мы и болотце копать и елоцки рубать — ко всему привычные.

Мужики не медля ушли гуськом в лес, застучали там топорами. Стали валить сосны и ели, а на высоком берегу глубоко врывшейся в землю Сити начали выростать новенькие срубы с плоскими крышами, прикрытые пластами коры. Через несколько дней над ними закурились дымки.

Добровольные ратники прибывали отовсюду и в одиночку, и десятками. Всем им князь Георгий указывал работу: одни копали низкие землянки, другие свозили лесины, пни, сухостой и складывали из них длинные засеки.

Вскоре прибыл князь Василко Константинович Ростовский с отрядом в триста всадников и в тысячу пеших ратников. За ним следовал обоз саней с нагруженных мясными тушами, мешками с мукой и сеном.

¹ Особая цокающая манера говорить сохранилась у части населения, живущего на реке Сити, до настоящего времени; соседи дали им прозвище «сицкари».

Князь объехал шумный лагерь, нахмурил брови, покосился на белые срубы, остановил коня перед засеками, покачал головой и направился к церкви. Рядом с поповским домом над новым срубом развевался великокняжеский черный стяг. На нем был вышит золотыми нитями образ «Спаса нерукотворного».

На крыльцо вышел в долгополом выцветшем подряснике старый священник с седой бородой клинышком и с заплетенной белой косичкой.

— Исполать тебе, князь Василько Константинович! Окажи честь, заходи погреться.

— Что же, вы как будто город строите?

— Да, похоже на то, — отвечал священник.

— И долго будет стоять этот город? Год, два или больше?

— Что могу сказать я, скромный иерей! Это великий князь Георгий Всеволодович решает. Он приказал строить, свозить бревна, — вот и растет боевая крепость.

2. БАТУ-ХАН В МОНАСТЫРЕ

Подъезжая к Угличу, Бату-хан придержал коня. Он показал плетью на бревенчатые здания, будто сдвинутые и прилепленные в беспорядке одно к другому, с крестами на крышах.

— Что это?

Подъехал старый переводчик из половцев.

— Это Воскресенский мужской монастырь. В нем живет несколько сот монахов. Это такие шаманы, которым запрещено смотреть на женщин. Они все время молятся и обедают...

— О чем они молятся?

— Чтобы на земле были мир и тишина...

— Мне этого не нужно!

— Чтобы не было голода, землетрясения, пожара...

— Этого мне тоже не нужно! А могут они узнать у своих богов, чем кончится моя война с коназом Гюргом?

— Могут!

— Я буду ночевать сегодня в этом

доме бога, — сказал Бату-хан и покосился на Субудая. Тот сильно засопел.

— Толмач! — приказал Субудай-Багатур. — Возьми сотню нукеров. Поезжай прямо в дом урусутского бога. Скажи главному шаману, что сейчас прибудет великий джихангир Бату-хан.

— Будет исполнено, непобедимый!

Толмач, во главе сотни нукеров покакал в монастырь, а Субудай-Багатур потребовал сотника. Арапша подъехал на разукрашенном гнедом коне. На темной шерсти выделялся серебряный ошейник. На сбруе появились серебряные и золоченые бляхи и цепи, снятые с коня какого-то убитого урусутского воеводы.

— Окружи монастырь! — распорядился Субудай-Багатур. — Поставь стражу у каждого ворот. Осмотри все дома и подвалы: нет ли спрятанных воинов, нет ли хитрой засады. Скажи урусутам, что к ним прилетело великое счастье, — у них будет ночевать сам владыка вселенной! Поставь дозорных внутри домов, у лестниц и главных переходов. Десять самых голодных нукеров поставь на кухне, чтобы они там откормились и присматривали, не будут ли шаманы готовить что-нибудь плохое или запретное. Если что окажется не так, если заметят злой умысел, пусть колотят поваров плетью по затылкам. И смотри, чтобы ни один монгольский воин из других отрядов не смел войти в этот дом, пока там будет отдыхать джихангир Бату-хан...

— Внимание и повиновение! — отвечал Арапша и помчался исполнять приказание.

В главной церкви монастыря шла торжественная обедня. У правой стены, на возвышении, крытом ковром, стояли два кресла с высокими спинками. В одном сидел Бату-хан, подобрав под себя ноги и положив на колени кривой меч. В другом сидела Юлдуз-Хатун в высокой, черной шапке, обвитой золотыми кружевами и жемчужными нитями. Около Бату-хана расположились на полу шесть его главнейших ханов. Тут же находился Субудай-Багатур. Пристально и недоверчиво всматривался он прищуренным глазом ко всему, что происходило в церкви.

Богослужение было торжественное. Служил сам епископ, приехавший, спасаясь от татар, в монастырь. Старый, высохший, согнувшийся, в парчевом облачении, с блистающей золотой митрой на голове, епископ стоял на возвышении посреди храма. Впереди него, справа и слева, застыли двенадцать священников, по шесть с каждой стороны, все в праздничных цветных и парчевых ризах. Два мальчика, тоже в парчевых одеждах, с длинными свечами в руках, стояли по обе стороны епископа. Перед иконами горели свечи и лампы. Огоньки, мерцая, отражались на парче и на золотом иконостасе.

Бату-хан был доволен новым зрелищем. Он иногда кивал головой, улыбался, пробовал подпевать хору. Цветные искорки вспыхивали на его стальном шлеме с золотой стрелкой, охраняющей лицо, на серебристой кольчуге и на ожерелье на шею из больших изумрудов и алмазов. Каждый раз, когда подходил высокий дородный дьякон и широко размахивал кадилом, Бату-хан милостиво наклонял голову, громко вдыхая сладкий дым ладана.

Юлдуз сидела неподвижно в глубоком кресле. В шелковой, расшитой серебром, китайской одежде, увешанная драгоценностями, с алмазными перстнями на руках, с набеленным, неживым, точно кукольным, лицом, она казалась маленьким идолом. Только расширенные глаза лихорадочно блестели.

Верная И-Ла-Хе стояла около кресла, косилась на Юлдуз и, наклоняясь к ней, шептала:

— Будь спокойней! Не показывай тревоги. Господин заметит!

— Вон он! Там у окна... так близко! Я должна говорить с ним, — отвечала шопотом Юлдуз.

Возле бокового выхода, опираясь на копьё, стоял нукер. Он был в стальном шлеме, в стальной кольчуге, в болгарских красных сапогах. Юное безусое лицо казалось равнодушным. Иногда он посматривал в сторону Бату-хана, но больше глядел в небольшое слюдяное окошко, в которое слабо проникал синий свет сумрачного морозного дня. Это был Мусук, поставленный дозорным

у входа. Вдруг он заметил пристальный взгляд жены Бату-хана — взгляд, устремленный прямо на него.

«Что во мне особенного, — подумал Мусук. — Чего ханша уставилась на меня?»

Он еще раз поймал ее взгляд. Заметил, что служанка склонялась к ней, как будто успокаивая. Вдруг яркая мысль обожгла его: «Эти темные глаза, это лицо с узким подбородком... Как оно похоже! Но что может быть общего между бедной степной девушкой и разукрашенной драгоценными ожерельями женой завоевателя вселенной. Нет! Это сон, это невозможно!» — И он снова стал смотреть в окно.

Неожиданный ревущий возглас заставил Мусука очнуться. Большой, могучий дьякон, в парчевом стихаре, во весь свой богатырский голос провозглашал:

— Великодержавному, достопреславнейшему хану...

— Государю нашему и владыке народов ближних и дальних царю Батыге Джучиевичу многия лета!..

Хор на клиросе подхватил и трижды повторил:

— Многая, многая лета!..

После обедни избранные спустились в длинную, узкую трапезную, где был подан самый лучший обед, какой только могли придумать монахи-повара совместно с отцом экономом. Была и уха из стерлядей, и цельный огромный осетр, и пироги с запеченными налимами, растегаи с мелко нарубленными груздями, и кутья из вареной пшеницы с медом, и моченые яблоки, и зернистая черная икра. Служки приносили кушанья на больших резных деревянных блюдах. Монахи достали из погребов глиняные кувшины с зеленым хлебным вином и крепким старым медом. Пили еще пенную брагу и настойки из вишен и других ягод.

На конце стола сидел Бату-хан. Рядом, по левую сторону, архимандрит, далее Субудай-Багатур. Справа, блистая драгоценными и яркими одеждами, — Юлдуз-Хатун, за нею шесть приближенных ханов. Ниже сидели самые старые и почтенные монахи в клобуках и длинных черных рясах.

Старый епископ, благословив трапезу, сослался на болезнь и удалился отдохнуть в свою келью.

3. У ДВЕРИ КЕЛЬИ

Арапша позвал Мусука. Они пошли через крытые переходы, поднимались лесенками, спускались в темные закоулки. Наконец Арапша оставил Мусука в длинном узком проходе. С одной стороны светились небольшие тусклые окошки, затянутые рыбьим пузырем, с другой — был ряд закрытых дверей. Арапша указал на дверь.

— Здесь отдыхает жена джихангира отхан-хатун¹ Не впускай никого. Придется сторожить всю ночь. Я приду сменишь тебя. Не сходи с этого места.

Мусук стоял долго. Иногда мимо него проходили старые монахи в черных клобуках и длинных черных одеждах. Они прикрывали ладонями зажженные восковые свечи и что-то шептали.

Послышался голос. Шел Субудай-Багатур, за ним вели под руки Бату-хана. Он пошатывался, вил рукой по воздуху, будто ловил что-то, и говорил:

— Священный правитель разрешил напиваться три раза в месяц, но лучше один раз... Я говорю... и монгольские шаманы, и арабские муллы, и урусутские попы... весьма полезные и преданные мне люди! Они учат народ повиноваться власти, уговаривают не бунтовать и во-время платить налоги. Всем шаманам я дам пайцзы на право свободных поездок по моим землям для сбора денег. Я прикажу, чтобы шаманы, муллы и попы не платили никаких налогов...

Мусук стоял, полный тревоги...

«Юлдуз?.. Или не Юлдуз? Нет! Это, конечно, ошибка! Таких сказок в жизни не бывает. А финики? А голос в пустыне, назвавший его имя? А маленькая рука, бросившая шелковый узелок с пряниками и золотыми монетами?..»

В порванный пузырь окна виднелся большой монастырский сад с обнаженными черными деревьями. Голубоватый снег лежал сугробами. Протопанная до-

рожка пересекала сад. По ней медленно ходил нукер в долгополой шубе, вооруженный копьем... Ветер залетал в окно и осыпал Мусука снежной пылью.

Послышался шорох. Мусук оглянулся. Перед ним стояла, вся закутанная в легкую материю, маленькая стройная женщина. Голова повязана пестрым шарфом. Расширенные глаза смотрят тревожно, чего-то ждут, спрашивают.

Женщина сделала шаг вперед.

— Мусук?

Мусук повернулся. Зазвенела сталь его кольчуги.

— Одна мысль мучает меня, — прозвучал знакомый голос. — Ты тоже взял деньги, полученные за меня?

Мусук жадно вглядывался в блестящие глаза.

— Я виноват только в том, что не был дома, когда братья увезли мою маленькую Юлдуз. Если бы я видел это, я бился бы с ними, как со злейшими врагами. Узнав, что они сделали, я проклял свою юрту и отрекся от отца и братьев.

Она хотела сказать что-то, но остановилась. Мусук заговорил резко:

— Но теперь мне все равно: Юлдуз — жена моего повелителя... Повелитель дал мне коня, меч и кольчугу. Он щедр, заботлив, справедлив к своим нукерам. Он храбр и быстр в решениях. Он делает великие дела. Он пройдет через всю вселенную, и не найдет ни одного полководца, который сумеет победить его... И я любил его...

— А теперь? — спросила задыхающимся голосом Юлдуз.

— Теперь я должен его ненавидеть.

Юлдуз с кошачьей гибкостью обвила руками его шею. Она почувствовала леденящий холод кольчуги. Лицо Мусука побелело. Он оставался таким же неподвижным и холодным, как его кольчуга.

— Разве ты больше не мой Мусук?

Юлдуз коснулась маленькой рукой щеки Мусука. Он почувствовал аромат неведомых цветов. Он трепетал, полузакрыв глаза, не зная, как поступить.

— Скажи, Юлдуз, он тебя очень любит?

¹ Отхан-хатун — младшая госпожа.

— Меня?.. Я сама не знаю, за что он меня любит! Бату-хан сказал мне однажды, что я дала ему три горячих лепешки, когда он скрывался нищим от врагов. За эти три лепешки он обещал подарить мне три царства — северное, восточное и западное... Теперь я скажу ему, что ты мой брат, и он осыплет тебя подарками, как в сказке. Он завернет тебя в парчу, даст алмазный перстень и табун лошадей!

— Ты скажешь, что я твой брат? Братья продали ту, которая была мне дороже аллаха и всей вселенной! У меня остался конь, он мне лучше брата. Я уйду от Бату-хана...

Юлдуз отшатнулась, но снова бросилась вперед и ласкала руками суровое лицо Мусука.

Дверь скрипнула, послышалось насмешливое «хи-хи!» Оба оглянулись. В дверях стоял Бату-хан.

Из соседней кельи в приоткрытую дверь смотрели приближенные ханы.

4. ТОРОПИСЬ!

В узкой келье отца ключаря на лежанке, крытой овчиной, сидел, подобрив под себя ноги, широкий, грузный Субудай-Багатур. Старый полководец немігающим раскрытым глазом всматривался в древнюю икону, написанную на покоробившейся доске. На ней был изображен святой Власий, покровитель домашнего скота и прочих животных.

— Вот этот бог нашему монгольскому улусу приятен! — громко рассуждал сам с собой Субудай и старательно рассматривал суровое, темнокоричневое лицо Власия, его седую бороду с вьющимися на концах колечками. — Это наш, настоящий монгольский бог! Он любит и бережет скотину, охраняет коров и баранов и стережет лошадей. А нашим коням нужен защитник, иначе они погибнут здесь, в стране урусутов, где дороги загораживают болота, ели да сосны, высокие, как горы.

Грубо стукнула дверь. Огонек лампадки закачался, тени запрыгали на потолке. В келью вошел, задевая за ножки скамьи, засыпанный снегом огромный монгольский нукер. Меховой

колпак с отворотами закрывал уши и лицо. Виднелся лишь черный отмороженный нос и двигавшиеся с трудом губы.

— Внимание и повиновение!

— Я слушаю тебя, — сказал равнодушно полководец.

— Черный урусутский шаман толкался и лез сюда. Сотник Арапша приказал повести его к тебе.

— Где черный шаман?

— Здесь, за мной! — монгол отодвинулся. За ним стоял, тоже весь в снежной пыли, черный монах с длинным посохом и котомкой за спиной. Черный клубок спускался на густые брови.

Субудай, прищурив глаз, смотрел на монаха. Тот снял клубок. Полуседые кудри и длинная черная борода показались очень знакомыми. И он заговорил по-татарски:

— Байза! Субудай-Багатур! Важные вести.

— Уходи, — обратился полководец к нукеру. — Постой за дверью. Я позову тебя.

Монгол, топая огромными гутулами, вышел. Дверь закрылась. Оглянувшись, монах скинул верхнюю просторную одежду, подошел к Субудаю и сел рядом на лежанке.

— Я переоделся монахом. Благословял черный народ. Все целовали мне руки.

— Дальше, коназ Галиб!

— Я спрашивал всех, где находится великий князь Георгий Всеволодович. Кругом я слышал тот же вопрос: «Где князь Георгий, где собирается войско?..» Все, кто может, точат рогатины и топоры. Все идет толпой на север. Я тоже торопился. Где мог — садился на сани, где не было попутчиков — шел пешком.

— Дальше, коназ Галиб, дальше!

— Простаки подвозили меня на санях, говорили: «Молись за нас, принеси нам победу!»

— Довольно об этом! Где коназ Гюрга?

— Я проехал тропой через древние, непроходимые леса...

— Куда?

— По реке Мологе.

— Молога? Где Молога?

— К северу... За важные вести ты обещал мне мешок золота.

— Я еще не слышу важной вести. Ты все едешь, едешь, а все без толку.

Князь Глеб остановился и недоверчиво посмотрел на каменное лицо полководца. Крючковатые пальцы его протянулись вперед, ожидая обещанного золота.

— Великий грех беру я на душу! Иду против родного народа. На том свете бесы будут на вилах палить меня огнем!

— Хорошо сделают! Ты это заслуживаешь.

— Я жду золота.

— Я дам его. Дам много. Говори, что знаешь.

— Молога впадает в Волгу, а в Мологу впадает речка Сить. На этой речке есть погост Боженки. В нем старая церковь. Около церкви в поповском доме живет князь Георгий Всеволодович. Там же собирается войско.

Субудай отшатнулся. Его глаз закатился кверху, точно рассматривая старый бревенчатый потолок, затянутый паутиной. Лево́й рукой он полез за пазуху, достал истертый кожаный кошелек, затянутый пестрым шнурком с желтым стеклянным шариком на конце.

— Здесь триста золотых. Половину ты получишь сейчас, другую — когда мы приедем на эту речку Сить. Ты покажешь дорогу. Если ты обманул, — на реке Сить ты будешь надет на вилы и сожжен над костром. Мои монгольские нукеры сожгут тебя еще до смерти...

Князь Глеб, заикаясь, прошептал:

— Но это очень мало!

— Не хочешь, не бери!

Субудай ловко, одной рукой, помогая зубами, развязал кошель, высыпал, не считая, половину монет на колени, схватил горсть золота и протянул князю. Тот подставил обе ладони:

— Я беру это золото только на пользу своего дела, — сказал он. — А после похода ты, Субудай-Багатур, сможешь ли мне стать великим князем земель рязанских, суздальских и про-

чих? Ведь только для этого я помогаю вам раздавить моего врага, князя Георгия Владимирского!

— Завтра будет завтра, и тогда будем решать, что делать.

Сильный стук в дверь прервал разговор. Кто-то тревожно колотил руками и кричал:

— Байза, байза! Субудай-Багатур! Байза!

Монах торопливо спрятал деньги. Субудай-Багатур встал и отодвинул деревянный засов. В келью вбежала китаянка И-Ла-Хэ, закутанная в черную шелковую шаль. Она бросилась на колени и, задыхаясь, ухватилась за одежду полководца. Тот оттолкнул ее, выпустил монаха из кельи и спокойно закрыл дверь.

— Несчастье! Ужасное несчастье! — лепетала китаянка, захлебываясь от слез. — В этом проклятом доме урусутского бога, шаманы наполнили джихангира ядом. Он стал безумным и бешеным. Он бегаёт с мечом в руках, рубит все, что видит, рубит урусутских богов, бросает скамейки в стены.

— Это меня не касается! — ответил хладнокровно Субудай. — Я только военный советник. А дома джихангир развлекается, как ему нравится.

И-Ла-Хэ продолжала рыдать, не выпуская из рук одежду Субудая. Он с любопытством смотрел на ее тонкое, бледное лицо, маленький рот и два зуба, выступающие вперед, как у зайца.

— Почему ты плачешь? Тебе жалко урусутских богов?

— Что он сделал, что он сделал! В безумии джихангир приказал связать руки и ноги маленькой Юлдуз-Хатун...

— Это его право. Муж делает со своей женой, что захочет.

— Мою нежную госпожу привязали к нукеру, который сторожил ее дверь... Их выбросили в сад, в снег, где бегают собаки-людоеды. Сейчас придет шаман Беки и его помощники и задушат ханшу Юлдуз и молодого нукера.

— Это не мое дело. Я участвую в войне, а в юртах жен джихангира распоряжаются его шаманы и китайские евнухи.

— Джихангир никого не слушается,

кроме тебя, непобедимый. Спаси Юлдуз-Хатун! Клянусь, она ни в чем не виновата, — нукер ее родной брат!

— Напрасно ты ко мне пришла, китайка! Поищи Хаджи Рахима, который пишет книгу походов Бату-хана. Он его учитель, его почитает джихангир. Он даст лекарство, от которого Бату-хан выздоровеет и простит свою маленькую жену.

— Куда я побегу ночью, когда всюду стоит стража! Где я найду сейчас Хаджи Рахима! Шаманы сегодня задушат мою маленькую госпожу, а завтра никакие врачи ее не спасут!..

Китайка упала на пол и билась головой в отчаянных рыданиях.

Субудай осторожно обошел ее, открыл дверь и позвал стоявшего на страже нукера.

— Беги к юртджи! Скажи, чтобы немедленно шли ко мне!

— Внимание и повиновение! — ответил нукер и побежал, гремя оружием.

5. В МОНАСТЫРСКОМ САДУ

В голубом свете ущербной луны туманными тенями стояли монастырские деревья с клоками снега на ветвях.

Под старой яблоней, широко раскинувшей искривленные сучья, подпертые кольями, облокотился на копые монгольский нукер. Стоя по колено в снегу, он смотрел удивленным, недоумевающим взглядом на снежный сугроб. Там лежали два тела: воин в кольчуге и молодая женщина в золотистой шелковой одежде были связаны за локти, спина к спине. Голова воина была обнажена, и длинные черные кудри, обычные у молодых кипчаков, разметались по плечам.

Воин что-то говорил, женщина изредка со стоном отвечала. Нукер не понимал их шопота. Он вмешивался, стучал копьем.

— Я скажу, что ты мой брат, и ты будешь свободен. Джихангир даст тебе золота, коней и оденет тебя в шелка...

— Я не хочу быть только братом. Я счастлив умереть рядом с тобой. Я скажу Бату-хану, что ты моя хурхэ¹.

— Ты этого не скажешь. Мы должны вырваться из этой беды и спастись...

Стукнула дверь на крыльце. Заскрипела калитка.

Показался Субудай-Багатур, Арапша, Хаджи Рахим и три нукера. Хаджи Рахим нес зажженный резной фонарь из промасленного шелка. Он первый, большими шагами, поспешил к Юлдуз, склонился к ней и осветил тусклым светом фонаря ее страдальческое лицо.

— Когда-то ты меня кормила... Ты приносила молоко и горячие лепешки и протянула дни бедной жизни дервиша! Что же ты теперь, маленькая Юлдуз-Хатун, потонула в урусутских снегах? Скорее, скорее очнись!

Хаджи Рахим поставил фонарь на снег и с трудом развязал обмерзшие веревки. Он помог приподняться полубесчувственной застывшей Юлдуз. Арапша завернул ее в соболюю шубу. Развязанный Мусук вскочил и подошел, шатаясь, к Субудай-Багатуру, стоявшему неподвижно, расставив ноги, будто все, что происходило, его не касалось.

— Чей ты сын? Скажи ясно! — спросил Хаджи Рахим.

— Вольного ветра! — ответил Мусук.

— Кто эта женщина? — продолжал Хаджи Рахим. — Знаешь ли ты ее?

Мусук молчал. Из шубы послышался слабый голос:

— Это мой брат, Мусук. Мы оба дети Назар-Кяризика из Сыгнака.

— Все это верно! — сказал Хаджи Рахим. — Я узнаю обоих.

— Довольно! — вмешался Субудай-Багатур. — Что говорит Хаджи Рахим, — то всегда верно! В этом доме черных шаманов все потеряли разум... Воин Мусук! Ты докажешь мне, какой ты «сын ветра». Ты поедешь вперед, на самую трудную разведку... Нукеры! Отнесите Юлдуз-Хатун в ее покои.

Из-за двери кельи, где помещался джихангир, слышались сгранные крики и дикий всхлипывающий вой.

У стены жались нукеры.

— Что там случилось? — спросил Субудай-Багатур.

¹ Хурхэ — милая.

— Джихангир свирепствует! Он порубил мечом урусутских богов и зарезал двух друзей — блюдолизов. Теперь он плачет.

— Как плачет?

— Разве ты не слышишь?

Субудай подошел к двери. Оттуда раздавался вой то шакала, то гиены.

— Не входи! Он зарубит тебя...

Арапша внес Юлдуз в соседнюю келью и опустил на лежанку. Китайка И-Ла-Хэ стала ловко растирать ее.

Субудай ждал возле двери. Снова послышался крик:

— Какая казнь! О-о!.. Какое вероломство!.. О-о! Злодеи опять встали на моем пути... О-о! Они увидят, что я внук Чингиз-хана!.. Да, они это увидят!..

Субудай-Багатур, склонившись так, что его широкая спина стала совсем круглой, решительно отворил дверь и вошел в келью.

— ...А кто там, рядом? — спросил Бату-хан.

— Пойди и посмотри!

Бату-хан с кувшином в руках прошел в соседнюю келью. На лежанке, освещенная поставцом с горящей лучиной, лежала Юлдуз-Хатун.

Бату-хан повернулся к Субудай-Багатуру.

— Это ты сделал? Ты спас ее?

— Да, я!

— Ты один меня понимаешь... Я не давал приказа ее казнить. Это сделали от моего имени мои друзья... — Он припал губами к кувшину и стал пить вино, которое стекало ему на грудь. Он покачивался, опустился и растянулся на полу.

Субудай-Багатур осторожно отобрал глиняный кувшин и тихо вышел.

6. СОН БАТУ-ХАНА

Монголы ушли из Углича в багровом зареве пожара. Монастырь, подожженный со всех сторон, горел, как костер. Монахи бегали, выкатывали бочонки с вином и елеем, выносили иконы. Согласно грозному приказу Бату-хана: «Не убивать и не обижать урусутских шаманов» — монгольские воины не трогали монахов. Но при удобном

случае, когда сотники не замечали, сидели с монахов подрыски, соблазненные добротностью просторной одежды.

Бату-хан, после старых монастырских медов и настоек, еще плохо соображал, что кругом происходит. Субудай-Багатур приказал бережно завернуть его в пушистую долгопелую шубу, поднесенную архимандритом. Джихангира уложили в наполненные сеном раскрашенные сани. Рядом посадили закутанную в шали Юлдуз. Китайка И-Ла-Хэ ехала в другом возке, охраняя имущество седьмой звезды.

Монгольские отряды шли на север и запад широкой лавой, заходя во все встречные погосты. Войны забирались в каждую избу, вытряхивали из сундуков полотенца, сарафаны, рубахи и порты — все годилось, все переходило в монгольские переметные сумы и в розвальни, следовавшие за отрядом. Монголы выгребали из закромов зерно, жарили его в своих котлах и ели горстями, сидя у костров.

Утром, на остановке, Бату-хан пришел в сознание. Он бодро встал, удивленно осматриваясь. Рядом с санями стояли выпряженные кони с подвязанными к мордам торбами. На снегу были просыпаны ячменные зерна и валялись комочки сена.

В санях, жавшись, сидела маленькая женщина. Из-под меховой шапки пыгливо смотрели карие глаза. Бату-хан отвернулся. Невдалеке начинался молодой еловый лес. На опушке дымились костры, толпились люди, проезжали всадники. Дальше виднелась окраина деревни. Горели ярким пламенем избы, доносились крики, яростный лай собак.

— Где мы? — спросил Бату-хан.

Неподвижный нукер, в заиндевавшем меховом колпаке, отвечал, с трудом шевеля губами:

— Мы в дневном переходе от того города, где сожгли дворец урусутских черных шаманов.

— Где Субудай-Багатур?

— Вон, недалеко, у костра. Там и тысячники.

— Позови!

Нукер, приложив руку к губам, закричал:

— Внимание и повиновение! Джихангир проснулся!

Монгольские военачальники вскочили, неуклюже переваливаясь, побежали к саням и подтащили их к костру. Бату-хан стоял, недоверчиво косясь на всех. Он вышел из саней, засучил рукава и присел на корточки, грея над огнем потемневшие от грязи ладони.

Нойоны и темники стояли полукругом, почтительно ожидая, когда заговорит ослепительный.

Бату-хан поднялся. Вздвогнув, все замерли на месте.

— Черные шаманы-попы усыпили меня волшебными напитками из колдовских ягод и трав. Но я не умер. Заоблачные боги сохранили меня для великого дела, которое прославит монгольское имя. Тень моя вылетела из моего тела через раскрытый рот и унесла меня в небесные голубые просторы, где царствует мой дед, «Священный Правитель». Да, и я увидел его!

Все воскликнули «Бо!», всплеснув руками, и снова застыли.

— Да, я увидел его! Он стал еще выше, плечи его шире, белая борода еще длиннее, почти до колен. Он сказал: «Ты, мой внук, хорошо продолжаешь мое дело. Ты ушел на запад на девятьсот девяносто девять переходов от горы Бурхан-Халдун, где под высоким кедром в золотом гробу покоится мой прах. Я все вижу и знаю, что ты не уберешь моего младшего сына, хана Кюлькана. Почему ты не уберешь его?» — И я ответил деду: «Я твоя жертва! Я виноват в этом, ты можешь казнить меня. Я внимаю и повинуюсь!» — «Еще рано казнить тебя. Ты был далеко от хана Кюлькана, когда он погиб». — Так ответил «Священный Правитель». — «Сперва я должен казнить тех, кто убил моего сына. Хан Кюлькан до сих пор не прилетел ко мне. Его тень скитается над холодными снежными полями урусотов. Бродит по лесам, воеет по-волчьи и пробирается ночью между спящими монголами, разыскивая своих убийц».

Бату-хан угрюмо замолчал. Мрачными суженными глазами взглянул он на стоящих тихо военачальников.

— Вы слышите, что говорил «Священный Правитель?»

— Слышим и понимаем! — ответили шопотом монголы.

— Я сказал великому вождю: «Внимание и повиновение! Я исправлю горькую ошибку. Тень хана Кюлькана получит на земле успокоение и прилетит на крылатом коне к тебе, наш повелитель, чтобы встать в ряды твоих небесных призранных воинов!»

Шаркая широкими гутулами, подошел Субудай-Багатур и остановился. Кивая головой, старый полководец всхлипывал:

— Верно!.. Верно говоришь! Так мы и сделаем!..

— Кто был около хана Кюлькана в день его смерти?

— Темник Бурундай! — воскликнули все.

— А где темник Бурундай?

Высокий сутулый монгол с плоским желтым лицом без волос опустил на одно колено.

— Это я виноват! Я не досмотрел!

Бату-хан подошел к нему с яростным от гнева лицом.

— Ты заплатишь за это или умрешь! Я даю тебе задачу. Ты не вернешься назад, пока ее не выполнишь. Со всем своим туменом и с туменом кипчакского сброда, который пристал к тебе, ты отправишься туда! — Бату-хан показал широким жестом на безмолвные снежные равнины. — Там, за дремучими лесами, на замерзшей реке...

— Сити! — подсказал Субудай-Багатур.

— На реке Сити строится боевой стан урусотского коназа Гюрга. Ты набросишься на урусотов, не думая, можно ли, или нельзя их победить. Твои воины будут их избивать, не отступая ни на шаг. Знай, что впереди твоего войска полетит тень хана Кюлькана. Ты должен этой победой дать ей успокоение. Тогда хан Кюлькан стравится к своему отцу, моему деду, с радостной вестью о новой монгольской победе. Если же ты будешь разбит и будешь мотаться на земле, подобно летучей мыши, тогда тень хана Кюлькана

будет прилетать к тебе по ночам, пить кровь из твоих глаз...

Бату-хан замолчал. Ноздри его раздувались. Он сильно дышал и поглядывал на Субудай-Багатура. Тот, отвернувшись, смотрел в сторону и повторял:

— Верно, верно!

— За эту ночь приготовь своих воинов к набегу. Довольно им тормозить урусутских женщин. Помни, что я и непобедимый пойдем с нашими туменами по вашим следам. Остерегайтесь, чтобы мы вас не обогнали. Тогда мы ударим первыми...

— Внимание и повиновение! — сказал Бурундай, упав на ладони. Поцеловав снег, он вскочил и, придерживая рукой висящий на боку кривой меч, побежал к своим воинам.

Баху-хан отошел в сторону и беседовал вполголоса с Субудай-Багатуром. Полководец хрипел и доказывал:

— Хотя воин Мусук и брат прекрасной седьмой звезды, но лучше отправить его подальше, так далеко, чтобы он вернулся назад через девяносто девять лет, или вовсе не вернулся. Обычно брат новой царицы получает подношения от низших и подарки от высших. У него появляется много золота, он пьянствует с новыми друзьями и быстро становится негодным, как дырявый бурдюк. Дай ему опасное, но достойное поручение, чтобы он гордился им, а выполнить его было бы трудно... Пошли его с сотней нукеров на разведку прямо на Сить, к лагерю коназа Гюрга. Пошли так, чтобы темник Бурундай и не подозревал об этом. Тогда мы проследим и проверим темника Бурундай, как он выполнил твой приказ.

Бату-хан пристально смтрел на старого полководца, желая понять, какая тайная мысль скрывается за его словами. Он нахмурился и вздохнул.

— Ты мой верный слуга и учитель. Я так и сделаю. Вместе с Мусуком я пошлю сотника Тюляб-Биргена, у которого русский пленный мальчишка увел скакового коня. Этот удалец с отчаяния будет бешеным!

— Верно! — подтвердил Субудай. —

Надо торопиться и напасть на войско урусутов, как коршун на ястреба, пока коназ Гюрга еще не ожидает нас!

7. ТРОПА БАТЫЕВА

После разгрома Владимира Суздальского татарское войско двинулось на северо-запад тремя потоками. Один отряд под начальством темника Бурундай шел на Суздаль, Юрьев, Переяславль, Снятин и Кашин. Отсюда татары направились на Бежецк и Красный Холм.

Отряд Бату-хана рекой Корожечной поднялся вверх по течению до лесного поселка Кой. Третий отряд пошел на город Мышкин, откуда, пробираясь лесными дорогами, направился к верховьям реки Мологи. Татары пытали на огне захваченных в пути крестьян, стараясь выведать от них, где находится боевой стан коназа Гюрга Владимирского.

В начале марта Бату-хан стоял в лесном поселке Кой, где нашел много сена, заготовленного к весеннему сплаву. Темник Бурундай расположился в Бежецке. Оба уже знали, что где-то невдалеке, среди дремучих лесов, собираются воинские силы великого коназа Гюрга.

На совещании тысячников Бату-хан сказал:

— Я должен в одной битве уничтожить главное урусутское войско, иначе мы сами бесславно погибнем в этих снегах, лесных трущобах и болотах. Вы будете драться, не жалея жизни. Уничтожив главное войско, я стану единственным повелителем всей урусутской земли, так как больше ни одного опасного противника не останется. В стране этих длиннородых медведей воцарится слепая покорность мне и мертвая тишина... Так учил и так всегда поступал в своих войнах величайший из всех людей, мой дед «Священный Правитель». Завтра для монгольского имени будет день великой славы или день великого позора.

— Позора не будет! — воскликнули тысячники.

— Разбив коназа Гюрга, мы не будем отдыхать. Мы повернем коней на

большую дорогу к самому богатому урусутскому городу Новгороду. Мы поспешим туда со всей быстротой, чтобы добраться раньше, чем начнут таять реки...

— А потом? — спросил один тысячник.

— Потом, отъездившись и отдохнув на женских пупах, мы пойдем в страну гордых купцов, которых мы поймали в Мушкафе. В той стране города еще более богатые, чем Новгород. Как зовутся эти города, скажи, Хаджи Рахим?

— Любек, Гамбург, Брюгге, — ответил тихий голос.

— Да, это так! Я засуну все эти города в мою походную рукавицу. Но сперва мы должны прикончить урусутского коназа Гюрга.

8. В ЛЕСНЫХ ТРУЦОБАХ

Лужками ехать — будет топко.
...Лесом ехать — будет темно.

Из старинной былины

Долго совещались сотник Тюляб-Бирген и Мусук-тайджи,¹ брат Отхан-Юлдуз, неожиданно возвеличенный джихангиром. Они решили завоевать себе славу и поразить дерзкой удалей самого Субудай-Багатура. Решив попытать счастья, они выехали вперед, в неведомую урусутскую лесную чащу. Распоряжался опытный в походах и набеггах Тюляб-Бирген. Мусук-тайджи со всем соглашался, что предлагал его новый старший друг.

— Очень хорошо! Будь всегда моим учителем в военных делах!

Предстояло сделать разведку, проникнуть в глубину еще не покоренных урусутских округов и разыскать главный лагерь коназа Гюрга. Бату-хан в Кое и темник Бурундай в Бежецке ожидали известий от Тюляб-Биргена.

Леса кругом были густые, непролазные, дороги среди вековых елей были похожи одна на другую. Пойманные лесные охотники говорили малопонятно: «Цаво хоцэс?» — и упрямо отвечали:

— Насы сыцкари зивут на сторонке.

Знац мы не знаем, слышать не слысали, видец не видели!

В наказание за упрямство татары раздели пойманных охотников. Голые, в одних лаптях, сицкари побежали в лес, остановились вдали и стали прыгать и дразнить татар непристойными жестами. Два татарских всадника, разозлившись, погнались через замерзшее озерко, чтобы зарубить их, но провалились под лед, попав в трясинное «окно», и утонули вместе с конями. Голые сицкари, прыгая, как зайцы, скрылись в лесной чаще.

Тюляб-Бирген и Мусук понимали, что в урусутских лесах кругом грозят опасности, что каждый шаг нужно делать с особой осторожностью. Они разделились. Тюляб-Бирген с отрядом остановился на перекрестке, а Мусук с десятком всадников отправился на разведку.

Вьюга усиливалась. Метель непрерывно засыпала дорогу снегом. Впереди посыпался лай собак. Мусук оставил коня спутникам, а сам стал осторожно пробираться вперед. Зачернела ограда, показались привязанные кони. Это была застава урусутов. Мусук тихо повернул обратно и помчался к Тюляб-Биргену.

Тюляб-Бирген, не медля, послал гонцов к Бурундаю и, укрывшись со своими нукерами в чаще, стал выжидать. К вечеру прибыл ответ. Бурундай приказывал ждать и не пугать заставу.

Вскоре прибыли передовые сотни Бурундай. Они обошли заставу, ворвались за ограду, перехватили коней и рубили всех, выбегавших из землянок, где беспечно задремали урусутские сторожа. В живых остались только два воина, взятые в плен. Они рвали на себе волосы и не отвечали на вопросы. Сказали только, что это сторожевая застава воеводы Дорожи. Который из убитых был воевода Дорожа, татары так и не узнали, — все были одеты одинаково: в овчинные полушубки и лапти, и все легли в неравном бою, где одному приходилось биться против двадцати.

Бурундай прискакал к заставе, когда уже не было ни одного живого урусута. Он послал гонцов к Бату-хану в Кой,

¹ Т а й д ж и — царевич, князь.

известия, что, судя по сильно утоптанной дороге, близ вырезанной заставы должна быть стоянка коназа Гюрга. Бурундай будет ожидать до утра, а на рассвете двинется дальше.

Ночью Мусук снова отправился на разведку. Он вскоре приблизился к поляне, которую прорезало глубокое русло замерзшей реки. На другом берегу протянулось селение с древней деревянной церковью. Там разъезжали всадники, ходили люди, виднелось много новых белых построек.

Мусук решил, что это, несомненно, боевой стан коназа Гюрга. Он стал выжидать, укрывшись между елями. Сумерки затянули туманной дымкой поляну. Вьюга стихла. Серебряный ободок полумесяца повис над верхушкой ели. Мусук задался дерзкой мыслью проехать через селение. Там все затихло. Кое-где вдали лаяли собаки, несколько огоньков мерцало на другом берегу реки. Постепенно, один за другим, огоньки угасали.

Мусук ехал медленно, напряженно глядя в темноту, стараясь узнать, как расположены укрепления и засеки, откуда лучше повести нападение.

Вдруг из темноты послышался голос, и высокий человек быстро двинулся навстречу. Мусук повернул коня и поскакал обратно к отряду, боясь, что за ним уже мчится погоня. Но все было тихо в лесу.

Бурундай придвинул свой отряд еще ближе к открытому Мусуком селению. Всю ночь всадники провели, сидя на снегу возле коней. Среди ночи поднялся ветер, и повалил густой снег. Вьюга завывала, заскрипели верхушки качавшихся елей. Под утро был передан приказ: «Дать коням по несколько горстей зерна. Проверить оружие. Мы будем здесь биться так долго, что новорожденный младенец станет стариком, но назад не повернем».

9. НА СИЦКИХ БОЛОТАХ

Князю Васильку не спалось. Он поворачивался с боку на бок, поправляя шубу, которой был прикрыт. Он лежал на полу, на ворохе сена, с краю близ двери. Возле него вповалку спали его дружинники, храп раздавался со всех

сторон. Из двери дуло. В щелях жалобно свистел ветер.

Князя неотступно мучала мысль: «Что делать в такой великой народной беде?» — и черные мысли, одна тяжелее другой, отгоняли сон.

«Что здесь готовит дядюшка, князь Георгий? Не себе ли устраивает новую вотчину? Не ждет ли он, пока татары сами уйдут? Тогда он — сильнейший князь северной Руси — поставит здесь новый стольный город, такой же пышный, как его Владимир. Уже не раз говорил он, что следует соорудить здесь и клетки, и закрома, и водяные мельницы, запрудив в трех местах реку: — «Народу-де ратного прибывает больно много, и не разумнее ли самим молоть зерно...» — А там, за лесами, пылают погосты, рыщут татары и рубят всех, кто только попадается в их жадные руки... Я долго медлить не буду. Если князь Георгий не начнет воевать, я уйду с моими ростовскими ополченцами в леса. Буду близ больших дорог ловить татар и добираться до их злого змея — хана Батыги...»

Князь поднялся, ошупью в темноте нашел холщевые онучи, повешенные на горячей печи, обернул ими ноги, сверху намотал шерстяные обертки и подвязал кожаные лапти. Надел полушубок, туго затянул ремень с прямым мечом и толкнул дверь. В избе все продолжали крепко спать.

Молодой месяц светил с правой стороны на спокойном, беззвездном небе. Ветер хлестал лицо колючим снегом. Князь пошел вдоль лагеря. До рассвета недалеко. На белом снегу резко выделяются бревенчатые новые избы, землянки, засеки. Тихо в боевом лагере. Все спит. Враг далеко. Кто забредет в жестокие морозы в такую трущобу! Ни дозорного оклика, ни стука, ни скрипа шагов...

Князь присел на бревенчатой кладке. Тоска охватила его сердце.

«О, русская земля! — думал он. — Лежишь ты прекрасная, привольная, раскинувшись на снежных полянах, в лесных чащах. Только лесные буераки да мужицкая сила — вся твоя защита! Эх, сбежались бы все мужики со всех

погостов, повел бы их в бой старый Илья Муромец! Какой коварный враг устоял бы тогда? Отогнали бы всех ворогов, как раньше отгоняли! Ворвался к нам народ чужой, злобный и немилостивый. Пробрался он в самую глубину, в сердце русской земли, расколот ее на мелкие клочки и грызет, и гложет, и рвет, не давая передышки... Эх! Собраться бы с силой и сбросить с плеч насевшего врага!..»

Слышно, как стукнуло стремя. Впереди скользит тень. Всадник все ближе. Князь застыл на месте и вглядывается. Кому сейчас дело, кому забота бродить среди ночи по лагерю? Конь высокий, стройный, половецкий. Всадник не русский! Как он попал сюда? Князь Василько сжимает рукоять меча и бросается вперед. Конь прыгает в сторону, всадник мчится прочь, полевой, к лесной просеке и скрывается среди густых елей.

10. СТРАШНАЯ ВЕСТЬ

В избе попа Вахрамея, склонившись над старым, потемневшим дубовым столом, опустив голову на ладони, сидел князь Георгий. Он вцепился пальцами в полуседые вьющиеся волосы и глухо стонал. Перед ним лежал пожелтевший лоскуток бумаги, вырванный в спешке из священной книги. Князь в который уже раз перечитывал неровные строки, написанные большими буквами знакомым почерком княгини Агафьи:

«Сокол ты мой ясный, княже Георгий! Куда улетел ты от своей лапушки-лебедушки? Злые татаровья в огромном множестве обложили город со всех сторон. Смерть грозит и мне, и нашим детям, и всему люду. Одна надежда, что ты прилетишь и всех врагов раскидаешь... Молюсь Спасу пречистому, чтобы дал он мне радость еще раз увидеть твои милые очи! А как богу будет угодно, так сбудется. Приезжай...»

Поп Вахрамей, прижимая к груди древний медный крест, старался утешить и ободрить князя. Тот его не слушал, вспоминая последний миг прощанья на крыльце, бледные, дрожащие губы, быстро катившиеся по щекам сле-

зы и полные, горячие руки, обнимавшие его...

Послышались крики:

— Где князь? Скорей подымайте его!..

Князь Георгий очнулся, прислушался. — Скажите князю, — татары валом валят!..

Князь вскочил, опрокинув скамью; бросился из избы, оставив дверь открытой. Клубы холодного тумана ворвались в жарко натопленную комнату. Поп Вахрамей дрожащими руками натянул просторную шубу, туго подпоясался валившейся веревкой для дров, взял в руки медный крест и сказал жене, растерянно стоящей с поднятыми в ужасе руками:

— Да хранит тя господь, матушка Олимпиадушка. Мое место теперь там, с воинством. Видно, сейчас будет смертный бой...

Семена дрожащими старческими ногами, отец Вахрамей скрылся в синих сумерках.

Князь Георгий прибежал в свой новый сруб.

— Аргун! Проворней! Кольчугу, красные сапоги! Да поскорее, Аргун! Седлать гнедого!..

Князь метался, срывая с деревянных гвоздей оружие. Старый слуга помогал надеть поверх полушубка кольчугу, завязать ее ремешки. Дружинники вбежали, слушали приказы князя и спешили обратно. Со двора доносились крики.

Дружинник втокнул в избу двух посиневших от холода голых мужиков. Те упирались, твердя:

— Цаво деласи! Соромно!..

— Идите, идите! Сами расскажете князю...

Стараясь перекричать шум и возгласы бегавших в суматохе ратников, дружинник обратился к сумрачному, озабоченному князю Георгию:

— Взгляни, великий князь! Вот удалые сидкари: татары их раздели, а они ускользнули, как ужи!

— Честь им и слава! — сказал князь Георгий. — Аргун, выдай обоим шубы и чоботы!

Дружинник продолжал:

— Сиджари следили за татарами. Видели, как отчаянно бился воевода Дорожа, пока не упал... Татары близко, сейчас тут будут...

Князь Георгий выбежал во двор. Дружинники ту же подтягивали подругу высокого гнедого коня. Князь поднялся в седло, правой рукой в перстатой рукавице натянул повод. Надел на левую руку ремень небольшого круглого щита. Золотой шлем глубже надвинул на брови.

— Эй, соколики, готовы ли?..

Дружинники сбегались со всех сторон, ведя в поводу коней.

Во всех концах боевого стана звонко пели боевые рожки, выли трубы и трещали маленькие барабаны.

11. БИТВА

...Не стреножимши добрых коней,
не пускайте в степь,
Не поставимши дозоры,
не ложитесь спать!

Из старинной казачьей песни

Пишет Хаджи Рахим.

«О, вечное небо! Ты все еще заставляешь меня быть очевидцем потрясающего ужаса, переживать бессильное негодование, бесполезное сострадание!

Я видел ужасную битву в свирепый мороз, на льду замерзших бездонных болот. Я видел, как десятки тысяч полных зверской ярости татар напали на несколько тысяч урусутских крестьян, из которых ни один не подумал сдаться в плен, а все резались мечами и ножами и рубились топорами с той же отчаянной отвагой, с какой отбиваются и грызутся до последнего вздоха волки, окруженные охотниками.

Я все это видел, и не умер, а все еще живу!..»

Хаджи Рахим находился при двадцатитысячном отряде темника Бурундая. Он получил от него добронравного коня и возил с собой кожаный ящик с чистыми повязками, с серой в порошке, с жженым войлоком, целебными настоянами и другими средствами для лечения раненых.

Небольшой, но сильный монгольский конь мчался или останавливался вместе

со всем отрядом и не слушался повода Хаджи Рахима, который должен был изо всех сил держаться за седло, чтобы не свалиться.

Бурундай приказал отряду быть готовым выступить по первому призыву боевых рожков. Всадники не отходили от своих коней и, привязав повод к поясу, лежали всю ночь в снегу, свернувшись, как кошки, у передних копыт своего коня. Под утро, когда прозвучали рожки, кони заиндевели и казались себребряными.

Предстоял опасный набег на боевой стан урусутов, готовых к схватке и защите. Каждый монгол знал, что его ждет удача или смерть в далекой, чужой земле.

Отряд двинулся ускоренной тропой, переходя, где можно, на мах. Жутко было слышать, как стонет земля, как трещит лед, как несется кругом гул от скачки многих тысяч коней.

Хаджи Рахим предоставил себя воле своего крепкого коня.

Лес стал редеть. Впереди тянулась извилистая, замерзшая река. Из ряда в ряд передали приказ темника Бурундая:

— Вынуть оружие!

Монголы, засучив до локтя правый рукав, со свистящим лязгом вытащили из ножен кривые мечи и положили их на правое плечо. Коня ускорили бег. Кончили последние деревья. Монголы вылетели на широкую снежную поляну с диким криком, переходящим в тонкий визг.

— Кху-кху, монголы! Уррагх, уррагх!

Повидимому, урусуты не ожидали нападения татар. Они выбегали из домов, одевались находу и спешили к новой белой избе, над которой развевалось черное знамя. Уже после появления на поляне монголов, запели урусутские рожки, завывли трубы и затрещали барабаны.

Вскоре возле церкви показался красивый, сильный, с большой черной бородой всадник, в серебряной кольчуге и золотом сверкающем шлеме, на высоком гнедом коне. Это был коназ Гюрга, повелитель урусутов. За ним неотступно следовали три всадника. Средний держал черное знамя, расшитое золотом.

Монголы помнили твердый приказ джихангира — не останавливаться ни на мгновение ни перед какими препятствиями. Один отряд бросился влево, спустился на лед реки, поднялся на другой берег и двинулся дальше на избы. Другой отряд помчался вправо, вдоль засеки, обогнул их, тоже спустился вниз к реке и схватился на льду с урусутскими воинами.

Третий отряд, бывший в середине монгольского войска, отчаянный и безрассудный, направился стремительным потоком прямо на валы и засеки. Тысячи монгольских коней ударились грудью в засеки, ломая встречные укрепления. Кони падали, всадники вместе с ними валились на землю. Налетевшие новые всадники пронесились через упавшие тела, топтали их, взбирались на укрепления, прыгали внутрь и, не замедляя натиска, устремлялись дальше и скатывались по крутому берегу в реку.

Лед не выдержал тяжести, и воины стали проваливаться в воду.

Урусуты сбегали с другого берега навстречу монголам. Главная схватка разгоралась на льду, среди промоин, куда сваливались монголы и урусуты. Даже утопая в воде, они продолжали драться.

Урусутский коназ Гюрга со своей дружиной в несколько сот человек быстро спустился на реку и поднялся на правый берег. Урусуты отважно бросились навстречу монголам, прибывшим из лесу. Дружинники очень искусно владели длинными и тяжелыми мечами. Не раз от удара урусутского меча разлеталась в куски тонкая татарская сабля. Урусуты бились каждый сам по себе, а татары теснились рядами по десять воинов, не отходя один от другого.

Хаджи Рахим, оказавшись в потоке скакавших коней, не мог сдержать своего Барсика, который продолжал мчаться прямо на засеку. В ужасе от предстоящей гибели Хаджи Рахим скатился с седла и упал в снег. Несколько всадников пронеслись, не задев его. Ему удалось подняться и отбежать.

Впереди возвышался небольшой холм. Хаджи Рахим поднялся на него, наблю-

дая за разгоравшейся битвой. Он сообщал: если бы коназ Гюрга с дружинниками, держась тесно, плечо к плечу, пробивались сквозь татарские ряды, они могли бы проложить себе путь в лес и спастись неизвестными дорогами. А здесь их гибель можно было предсказать заранее. Урусутские дружинники бросались то вправо, то влево, отдаляясь друг от друга. Постепенно они рассеялись в татарской массе. Черное знамя коназа Гюрга долго реяло над местом битвы, стремительно передвигалось вместе с бросавшимися в схватку урусутскими воинами, потом стало колебаться и наконец упало. Невдалеке был убит, пронзенный стрелами и копьями, урусутский коназ Гюрга.

Руководивший битвой темник Бурундай находился на высоком холме, заросшем соснами. Длинный, худой, с желтым неподвижным лицом, Бурундай наблюдал, как схватывались, резались, метались из стороны в сторону тысячи разъяренных всадников и пеших воинов.

Заметив, что черное знамя заколебалось и упало, Бурундай вдруг очнулся, дико завизжал: «Вперед, за мной!» — и бросился со своей охранный сотней вниз с холма. Его нукеры, беспощадно отбрасывая встречных, пробились к тому месту, где был коназ Гюрга, надеясь захватить его в плен еще живым. Здесь было столько раненых и трупов, что отыскать сразу коназа было нелегко. Наконец его нашли и узнали по серебряной кольчуге и красным сапогам. Черное знамя лежало поблизости, заваленное трупами и громко стонущими ранеными. Своих раненых татары вытаскивали из свалки, урусутских дорезывали.

Коназ Гюрга был уже мертв. Глубокий удар татарского меча сбил шлем, рассек лоб, а две стрелы впились в горло.

Бурундай остановил коня, сошел в залитый кровью снег и сам, маленьким острым ножом, не торопясь, отрезал голову коназа Гюрга. Он продел тонкий сырмятный ремень сквозь уши, крепко привязал голову к репице своего коня и сказал:

— Теперь Бату-хан не может более меня укорять, что я и мои нукеры не стараемся возвеличить монгольское имя. Голова урусутского коназа на хвосте моего коня!

Торопка прибежал к боевому стану, где так недавно люди мирно строили, топили и работали. Он увидел здесь отчаянную борьбу. Татары — их было очень много — носились по полянам, по обеим сторонам реки, кричали, выли страшным звериным воем, рубили кривыми клинками. Русские отбивались рогатинами и топорами и нападали сами.

Торопка заметил князя Василька. Он шел крайним левым в первом ряду ростовских ратников. Они быстро приближались несокрушимым валом, равномерной победой, с топорами и мечами в руках.

На них помчались татары, пытаясь бить их натиском коней. Но ростовцы, тесно прижимаясь друг к другу, продвигались вперед к лесу.

Силы были уже равны. Русские ратники оправившись от первого натиска татар и сами теснили их. Татары метались во все стороны, отлетали, быстро заворачивали коней и снова налетали на русских. Среди ростовских ратников мужественно бился князь Василько. Торопка поспешил к нему.

Русские стали одолевать. Но из пролеки показались новые отряды конных татар. Они вылетали из леса беспрепятственным потоком с воем, криками и тонким, ужасающим визгом.

Это примчались тумены Субудай-Багатура и Бату-хана. Налетевшие внезапно татары метнули черные арканы и захватили князя Василька. Он пытался перерезать веревки, но новый аркан обвил его шею и свалил с ног. Татары с торжествующими криками поволокли его по снегу.

Торопка бросился к нему на помощь. Сильный удар налетевшего коня свалил его на землю. Он поднялся, пробежал еще несколько шагов, прыгая через трупы. Новый удар по голове сбил Торопку с ног.

12. РОКОВОЙ ДЕНЬ

1238. Юрий II Великий князь Суздальский или Владимирский... при реке Сити был разбит, пал на поле битвы вместе со значительными людьми. Судьба России была решена на 2^{1/2} столетия.

К. Маркс. Хронологические выписки

Бату-хан примчался к месту битвы впереди своего тумена. Напрасно его уговаривал Субудай-Багатур:

— Вспомни своего мудрого деда. Он никогда не скакал, как пьяный нукер, впереди войска в поисках славы храбреца.

Бату-хан отмалчивался и недовольно отвечал:

— Я не хочу, чтобы темник Бурундай вырвал у меня из-за пазухи великую победу.

Воины Бату-хана примчались к берегам Сити, когда победа татар колебалась.

Два новых тумена решили исход великой битвы. Урусуты стали отступать, скатываться с крутых берегов реки, убежать в леса. У них не было сил противостоять свежим татарским отрядам. Не было вождя, который мог бы собрать воедино и направить борцов в опасные места. Пало черное знамя, был убит коназ Гюрга и захвачен в плен смелый и опытный коназ Василько. Урусутское войско уже представляло собою беспорядочную толпу, где каждый дрался, как мог. Храбрость воинов и беззаветная их жертва оказались уже бесполезными.

Темник Бурундай, сойдя с коня, медленно поднялся на холм. Приблизившись к Бату-хану, мрачный, всегда угрюмый Бурундай припал на одно колено и поцеловал копыто коня. Повернувшись, Бурундай взял из рук нукера, следовавшего за ним, небольшой стальной щит с золотым узором, на котором лежала голова коназа Гюрга, и поднял щит над головой.

Бату-хан смотрел вдаль, как-будто не замечая Бурундяя.

— Почему горит дом урусутского бога? — недовольно воскликнул Бату-

хан. — Я приказал щадить и оберегать урусутских шаманов, чтобы они молились за великого кагана монголов!

Бурундай молча продолжал стоять на одном колене, держа над головой щит. Бату-хан перевел взгляд на голову урусутского коназа Гюрга. Лицо, залитое темной кровью, с черной бородой и выщипанными волосами, казалось чуждым скорби и страданий.

Бату-хан резко наклонился и потрогал уши отрезанной головы.

— Уши продраны!.. Ты мне подносишь подарок, который ты уже таскал на хвосте своего коня? Ты хочешь посмеяться надо мной?.. Уходи!

Бату-хан ударил по щиту. Голова упала, покатилась по откосу холма и застряла в снегу. Бурундай с желтым злобным лицом, согнувшись вдвое, отошел в сторону мелкими почтительными шагами.

Свита Бату-хана с любопытством следила, что сделает дальше джихангир, как он проявит свой гнев? А Бату-хан, с непроницаемым лицом, стал спокойно наблюдать за боем. Урусуты всюду отступали, быстро сбегали с крутого берега на лед, поднимались на другой берег и удалялись в глубь лесов. Татары догоняли урусутов, схватывались с ними, рубились и мчались дальше.

Джихангир пожелал увидеть тело убитого коназа Гюрга и стал спускаться с холма. Серый конь осторожно шел по снегу, подбирая ноги, перепрыгивая через лежащие тела. Бурундай ехал впереди, указывая путь.

Около тела урусутского коназа дрались два воина. Один стянул с ноги красный сапог и держал его подмышкой, стараясь стянуть второй сапог. Его отталкивал другой воин и колотил по лицу. Оба отчаянно дрались и так озлобились, что не заметили приближения главного начальника войска.

— Задержите их! — приказал Бату-хан. — А сапоги отнесите в мой обоз..

Нукеры соскочили с коней и набросились на драчунов. Бату-хан сказал:

— В монгольском войске не может быть ссоры, драки, воровства или убийства между воинами великого завоевателя вселенной. Если монгольские вой-

ны станут драться между собой, то как же они смогут побеждать? Надо твердо помнить законы мудрой Ясы Чингизхана. Виновные получают равное наказание — смерть! Возьмите их и накажите тут же!

Нукеры со смехом поставили одного из дравшихся на голову. Ноги в старых, заплатанных желтых сапогах с длинными острыми каблуками мелькнули в воздухе. Пыхтя и отбиваясь, схваченный кричал, что он не виноват, а виноват Бури, кипчак, сын свиньи и шакала.

Два дюжих монгола прижали пятки наказанного к затылку. Раздался сухой треск. Пронзительный крик оборвался. То же повторилось с другим драчуном, который кричал, что он Бурибай, сын петушиного сторожа Назара-Кяризэка. Еще короткий пронзительный крик, треск, и казненные остались лежать на снегу.

13. ОСТАНОВКА БЛИЗ ИГНАЧ-КРЕСТА

Пишет Хаджи Рахим.

«...Я видел смерть вокруг себя. Копье, меч и стрелы пока меня пощадил. Но я знаю, что острие несчастья продолжает висеть надо мной и поразит в тот миг, когда я менее всего буду ждать его...»

При тусклом свете бледного полумесяца Хаджи Рахим пошел лесной дорогой, где проехали тысячи татар. Конь измолоти снег, ноги скользили и проваливались.

На перекрестке дорог Хаджи Рахим услышал свое имя. Кто-то звал его. Показались четыре всадника. Один держал в поводу его пятнистого Барсика. Это были Арапша и татарские воины.

Арапша сошел с коня, поцеловал руку Хаджи Рахима и провел его по своим глазам.

— Я твой мюрид и не смел оставить тебя в час бедствия. Твой конь скакал без всадника между монгольскими рядами, джихангир заметил и узнал его. Он приказал мне вернуться и разыскать твоё тело. Урусуты, конечно

зарезали бы тебя, если бы ты им попался.

— Урусуты такие же люди, как и мы все, — сказал Хаджи Рахим. — Я помогал раненым урусутам и слушал их погребальные песни. Они не сделали мне зла. Рука судьбы и добрый друг снова вытащили меня из колодца несчастья.

Арапша придержал стремя и помог Хаджи Рахиму сесть на пятнистого Барсика.

Всю ночь и утро монгольское войско продвигалось в направлении богатой северной урусутской столицы Новгорода. Но к полудню итти вперед стало невозможно. Кони постоянно проваливались по брюхо в рыхлый снег. Ростепель обращала еще недавно крепкие дороги в набухшие бурные потоки. Кони падали. Всадники, подымая их, выбивались из сил. Проводники из пленных урусутов говорили, что дальше дорога будет еще хуже, что на пятьдесят дней всякая езда по дорогам прекратится, пока поднявшаяся вода в реках не утечет в море.

Бату-хан был в ярости. Он сам зарубил урусута, который громко смеялся, широко раскрывая рот, при виде провалившихся в болото воинов.

Бату-хан говорил:

— Для смелого и упорного нет преграды. Проводники нарочно завели нас в эти болота, чтобы погубить, но мы будем сильнее и хитрее их. Мы доберемся до славного торговлей Новгорода!

Воины стали громко роптать. На одном перекрестке, где был вкопан высокий, в три человеческих роста, деревянный крест, войско остановилось. Воины сошли с коней, чтобы дать им передышку. Субудай-Багатур посоветовал обратиться к богам-покровителям и призвать шаманку Керинкей-Задан.

Она подъехала на небольшой черной лошади, обросшей за время морозов длинной лохматой шерстью. Увидев Бату-хана, шаманка стала бить в бубен, прыгать в седле и выкрикивать слова молитв и заклинаний.

— Скажи, служительница заоблачных богов, — спросил Бату-хан, — ит-

ти ли мне вперед, будет ли мне в Новгороде удача, или я там погибну? Спроси у небожителей.

Керинкей-Задан, с медвежьей шкурой на плечах и в колпаке с нашитыми птичьими головами, соскочила с коня, крипясь, забегала по кругу и вдруг, в несколько прыжков, бросилась к одинокой высокой сосне, стоявшей на поляне.

— Я поговорю с облаками, посмотрю вдаль! — кричала она. — Боги все знают, боги все скажут!

Шаманка ловко вскарабкалась на верхушку сосны и стала раскачиваться. Сосна постепенно склонялась в сторону. Монголы закричали:

— Берегись! Слезай скорее!

Сосна наклонялась все быстрее и наконец повалилась. Шаманка упала в снег, пробила лед, бывший под ним, и погрузилась в мутную воду. Она барахталась, засасываемая черной вязкой топью.

— Арканы! Бросайте ей арканы! — кричал Субудай-Багатур. Он отстегнул от седельной луки аркан и ловко бросил его левой рукой. Конеч не достал до шаманки. Субудай стал снова намазывать аркан и направил коня ближе к гибнущей Керинкей-Задан. Саврасый осторожно шагал, погружаясь по колено в снег. Субудай снова бросил аркан, и конец его хлестнул шаманку по голове. Она ухватилась за аркан рукой, продолжая погружаться в черную грязь. Конь Субудая сделал еще шаг вперед и вдруг тоже провалился. Субудай, пытаясь соскочить с коня, откинулся назад, но лед трескался, конь быстро опускался, ударял ногами и вязнул еще более.

Монголы завопили:

— Непобедимый тонет! Скорей на помощь!..

Несколько монголов с разных сторон с опаской подошли к тому месту, где тонул старый полководец. Черные арканы мелькнули в воздухе и захлестнули поднятую руку и шею Субудая. Монголы напрягались изо всех сил, таща своего начальника. Арканы натянулись, как струна. Субудай кричал:

— Спаси коня!.. Спасите моего саврасого!..

Монголы выволокли Субудая на дорогу. Его конь провалился по шею, голова, фыркая, еще несколько мгновений подымалась над болотом. Саврасый отчаянно заржал. Голова исчезла. Никаких следов не осталось от двух жертв жадного болота. Только круглый бубен белел на поверхности черного «окна», где скрылась шаманка,

Монголы с трудом удерживали вымазанного грязью Субудая, который порывался броситься к коню и кричал:

— Саврасый! Ты всегда выручал меня из беды! Ты всегда был мудрым советником! Как я останусь без тебя, саврасый! Проклятая урусутская земля!..

Старые монголы, сойдя с коней, обступили тесным кольцом своего начальника и, навалившись, пригнули его к земле.

— Сиди так и больше туда не смотри! Здесь проклятое место! Урусутские черные мангусы искали кровавой жертвы. Они проглотили смелую Керинкей-Задан, они сгубили твоего мудрого неутомимого коня. Здесь мы должны остановиться и повернуть назад. Видишь этот большой деревянный крест? Его урусуты ставят на могилах своих шаманов. Здесь уже погибло немало путников от руки разбойника Игнача, который бросал убитых им в болото... Скажи джихангиру, что не надо нам богатого Новгорода. Повернем назад!.. Другие кони преданно послужат тебе. Выбери любого.

Субудай-Багатур тряхнул плечами, отбросил монголов и встал. Не оглядываясь на болото, он сел на ближайшего коня и подъехал к Бату-хану. Джихангир стоял, держа в поводу своего серого в яблоках жеребца, потемневшего от пота и налипшей грязи, и кормил его коркой черного хлеба.

Субудай-Багатур сошел с коня и сел на корточках у ног Бату-хана. Тысячники стали кругом тесной толпой. Все молчали, жадно прислушиваясь, что решат их начальники. Бату-хан сказал:

— До сих пор не было ничего, что

могло бы удержать меня. Мое войско прошло через пустыни, переплыло многоводный Итиль и другие большие реки. Теперь урусутские злые мангусы хотят погубить всех моих воинов, когда реки разольются и обратят дороги в озера. Я поворачиваю назад. Мы едем отдыхать в Кипчакские степи!

— Назад! В степи! — закричали монголы.

Радостный клич пронесся по всему войску, растянувшемуся по черной разрытой дороге.

14. ОПЯТЬ СТЕПИ!

Пишет Хаджи Рахим:

«Лучшее благо — немедленное! Высшее счастье человека — иметь юрту на родине близ светлого ручья, а кто без конца скитается по чужим странам, тот погибает без снисхождения!..»

Монгольское войско непрерывным, широко разлившимся потоком подвигалось на юг через Кипчакские степи. Солнце раскрыло свои бирюзовые дверцы и, ослепительное и горячее, смотрело с небес на широкую равнину, по которой ехали всадники, довольные и веселые, распевая песни, бесконечные и однообразные, как степные дороги. Вздохмаченные, истощенные кони жадно тянулись к первым зеленым побегам степной травы.

Порывы весеннего ветра доносили аромат вереска и полыни, который сменялся острым запахом тления от вялявшихся повсюду растерзанных звериных трупов.

Отлогие увалы сменялись долинами, где еще белели сугробы тающего снега и поблескивали недолговечные весенние озерки. Над ними носились тучами утки, отливающие серебром лебеди и гуся.

Отряды делали остановки, удаляясь один от другого, выбирая места с лучшими кормами.

Бату-хан потребовал свежих коней. Покорные половецкие ханы пригнали табуны отборных коней и кобылиц. В одном из табунов находился белоснежный жеребец Акчиан, на котором Бату-хан двинулся в поход. Щадя нежного

арабского аргамака, джихангир, после взятия Рязани, поручил половецким ханам беречь его.

Бату-хан пересел на горячего серебряного Акчиана и с охранной сотней «непобедимых» и небольшой свитой поехал вперед к заранее выбранному месту на берегу степной речки.

В долине, окруженной старыми курганами, был поставлен золотисто-желтый шатер. Возле него снова появились шатры семи ханских жен.

Джихангир поочередно заходил в каждый шатер, начиная с самой почтенной старшей жены, Буракчинь. Он оставлял каждой жене подарки, — браслеты, ожерелья, перстни, куски аксамита и шелка. Жены пытались задержать его просьбами, слезами и воплями. Но Бату-хан, не слушая их, дошел до седьмого шатра своей младшей звезды, Отхан-Юлдуз, где пожелал пить кумыс, привезенный кипчакскими ханами.

Около входа в шатер стояли, почтиительно преклонив колени, большой тучный китаец Ли-Тун-По, великий строитель стенобитных орудий, и молодой, нарядный Мусук-тайджи. Китаец был в просторной шелковой одежде, расшитой золотыми драконами, в маленькой синей шапочке с длинным павлиньим пером, сдвинутой на затылок. Молодой брат седьмой звезды блистал алмазами на пестром индийском тюрбане, золотым поясом и кривой дамасской саблей.

Лицо джихангира оставалось невозмутимым, когда он бросил на обоих беглый взгляд.

— Я вызвал тебя, великий строитель Ли-Тун-По. Под охраной вот этого храброго воина и сотни нукеров ты поедешь на реку Итиль, к тому месту, где переправлялось мое войско. Ты проедешь вниз по реке Итиль и осмотришь ее берега. Найди место, где наиболее достойно можно построить мой походный дворец. Я хочу, чтобы к тебе пенкам его могли приставать морские корабли, чтобы с крыши дворца были видны родные степи, чтобы невдалеке зеленела луга с травой, любимой кобылицами. Дворец не должен стоять на открытом месте, где на него могли бы напасть степные разбойники. Поэтому

разыщи остров, омываемый рукавами реки.

— Слушаю и повинуюсь, — отвечал Ли-Тун-По.

— Мой дворец будет сердцем и головой вселенной. Мои приказы, как быстрые стрелы, полетят во все страны. Я буду назначать великих каганов в Каракоруме. Буду сажать своих баскаков в городах покоренных народов. Моей воле подчинятся земли Востока и Запада... Тогда исполнится порученный мне завет великого Чингиз-хана!

— Слушаю и повинуюсь! — повторил Ли-Тун-По.

15. ЦЕНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА

В юрту вошел князь Глеб и окинул всех пытливym взглядом. Бату-хан казался довольным, Субудай-Багатур был менее суров, чем всегда. Князь Глеб согнулся, подполз к Бату-хану, поцеловал перед ним землю. Бату-хан смотрел в сторону. Князь Глеб ждал на коленях.

Наконец Бату-хан взглянул на него: — Что ты хочешь, коназ Галиб?

— Ты великий! Ты щедрый! Помоги своему верному рабу...

— Что тебе нужно? — повторил Бату-хан, поморщившись.

— Слепительный! Я преданно служил тебе во время твоего великого похода. Теперь непобедимое твоё войско возвращается в родные степи...

Князь Глеб замолчал, стараясь взглянуть в неподвижное лицо джихангира.

— О чем же ты просишь?

— Прикажи мне снова служить тебе!

Бату-хан молчал. Князь Глеб продолжал смелее.

— В цветущих твоих степях я тебе не нужен. Но на русской земле я буду тебе очень полезен... Будь милостив! Назначь меня в Рязань твоим баскаком! Вспомни мою преданную службу...

Князь Глеб, ища поддержки, взглянул на Субудай-Багатура. Тот сидел неподвижно, с неприглядным лицом, смотрел на землю немигающим глазом. Юлдуз-Хатун отвернулась.

Бату-хан заговорил:

— Кто предаёт свою родину, тот человек неверный. Ему нельзя верить. Он изменит и господину.

— Я был верен тебе, — с отчаянием воскликнул князь Глеб. — Я оказал тебе важные услуги... Я указал, где находится лагерь князя Георгия...

— Так...

— Вспомни, я сам, добровольно, пришёл к тебе!

— А куда тебе было идти? Урусуты прогнали тебя. Кипчакские степи стали покорны мне.

Князь Глеб уцепился за ноги джихангира. Бату-хан оттолкнул его.

— Ты говоришь — ты служил мне? За это тебе давали золото. А за предательство следует наказывать...

Бату-хан покосился на серое, помертвевшее лицо Глеба.

— Достойный человек не боится смерти...

— Ослепительный! Прости... жаль-ся... — бормотал князь Глеб.

Маленькая дрожащая ручка легла на темную сильную руку Бату-хана.

— Хорошо... живи!

Князь Глеб бросился целовать красные сапоги Бату-хана.

— Уходи! — сказал резко джихангир. — Арапша! Прикажи нукерам увести коназа из лагеря в степь.

— Куда же я пойду! — закричал князь Глеб. — Возьми меня с собою!

Бату-хан отвернулся. Два нукера вытащили отбивавшегося Глеба.¹ Арапша опустил за ним тяжёлый дверной полог.

16. «А РУСЬ-ТО СНОВА СТРОИТСЯ»

В марте в Перуновом бору было безлюдно и тихо. Ратники, ушедшие по призыву рязанского князя, — как доходили слухи, — бились и под Суздалем, и на Берендеевом болоте, и на берегах Сити и Мологи.

Вернутся ли? Вороги немилостивые никого в живых не оставляют...

На месте сгоревших изб разгромлен-

ного татарами погоста остались только глиняные печи и груды черных обугленных обломков. Только несколько крайних к озеру избенок сиротливо прижались друг к другу. Там ютились оставшиеся в живых ребятишки. Их пестовала жена Звяги, ещё более исхудавшая, и две бездомные старухи. Они каждый день проверяли в озере мережи и приносили линей и карасей. Тем все и кормились, да ещё коржиками, спечёнными из мякины и толченой сосновой коры.

Весеннее яркое солнце растопило снега, завалившие вековые леса. Вокруг Перунова бора нельзя было ни пройти, ни проехать, птицы налетали дружными стаями, свистели, перекликались, пестрые дятлы долбили стволы и вскрикивали: «Чок-чок!»

В начале апреля на лодках переехали озеро первые сбегии. Они говорили вполголоса старухам-рыбачкам, точно все ещё боялись, что их услышат татары.

— Много их ещё бродит по дорогам, но, кажись, главная сила их ушла в Дикое поле. Теперь последние отряды их потянулись туда же. А мы хотим к вам пристать. Здесь жито сеять... Не откажите! Тут нам любо: и от больших дорог подальше, и тихо, и рыбка в озере поплескивает... Наши яровые взойдут, и никто нашего хлебушка не отберёт.

Понемногу стали прибывать ещё сбегии. Когда спали весенние воды, подсохли дороги, приплелись с людьми первые кони; заморенные, взъерошенные, они приволокли сохи и бороны.

В Перуновом бору стало весело. Застучали топоры, перекликаясь с малиновками, дятлами и грачами, длинными рядами выросли белые срубы из еловых лесин. Откуда-то прибежали лохматые собаки и тьякали и днем, и ночью.

О татарах было все менее слышно. Мужики судили и рядили, что дальше будет. Все думали, что татары отхлынут в Дикое поле, — как раньше делали половцы, — и назад на Русь не вернуться.

¹ По летописным сведениям князь Глеб долго скитался в половецких степях. К концу жизни он сошел с ума. Дата смерти его неизвестна.

Пришла высокая, худая, как скелет, женщина. Она подталкивала упиравшуюся, такую же отощавшую корову. Бабы покачивали головами, указывая на высохшее вымя, висевшее, как тряпка.

А женщина не унывала:

— Моя кормилица будет! На весенних травах поправится. Я здесь все места знаю, где какая трава растет...

— Разве здешняя?

— А то как же! Вот печь от моей избы. С измалетства я здесь выросла.

— Да ты, поди, Опалениха? — закричала вдова Звяги и выбежала из топы.

Обе женщины, обнявшись, припали к плечу и плакали навзрыд.

— Где твоя краса девалась, Опалениха? — причитывала одна.

Другая всхлипывала:

— А где твой семеюшка? Поди, лежит где-нибудь под ракитой?

Они расспрашивали о всех, ушедших с погоста на ратное дело, но ничего толком не могли рассказать.

— Савелия, говорят, убили на реке Сити, Ваулу видели среди сторонников под Суздаем. Торопка лихим удалцом стал, да и его, поди, уложила татарская стрела.

В мае на погост явился пеший Торопка, целый и невредимый; только он вырос и стал костлявый, — давно не ел. Стал он всех расспрашивать про своих родителей, живы ли они? Где искать следов их?

В тот же день приехал на половецком коне Лихарь-Кудряш. Узнав о гибели Вешнянки, он бросился с коня на землю и долго бился и кричал. Старухи над ним причитывали, отливали водой, а Лихарь твердил:

— Для кого мне теперь жить? Без дочки мир мне стал не мил!..

Потом он долго лежал тихо, точно думал что-то. Встал и спокойно и твердо сказал Торопке, сидевшему рядом на земле:

— Послушай, малец! Вот что я узнал. Татарская сила ушла, но в больших городах остались татарские отряды, — за нашими мужиками присматривать, чтобы мы не ворошились. Новый князь Рязанский, Ингварь Ингва-

ревич, прибыл из Чернигова в Переяславль. Теперь он будет княжить там вместо сожженной Рязани. Он собирает дружину. Я обещал князю привести надежных молодцов.

Кругом стояли ребятишки и, засунув пальцы в рот, дивились на Лихаря, на его половецкие пестрые шаровары и половецкий колпак.

— Видишь, ребята малы. Их еще надо поднять и прокормить. А отцы все в боях полегли. Сперва мы будем с татарами разговоры разговаривать и дружбу вести, как покоренные... А потом... рассчитаемся! Так сам князь Ингварь Ингваревич дружинникам говорил.

— Я пойду с тобой! — решил Торопка.

Оба вскоре покинули Перунов бор.

Они направились просекой и долго слышали, в притихшем перед грозой зеленом бору, как на погосте перестукивали топоры и кричали бабы, укладывая лесины на новые срубы.

Лихарь остановился, указал рукой в сторону Перунова бора, откуда доносился стук топоров, и сказал:

— А Русь-то снова строится!

17. НА ДАЛЕКОЙ РОДИНЕ

Старый Назар-Кяризек уехал из орьги Бату-хана вместе с толпой раненых кипчаков и уйгуров, желавших вернуться на родину. Они поехали обратно той же дорогой, по которой прошел Бату-хан, и через четыре месяца, в начале осени, прибыли в Сыгнак.

Женщины города и окрестных кочевий давно уже стояли на дорогах, ведущих с запада, поджидая своих близких.

Старая Кыз-Тугмас, жена Назара-Кяризека, стояла возле своей юрты вместе с младшим своим сыном Туганом и четырьмя невестками. Они напряженно всматривались в загорелые до черноты лица подъезжающих всадников.

К юрте подошел величественной ханской походкой высокий желтый верблюд, за которым следовали четыре оседланных коня, покрытых коврами. На верблюде важно сидел в кеджавэ неизвестный старик в нарядном парчевом

халате, бобровой круглой шапке и походил на посланника неведомой страны. В руках он держал длинноногого пегаса.

Вдруг Туган воскликнул:

— Да это тату! А братьев нет!

Кыз-Тугмас и ее невестки подняли отчаянные пронзительные крики, от которых сбежались все обитатели кочевья. Всех поразили пустые седла на четырех конях и привязанные сверху кривые мечи сыновей Назара-Кяризека.

Невестки бросились к коням, взяли их под узды и с горьким плачем повели к своим юртам. Кыз-Тугмас упала на сырую землю, скребла ее ногтями и рвала на себе седые волосы.

— Мои сыновья! Где мои сыновья? Кто мне их вернет?

Назар-Кяризек опустился на землю и торжественно сказал жене:

— Да живет твоя сереброкудрая голова после твоих четырех сыновей-удальцов! — и старик закрыл глаза шарчевым рукавом.

Вдруг Кыз-Тугмас приподнялась и спросила:

— А где мой сын Мусук? Ты слышал ли о нем?

Назар-Кяризек молчал, сдвинув брови, точно что-то вспоминая. Затем он

провел рукой по седой бороде и сказал важно:

— Имя Мусуку я дал, а долгую жизнь пусть ему даст аллах! Джихангир назначил его начальником сотни, которая должна охранять великого строителя ханского дворца Ли-Тун-Ю.

Подождали соседи, подняли Кыз-Тугмас и отнесли в юрту. Они старались утешить ее, как могли, пели жалобные песни, рвали на себе одежды и царапали щеки, оплакивая четырех кипчакских удальцов-батыров: Демира, Бурибала, Янтака и Клыч-Нияза, погибших в великом походе на Запад.

— А где твоя священная добыча? — спрашивали соседи Назар-Кяризека.

— Моя добыча? Да... где она? Вот хан Баяндер имеет теперь много новых рабов, и они ведут большой караван верблюдов, нагруженных священной добычей... А я... ведь я не хан!

Вечером, после плова (в котором был сварен длинноногий будильный петух), Назар-Кяризек сидел на конской попоне у двери старой юрты. Вокруг теснились кипчаки и жадно слушали рассказ Назара-Кяризека о диковинных народах, живущих за многоводной рекой Итиль, покоренных смелым молодым полководцем Бату-ханом, сыном Джучи, внуком «Священного Воителя» великого Чингиз-хана.

★

Выписка из «Путевых заметок» Хаджи Рахима:

«...Возвращением в Кипчакские степи закончился поход великого джихангира Бату-хана для завоевания земель болгар, урусутов, буртасов и других северных народов.

Много монгольской крови пролилось и на пашнях урусутов, и в их дремучих лесах, и в Кипчакских привольных степях... А еще более пролилось крови мирных народов, и всё это делалось для величия и ужаса монгольского имени...

Но этим не ограничились грозные замыслы молодого полководца, внука Чингиза. Пробыв два года в Кипчакских степях и поправив истощенных походом монгольских коней, Бату-хан со своей огромной армией предпринял новое, еще более потрясающее нашествие на Запад, — сперва на златоверхий урусутский город Кивамень, а затем дальше, на вечерние страны, принеся им ужас и смятение.

Однако обо всем этом мною написано в другой книге, к которой я отсылаю любознательного читателя.»

Поэма фронта

С. КИРСАНОВ

★

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— В атаку, слышите, — в атаку!
— Товарищ, Родина зовет!
Встает боец навстречу танку
вот — вздулся дым, вот — зататакал
на правом фланге пулемет.
Взвизгнула пуля, степь вздохнула
оханьем гаубичного гула.
На крест, на щель в броне, на лязг
гусениц, на мутный глаз
гитлеровца — навстречу танку!
Крупная очередь. Ожог.
Пропитывает кровь портянку,
но к цели, к щели. Взмах, бросок
на Гитлера! На эту гидру
сиреневым холодным литром
замахивается рука
бойца стрелкового полка.
Орудья вытянутым пальцем
грозит крестообразный знак,
прет бронированный слизняк
с предупреждением: — Achtung,
Panzer!*
За крепостью железных лат —
гудериановский солдат
лавочник в прошлом — Людвиг Мейер,
без каски, в масле и поту
из пулемета, по кусту
разбрызгивает медный веер.
Раскрыл солоноватый рот
с выбитым зубом. Выжал газу
и видит страшный разворот
руки с бутылкой. В угол глазу
плеснуло красным. Корпус весь

лижет термическая смесь.
И обгорелый рот разинув,
рукой отгалкивая огонь,
вдыхает жженую резину
и собственного мяса вонь.
Лопнула сталь. Ни поворота!
Внутри взрывается снаряд,
в железных судорогах гад
сдыхает с огненную рвотой.

Василий знал, что каждый шаг
последним может стать. Василий
не думал даже, что осилит
чудовище в один размах.
— Не я, — он мыслил, — так другой
прикончит гадину стальную.
Но я начну своей рукой.
Не пулю подцепить шальную, —
а смелым подвигом в бою
облагородить смерть свою!
Эх, брат, война... У Волги — домик,
след парохода по реке
и, как стихов любимых томик,
ее ладонь в его руке.
Но вот — оборвана весна,
и неотступная, как Волга,
его на Запад понесла
решительная сила долга.
Вот поединок: он и танк,
бутылка, летящая с размаха!
Он слышал, говорилось так:
«Большевики не знают страха».
Так Озаренок говорил,
и он пошел, он повторил.

Да, если скажет Озаренок,
надежный друг, наш политрук —

* «Внимание, танки!» — название книги немецкого генерала Гудериана.

все проясняется вокруг,
 слова не вырвутся из рук,
 их помнишь ночью и спросонок.
 На марше, поступь торопя,
 их повторяешь, повторяешь,
 в часы опасности — себя
 по комиссару поверяешь.
 В словах особенного нет,
 в многотиражках пишут вроде,
 а скажет комиссар, и входит
 ну, прямо в душу теплый свет.
 Вот — Родина. Он это слово
 сказал за месяц раза два.
 А сердце к подвигу готово —
 такие у него слова.

И вот стоишь перед громадой,
 бомбежка и прямой обстрел,
 кидаешь эту штуку в гада,
 а самому всего лишь надо,
 чтоб Озаренок посмотрел.
 Чтоб увидал, полюбовался:
 — Да о тебе ж нужны стихи!
 Что? С пулей, брат, поцеловался?
 Щипнула малость? Пустяки!
 Сам перевяжет, сам попросит:
 — Приляг подальше от пальбы...

В двух километрах лес. У просек
 видны приплюснутые лбы,
 башен бесцветные горбы.
 Сожженным полем — танков сорок,
 ломаю брусья и кусты,
 ползут. И черные кресты,
 на русских золотых просторах,
 на серых рывинах дорог
 взрастают, как чертополох,
 как перекасти-поле, мчатся...
 Как удержать? Какой ценой?
 Какой нам вырасти стеной —
 не дать прорваться к домочадцам!?
 Растут шипастые кресты,
 переползают на мосты,
 и что одной руки усилье?
 Назад, назад ползет Василий
 в тыл, в брод, к оврагу за рекой.
 Какой их удержать рукой?
 Себя стыдясь, он отступает,
 земля от взрыва обсыпает
 его кровавые глаза...
 О, комиссар, назад нельзя,
 эх, если б нам полсотни танков —
 мы в рост пошли бы, рядом, в цепь,
 мы бы покрыли эту степь
 крошевом гитлеровских останков!

Мы отступили и опять
 отходим медленно и хмуρο,
 и прет, и прет железо Рура,
 нас вынуждая отступать.
 Где слово жгущее «Вперед»?
 Когда же время повернет
 на Запад наши эшелоны?
 Когда же русские шелома
 украсит новой славы лавр?
 Когда ж, знамена разостлав
 по ветру, на врагов кровавых
 помчатся танковые лавы?
 Когда ж пойдет Урал на Рур,
 Магнитогорск на черный Эссен?
 Когда же в золотом бору
 грянет баян победных песен?
 Когда ж, товарищ комиссар,
 уймется горестный пожар
 жилищ советских разоренных?..

О, много думал Озаренок,
 смотрел, читал в глазах бойцов,
 искал слова из тысяч слов,
 искал в стихах и в «Окнах РОСТА»,
 в «Звезде» и в «Правде» и в себе,
 да пафос был не по судьбе,
 и выходило только просто:
 — Жив Сталин, и жива Москва.
 Держись, победа нашей будет!
 И кто слышал его слова,
 кто понял их, тот не забудет.
 Так было летом. Пожелтели
 леса, и листья облетели.
 За Волгу возят поезда
 заводы, семьи, города...
 Новое зданье школы. Парта.
 Глубокий тыл. Таблицы. Мел.
 Перед курсантом юным — карта,
 пронзенная каскадом стрел.
 Союз огромный и глубокий:
 вот сверху — Север белобокий,
 внизу — красно-зеленый Юг,
 направо, как памирский луг,
 подставленный ветрам и зною,
 Восток с пустынной желтизною,
 налево — Запад. Это фронт,
 пробитый копьями прорывов
 от хмурых мурманских ворот
 до Киркинитского залива.
 И три стрелы устремлены
 в три важных сектора страны.
 Изрыта градусная сетка,
 вонзились армии в тылы,
 в три наши сердца — три стрельы

по плану Гофмана и Секта.
 Ежи, эскарпы, мины, ров,
 тьма все черней, свет — непривычной,
 скрещения прожекторов,
 ночь над Москвою фантастичней
 уэльсовской «Борьбы Миров».
 А тут — спокойная сторонка
 в провинциальнейшем тылу.
 Полковник — сына Озаренка
 зовет к столу.

Другая карта:

пункт А, высота 45.
 Задача роте — наступать
 к поселку им. 8 марта.
 Сыпучим мелом на доске
 план боя курсант отмечает:
 — Взвод на рубеж, резерв в леске, —
 по-командирски отвечает, —
 потом вперед и до конца!
 Полковник: — Точно. Сын в отца.
 Ответил верно и понятно.
 Достоин званья лейтенанта.
 Так. Поднимай передний край,
 ура, в штыки без разговоров,
 коли, гони, не упускай, —
 как сказывал старик Суворов.
 Я думаю, друзья мои, —
 отличника поздравить надо.
 Вам есть письмо из армии
 от Озаренка. Вот — награда
 за труд, за знанья, за талант.
 Класс поднялся. Простые лица,
 у всех — по кубуку в петлицах,
 волнуясь, держит лейтенант
 письмо из грохота сраженья.
 В углу читает:

«Здравствуй, Женя,

я жив, здоров, бог даст и впредь.
 Надеюсь вскоре отпереть
 ворота к городу родному
 и написать письмо из дому.
 Конечно, город надо взять.
 ведь там, сынок, осталась мать.
 Жива ли? Думаю, едва ли...
 Нет, верно, прячется в подвале
 или в чердачном этаже.
 А я соскучился уже
 по пирогам семейным нашим,
 по щам добротным, предомашним!
 Вот победим, устроим пир,
 как говорится, на весь мир.
 Уж я-то пирогов наемся,
 как перепрыгну через немца.

А впрочем, суть не в пирогах.
 Война серьезная — не шутки!
 Но знаешь, Женя, бить врага
 никак нельзя без прибаутки.
 Только на фронте — жизнь мила.
 Ребятушки, не провороньте!
 Сегодня жизнь — в бою, на фронте,
 а будут — крепкие дела...»
 А сын-то знает, думал, видел,
 отец смекалкой не обидел,
 и невтерпеж держать мелки,
 скорей бы кончить срок учебы!
 Стоят от Сунгари до Оби
 нетерпеливые полки.
 Неисчислимы резервы
 обучены и не стары!
 Прикрыты пушечные зевы
 тугим брезентом до поры.
 Учебная стрельба. Уралец
 к железу прижимает палец.
 Его внимательный зрачок,
 как ворошиловский значок.
 Калмыцкий всадник по курганам
 несется на степном коне,
 чтоб немца протащить арканом
 по ошетиленной стерне.
 И новую добычу выбрав
 из чащ таежных и болот,
 спешат охотники на тигров
 сменить бердан на пулемет.
 И любо, можно заглядеться,
 как броневойные младенцы
 в зарядных люльках возлежат,
 эх, грянет час — как завижат!
 Так берег моря ждет прилива,
 как мы — на бранные поля,
 так ветра ждет нетерпеливо
 отважный парус корабля.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В ноябрьском небе плавал вой
 ноющий, нудный, надоедный,
 в рокоте хриплом отзвук медный
 в трех километрах над Москвой.
 Ищет Могэс крылатый боров,
 в кабине асса — блеск приборов,
 в искателе плывут дома,
 подернутые синей тучей,
 контрастная мигает мгла
 при блеске молнии падучей.
 Асс ловит землю в объектив,
 перчаткой ручку обхватив.
 Вот — заданный к бомбежке сектор,

дугой — блестящая река.
 А вверх, как белая рука,
 протягивается прожектор.
 — Zum Teufel! * 200 килограмм!
 Свист и далекий гул разряда.
 Плывет к подлунным берегам
 Шмутц — летчик первого разряда.
 Он рад, что сброшен полный груз,
 к девочкам заберется завтра
 убийца живописных муз
 на круглом потолке театра.
 Теперь и выплыть нипочем!
 Но луч встречается с лучом,
 и цокот раздается быстрый,
 и по лучу цветные искры
 бегут в исчерченную ночь...
 Скорей, скорей из света прочь!
 Но водят, как жука на нитке,
 его — жестокие лучи,
 и, хлопая, пекут зенитки
 московской кухни калачи.
 — А калачи-то горячи! —
 как говорит зенитчик Хромов,
 а Хромов зорок и хитер,
 он посылает гром за громом
 в белесоватый метеор.
 Поправка — ниже, выше. Точно!
 Взрыв. Дым. Дыра. Багровый хвост.
 И на окраине восточной
 лежит завоеватель звезд...

«Завоеватель!» Где твой панцырь?
 Где твой наивный амулет?
 Что? Мы — туземцы? Вы — испанцы
 кровавых кортесовых лет? **
 Понастращали воем бомбы?
 Оркестром треска и пальбы?
 Что, испугались вашей помпы
 намеченные вам в рабы?
 Пиратской не вернуть старинки,
 и мы не голенькие инки,
 которых запугает гром,
 что от пузатой кулеврины ***
 бежали с медным топором!
 Наш город был пушкарь старинный,
 немало брошено мечей
 от добрых ядер москвичей!
 Немало пало басурманов,

* К чорту!

** Испанец Кортес — жестокий завоеватель Мексики. Беспощадно истреблял туземное население — инков, устрашая их огнестрельным оружием.

*** Кулеврина — старинная пушка.

ландскнехтов, рыцарей и ханов!
 Эй, ядра подавай скорей,
 обтачивай снаряды снова,
 мастер завода номерного —
 потомок русских пушкарей!

Над городом встает рассвет
 оратором зари с подмостков.
 Враг приближается к Москве,
 рыча по радио: — Nach Moskau!
 Все реже проезжали зисы
 в те дни через Охотный Ряд,
 все чаще танки утром сизым
 прогрохатывали подряд.

В Кремле. Огромный, темный глобус.
 Ленин — за рамою, в стекле.
 Московская большая область,
 распластанная на столе.
 Цветные укреплений дуги.
 Флажки частей. Резервы. Тыл.
 Весь фронт, гудящий от натуги
 напора гитлеровских сил.
 Врагу не терпится — сторицей
 он думает пожать плоды
 за грязные свои труды —
 в еще таинственной столице.
 В бинокли смотрят свысока,
 подвозят танки для нажима,
 но, как гигантская пружина,
 отталкивает их Москва.
 Напрасно ждете! Клещи прочь
 от комнаты в Кремле! За этой
 широкой картой — день и ночь
 трудится Сталин над победой.
 Он тут — все армии ведя,
 для нас, для сыновей, для внуков,
 и напряженно смотрит Жуков
 на карандаш в руке вождя.
 О, сорок первый грозный год!
 На подписи приказ — к походу!
 чтоб слово русское «Вперед»
 вручить советскому народу.

Взошло седьмое ноября,
 над героической Москвою.
 Алеет знамя войсковое
 под влажным ливнем серебра.
 Войска построились в квадраты,
 недвижны серые отряды,
 ноябрьская сырая мгла
 на башню Спасскую легла.
 Часов Кремлевских звон знакомый,

на мавзолей взошли наркомы.
Величественно ждет Москва.
Вдруг вздрогнули войска, как дюны
от ветра в десять баллов. Гул...

На мрамор ленинской трибуны
поднялся Сталин. Он взглянул
на каждого. Он всех заметил
в отдельности. На каждый взгляд
бойцов, построившихся в ряд,
глазами вещими ответил.
Заговорил. И по тому,
как начал речь, как руку поднял, —
внезапно Озаренок понял:
вождь обращается к нему.
К нему, к простому человеку,
к солдату партии. К нему.
К коммунистическому веку
и к человечеству всему.
К бойцам, к любому гражданину,
к Стране, и все-таки к нему,
к политруку, и дальше, к сыну,
к жене в захваченном доме.
В словах спокойных и свободных
обрел он истину, что он —
сын Сталина. Что он на подвиг
бессмертным словом осенен.

Вперед! — приказ военкоматам
поднять уральские полки,
расставить грозные силки,
штыком вогнать германца в холод!
Клещами стали Серп и Молот
впиваться в черный Гакенрейц,*
и грозной катапульты рейс
прогрохотал по Подмосквью,
и первый снег смешался с кровью.
И грянул бой — во всей красе!
Пошла жестокая охота,
дрожат на Дмитровском шоссе
чудища Гюпнера и Гоота.
Дрожат в сугробинах до пят,
над ними — в мутный снегопад —
чуть-чуть не прикасаясь к роде,
мчит штурмовой бомбардировщик.
Сюда, каратели, сюда,
к началу грозových событий,
начни день Страшного Суда,
советский Ангел-Истребитель!

Гул батарей, харканье мин...
А ну, по немцам хорошенько!

*Немецкое название свастики.

Сжимают люди Лелюшенко
зияющий, горящий Клин.
Волжане — рядом с москвичами,
кавалерийскими мечами
немало сбросили голов,
и в бурке с острыми плечами
несется к Западу Белов.
Отнять немецкие присоски
от чистой истринской воды,
в разгром эс-эсовской орды
в погоню мчится Рокоссовский.
Какая сила полегла!
Не выволочишь, немец, ногу!
От их стального барахла,
знай, разгораживай дорогу!
За домом дом, за пядью пядь,
по трупам пушек, танков, раций, —
о, любят наши наступать,
бесстрашно в будущее рваться.
Вот это — русской жизни дух!
Всю боль терпения изведав,
ждать, ждать и приподняться вдруг,
и бить, как наш геройский друг
Азербайджана сын — Мамедов.

Очнулись зимние леса,
равнины снежного покоя.
Идут бойцы. Горят глаза.
А шуточки, а голоса,
а настроение какое!
Бойцы, вы те или не те?
Мороз, а в душах потепленье.
Приплясывают в темноте.
Как не плясать? — мы — в наступленье!
Не спал пять суток — хорошо!
Две ночи шли, есть не хотели!
Что значат вихри и метели?
А кожухи — они не те ли,
о коих в мирные недели
еще говаривал Хрущев?

А воротник? А крепкий шов?
А рукавицы? А ушанки?
А новорожденные танки?
А смелых лыжников отряд
по снеговому океану?
А шоколадный концентрат, —
скажи спасибо Микояну.
А партизаны? А моряки?
А медицинские девчата?
А молодежь? А старики?
Край нашей силы непочтуй!
А хлеба добрый килограмм?
А наши русские сто грамм?

А письма? — выдавай скорей,
 «сержант, почтарь голубоокий,
 от наших жен и матерей
 благословляющие строки.

О, лирика, с ребячьих лет
 тобой я вскормлен и воспитан.
 Мой стих в сраженьях не испытан
 и в латы боя не одет.

Любимая заглянет в это,
 подержит рукопись в руке,
 меня увидит вдалеке.

Да, отступленья от сюжета
 люблю я в пушкинской строке.

Но — «отступленья» — это слово
 невыносимо слушать мне,
 стих наступательный, суровый
 я прокалил в другом огне.

Прости, что не услышишь пеня
 в четверостишиях моих —
 хотел бы я назвать свой стих:
 «Эпическое наступленье!»

Уже январь, и образ твой
 живет в избушке фронтовой
 на кратком отдыхе похода.

И я показываю фото
 с прекрасным профилем твоим
 друзьям, товарищам моим.

Бойцы для новых грозных гонок
 по-зимнему снаряжены.

Вот так — в землянке — Озаренок.

Он держит карточку жены.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

С тех пор, как немцы взяли Энск,
 прошло полгода. Опустели
 квартиры. Вымерзли постели.

Незрячих окон мутный блеск,
 непохороненные трупы
 и недымящиеся трубы.

Успели выехать не все,
 в часы поспешного отхода
 немецкая мотопехота

сумела захватить шоссе.

И жители хлебнули горя,
 голода, каторжных работ.

На каждом доме и заборе
 висел немецкий *Aufgebot*,*

в котором все каралось смертью —
 «сокрытие лиц в кругу семьи;
 хождение после восьми

по городу и по предместью;
 утайка жира и муки,
 овчины, валенок и риса;
 непоклонение арийцам;
 неподнимание руки...»
 Кто знал тевтонскую закваску,
 солдатчины немецкой муть, —
 рогатую завидев каску,
 старался за угол свернуть.

Хохот и крик. Окрик и выстрел.
 Резиною по голове.

А в наглом обер-бургмистре
 с повязкою на рукаве —
 все узнавали Фомку Львова,
 громилу, хама, минус шесть
 и спекулянта матерого.

Под новый год взорвалась месть
 гранатой в помещеньи штаба...
 Шел шопот, что простая баба
 бревномхватила по лицу
 упившегося шнапсом шваба:
 — Умру, не дамся подлецу!..

Кто не допрошен? Кто не порот?
 Кому — пощада? Никому.

Немцы спланировали город,
 как гетто рабства, как тюрьму.

Все траурнее, все печальней
 людей полуубитых быт.

Где Миша Павлов — завчיתהй?

Штыком исколотый, убит...

Где Роза Беккер, запевала

веселых клубных вечеров?

Навек в земле заночевала

закопанная в общий ров...

Где старый мастер Петр Ионыч

с пятого года большевик?

Убит в рождественскую полночь,

к сугробу снежному приник...

Где секретарь райкома Валя?

Истерзана. Мертва. В подвале...

Где нашей молодежи цвет —
 пять смельчаков, пять комсомольцев,

Варя Хохлова, Митя Гольцев,

Кульчицкий, Панин, Пересвет?

К пяти столбам — пять мерзлых петель
 привязаны. Не обойти!

И день, и ночь качает ветер
 тела повешенных пяти.

Над серой каской часового
 два месяца они висят.

Но люди помнят, как Хохлова

* Объявление.

катам в лицо швырнула слово:
— Мы не умрем! Нас воскресят!
Еще сидит в управском кресле
наместник Эрих Бергеншней, —
но вы уже в сердцах воскресли,
о дети родины своей!
В листьях, метелицей несомых,
в глазах, набухших солью слез,
бессмертье ваше разрослось —
родных, любимых, незнакомых...

Уродливый двойной червяк
все извивается на флаге.
Пустырь. Заснеженный овраг.
В колючей проволоке лагерь
военнопленных. Это ад
болячек, язв и насекомых.
Не люди — призраки стоят,
но их выстраивают в ряд,
по снегу гонят босиком их
копать, тащить руками лес
и падать «при попытке к бегству»
под хохот белокурых бестий —
юнцов с нашивками «SS».
Есть в Энске деревянный дом,
два немца поселились в нем.
Подъехали и сразу в клеть —
не спрятался ли где куренок,
капуста и другая снедь?..
Решила все перетерпеть
Марья Петровна Озаренок.
Она была убеждена,
что час пробьет и Бергеншнею,
что выстоит, дождется дня,
и воин-муж придет за нею.
Два немца в горницу вошли,
ткнув автомат в лицо хозяйки,
залопотали: — Курки, яйца
ты закопала? Мы нашли!
На стол — мешки и автоматы.
Один имел плаксивый альт,
взглянула: — Fur Liebe du bist alt!
(Что значит — «для любви стара ты».)
Aber fur Küche du bist gut!
(То-есть — «для кухни ты пригодна».)
Also, мы остаемся тут.
Делай нам комната свободна.
Как загрязнили немцы дом!
Окурки в кресла рассовали,
обои сплошь изрисовали
порнографическим бабьем,
и в первые же две недели
все кофты Марьины надели.
— Стирай! Жги утюгами вшей.

О, холод... Рукавицы шей!
С морозов первых окосели,
сломали шкаф, сожгли дотла
и даже крошки со стола,
не говоря о прочем, съели.

Второй был толст, хрипат и весел,
он в детстве трех котов повесил
и распевал угрюмый гимн,
что педераст и кот Хорст Вессель
дал сограбителям своим.
А Ганс, слюнявый рот ослабив,
ей объяснял «Закон Судьбы»:
— Ты понимаешь? Славен — склавен.
(То-есть — славяне суть рабы.)
И сядет, согреваясь лампой,
вещать, пока не рассветло.
Он так напичкан был «Майн Кампфом»,
что гнилью изо рта несло.

В руке подбрасывая гирию,
ботинки взгромоздив на стол —
Ганс Кюммель — панораму мира
по Гитлеру воспроизвел.
Как садистически утончен
безумцем вымышленный рай,
где класс господ из чистых дойчев
«организует» русский край.
Где мы не люди — унтерменши,
что значит — человека меньше.
Венец чудовищных идей —
где отделят мужчин от женщин,
нас — будущих «полулюдей».
Как это выдумала нечисть!
Тавром — свободных проклеить,
засунуть в гетто, онемечить,
мыслящих — онечеловечить,
нас, говорящих, — онемить!
Кровь человеческая стынет!
Позор, Германия, позор!
К какой тебя привел пустыне
твой истерический позор!
Как вынесла в своей утробе
ты, мать немецкая, его?
Какой нечистый в темной колбе
родил гомункула сего?
Создатель Вертера! Строитель
собора Кельнского! Творец
третьей симфонии! — Смотрите,
проснитесь, встаньте, отстраните
его от мира, наконец!

Однажды утром Ганс и Вилли
еду искали. Крошки нет!

Все перебрали, перерыли,
вкось отодвинули буфет.
Гнусавый гитлеровский рыцарь
привык в чужих комодах рыться.
Все пригодится — туфли, шелк, —
«трофеи русского похода».
Нырнул рукой — ага, нашел
под книгой в ящике комода
две фотографии. Одна
изображала комиссара.
На глянце фото-полотна
рука прилежно написала:
«Любимой Маше». Твердый рот
с выпуклой русской упряжкой.
А подбородок бритой ямкой
немного выдвинут вперед.
В глазах природный юморок
добрейшей хитростью теплится.
Виска седого уголок,
знаки различия в петлицах.
Другая карточка. На ней
с фамильной ямкой Евгений.
Он горд, что в форме, что военный.
Почти отец, но поюней.
Косясь, рассматривает Кюммель:
— Сюрприз! Фамильный сувенир!
Муж — комиссар, сын — командир.
Большевики, — я знал, я думал.
Хозяйка — кнопки! Стань к стене,
перевернись лицом ко мне!
Ганс карточки к стене прикнутил:
— Nun heute rot, morgen tot!
(«Сегодня красен — завтра мертв!»),
засунул сигарету в рот,
по парабеллumu похлопал
и оттянул, и пулю в ствол,
и отошел, и стал за стол...
Сопя, на содранной гардине,
нахрипывает Вилли туш.
Налево — сын, направо — муж
и женщина — посередине.

Но Ганс неважным был стрелком,
два выстрела — «за молоком»,
не задевают сына пули,
на метр от карточки махнули.
— Рука дрожала. Обопрись.
Хайль Гитлер! Защищайся, русс!
С лицом спокойным, строгим, белым
стоит недвижная она.
Ганс подымает парабеллум.
Так. В муже дырочка видна.
Но Кюммель был неважный снайпер,
и кровь на карточке свежа.

Молча сползает Марья на пол,
пробитое плечо держа.
Переборолла боль. Застыла.
Ни стона — перед палачом.
Как будто мужа заслонила
своей рукой, своим плечом...

Они «не любят» крови. — Съедем.
Прислуги нет, дыпленок съеден,
комоды и лари пусты.
Собрав добро, ушли хлюсты.
...А Машу удалось соседям
в деревню тайно увезти.
Затянут зимним барцецом
край золотого горизонта.
Бойцы Калининского фронта,
постройтесь к Западу лицом!
Проверьте каждую винтовку,
и к мести — каждый будь готов!
Сюда, на рекогносцировку
приехал генерал Конев.
Он шел от поля к перелеску
и посетил КП полка.
Маршрут отметил — лес, река,
и отдал приказанье: — К Энску!

Прозрачен воздух. Полдень чист.
Снежок под валенками звонок.
О, как взволнован Озаренок,
в тулупе, розов и плечист.
Он разрумянен ветром свежим,
поет с собой наедине.
ТТ, планшетка на ремне,
и автомат на грудь подвешен.
Давно он волновался так:
однажды, — в партию вступая,
теперь взволнован в дни атак,
к родному дому наступая.
Так, значит, двинулись домой?
Живи, дойди, товарищ мой.
Счастливый путь, недолго ждать,
вперед, отряд непобедимых!
Как радостно освобождать
своих родных, своих любимых!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Четыре дня идут бои.
Снега — по грудь, и ветер нижний
на чистые прямые лыжни
наводит новые слои.
Стужа свирепствует, грызется,
пушистый вырастает сад,
и по бокам седого солнца

два стража радужных стоят.
И не видать в студеной дымке,
как по слепящей целине
за белым садом, в стороне
идут на лыжах невидимки.
Ветвистый ледяной кристалл
поднял бриллиантовые грани,
засеребрил, зафилигранил,
к ресницам лыжника пристал
и в стекла, за листву герани
пустил хрустальные ростки...

Мороз зажал врага в тиски.
Была особенно упорной
борьба за станцию Пески,
за пункт противника пристал.
У башенки видны столбы
с проводкой спутаной, обвисшей,
и паровоз — вот там — повыше,
застыл, поднявшись на дыбы.
Там немец, как репей, вцепился
шипами черного креста
в жилые, теплые места,
и в русских печках укрепился.
К березовым дровам, к золе,
к дымящейся чужой земле
с отчаяньем, с предсмертной силой
прилип готический репей,
страшась тоски невыносимой
русских, таинственных степей.
Где бархат мюнхенских гостиних?
Где кафель гамбургских пивных?
Где «Gott mit uns» и «Liebe dich»?*
Россия караулит их
в снегах карающих, пустынных.
И к пепелищам враг прирос —
только б не выйти на мороз!
Ночью накапливалась рота
за насыпью у поворота
запасных рельс на магистраль.
Расчеты засекали точки,
чтоб на врага обрушить сталь
московской, яростной отбочки.
К селу Калинки подвезен
резервный артдивизион,
чтоб нарастал порыв отрядов
под крышей гулкою снарядов,
под марш тяжелого огня.
И в первый сизый проблеск дня,
в морозную сирень расцвета
взвилась багряная ракета
атаки. Станция Пески
захаркала, залопотала,
в сугроб зашлепали куски

метеоритного металла.
И Митя Говорков поник,
кровь потекла за воротник,
но приподнялся Федор Зоркий
со шпагинской скороговоркой,
и сзади гаркнул русский Див,
и сверху свист его разнесся,
а впереди уже разорся
мгновенным деревом разрыв.
Взлетели к тучам клочья дота,
и в ярком опереньи дня
пошла совместная работа
отваги, хитрости, огня.
Вмешалось небо! Из-за леса
компактны и невелики
вылетели штурмовики
с семьей свистящего железа.

В солнечной радужной пыли
со стороны Песков — ракета!
А Озаренок знает — это
в тыл немцам лыжники зашли.
Вот пункт сраженья поворотный —
пора броска. Ползет связной:
— Товарищ начальник! Ранен ротный.
— Где? — Там, товарищ, за сосной.
И в стане сосен, озаренных
голубизною неземной —
подымается Озаренок,
оборачивается Озаренок:
— Вперед, товарищи, за мной!
На щеках вдохновенья пятна.
В прорыв, на укрепленный стык!
За Сталина! В грудь оккупанта!
За родину! — Железный штык!
Миг подвига. Сознание долга.
В дом, в дым, в стреляющую печь!
В шипящем щелканьи осколков
он пробежал и помнил только:
поднять товарищей, увлечь.
Примером поднятые смелым,
стали бойцы единым целым,
а Озаренок — их душой,
в бой увлекающей, большой!
На кровожадных, злобных, подлых
гранату — со всего швырка!
Свершающая светлый подвиг
гори, душа большевика!

Воздух — в артиллерийском марше.
Дальше — за первый поворот.
Мина — рванула пальцы. Дальше.
Пуля — вошла в плечо. Вперед!
Точка — на водокачке снята.

* «С нами бог», «Люблю тебя».

Унтер — с гранатой у двора.
 В немца — струя из автомата.
 Выкрик: — Товарищи, ура!
 Взрыва — осатанелый хаос.
 Вспышка! — поволоклась нога...
 Но — полулежа, задыхаясь,
 он видит — наши жмут врага.
 Уже на стыках, рельсах, стрелках,
 уже два немца — руки вверх.
 К селу отходит перестрелка,
 и гаснет минный фейерверк.
 И с вышки старого вокзала
 поспешная рука сорвала
 флаг с черной свастикой. Бойцы
 отводят пленных, входят в избы...
 На радугу хрустальной призмы
 закат наводит багрецы.

Ночь синий свиток исписала.
 Звезда над лесом ворожит.
 Василий ищет комиссара:
 — Что с Озаренком? Он лежит?
 Он тяжело ранен? Смутный, бледный.
 Костра ночного отсвет медный
 на лбу откинута дрожит.
 — Вы ранены! — Не отвечает.
 Его глаза не отличают
 огня от полной темноты.
 Вдруг Озаренок шепчет: — Ты? —
 сжатыми синими устами.
 Сюда, к носилкам, на костер,
 о, сколько б кинулось сестер
 отгородить его бинтами
 от гибели! На тихий стон
 врач прибегает к лазарету.
 Он сердце б вынул, как тампон —
 закрыть, зайдодить рану эту!
 О, сколько б вытянуло рук
 коралловую кровь артерий,
 заполнить до краев потерю, —
 твою, товарищ политрук!

Но поздно. Холодно и звездно.
 Золото искр в золе костра.
 Нить пульса держит медсестра.
 Созвездья ежатся на соснах.
 Грелки в ногах. Камфарный спирт.
 Закрыв глаза, он полуспит.
 Предсмертный круг воображенья
 к прошедшим дням вернул его.
 Он держит сына своего
 за маленькую ручку. Женя
 впервые произносит «бя»...
 Какой похожий подбородок!

Эх, смастерю бумажных лодок,
 сынишка милый, для тебя.
 Глаза мигающих созвездий...
 Сын тихо плачет в стороне:
 — Не умирай, мы будем вместе
 с тобою, папа, на войне...
 Кто шепчет исподволь: — Ванюша...
 — Ты это? Маша? — Больно мне,
 не уходи, ты мой, ты нужен,
 я двадцать лет с любимым мужем
 бок-о-бок шла... Живи еще! —
 Лицо припало на плечо.

Враг окружен. Враг в Энке заперт.
 Колонна движется на Запад,
 протаптывая в город путь.
 Теперь — с дороги не свернуть!
 Видны обугленные стены.
 Идет дивизия, с собой
 перенося из боя в бой
 носилки с телом драгоценным.
 Под вой метели часовой,
 пока сражение бушует,
 стоит над койкой дорогой,
 винтовку обхватив рукой,
 и думу думает большую
 о комиссаре. Каждый час
 сменяется у тела бденье,
 и часовой идет в сраженье,
 сжав зубы и ожесточась.
 И новый человек подходит
 из дыма боя. Строгих глаз
 с лица любимого не сводит.
 Он помнит боевой приказ,
 святыню данного зарока:
 взять город Энск. Пройти. Пробыть
 узлы врага. Похоронить
 в земле родимой Озаренка.
 Прикрытый знаменем полка,
 он тихо спит. Не может тленье
 к нему притронуться, пока
 не завершилось наступленье.
 В девическом кругу берез
 он спит, как приговор германцу.
 И не дает бледнеть румянцу
 наш чудодейственный мороз.

Так под бомбежкой и обстрелом
 идет отряд передовой,
 несут бойцы из боя в бой
 носилки с драгоценным телом.
 Усталость прибавляет сил,
 путь от пожара до пожара.
 Но каждый знал: — И я носил,

и я стоял у комиссара.
И я смотрел в лицо его,
и душу клятвою наполнил,
и я — часть долга своего
перед отечеством исполнил.
Так думал каждый: — Я пошел.
Я изловчился для удара.
Я поднял штык. Я заколол
гитлеровца — за комиссара.
За всех. За общую родню.
И в жар дыханья, в выдох пара
вплеталось: — Я похороню
в земле родимой — комиссара.

Бессмертною тропой геройств
они шагали в полный рост
и подошли вплотную к стенам.
Прошли. Поставили на мост
носилки с телом драгоценным.
Над ними — зарева и блеск,
в них били немцы из подвалов,
но люди пробивались в Энск
сквозь дым окраинных кварталов.
Шли, не сгибаясь, под огнем,
по ямам, рытвинам, воронкам.
И тихий деревянный дом
опять увидел Озаренка.

О, сколько вытянулось рук
к моим собратьям по оружию!
О, радость женщин, плач старух,
соль слез, прорвавшихся наружу.
И первого гудка раскат,
и первая искринка света,
и голос: — Говорит Москва! —
на площади у Горсовета.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На площади у Горсовета
посередине — снег покрыт
лесным ковром еловых веток.
Квадрат чернеющий отрыгт.
Помост, обшитый тканью красной,
с трауром перевитой.
И отблеск солнца золотой
в рассветной сизости неясной.
Так переходит в день рассвет
с чудесной световой игрою.
Натянут холст на Горсовет:
«Слава погибшему герою».
Построились бойцы. Штыки
к винтовкам новеньким примкнуты.

Проходят граждане. Близки
торжественные минуты.

Площадь в сияньях и лучах.
Как много лиц! Как много света!
Тихо. По хрусту свежих веток
несут носилки на плечах
члены Военного Совета.
Шепчет взволнованный народ:
— Жена и сын... Платок полощет.
Евгений медленно ведет
Марию Петровну, через площадь
к ковру, за красную черту.
Ее платок прижат ко рту,
глаза печально покраснели.
Сын — в ладно скроенной шинели.
Накрест ремни. Отцовский рост.
Три кубика на отворотах.
И пухом мужества оброс
выдвинутый подбородок.

С увитым трауром венком
подходит к телу военком.
Палочку поднял капельмейстер,
перчаткой придержал, кивнул,
и центр, и город, и предместье
в марш незабвенный окунул.
В креп музыки вплетался пурпур
и бархат похоронных роз,
и рокот, наполняя рупор,
как мрамор памятника, рос.
Звенел тревожный зов горниста,
напоминал, что там — граница,
что здесь — этап, а Запад — там!
Так медь, прижатая к устам,
с прерывистым дыханьем пара
вдруг стала речью комиссара.

Звук подымался, убеждал
не почивать на перых лаврах,
звук утверждал, предупреждал,
что только ранен, не добит
угрюмый гитлеровский варвар.
Враг мечется, его знобит,
он роет норы, ищет тропы,
и превращенные в тюрьму
куют оружие ему
цеха ограбленной Европы.
Что для преступных, черных орд
жужжат бельгийские заводы,
машины Шнейдера и Шкоды
готовят для его когорты
тяжелое оружие смерти,
хотя не так-то страшен чорт,

каким его малюют черти!
 Глади опасности в лицо,
 иди бесстрашно и надейся,
 что Гитлер побежит трусцой
 перед штыком красноармейца.
 Иди вперед и на века
 Европу вырви из потемков,
 для нас живущих, для потомков
 исполни долг большевика!

Застыл над площадью суровой
 пафос приподнятых фанфар.
 И над обителью сосновой
 прощальное простое слово
 сказал бригадный комиссар.
 Все строже, все проникновенней
 навьтяжку стоит Евгений
 перед бригадным. Снегопад
 ушанку запустил и спину.
 И, взглядом юношу окинув,
 отцовский верный автомат
 передает бригадный сыну.
 В рядах взволнованно шумят.
 Крепчает ветер. Свист бурана.
 С повязкой траурно-багряной
 протянут к сыну автомат.
 Сын знает — заиграет снова
 и поведет бойцов вперед
 стальная скрипка Дегтярева.
 Волнуясь, бережно берет,
 прикладывает юный рот
 к стволу и к дереву приклада
 и в полный голос:
 — До конца —
 клянусь громить немецких гадов
 стальным наследием отца!
 Клянусь — на диске магазина —
 зря не потрачу пули медь!
 Смерть подлецам — в ответ на смерть,
 отец, спокоен будь за сына.

Трикратно барабанит дробь,
 салютный залп — одновременно.
 Жена целует мужа в лоб,
 и опускаются знамена
 на опускающийся гроб.
 Февральский месяц чист и тонок,

идут бойцы, а впереди —
 шагает новый Озаренок
 с отцовской сталью на груди.
 И гул за гулом, залп за залпом,
 и стазук эха над рекой...

— Прощай, товарищ дорогой;
 а мы вперед, а мы — на Запад!

Подернут зимним багрецом
 край золотого горизонта.
 Постройтесь к Западу лицом,
 бойцы Калининского фронта!
 Гудит артиллерийский вал
 волной чугунного прилива...
 Для вас я этот стих ковал,
 бессонно и нетерпеливо
 Поэму фронта создавал.

Нет, не в спокойном уголке
 ее страницы просыхали!
 Дымки зенитные вспухали
 над ней, вверху, невдалеке.
 С ее заглавную строкой
 меня впервые познакомил
 разрушенный, горящий Гомель,
 вой бомбы над Москвой-рекой.
 И я носил ее с собою,
 как неокрепшую мечту —
 и к беломорскому прибою,
 и в приполярную Ухту.
 Она в дороге вырастала,
 ее грузовики трясли,
 и к стенам Клина принесли
 теплушки воинских составов.
 Она передо мною тут!
 И пусть она приносит счастье
 бойцам, что к Западу идут!
 Пусть в наступающие части
 протянется ее маршрут!
 Вы далеко? Она догонит,
 узнает друга по лицу
 и ляжет в теплые ладони
 к ее читателю бойцу.
 И труд оплатит мне сторицей
 неторопливый голос твой,
 боец, склоненный над страницей
 моей поэмы фронтовой.

Щепка

Я. НИЕДРЕ

Рассказ.

★

Июльский вечер был тепел, как парное молоко. Рижские улицы окутала легкая дымка, и шаги запоздалых прохожих быстро затихали на мягком асфальте тротуаров. В воздухе стоял запах гари и пыли от рухнувших домов, еще с того времени, когда подвергалась бомбардировке красавица Рига, когда бои происходили на ее площадях. Со стороны улицы Свободы изредка с треском падали сухие выстрелы.

— Опять стреляют, — буркнул себе под нос Лиекнис, ускоряя шаг. — Каждую ночь стреляют. Позапрошлой ночью у железнодорожной насыпи как будто беспрестанно сыпали горох. Было несколько взрывов и покрупнее. Наверное, ручные гранаты.

«Удивительно, откуда только берутся эти стрелки, — продолжал размышлять Лиекнис. — Немцы, кажется, прочесали весь город более чем основательно. Но по квартирам все еще разгуливают длинноногие молодчики, едва успевшие репатриироваться в Германию в 1940 году. А теперь, гляди, все они в зеленых мундирчиках. На головных уборах черепа... Забирают кого им нужно по спискам. Подмели город железной метлой... Но германский комендант все заверяет, что Рига полна большевиками. Даже спокойные, мирные обыватели ходят, согнувшись в три погибели, минуя переулки, ежатся, как бы беспрестанно ожидая выстрелов со стороны патрулей... А все же постреливают... Каждую

ночь постреливают... Чорт их знает, может быть, для того, чтобы вызвать панику? Лишь бы не встретить немца... — чуть не вслух вырвалось у Лиекниса. — Опять получится кутерьма. Как забрались к нам в Ригу, так все время пьянствуют. Чорт побери, где берут они столько ликеров! Напьются и становятся такими привязчивыми, что прямо-таки страшно.»

Наконец, Лиекнис добрался до своего дома. Наружную дверь он раскрыл крепким ударом руки. Дверь задрожала, и стена загудела так, как будто рядом упала авиабомба. Лиекнис вздрогнул.

«Я стал чертовски нервным. Раньше для моей нервозности имелись солидные основания. Сейчас же все это как будто в прошлом...»

Дом молчал.

Лиекнис поднял руку с часами. Цветные тени падали сквозь стекла дверей, фосфоресцирующие стрелки тускло светились. «Без четверти десять», — Лиекнис отряхнулся и нарочито громко застучал ногами, как привык это делать раньше, возвращаясь домой из клуба.

Поднявшись вверх по лестнице, он долго ощупывал дверь от квартиры, ища замочную скважину. И чем дальше он возился у дверей, тем спокойнее себя чувствовал, — тревожные ощущения овладели им.

«Проклятый дворник! Приспособил тут какие-то паршивые замки...»

Ладони Лиекниса мгновенно вспотели. Он вспомнил, что дворник уже не работает. Вчера его арестовали. Арестованы почти все дворники, получившие при советской власти вместо своих каморок более приличные комнаты. Да, вчера дворника Лиепу арестовали и при этом нещадно били. Какой-то немец в коричневой форменной одежде, выглядевшей так, как будто ее только-что вытащили из-под утюга, в светлых летнего фасона ботинках, вывихнул у Лиепы руку. Крики дворника до сих пор отдавались в ушах Лиекниса.

Впотьмах Лиекнис нащупал вешалку, — электрические лампочки были выкручены, немцами в Риге проводилось полное затемнение.

Лиекнис кашлянул; жена его наверно уснула. В последние дни она себя вела как-то странно. Как только на улице раздается выстрел или послышатся крики, она вскакивает, ломает руки.

— Хозяйка, где ты? — сказал он тихо.

Молчание.

— Хозяйка, что за бесовское наведение? Ты уже спишь?

Опять молчание.

— Австра, что с тобой случилось?

Лиекнис от внезапного ощущения холода задрожал.

— Австра, — крикнул он во весь голос.

— Не ори ты, ради бога, — в темноте за его спиной отозвался брюзгливый немощный женский голос.

— Ты в кухне?

— А где же мне быть? Через каждый час приходят сюда грабители, ломают двери, ругаются, разбивают шкафы и сундуки.

— Кто ломает, кто разбивает? Кто они такие? Почему не звонили мне?

— Кто они, кто они? — злобно перерезала его жена. — Ты лепечешь, как дитя... Наверно, во время торжества своих оборонных отрядов пропил весь свой разум...

— Но, Австра! — Лиекнис протянул руку в ту сторону, откуда впотьмах раздавался голос жены. Кончики его пальцев дотронулись до теплой вязаной кофты.

— Не дотрагивайся до меня! Не разговаривай со мной, не хочу я тебя слушать!

— Но, Австра, опомнись, что ты говоришь?

— Мне нечего опоминаться, опомнись-ка лучше сам. Посмотри, как выглядит твоя разграбленная квартирка! Как следует посмотри!..

Коробок спичек с шумом полетел ему под ноги... Он механически нагнулся, нащупал его на линолеуме, в темноте пробрался в комнату и чиркнул спичкой.

Нет, не свою уютную и обжитую комнату увидел он, а чужое помещение, брошенное находившимися в смертельной опасности людьми. Дверцы шкафов и ящики столов и комода раскрыты, скатерть с круглого стола, стоявшего посередине комнаты, сорвана. На полу беспорядочно валялись принесенные вчера цветы, ваза с тонкими силуэтами женщин, разрисованная известным во всей Латвии художником Видбергом, куда-то исчезла. Кругом разбросаны бюстгалтеры, неглаженные шелковые чулки. Любимый синий галстук перекинут через ножку опрокинутого стула. В дверях спальни валялась растоптанная домашняя туфля на верблюжьей шерсти.

Спичка погасла, осветив напоследок раскрытый дубовый ларец, расписанный национальным орнаментом.

«Как могло это случиться?», — в горле у Лиекниса пересохло. Вместо ответа он услышал истерический плач жены.

Лишь постепенно Лиекнис пришел в себя. Австра немного успокоилась и рассказала, что произошло. Около десяти часов утра в двери ворвались три немца в коричневой форме и обшарили всю квартиру. Захватили розовую шелковую комбинацию Австры, купленную к пасхе за 130 лат, все зимнее белье, ботинки и галоши самого Лиекниса, похлопали Австру покровительственно по ляжке и, усмехаясь, ушли. Ей от этих переживаний сделалось дурно, и она решила прыгнуть. В этот момент явилась другая банда грабителей. Целыми часами переворачивали они комнату, захватив с собой даже красный плетёный

коврик и портрет дедушки в бронзовой раме.

— Разве ты не говорила, кто я, то есть кто мы такие? — Лиекнис с трудом проглотил слюночку.

— Кто мы такие? — жена произнесла эти слова насмешливым тоном. — А кто же мы такие? Латышское мужичье, батраки и кухарки — негры в завоеванной стране, — вот кто мы такие. О твоём торгово-промышленном департаменте они изволили выражаться непечальными словами. Подумаешь, какое учреждение! Такой департамент останется латышским ровно до той минуты, когда первому попавшемуся гитлеровскому фельдфебелю будет угодно наплевать на него. Один из них пытался даже повалить меня на кровать... — при этом востоминании Австрией вновь овладел приступ истерии.

— Что ты, Австрия, — у Лиекниса уже не было стоять на ногах. Он ведь не пьян, что это за дикий кошмар?

— Я в Риге и минуты больше не стану, — справившись со слезами, жена Лиекниса заговорила твердо и определенно. — Завтра же уйду из города, келашь ли ты этого, или нет. У моего родственника в Лилласте найдется и для меня уголок, он сумеет оберечь меня от друзей моего муженька — немцев...

Лиекнис хотел возражать, противиться ее решению. Это же похоже на предательство, он же станет таким образом оппозицию к представителям великой Германии. Но жена вновь залилась слезами. Пришлось поневоле послушаться многих кошмарных историй: о повальных обысках на улицах, о том, как у жены пастора Гросса сняли с пальца кольцо, о том, как с дочки Зандмана, с той самой, которая незадолго перед тем, окончила женскую консерваторию, сорвали янтарное ожерелье, что в волости Салас расстреляны немцами все участники бывших оборонных отрядов, собравшиеся приветствовать новые времена и стоявшие по этому случаю вдоль дороги с национальными лентами, прикрепленными к рукавам. Правда, таких было немного.

Лиекнис плохо прислушивался к словам жены, он думал о своем, положение

его было более чем глупым. Они, представители латышских бюргеров и консервативных корпораций, помогавшие германской комендатуре установить порядок в Латвии, представляли все это себе иначе: немецкий фюрер где-то в Берлине, а здесь, в Риге, так же, как во времена Ульманиса, свои оборонные отряды, своя аристократия. Что-то в этом роде тайные немецкие резиденты наобещали в свое время руководителям оборонных отрядов. А теперь Латвия — только оккупированное немцами пространство. В городе уже поговаривают, что латышей будут выселять из хороших квартир, а лучшие магазины в городе будут открыты только для немцев. Говорят, что все промышленные предприятия будут переданы фирме Геринга...

К утру Лиекнис, вслед за женой, пришел к убеждению, что надо уезжать из Риги. Ну, хотя бы ненадолго, пока прояснятся мутные воды, — так утешал он себя. Двух мнений быть не могло: останешься в Риге, непременно попадешь в беду. Завтра вновь ворвется сюда банда грабителей, заберут последнее... И, возможно, они его Австрию на самом деле...

С продуктами все труднее. Хлеба мало, достается он с трудом, мяса, масла и сала совсем уже нет. Вчера немцы открыли пункты, куда кормящие женщины должны сдавать свое молоко. Да, надо ехать, но придется поговорить со своим начальником. Ведь они члены одной студенческой организации, давно друг друга знают.

В половине девятого утра Лиекнис сидел уже за своим столом в торгово-промышленном департаменте. На отполированном стекле его стола лежал лист бумаги со штампом «Хозяйственное управление Восточной Балтики», адресованный промышленному департаменту. Лиекнису импонировала аккуратность шрифта, все рассчитано с точностью до одного миллиметра. Но, ознакомившись с содержанием бумаги, он быстро потерял свою радость.

Основываясь на таком-то и таком-то распоряжении высшего командования и на распоряжениях таких-то и таких-то учреждений, хозяйственное командова-

ние предлагает «Управлению» позаботиться о том, чтобы промышленные предприятия Латвии не предъявляли требований на сырье. Великая Германия не обязана заботиться о хозяйственных нуждах завоеванных провинций. Провинции эти должны себя содержать сами.

«Завоеванная провинция»... — что-то остро кольнуло Лиекниса в грудь, зааныли узелки больных нервов. А страдающие от ишиаса, как известно, не должны волноваться...

Если не будет сырья, надо закрыть ряд латвийских фабрик. Но вот сейчас часы пробьют девять ударов, задребезжит телефон и посыплются требования от фабрик: Рижского шелка, Бостона, ВЕФА, Хабека, Калныня... Прямо беда! Как не стало большевиков, так и фабрики закрываются, и наступила безработица. Хоть бы в магазинах можно было достать молоко и хлеб! Вот тебе и обещанный порядок! Да, пора итти переговорить с начальником об отъезде...

Лиекнис вынул из кармана серебряное зеркальце. Он увидел в нем лицо крайне уставшего человека. Черные волосы как бы прилипли к черепу, густые брови растрепаны, под глубоко впавшими глазами яблоками синие дугообразные тени.

Гримаса передернула лицо Лиекниса, он провел пальцами по своей высохшей шее. Похочая на завязалую картофельную ботву, она вылезала из тугого ворота его синеватого клетчатого костюма.

— Значит, надумал-таки убраться отсюда подобру-поздорову? — протянул сквозь зубы начальник, делая ударение на слове «убраться». — Вон оно как, — промовил он, обращаясь больше к столу, чем к Лиекнису. — Куда же делись люди, верные нашему делу? — начальник бросил испытующий взгляд на Лиекниса. — Эх, вы, коньянкурщики!

— У меня жена, — неловко пролепетал Лиекнис.

— Брось прикидываться и говори прямо: духа у тебя нехватает, испугался, заделался бабой. Одни не могут мириться с германскими реквизициями, другие недовольны тем, что немцы не да-

ют нам создавать свое правительство. Неужели ты думаешь, что германское войско пришло сюда, чтобы охранять перины наших кроватей? Оно пришло сюда не ради нас, а ради себя. Теперь нет другого выхода, — хочешь жить — пляши под их дудку или же уходи вместе с партизанами в леса и жди, пока тебя прикончит голод или петля. Другого пути нет. Надо уметь прямо смотреть в глаза жизни. Ехать я тебе не запрещаю, — после небольшой паузы произнес начальник. — Ты работаешь в промышленном управлении, оно причиняет нам много забот и горя. Даже лучше, когда одного из ответственных работников нашего управления нельзя будет найти на месте.

Лиекнис воспользовался разрешением и быстро передал свои немногочисленные дела другому чиновнику.

— Счастливого пути! — чиновник пожал концы пальцев Лиекниса. — Имей я возможность, я поступил бы подобным же образом. Дело в том, что... — несколько фамильярно склонил он свою плешивую голову в сторону Лиекниса, — жизнь сегодня требует реального подхода. Не знаю, как впредь будет с удовольствием. Крестьяне ничего не везут на рынок. В деревне одна реквизиция за другой. Если ты во-время выедешь, сумеешь еще кое-что достать. Я вас очень прошу, если только возможно, не забыть меня, — коллега наклонился совсем близко к нему, в нос Лиекнису ударил запах лука и скверной водки, — пришлите мне непременно сала, масла, сыра. Творог тоже изумительная штука. Я где-то читал сочинение какого-то швейцарского врача, в котором тот доказывал, что творог содержит в себе массу питательных веществ...

Лиекнис поспешил распрощаться.

На Мельничной улице, рядом с разрушенной в бомбардировку столовой, Лиекнису с трудом удалось договориться с каким-то крестьянином Видринской волости, привезшим в Ригу волостного старшину. За сто рублей советскими деньгами и десять германских марок подводчик согласился доставить Лиекниса и его жену с их тремя чемоданами до места назначения.

Около полудня подвода, покрытая рядом, тронулась по направлению к пригороду. Медленным и неприятным было это движение по бывшей улице Свободы, сейчас переименованной в улицу Адольфа Гитлера. Много руин и выгоревших домов. Обе стороны улицы кое-где были уже очищены от развалин, кое-где окна были прикрыты фанерой. На первый взгляд могло казаться, что это новостройки. «Как быстро все это прибрали, — подумал Лиекнис.

— Мы уже на четвертый день почувствовали их порядок, — пробурчал подводчик, плотный, небольшого роста мужчина, на подбородке и щеках которого пробивалась рыжеватая щетина. — В волости идет уже третья реквизиция. Отбирают горох, чечевицу, фасоль, не говоря уже о хлебе, мясе, шерсти и льне. Кое-кто из бывших ожидал их как спасителей, а получили беса в ребро.

— Все же теперь иначе, — как-то неловко сказал Лиекнис, повернувшись на неудобном своем сидении — мешке, набитом соломой.

Подводчик прищурился и бросил быстрый взгляд на говорящего.

— Вот как! Что же ты, дружище, бежишь в таком случае от этого немецкого добра? Слишком много для тебя? Запомни, скоро в Риге ни у кого не будет ни крошки хлеба. Бароны опять занялись, они тут-как-тут. Ходят на своих длинных ногах и высматривают. С новыми хозяевами, что сели на землю при советах, покончат быстро. Скоро каждый честный крестьянин подыщет себе вилы поострее и пойдет к красным. Ей-богу, пойдет.

— Много ли на вашей стороне красных? — спросила жена Лиекниса.

— Кто их сочтет? Где леса, где болота, — там и они. Иногда доходят до местечка, — пробурчал подводчик.

— Вот поэтому немцы и сердятся на нас, — промолвил Лиекнис тоном знака.

Подводчик презрительно взглянул на Лиекниса и прекратил дальнейший разговор.

Дачи вокруг пригородного озера были очень шумны — везде слышалась му-

зыка. Через открытые окна доносились пьяные голоса, хохот.

— Пируют... — пробурчал подводчик в нос. — Хоть бы удалось нам пробраться мимо них подобру-поздорову.

Остановили их значительно дальше, километрах в пяти от озера. На перекрестке дорог стоял немецкий патруль. — Halt!

Лиекнис протянул удостоверение своего «департамента». Длинный очкастый пруссак едва взглянул на бумажку. С подчеркнутым пренебрежением он оттолкнул своим локтем протянутую руку Лиекниса и приказал всем выбраться из подводы.

— Я ответственный работник государственного учреждения, — заикаясь, промямлил по-немецки Лиекнис. Язык его сделался малоподвижным. — Еду в командировку. Вы не смеете меня задерживать.

Длинный пруссак подал знак рукой. Остальные трое мигом разворочили чемоданы.

— Разбойники, мародеры! — воскликнул Лиекнис, когда пруссаки взялись за последний его чемоданчик.

— Кто разбойник? — очкастый немец, как на параде, быстро повернулся на каблуках.

— Ты, вошь несчастная, германского солдата смеешь называть разбойником!.. Убрать его!

— Прикажете женщину тоже, герр ефрейтор? — спросил кособокий пруссак, прижимая руки ко швам своих штанов.

— Женщину? — очкастый покосился в сторону Австры.

Австра Лиекнис была недурна собой: выпрямленный стан, белая кожа, особенно выделялись пышная ее грудь и упругие бедра.

— Нет... — ефрейтор галантно поклонился Австре, прикладывая два пальца к пилотке. — Фрау пойдет с нами...

— Грабители, преступники, мародеры! — Лиекнис рвался в сторону подводы.

— Молчи, сволочь! — это все, что осталось в памяти Лиекниса. Маленький

солдат, похожий на кабатчика, ударил его прикладом винтовки по лбу. Искры посыпались из глаз Лиекниса, сливаясь в радугу. Казалось, что сам земной шар наткнулся на мину и разлетается на куски.

Так пролежал на земле он до наступления ночи, не сознавая, что творится вокруг. А случилось вот что: проучив предварительно Лиекниса прикладом, маленький пруссак захотел его расстрелять, но тут Австра закричала не своим голосом. К тому же со стороны Риги появилась новая группа немцев. Очкастый немец, мгновенно оценив привычным взглядом содержание небольшого чемоданчика, ни с кем не захотел делиться захваченным добром. К тому же, в воздухе грозно зарокотали самолеты. На расстоянии километра от них упала бомба. Очкастый заорал на свою банду, солдаты мигом взвалили имущество на подводу, вскочили сами на нее, потянув за собой Австру, и поскакали, словно за ними гналась свора собак. За подводой, громко причитая, бежал крестьянин-подводчик.

Когда уже совсем стемнело, Лиекниса подняли трое довольно странного вида мужчин, одетых в рабочие костюмы, с надвинутыми на голову кепками. У них были винтовки, ручные гранаты. Наткнувшись на Лиекниса, они осмотрелись и захотели убедиться в том, жив ли этот распластанный на земле человек.

— Без сознания. Но сердце бьется... — Самый плотный из них стяхнул ладонью пыль с колен. Голос его был мягкий, поющий. — Придется остаться здесь, что ли?

— Нельзя же человека так просто оставить, — решительно заявил один из подошедших, — тот, кто внимательно наблюдал за дорогой, ведущей в Ригу. — Рассказывают, что немцы задержали подводу, что страшно громко кричала и причитала женщина и кто-то остался лежать на дороге. Снесем его в нашу сторожку, а там дальше видно будет...

Лишь на следующий день Лиекнис пришел в себя в лесной сторожке. Голова болела, как будто ее стянули обручами. В углу сторожки было брошено

трухлявое прошлогоднее сено, в середине вырыта яма, в которой поддерживался огонь. Двое мужчин, держа винтовки меж колен, подбрасывали в костер хворост. Над огнем был подвешен плоскодонный котелок. Едва заметная струйка дыма зигзагообразно тянулась к соломенной дырявой крыше и там, переплетаясь с солнечными лучами, пропадала.

Лиекнис стал медленно поворачиваться в своем углу. Один из сидящих, сдвинув на затылок кепку, подошел к нему.

— Погляди, как быстро человек очухался... Ну, как ты себя чувствуешь?

— Безобразно... Голова, кажется, сейчас разломается на куски, — промолвил Лиекнис, делая большие паузы после каждого слова.

— Ну, и здорово же тебе досталось. На лбу у тебя синяк величиной с тарелку. Немец?

— Немец!

Щелкая зубами, Лиекнис начал свое печальное повествование. Больно было ворошить все это, но жгучая ненависть заставляла рассказывать все, до мельчайших подробностей. Свои обиды он чувствовал остро, каждый нерв его был напряжен до крайности. Ведь он был среди партизан, и они могут отомстить немцам за все обиды, нанесенные ему...

Лиекнису дали напиться, предложили хлеб и кусочек копченого мяса. Он отрез отказался, — было противно даже подумать о еде. Больше всего с Лиекнисом возился худощавый мужчина, судя по виду, новохозяин, хозяйство которого возникло при советской власти. Другой, в длинных яловых сапогах, спрятав винтовку под резиновым плащом, время от времени покидал сторожку. «Рыбак», — почему-то решил про себя Лиекнис.

Измученный Лиекнис скоро заснул. Проснулся он лишь к вечеру, когда в сторожку, окутанную сумерками, вошло семеро мужчин. Двое из них совсем молодые, почти мальчишки. Винтовки явно были для них слишком тяжелы и давили плечи.

— Ну, как дела с нашим найденышем? — справился коренастый мужчи-

на. — Я слышал, что ты в свое время принадлежал к тем, кто ждал немцев. Думаю, теперь и для тебя ясно, что представляют собой гитлеровцы?

Прежнее настроение, мысли и ненависть к немцам сразу потухли у Лиекниса. Голова после сна уже не болела. Проворчав что-то про себя, он принялся сильно кашлять.

— Пусть поговорит с тобой наш «оборонник», — и коренастый повернулся к другим своим товарищам. Они перебросили через плечо свои винтовки и вышли из сторожки. С Лиекнисом остался один — длинный, с перевязанным лбом, худощавый мужчина во френче покроя латвийских оборонных отрядов, существовавших в Латвии до советской власти.

Он подошел к лежащему Лиекнису, вытащил из кармана краюху хлеба, отрывая от нее большие куски и медленно пережевывая их. Повидимому, легкие его были не в порядке, он временами тяжело хрипел.

— Хлебушка не хочешь? — протягивая Лиекнису кусок, сказал худощавый. — Кушай, пока есть что. Скоро мы, латыши, о ржаном хлебе будем лишь мечтать. Коричневая саранча все пожирает вместе с мякиной. Останется лишь одна черная земля. Знаешь ли ты, что эти головорезы объели уже все дома, — он придвинулся к Лиекнису. — Да, да, все закрома уже пустые. Землю у латышей собираются отобрать и отдать коричневорубашечникам. Понимаешь ты, нашу землю! Я тоже в свое время был членом оборонных отрядов, во время советов держался в стороне, но когда немецкие мерзавцы обесчестили мое родное дитя, разграбили дом, я разыскал на чердаке запрятанную винтовку, служившую мне еще в старую войну, и прямой дорогой в лес! Мы стреляли в этих проклятых разбойников не хуже, чем рабочие отряды. Три дня тому назад у Царникавы я спустил под мост немецкий грузовик, ух, как он загромыхал! Наши-то из оборонных отрядов очень многие пошли в партизаны. А пруссаки, можешь мне поверить, скоро сломают себе шею.

В лесу за сторожкой затрещали выстрелы, — казалось, что кто-то вдруг стал ломать сухие сучья.

Собеседник Лиекниса потрогал затвор своей винтовки, высвободил завернутую в тряпки ручную гранату и, согнувшись, быстро покинул сторожку. Вернулся он не скоро, когда полный покой уже воцарился вокруг и сам воздух, казалось, поддавался дремоте.

— Завтра пойдешь с нами, — оборонник перемежал свою речь кряхтеньем, — ничего у тебя не сломано. Работы сейчас больше, чем надо, а работников все еще не хватает. В эту ночь наши пытались взорвать пруссаков и минировали дорогу. Оружия хватит, получишь и ты винтовку. Скоро все наши партизаны покаты на немецких мотоциклах и будут стрелять из ярко блестящих автоматов. Возвращения жителям будем посылать из раций, отнятых у немцев. Жаль лишь, что латышский крестьянин менее инициативен, чем рабочий. Крестьянин наш иной. Но попробуй, возьми за его землю, за его последнюю корову — куда только денется нерасторопность и нерешительность! Он становится проворнее самого чорта. Сам знаешь, как было у нас в девятьсот пятом, как в девятнадцатом, когда бермонтовские бароны попытались жессть нам на шею. — Собеседник Лиекниса поджал под себя ноги и осторожно поднес спичку к своей трубочке. — Сталин призывает народ к партизанской борьбе... А кое-какие дураки у нас в первые дни думали, что немец сможет разбить Красную Армию. Теперь ты сам видишь — вся страна с ней. Ты, наверно, хороший стрелок. У вас в Риге ведь была тьма разных стрелковых обществ. Даст бог, может быть, и обнаружишь палачей своей жены.

— Жена? — Лиекнис встепенулся. — Да, да... Что же случилось с Австрой? Видели ли ее ваши люди?

— Не могу сказать. Мы пытались разузнать. Вечером подвода с немцами заехала в МТС, где теперь стоит подразделение пруссаков. Но ее в подводе не было. Удалось ей по дороге где-нибудь спрятаться — будет жить, потом

разыщем ее, если же нет, на то воля божья. Пусть все пруссаки подряд отвечают за нее. Мы, партизаны, должны мстить за честь многих тысяч жен, дочерей и матерей. Эти бешеные псы долго не будут бродить на свободе.

— Боже мой! — застонал Лиекнис, обеими руками схватившись за голову.

— Жалобы и стоны не помогут! Тут нужны винтовки и гранаты. Ты воюешь, и баста!

— Но тогда я должен воевать с армией? — вопрос Лиекниса прозвучал явно бессмысленно.

— Эх, ты, недотепа! — привстав, худощавый в сердцах плюнул. — Чего ты боишься их армии, когда с тобой весь народ! Неделанный ты какой-то вышел у своей матери! А я-то думал: все, что случилось, заставило тебя, наконец, раскрыть глаза, взглянуть на вещи поинному, но вижу, что провозился с тобой я без толку. Ты лишь сухая щепка от зеленого дерева нашего народа. Как не можешь ты понять, что сейчас надо бороться за себя, за своих близких. — И худощавый, высокий собеседник Лиекниса энергично выбил пепел из трубочки и вышел из сторожки на свежий бодрящий воздух лесного простора.

Лежавший до этого времени неподвижно Лиекнис, растерявшись, присел и прислонился головой к стене. Из полуотворенной двери на него повеяло лесной прохладой. В сторожке стало свежее, и мысли Лиекниса сразу прояснились. В самом деле, куда ему теперь идти? Ни имущества, ни жены... Вернуться в Ригу? После того, что с ним случилось? Знакомые не будут помогать ему в его беде, не укажут ему выхода, как эти здесь... У знакомых в Риге одно правило — своя рубашка ближе к телу...

Да, сейчас Лиекнису стало окончательно ясно, что он должен быть с партизанами. Как подумаешь об Австре, сердце обливаешься кровью. Ведь Австра была всегда хорошей и верной женой, очень тихой, работающей. Никогда не была она высокого мнения о немцах, избегала даже в церкви немецких богослужений.

Но все же быть партизаном опасно. Ведь это все равно, что играть в тотализатор. А если не повезет? Затянувшиеся размышления Лиекниса прервал своим приходом длинный, худощавый партизан. Он принес с собой вторую винтовку и сумку с патронами.

— Итак, в какую сторону?

— Все же придется с вами, — сказав это, Лиекнис как будто проглотил твердый комок.

— Тогда вставай живо, бери винтовочку и смывайся отсюда... Долго ждать не придется—сюда идет рота солдат прочесывать лес. Расстреляют любого, кто им здесь попадетсся.

Лиекнис дотронулся нехотя до винтовки. Она была еще теплой. От кого эта теплота — от длинного партизана или же?.. Ведь это германская винтовка...

В лесу их уже поджидал отряд партизан. Восемнадцать человек. Молча они разбились на небольшие группы и разошлись в разные стороны. Лиекнис услышал, как шопотом упоминалось название города Цесис.

Группа партизан, к которой примкнул Лиекнис, расположилась в заболоченном лесочке. Выставив караулы, партизаны занялись чисткой винтовок, перемотали на ногах портянки, распределили меж собой еду.

Худощавый партизан показал наглядно Лиекнису, как обращаться с новой германской винтовкой. Лиекнис заметил, что у некоторых были автоматы.

«И все это они забрали у германской армии?»

Ночью отряд остановился недалеко от Мурьянского моста. Группа милгравских рабочих взорвала этот мост в тылу немцев, но гитлеровцам все же удалось довольно быстро его кое-как починить. Все же движение через мост было медленным, и едущие через него уже на повороте дороги тормозили. Вот здесь-то партизаны и решили сделать заграждение. Набросали кучи камней, перебросили через дорогу бревна, а сами засели в засаду.

— Фрицы едут на лошадях, — прошептал на ухо Лиекнису сосед его,

холодой партизан. — Ничего, мы их нагреем. Придется им поплясать...

Утром начал накрапывать мелкий дождик. Холодно, сыро, по телу побежали мурашки. Лиекнис вспомнил о своем ишиасе. Лежать на животе было неудобно, — почему-то ныл позвоночник. Все время приходилось поворачиваться.

Показались телеги. На них, свесивши ноги, сидели немцы в касках, прижимая к животу свои автоматы. Дремали подводчики, дремали и солдаты. Первая подвода доехала до места заграждения и приостановилась.

— Огонь! — как будто удар плети прорезал пелену сырого тумана. Стреляли со всех сторон, странно зашумели верхушки березок. Около первой подводы показалось густое пламя и рывком звилось в небо — земля загудела так, что, казалось, обрушился в воду обрывистый берег реки. Среди немцев началась паника. Некоторые из них залегли в придорожную канаву и начали беспорядочно отстреливаться.

— Наступать! — раздалась команда начальника партизанской группы.

Партизаны стремительно бросились вперед. Стреляли из автоматов, бросали ручные гранаты. Лиекнис встал вместе с

другими, наступление захватило и его.

«Да, но это ведь жужжат вокруг меня пули», — вдруг осенило его. Ноги сделались тяжелыми, как бревна. Винтовка вывалилась из рук и шумно ударилась о землю. Еще злее засвистали вокруг него пули... Бежать! — Кажется, его ударили молотком по виску. Бежать! Лиекнис резко повернулся и с ужасом почувствовал, что ноги его не слушаются. Тут вдруг за спиной резко затрещала как будто высвобожденная пружина. Острый укол между лопаток, и ноги совсем перестали его держать.

Через полчаса партизаны, захватив трофеи, оставили на дороге горящие телеги с грузом. Пора было уходить, за рекой уже слышался отрывистый лай германских пулеметов. Партизаны нашли убитого Лиекниса и решили тело его закопать в лесу.

— Пуля в спину, значит, удирал, — процедил сквозь зубы коренастый партизан.

— Не латышская кровь текла в нем, — отозвался бывший член оборонных отрядов, — бесхребетный человек, нам лучше без таких.

*Перевел с латышского
Я. МЕНЦЕНДОРФ.*

Испытание

АРК. ПЕРВЕНЦЕВ

Роман.

★

ВСТУПЛЕНИЕ

Утром Богдана Дубенко, главного инженера одного из южных авиационных заводов, вызвали в Москву, а ночью, в три часа пятнадцать минут, его, вместе с народным комиссаром, принял Председатель Совнаркома. Беседа продолжалась пятнадцать минут.

Дубенко вышел из кабинета Сталина, и вслед за ним туда же вошли двое. Дубенко знал их: это были «короли» черного металла и алюминия. На очереди к приему находились еще трое: они отвечали перед страной за автоматическое оружие, взрывчатые вещества и уголь.

Многосильный «Паккард» промчал Дубенко по улицам столицы и, задержавшись на секунду у часового, прошуршал баллонами по свежей траве центрального аэродрома. «Дуглас» широко распластал крылья. Пассажиры уместились плотней и заткнули уши ватой. Майор Лоб положил машину на курс и, передав управление второму пилоту, пошел закурить трубочку. Майор Лоб работу свою в гражданской авиации считал временной.

В Харькове майор спросил Дубенко: «Жареным пахнет?» Дубенко выпил рюмку водки, посмотрел на майора с хитринкой. Тот махнул рукой и набил свою неизменяемую трубочку. «Я майор Андрей Лоб — и только, но меня последнее время беспокоят Балканы и почему-то остров Крит, — сказал он про-

стуженным голосом, — и, по правде сказать, осточертело ходить на этой бандуре». Так он называл «Дуглас».

Они прошли над извилистой линией Кавказского хребта и опустились в Тбилиси. Уничтожив полсотни шашлыков, майор увел свою «бандуру» из Закавказья, заручившись у Дубенко письмом для перевода его в авиагруппу завода, где бы он был ближе к практической деятельности, любезной его сердцу.

Кровавыми цветами были усыпаны деревья. Дубенко остановился у горного прозрачного ключа, лег и напился воды. Шофер — молодой грузин, сломил веточку и подал ее Богдану. «Гранаты, — сказал он. — Как красиво цветут». Долины были усыпаны шатрами строителей. Горы дрожали от взрывов. В отрогах строили ангары, недоступные для бомб фугасного действия. Заканчивали постройкой огромные корпуса — их принимал Дубенко. Заводы-дублеры, — так назывались объекты подобного рода. Корпуса были пока пустынные, голые, а на сером камне, недавно вырубленном в горах, еще не осела копоть производства.

По той же дороге гранатов он вернулся в долину, обрамленную хребтами. Здесь текли теплые ключи радиоактивной воды. Болезнь со странным названием «ишиас», болезнь старческая, как думал Дубенко, свалила его ровно на неделю. Воды помогли мало, но нужно было двигаться дальше.

На маленькой станции, приклеенной к обрыву, его провожала хрупкая женщина с зелеными глазами. Он познакомился с нею у пальм, возвращаясь однажды в гостиницу. Женщина помогла ему взобраться по ступенькам, — такая была адская боль, и потом ухаживала за ним. На прощанье она подставила ему свои губы. Дубенко поцеловал ее и уже в вагоне, бегущем между утесов и путанных южных деревьев, пожалел, что так мимолетна была эта встреча. В Тбилиси он послал нежную телеграмму своей жене, милой и ясной Вале, а женщине с зелеными глазами написал две строки и вложил в конверт лепесток граната. Все же, май — месяц любви и цветения.

В одном из районов он встретил щуплого человека с черными вьющимися волосами и решительными глазами. Это был один из королей металлургии, — Дубенко встретил его тогда, в Кремле. Он приехал вместе с караваном автомашин, набитыми людьми и материалами. Щуплый человек сказал, что из красноватых камней, рассыпанных под ногами, он будет выплавлять металл. По камням бродили овцы и козы, выщипывая траву, и не верилось, что легкий блестящий металл так небрежно разбросан природой. Люди прыгнули с автомобилей, натянули шатры. Громыкнул первый взрыв, от которого шархнулось овчье стадо. Красноватые камни черпали ковшами экскаваторов и с шумом ссыпали на многотонные «ярославцы».

— Вы ходите по металлу, товарищ Дубенко, — сказал человек с курчавыми волосами. — Алуниды как нельзя нам к стати.

В палатке он достал овечий сыр, откупорил бутылку вина, пригласил Дубенко. Они говорили только о металле.

Из Баку Дубенко послал письмо. Оно было адресовано в Кремль. В Баку он опять встретил щуплого человека. Он размещал заказ на танкерные баржи для перевозки рапы из Кара-Бугаза. Заводы металлов военного значения — алюминия и магния — он строил ближе к энергетическим базам, так как выплавка

тонны алюминия поглощала сказочное количество энергии.

Оловянные волны моря, казалось, достигали колес поезда. Везде стояли вышки, земля была черная и сочная от нефти. На отрогах, разрушенных сухими ветрами, прилетавшими из Афганистана, виднелись орудия с длинными стволами, нацеленными в небо. Дубенко увидел самолет, снизившийся для посадки. Это была новая машина, выпущенная цехами его завода. Она уже успела добраться до Каспия, хотя серия только-что начиналась.

— Новая марка, — сказал полковник танковых войск, смотря в окно, — молодцы самолетчики.

В Махач-Кале Дубенко вручили телеграмму от женщины с зелеными глазами. Она беспокоилась о его здоровье. Полковник искося взглянул на подпись и, подмаргивая, сказал: «Ишь, какие красавицы догоняют вас в Дагестане. Видел ее на сцене — неважная актриса, но женщина «изумрудная». Дубенко порвал телеграмму и с каким-то сожалением пускал один за одним листочки, кружившиеся в солнечном ветре. Он ни в чем не мог упрекнуть эту женщину, но телеграмма в поезде — это походило на навязчивость. Хотя, может быть, — простое и чистое чувство.

В вагон сел крупный работник текстильной промышленности. Он приехал из степей загорелый, обсыпанный мелким песком и пылью. Его провожали люди в папахах и козловых сапогах. Они усадили его в купе и уехали на двух растрепанных «газиках». Текстильщик мог одеть в хлопчатку колоссальную армию, но это не удовлетворяло его. Он так беспокоило говорил о шерсти и овчинах, что, казалось, уже наступила зима, бушуют вьюги, и необходимо поскорее влезать в полушубки, валенки и ушанки из цигейки.

В купе и ресторане говорили о зерне, о мясе, овощных консервах, о сушеных фруктах, о конском ремонте и производстве седел, клинков и уздечек.

Люди мотались по разным горячим делам, посылали шифровки и молнии, беспокойно спали, сетовали на длитель-

ное передвижение, при случае сходили с поезда и улетали на «дугласах», «пэсах», «катушах».

На Минеральных Водах Дубенко встретил своего старого друга детства — Николая Трунова. Кавалерийский генерал ехал на Украину. В Ростове Трунов перебрался в купе к Дубенко и до самой Лозовой, где сходил Николай, они о многом переговорили.

Пламенели коксо-химические заводы и домны Донбасса. Дым металлургии клубился над огромными терриконами. Казалось, могилы скифских вождей овеваются дымом жертвенных костров. Донбасс поставлял металл и топливо заводу Дубенко.

Друзья несколько минут побродили по мокрому перрону. Раздался последний звонок. Богдан видел в бравом генерале бывшего конного разведчика Кольку. Двадцать с лишним лет были позади. Они расцеловались на прощанье, как и прежде перед опасным делом. «Ведь мы теперь не только друзья по оружию, но и родичи, — пошутил Трунов, — Тимиш-то так-таки подхватил вашу Танюху».

— Едешь через Киев, — сказал Дубенко, — зайди в Кияновский переулок. Племянницу поняньчишь. Только береги свои генеральские шаровары...

Богдана встретила Валя. Она бросилась к нему, свежая, красивая, привычная. Он схватил ее на руки и целовал загорелые щеки. У машины ожидал сын. Алешка уцепился ему в шею и не отпускал. Так он и внес сына в автомобиль. «Звонили из Москвы, — сказала Валя. — Вот письма, — она передала пачку пакетов, — но... рассмотришь после, Богдан. Опять углубился в дела, ведь я тебя не видела целую вечность».

— На завтра вызывают в Москву с докладом, — сказал Богдан, — не знаешь, майор Лоб уже работает на заводе?

— Майор Лоб работает на заводе, — потухая, сказала Валя.

— Родная Валюнька! Чем дальше, тем все больше и больше забот. Мне иногда хотелось бы вернуть студенческие годы...

ГЛАВА I

Дубенко проснулся, выпростал руки из-под одеяла. Окна раскрыты, в комнату залетела пчела, прожужжала и ударилась о стекло. Лучи солнца упали на линолеум пола. В лучах заиграла пыльца — вероятно, принесенная ветерком с недалеких полей гречи и подсолнуха. Пчела снова прожужжала и улетела. На миг блеснули ее прозрачные крылышки.

Сегодня меньше болела нога. Дубенко выспался. Исчезли ощущения тошноты и гула в ушах. Ведь как-никак пришлось за шесть дней слетать в Москву, на Урал и возвратиться обратно. Корпуса, которые он принял в Закавказьи, должны были вместить заводы новых истребителей, а их тяжелым машинам приходилось дублироваться на Урале, ближе к тяжелому сырью. Пока там почти ничего не было — несколько недостроенных зданий центрально-обогатительной фабрики, горы, тайга и небольшое поле, поросшее мелким ельником и утыканное пнями. Стоило ли думать об этом в такое хорошее утро?

— Валька! — крикнул он, скидывая с себя одеяло.

— Ура! — Валя спрыгнула с кровати и бросилась к нему. — Я уже полчаса наблюдаю за тобою одним глазиком. А ты лежишь так, что лица не видно. Проснулся или спит еще... Думала-думала...

— Швырнула бы в меня подушкой, сразу определила бы.

— Боялась. Последнее время я тебя что-то стала бояться. Ты такой занятой, злой и угрюмый. К тому же важный. Государственные поручения выполняешь!

— Валюнька! Мигом полотенце, прямо отсюда в озеро. Поплаваю, побултыхаюсь.

— Не будет никаких купаний, — Валя погрозила пальцем. — Врачи категорически запретили и поручили следить мне.

— Сделай поблажку, — век не забуду.

— Просить бесполезно.

— Ах ты, мой телохранитель, — он привлек ее к себе, закинул голову, поцеловал в смеющийся полуоткрытый рот, — таким образом, я окончательно

перехожу в класс старичков. Нельзя купаться! Кому? Мне, пловцу, экс-чемпиону!

— Чемпиону купаться нельзя.

Она нырнула в кровать, натянула на себя одеяло.

— Вставать, вставать, Валюнька.

Он принялся щекотать ее. Она прыгала, хохотала.

— Хватит, Богдан. Я совершенно отвыкла от твоего общества.

Она лежала и болтала. Каштановые волосы рассыпались по подушке и щекотали его шею, лицо. Ему было приятно ощущать близко ее волосы, холодные плечи. Десять лет прожили они уже вместе, и до сих пор не стареет их чувство. И все благодаря, конечно, ей. Она заметила морщинки, сбежавшиеся на его лбу, и принялась целовать их, пока они снова не исчезли.

— Я не хочу, чтобы ты, находясь со мной, грустил, Богдан. Ты должен отдохнуть. Сегодня ты должен выбросить из головы свои самолеты. Я скоро начну тебя ревновать к этим машинам.

— Согласен. Сегодня я провожу день в кругу своей семьи. Жаль, нет батьки, мы бы с ним сегодня пропустили по паре хороших чарок калганивки.

— Я могу выпить с тобой калганивки.

— Ну, в этом я нисколько не сомневаюсь...

— Следовательно, жена у тебя пьяница?

— Похоже на это. Ну, не сердись. Какая же может быть жена, если она не любит выпить немного? В Грузии я встретил женщину. У нее были зеленые глаза, волосы как у Есенина и круглые плечи...

— Прошу тебя не расписывать мне своих любовниц!

Валя шутливо ударила его и прикрыла его рот своей маленькой ручкой.

— Да не любовница она, Валюнька. Просто женщина с зелеными глазами. Но главное: она никогда не пьянела. Однажды при мне выпила два стакана адской грузинской чачи и хоть бы что.

— Наверное, ей помогают круглые плечи...

— Валька, только без обид. Даже пальцем не прикоснулся.

— Не обижаюсь. Не хочу даже думать об этом... встаем!

Они быстро оделись. Солнечная пыль носилась в комнате. По дороге, мимо дачи, разбрызгивая щебенку, промчался автомобиль.

— Кого это шут с утра понес в город, — отдыхал бы! — сказал Богдан.

Внизу слышались какие-то встревоженные голоса. Богдан уловил голос матери. Она старалась говорить шопотом, очевидно, боясь разбудить сына. Но над ее шопотом возвысился требовательный басок инженера Тургаева.

Дубенко махнул рукой.

— Опять что-нибудь на заводе.

— Так всегда. Так каждое воскресенье, — обиженно произнесла Валя.

По лестнице простучали каблучки, и в комнату вошел Тургаев. Он был в синем костюме с орденом «Красной Звезды». Позади него стояла мать, выглядывал заспанный испуганный Алеша и над ним удивленное лицо Клавы — домработницы.

— Что случилось? — спросил Богдан. — На заводе?

— Мы воюем с Германией, — сдерживая волнение, сказал Тургаев.

— Воюем? — переспросил Богдан. — Уже воюем?

— Немцы бомбили сегодня в четыре часа Киев, Севастополь, Житомир... Напали.

Стало холодно и тяжело. Война началась! Тревога была написана на всех лицах, и никто не пытался скрыть ее. Началось великое испытание кровью. Богдан знал, что такое война, — и слово это как бы снова разбудило его юность:

— Вы готовы, Алексей Федорович? — спросил Богдан.

— Да.

— Выезжаем через десять минут. Пока я умоюсь, будьте добры, выгоните машину из гаража. Я отпустил шофера. Мамочка, дай Алексею Федоровичу ключи от гаража и машины...

— Позавтракал бы, Богдан. Все готово.

— Налегу можно.

Мать ушла с Тургаевым. Богдан набил портфель необходимыми бумагами, защелкнул замки. Валя, обняв Алешу, стояла у окна. На нее падало солнце, но она не замечала его. Алеша жмурился и тоже смотрел на отца. Оба они были встревожены. Впервые они столкнулись с грозным явлением, с коротким словом в о й н а. Богдан подошел к ним и долго целовал потянувшиеся к нему эти родные лица. На глазах ребенка, от этой необычной ласки, вскипели слезы и крупными каплями покатались по щекам и рубашонке.

— Ты чего плачешь, Алешка?

— В Киеве тетья Таня с Ларочкой. Киев бомбили немцы!

Десятилетний ребенок впервые произнес эти страшные слова: «бомбили немцы». Они прозвучали не по-детски серьезно и осмысленно. Неужели и для сына его выпадет та же тяжелая доля, которую он испытал в своем детстве? Для того, чтобы дети были счастливы, он посвятил свою жизнь постройке боевых машин, которые должны защитить его родину... Он отправлял их прямо с завода на пограничную линию обороны. Сейчас они сражаются там...

ГЛАВА II

Дорога в город окаймлена дачами и канавами. Дубенко переложил на себя руль, скрипнули баллоны, и автомобиль покати к пруду. У береговых очеретов стояли черногузы, ныряли утки. Усатый дядька в красной безрукавке удил рыбу с дощатой плоскодонки. У «кладки» стояла женщина. На ней праздничное платье и яркий платок. Очевидно, она на минутку выбежала вон из той хатки, чтобы ополоснуть белье. Два парубка в сатиновых рубашках и пиджаках подошли к продовольственному ларю и разочарованно остановились. На ларе спущены ставни. Обычный воскресный день.

— Начинается, — сказал Тургаев, глазами указывая на опушку дубовой рощи.

Красноармейцы устанавливали зенитку — копали траншею, рубили молод-

няк для маскировки. Два бойца снимали с грузовика клейменные желтые ящики, вваливали на плечи и относили в кусты. Молоденький лейтенант в ярко начищенных сапогах что-то вымерял. Он шагал, и голенища сапог поблескивали зайчиками. На просторном голубом небе плыли небольшие облачка. Автомобиль летел по твердому, отполированному шинами шоссе. Вот и окраины города. Громадные баки с бензином, разбросанные между кущами тополей и акаций, и невдалеке колонна трехтонок. Красноармейцы в новеньком обмундировании держали в руках полуавтоматические винтовки, очевидно, только-что выданные из складов, и пели песни. У колонны расхаживали командиры, оправляя кобуры револьверов. Кобуры, вероятно, тоже только-что выдали, и они еще были неудобны, не прилегали плотно к бедру. Сапоги тоже были нерасхожены, брюки и гимнастерки топорщились, каски, приспособленные сбоку, казалось, еще пахли краской.

В городе, на улицах людей больше обычного. Толпы возле расклеенного повсюду выступления Молотова. Дубенко затормозил машину и, выйдя на тротуар, прочитал это историческое выступление. Рядом с ним стояли Валя и Алеша, в машине сидела Анна Андреевна. Они ехали на городскую квартиру вместе с ним. И сейчас он особо почувствовал необходимость близости этих родных людей. Слова, оповещающие о нападении Германии, наполнили его сердце тревогой за семью.

— Папа, значит, правда, война? — спросил Алеша.

— Правда, — ответил он, подсаживая его в машину.

— Бабушка, правда — война? — сказал Алеша и сжал побелевшие губы.

Но город жил внешне попрежнему. Чистильщики стучали щетками, ходили троллейбусы и автобусы, звенели трамваи, дворники поливали тротуары, в песке копались мальчишки. У магазинов появились очереди.

Высидев своих у городской квартиры, Дубенко понесся к заводу. Спидометр быстро отщелкал двенадцать километров. Посигналил у ворот. Вахтер, от-

лично знавший своего главного инженера, тщательно проверил пропуски и потом уже, приложив руку к козырьку, сказал: «Пошел к вам мотоцикл. Видать, развехались. Товарищ директор просит вас к себе».

Директор завода, Иван Иванович Шевкопляс, только-что проинструктировал начальников цехов и отпустил их. Посмотрел из-под своих нависших бровей на Дубенку.

— Вот и начали, Богдан Петрович.

— Война.

— Стало быть, так.

— Ну?

— Будем воевать... Тургаев с тобой приехал?

— Да.

— Ему теперь только поворачивайся. Посмотрим, что там высветил немец из новой техники. Создать противовесы! Теперь начнется в конструкциях сарай-ломай... Так?

— Что же, будем поворачиваться всеми боками, — сказал Дубенко.

— Севастополь-то, сукин сын, бомбил. Вот собака! Неужели там хлопцы проморгали? На Чефе?

Шевкопляс более двадцати лет пробродяжил в морях и океанах. Последнее время командовал полком тяжелой бомбардировочной авиации. Сам летать стал только в тридцать третьем, собственно говоря, после чего и началась его воздушная «вахта», опять-таки на родном Черном море. Черноморский Военно-Морской Флот он всегда называл сокращенно «ЧЕФ» и любил его неистребимой любовью. Даже и теперь, работая на заводе, он явно отдавал предпочтение военным представителям моряков и всегда настойчиво требовал первоочередного удовлетворения поставок любимому Чефу. Военпреды-сухопутчики обижались на Шевкопляса, но относились к нему с уважением, так как он все же был справедлив. Стоило только какому-либо его любимцу-моряку проштрафиться, он не щадил. «Если я уважаю Чеф, — говорил он, вызвав провинившегося, — так это не значит, что я уважаю всякого на Чефе! Так! Если ты хочешь срамить меня, то срами в другом месте, а не на моем за-

воде. Так! Ты мне непосредственно не подчинен, мальчишка! Так. Но я ставлю тебя носом зерно клевать и ты будешь клевать. Понял?»

На Шевкопляса не обижались, несмотря на его вспыльчивость и резкость. Рабочие называли его «наш полковник». Шевкопляс был способен к адской работе. Иногда он мог по неделям не выходить из кабинета, а с виду быть таким же бодрым и поворотливым. Но он все же хотел вернуться на свой Чеф. И сегодня Богдан застал его в безукоризненном кителе, с орденом на груди, что означало: «Тоска по флоту».

— Скажу прямо, Богдане, — Шевкопляс остановился перед Дубенко, — немец противник сильный. Мало того — осведомленный. Видишь, как он врзался в войну — в стыки наших серий. Кончили мы машину «старуху», только-только перетянули на выпуск серийный, и вот врзался. Так?

— Но все же мы насытили первую линию, Иван Иванович. Пока хватит чем сражаться. А потом мы подбросим.

— Первой линии туго пришлось, Богдане. Понял? Внезапное нападение — первоэлемент победы по германскому расчету. Так удавалось ему, понял? А вот на русачке может потянуть пустой номер. Так!

Шевкопляс подошел к окну, раздвинул шторы. Солнце заиграло на ковре, на модели нового самолета, поставленного на постаменте, на золотых корешках книг, любовно подобранных в ореховом шкафу.

Директор смотрел на заводские корпуса, на ангары, на строение линии газонов, складов, бензозаправщиков, пожарных машин. На метеорологической будке «играла колбаса», то сжимаясь, то надуваясь под порывами ветра, команда красноармейцев несла два серебряных баллона аэростатов воздушного заграждения, в ворота въехала зенитная батарея на автотяге и покатила к кромке аэродрома, к рошице. Снизилась «У-2», подняв полоску пыли костылем. Самолетик называли «пожарная команда». Его обычно посылали к заводам-поставщикам, когда «зашивались»

с полуфабрикатами. Из цеха окончательной сборки на тягаче вывели самолет. По сравнению с ним «У-2» казался мухой.

— Как крепко все это к сердцу приросло, — сказал Шевкопляс, — каждый винт-шплинт сработан человеком. Забери отсюда людей, и все зарастет за неделю. Так? Ты летал, подбирал площадки для... в случае чего. Богдане? Неужто и сюда долетят немцы? Напали на Киев, Севастополь! Это тебе не Ливерпуль или Бирмингам, а Киев и Севастополь. Так? — Шевкопляс сел в кресло. — Сегодня я продумал — какую беду несет война нашему хорошему народу. Я две войны пережил — знаю. На испуг фашисты всю Европу взяли... Сейчас начинаем митинги в цехах. Тебя Рамодан выделил в механический. Будем немца бить и в хвост, и в гриву. Если только на него пойти всем без страху... Да... Рабочий день увеличивается. Может быть, часть народа поставим на казарменное. Кое-кого в армию забирают. Надо перестраиваться, чтобы машин давать больше... в два-три раза больше. Народный комиссар уже звонил, понял? Не страшно, Богдане?

— Сделаем, Иван Иванович.

— Без ура-ура?

— Без ура-ура.

— Ну, спасибо, браток. Может быть, тебе самому придется заворачивать.

— С чего бы это?

— Что же мне, по старой памяти, полчок не подкинут?

— Вот это и глупо, Иван Иванович. Тут люди нужны...

— Глупо, знаю. А кровь играет... ладони чешутся...

— Возьми машину и покувыркайся часика два. Вот и почешешь ладони о штурвал.

— Не то, Богдане. Иди, уже пора...

ГЛАВА III

Бронированный вал германской армии катился на восток. Двадцать третьего июня стало известно об объявлении войны Италией, Румынией и Финляндией.

Ночью была передана речь Черчилля, которую ожидали с тревожным волнением собравшиеся в кабинете Дубенко Шевкопляс, парторг ЦК ВКП(б) Рамодан, предзавкома Крушинский и Тургаев. Англия объявила о готовности поддержать СССР.

Утром на заводском аэродроме приземлился майор Лоб, прилетевший с фронта. Самолет попал в перепалку. Увязавшиеся за ним немецкие «мессершмитты» прострочили пулеметными очередями плоскости и расчалки. Майор Лоб бранился, обходя поврежденную машину. Красные кресты санитарного самолета, оказывается, не предохраняли. Майор хриповатым голосом предложил малярам камуфлировать машину опрыскивателями, и когда те отказались сделать это немедленно, долго ругался.

Подъехавшие санитарные автомобили принимали с самолетов раненых. На носилках, пропитанных первой кровью этой войны, уезжали пограничники, первые принявшие удар немцев. Дубенко подкатил на машине, прыгнул.

— Здравствуйте, товарищ Лоб.

— Приветствую Богдана Петровича, — радушно поздоровался Лоб, — не смотрите так кисло. Мы тоже говядины наделаем.

— Как дела?

Лоб посмотрел на Дубенку, и в уголке его рта что-то дрогнуло.

— Пока ничего разобрать не могу. — Он отмахнулся. — Каша... Киев бомбили пиратски. На «юнкерах» — красные звезды, гады, намалевали. Они не то что наши, вот, маляры. Приказываю им, перекамуфлируйте экипаж — мнутса... Вон голубчика тащут, любопытный полковник. Полноги оторвало, а командует, требует везти только в штаб.

На носилках лежал полковник с черными полупетлицами генштабиста. Ему не больше тридцати двух лет. Лицо мертвенно бледное от большой потери крови. Голова перевязана. Ноги прикрыты окровавленной шинелью из голубого драпа, с сияющими пуговицами. Руки протянуты поверх шинели, строго

по швам. Казалось, полковник принял положение «смирно», и так остался в этом положении. В одной руке с заостренной судорожностью он сжимал разорванную карту, исчерченную синими и красными линиями. Когда Дубенко наклонился к нему, он приоткрыл глаза и, почти не разжимая зубов, тоном приказания, бросил:

— В штаб. На доклад.

— Мы отвезем вас в больницу, товарищ полковник, — утешающе сказала молоденькая врач, принимавшая раненых, — там вас вылечим.

Полковник снова приоткрыл глаза и, чуть скосив их, произнес раздельно:

— Я приказываю доставить меня в штаб. Приказываю, товарищ военный врач...

— Вы приказали доставить вас в штаб, — пролепетала врач.

— Да.

Полковник закрыл глаза. Дубенко и Лоб сами вдвинули носилки в санитарный автомобиль, и полковник благодарно кивнул головой. В руке попрежнему был зажат кусок карты, забрызганный сгустками крови. Его повезли в штаб.

— Видали орелика? — похвально произнес майор, — героический мужик. — Вот тебе и «мессершмитты». Как они мою старуху поклевали. Защучили меня за Коломыей. Носятся, как собаки. Ушел от желторотых только хитростью. До Днепра утюжил на бреющем, из балки в балку нырял.

Майор полез на плоскости и принялся углем чертить крестики на месте пробоин.

— Шестьдесят пять. Ладно, в бензобаки не угадали, а то бы устроили крематорий.

Позвонила Валя. Из Киева, от Тани, получена телеграмма: «Живы. Тимиш ушел. Думаю выезжать вам».

Дубенко положил трубку и долго сидел, задумавшись. Неужели Тимиш Трунов, этот мирный и несколько ленивый украинский парубок, с хорошим голосом и мягкой душой, пошел навстречу войне? Год с немногим, как Тания вышла замуж за Тимиша. Они познакомились в Ялте, где Тимиш работал над кинокартиной о немецкой окку-

падии на Украине в восемнадцатом году. Оба хорошие и честные люди, Тания и Тимиш, полюбили друг друга, писали письма, страдали в разлуке и, наконец, стали мужем и женой. Они поселились в тихом переулке в Киеве и были несказанно счастливы. Не так давно у них родилась дочка. Они ходили по магазинам Киева, покупали приданое, приобрели кровать. Тимиш мечтал о самостоятельной работе над кинокартиной и вот... в строй армии вступил лейтенант пехоты Тимофей Трунов. По своему характеру он был мало приспособлен для войны...

Богдан вспомнил об отце. Второй день не видел. Отец по стариковской упрямой привычке относился к сыну на работе только как к начальнику. Сам никогда не зайдет запросто покалякать — только по деловым вопросам.

Богдан выезжал к диспетчерскому заготовительно-прессовый цех. На экране телевизора выплыло такое родное лицо усаха. Отец его не видел. Богдан с улыбкой наблюдал, как отец с кем-то перебросился словом, расправил усы и, подув в трубку, важно сказал:

— Сменный мастер заготовительно-прессового цеха Петр Дубенко.

— Я сейчас подойду к тебе, батя.

— Чего случилось? — тревожно спросил отец.

— Не беспокойся, Тания прислала телеграмму. Собирается к нам. Тимиш пошел на войну.

Отец вытащил платок и одной рукой встряхнул его, вытер лоб, щеки, провел по подбородку.

— Все?

— Кажется, все, отец.

— Так чего ж вам приходится в наш цех, Петрович? Нагоняйте лучше автокарщиков. В связи с затемнением не хотят в цех везжать. Чтобы ворота не раскрывать и не высвечивать. Приходится подсобным рабочим горбатиться, на тележках возить заготовку... В случае чего можно распорядиться синий свет пустить. Не иголки же возим...

— Хорошо...

Богдан выключил прессовый. На экране рассеялось изображение.

Вошел начальник отдела технического контроля, Данилин. Он указал глазами на кресло, как бы спрашивая разрешения, и опустился в него.

— Я вас слушаю, Антон Николаевич, — сказал Дубенко, пытливо разглядывая постаревшее и неприветливое лицо Данилина.

— Слушаете?

— Слушаю, Антон Николаевич.

Как начальник отдела технического контроля, Данилин был до педантизма требовательным и точным. Дубенко не любил заводить сделки с начальниками отделов техконтроля, чем обычно грешили его сотоварищи по работе. Предельная аккуратность во всем и техническая доведенность каждого изделия гарантировали бесперебойность агрегатной сборки самолетов. Данилин контролировал продукцию кропотливо и подозрительно, чем не приходилось по душе Шевкоплясу, любившему иногда прихватить лишним процентом, за счет незавершенной или технически неполноценной продукции. Дубенко отстаивал Данилина до тех пор, пока Шевкопляс не плюнул и не сказал: «Идите к богу в рай вместе со своим Микроскопом».

— Вы интересовались когда-нибудь потенциальными и фактическими возможностями промышленности Европы, Богдан Петрович?

Данилин прикрыл глаза и положил одна на другую сухие породистые руки. Богдан заметил, может быть, впервые, раньше он как-то не присматривался, кольцо на мизинце левой руки Данилина. Большой дымчатый камень вделан в серебряную оправу. «Кажется, это «лунный камень?» — подумал Дубенко.

— Промышленности Европы? — переспросил он, растягивая слова и испытующе просматривая каждую морщинку на лице собеседника.

— Вы можете не напрягать память, Богдан Петрович, — промышленность Европы, ныне принадлежащей Гитлеру, представляет собой колоссальное хозяйство, повернутое так называемой национал-социалистской партией только в сторону войны. Сюда входит промышленность Чехо-Словакии, Венгрии, Австрии, Италии, Югославии, Болга-

рии, Греции, Норвегии, Бельгии, Голландии, Франции, Румынии, — Данилин поджимал пальцы и, дойдя до Франции, возобновил счет, начиная с мизинца, на котором матово блеснул «лунный камень». — Я не говорю о Польше, о Дании, об Испании... Двадцать второго июня все брошено исключительно на нас. Только на нас... Всякие исторические аналогии могут утешать политиков, но не нас, производственников — реальных людей. Началась война машин, и у нас их меньше, значительно меньше... Наполеон не имел моторизованных дивизий, он даже убегал на санях, на русских санях. Гитлер превосходно вооружил свою армию именно моторами. Не сегодня-завтра над нашими головами появятся эти моторы — они привезут взрывчатые вещества и... сбросят на нас... сбросят, Богдан Петрович.

— Вы уже боитесь?

Данилин неожиданно вскочил и потряс кулаками.

— А вы не боитесь? В первый же день вы вывезли свою семью с дачи. А чуть что — вывезете ее подальше, подальше... а моя семья еще на даче... я не знаю, что с моей семьей... а вы меня уже второй день с завода не выпускаете. Я на диване сплю, в конторке...

— Кто вас не выпускает? Почему не выпускают?

— Директор. Шевкопляс. Только два дня войны! А что будет через месяц?

Дубенко с минуту молчал, наблюдая за Данилиным. Что это? Припадок неврастения или серьезно продуманная позиция всему тому, на что сейчас организуется страна? Он хотел позвонить Шевкоплясу, но раздумал. Шевкопляс горяч и может предпринять решительные меры. А может, решительные меры принимать и не стоит. Он рассматривал сидящего перед ним инженера, как оружие, которое вдруг начало отказывать — появились задержки, осечки.

Данилин сидел, охватив голову руками, и тяжело дышал. Узкий и желтый его лоб просвечивал между пальцами. Богдан тихо сказал:

— Вы можете быть свободны, Антон Николаевич.

Данилин вскочил, махнул руками, как

крыльями, и снова опустился в кресло.

— Можете сдать отдел, товарищ Данилин.

— Я... сдать... уйти... совсем?

— Вы просите. Я выполняю вашу просьбу. Будем без вас бороться с промышленностью Европы. Авань, что-нибудь получится.

— Я пришел к вам, как к понимающему человеку. Я хотел высказать все, что передумал. Я говорил с вами, как с инженером, с аналитиком, с человеком, а вы... сразу отставку.

Богдан приблизился к Данилину, поднял его своими сильными руками и поставил против себя.

— Вам тяжело, Антон Николаевич? Вы не знаете, что делать? Вас поразила сила, бросившаяся на нас?

— Да... Да... Да...

— Она тоже меня поразила. Но я знаю и верю, что мы победим немца...

— Вы верите?

— Верю, — твердо сказал Богдан, — сегодня я получил телеграмму от зятя. Завтра я получу еще десяток от родных, от членов своей семьи, пошедших на фронты. Если не верить победе, значит, нужно навсегда расстаться со своими родными воинами, пошедшими на эту самую силу, которая вас так пугает. Если не верить в победу, нужно бросить работу, убежать в Бразилию, примерно, плясать там джигу, чорт возьми... Вы русский?

— Да.

— Я украинец. Говорят, мои предки были запорожцы. Возможно и так. Но хотя бы этого и не было — я никогда не оставлю родину в дни несчастий. Так будет не по-сыновнему. Так будет подло. На сегодня Россия — вот этот завод, делающий самолеты. Кусок России, который мы должны защищать... трусом сделаться очень легко, падать легче, чем подниматься. Машину в шестнадцать я пришлю вам, и вы прихватите в город семью.

Данилин пытался что-то сказать, оправдаться, но слова его были бессвязны. Богдан вызвал шофера, и тот проводил Данилина. Дубенко сел, и снова страшная боль в ноге... По старой ка-

валерийской привычке он выругался вслух, — как будто полегчало.

Он погасил свет в кабинете, приоткрыл штору и вышел на балкон. Темный далекий город угадывался за аллеей тополей, как бы отметивших фасадную часть завода. Ровное дыхание корпусов, которые строились на его глазах, почти-что его руками. Тяжела была стройка, но она звучала как продолжение юности и была дорога и родна. Там работает его отец, простой человек, без разговорчивости, принявший на себя тяжесть нового несчастья, там его друзья, с которыми он связан тысячами нитей любви к заводу. Над головой пронесся истребитель — машина старой марки, он узнал по шуму мотора. Скользнули прожекторы. Они скрестились, как мечи предков, и сразу упали в темноту.

ГЛАВА IV

Ночью Дубенко проснулся от гула зенитных орудий. Сухие и резкие выстрелы. Дребезжали стекла. Над городом гул самолетов. Одеваясь, Богдан прислушался к шуму моторов и узнал свои машины. Сегодня должна быть учебная тревога, проводимая для сверки секретного обстрела и наслоений огня зенитными батареями. Но могли налететь и немцы. На войне возможны всякие неожиданности. Валя уже была одета в шубку, в руках держала сумочку с деньгами и документами, возле нее стоял и позевывал Алеша, еще не совсем проснувшийся. Снова задрезжали стекла от выстрелов, и Алеша, перестав зевать, посмотрел на отца. Он любил отца, хотя и относился к нему сдержанно. Отец был для мальчика авторитетом. Дубенко показал сыну язык, Алеша по-детски улыбнулся углами губ; заметив, что отец ему подморгнул, показывая на Клаву, протиравшую сонные глаза, он совсем развеселился. Валя выпустила его руки, и он подошел к вошедшей бабушке, надевшей белье вазелки и шаль.

— Бабуся, это не по-настоящему, — сказал Алеша.

— Разве учебная? — спросила Анна Андреевна сына.

— Ну, конечно.

— Но почему летают самолеты? — спросила Валя.

— Наши летают. С учебными целями.

— Но ты поднялся, оделся.

— Надо все же посмотреть — в чем дело.

— Ты, не выйдешь на улицу, Богдан, — попросила Валя и, подойдя к нему, прильнула к его плечу.

Богдан погладил ее волосы.

— Вот по этому самому солдаты без жен на войну ходят. Алеша, со мной!

На улице с противогАЗами стояли дворники и дежурные пожарного звена. Присмотревшись и узнав Дубенко, поздоровались с ним. Зенитки открыли очередной огненный шквал. Трассирующие пули прочертили красными и зелеными пунктирами чернильную темь. Они привели в восторг Алешу. Он показывал пальцами, кричал, хватая отца: «Папа, папа, папочка, смотри, смотри!»

— Теперь надо под крышу, — сказал дворник, и все сгрудились у крыльца.

По асфальту и крыше защелкало. Падали осколки снарядов. К различным ученьям по противовоздушной обороне жители привыкли еще в мирное время. Правда, тогда не стреляли, как Алеша говорил, «по-настоящему». Постояв еще немного на улице, Богдан поднялся наверх. Валя лежала одетая на кровати, возле нее сидела мать и на коврике у окна Клава.

— Учебная? — спросила Валя.

— Слово предоставляется Алеше, — Богдан снял плащ и кепку.

— Мама, бабуся, какие пули... Папа, шаг, как они называются?

— Трассирующие, Алешенька.

— Трассирующие... Огоньками, один за одним в небо... Красиво...

— Как там Танюша, — сказала Анна Андреевна, задерживаясь у дверей. — Успеет приехать из Киева?

В голосе ее — материнская скорбная тревога. Богдан поцеловал сухую, морщинистую щеку матери и проводил до ее комнаты.

— Спице, мамочка, все будет хорошо.

— Я думаю тоже так, сынок...

Она, пользуясь тем, что никого не было, обняла сына и, неловко его поцеловав, быстро ушла к себе...

Оперативную сводку только в первый день передало Главное Командование Красной Армии. Потом было создано Информационное бюро. Богдан с волнением развернул газету.

Советское Информбюро сообщало об оставлении нашими войсками Бреста, Ломжи и Ковно и об уничтожении трехсот германских танков и пятидесяти шести самолетов. Германское командование ринулось на Советский Союз соответственно своей излюбленной стратегии — молниеносного удара. Немцы не считались с потерями для достижения стратегических успехов. Пока им многое удавалось.

Проходил призыв. По улицам, с котомками за плечами, в ногу шагали мобилизованные. У высокого, нового забора призывного пункта пригородного военного комиссариата сидели, стояли и заглядывали через забор тысячи женщин. Многие были с детьми. За забором выстраивали и рассчитывали «по порядку номеров» их мужей, братьев и отцов.

У ворот часовые в гражданском платье, из мобилизованных. Винтовки, только сегодня выданные им, как-то не соответствовали их мирной одежде — сереньким пиджачкам и штанам навыпуск. Кожаные пояса с подсумками были поверх пиджаков.

На вокзал прошел стрелковый полк. Дубенко узнал командира полка, идущего впереди с каким-то торжественным выражением на лице и гордо поднятой головой. Полк состоял в гарнизоне и был на хорошем счету. Твердо печатая шаг новыми, только что выданными сапогами, с песнями проходили роты. Молодые задорные лица. Прекрасное вооружение, францы, свернутые подковами шинели, равномерное покачивание оружия, спин и шапцевого инструмента. Богдан вышел из автомобиля и, пропуская развернутое полковое знамя, приложил руку к козырьку. Чувство глубокой признательности к этим парням, загоревшим в лагерях до цвета бронзы, охватило его.

Многие из них, может быть, последний раз идут по этой земле. Начнется стра- да войны, обмундирование выгорит на солнце, потемнеет от пота, выпачкается. Посуровеет взгляд, и твердые складки лягут возле белозубых ртов.

В три ряда поползли танки. У отки- нутых бронелюков стояли такие же веселые ребята в черных шлемах. Танки- сты были преисполнены собственного до- стоинства, и когда группа девушек за- бросала один из танков цветами, танкист улыбнулся, что-то сказал своему това- рищу и тот молодежато расправил плечи и даже сдвинул шлем немного на- бок.

— Лихачи, — сказал кто-то рядом, — броневая кавалерия.

Богдан обернулся. Рядом с ним стоял Рамодан, парторг ЦК ВКП(б) на их заводе.

— Здравствуй, Рамодан, — приветли- во сказал Дубенко.

Рамодан улыбнулся, пожал руку, про- должая смотреть на танковую колон- ну. Он кого-то искал глазами и вот увидел и, крепко сжав Богдана за ло- коть, чтоб обратить его внимание, крик- нул:

— До свиданья, Петька!

Рамодан сдернул кепку с головы, протолкался через толпу, увлекая за со- бой Дубенко, и снова прокричал:

— Петька! Давай, давай...

Молодой, худощавый паренек, стояв- ший на башне танка, сделал слабый приветственный жест и покраснел.

— Сынишка мой, Петька, — сказал Рамодан, надевая кепку, — робеет коман- дира. Видел, даже ничего не сказал. Застенчивый паренек... Так домой и не сумел забежать... читал сегодня: триста танков у Гитлера долой. А кто бьет? — Вот такие Петьки. На завод?

— Да.

— Подвезешь. Я своего шофера от- пустил попрощаться с семьей. Тоже за-бирают. Придется следовать твоему примеру — самому садиться за баранку.

Они ехали к заводу по хорошему шоссе, помеченному указателями и об- ставленному «грибами» для отдыха пе- шеходов. Обгоняли синие автобусы, подвозившие к заводу рабочих. Чаще

попадались милиционеры — пешие и на мотоциклах. Милиционеры были воору- жены винтовками и пристально при- сматривались к людям и номерам ма- шин.

Рамодан сидел рядом с Богданом. Он глубоко опустил в сиденье и при- крыл глаза. Дубенко наблюдал его как- то сразу постаревшее лицо, и ему беско- нечно жалко стало этого человека, ко- торого обычно он привык видеть только как парторга. Как-то не приходилось раньше видеть его вне работы, а тем более в роли отца.

— Ничего, Рамодан... все обойдется с сыном.

Рамодан встрепенулся, быстрыми движениями ладоней потер щеки.

— Конечно, ничего. А ты думаешь, я что? Сегодня-то как постреляли. От- выкли мы от таких концертов... Петя мой... — Рамодан осекся, отвернулся, вы- нул платок, — ну, и гонишь, Дубенко. Когда-нибудь голову свернешь... Глаза захлестнуло...

ГЛАВА V

На завод прилетел из Москвы из- вестный конструктор, который два дня занимался с Тургаевым и Дубенко. На- до было изменить несколько конструк- ций основного типа самолета. Конструк- тор был очень занят, мозг его, перегру- женный новыми соображениями по мо- дернизации своих машин в связи с по- требностями фронта, не выносил возра- жений. Дубенко приходилось, скрепя сердце, соглашаться на изменение ма- шины, находящейся уже в воинской се- рии. Надо бронировать «пузо», но тогда утяжелялась конструкция, для облегче- ния необходимо снимать часть воору- жения. Но конструктор усилил воору- жение, и по его расчетам машина не утрачивала основные тактические каче- ства, исключая небольшую потерю в ско- рости. насыщение немецких танковых частей прорыва зенитными средствами и автоматическим оружием предъявило новое требование — создать мощный в огневом оснащении штурмовик. Сроки сократились. То, что в мирное время

размазали бы, пожалуй, на месяц, теперь нужно было сделать буквально в несколько дней. Конструктор, прежде довольно медлительный человек, вдруг сделался удивительно подвижным и требовательным. Все изменения технологического процесса в связи с конструктивными изменениями были проработаны за одну ночь бригадой инженеров-технологов во главе с Дубенко. Утром Богдан вызвал начальников цехов. Они взяли синьки, просмотрели их и без всяких возражений понесли в цеха. Все понимали — надо работать, как на фронте.

— Я улетаю дальше, — сказал на прощанье конструктор, — надеюсь на вас, Богдан Петрович.

— Меня уговаривать не нужно. Надеюсь, все сделаем. Меня несколько смущает быстрое продвижение немцев. Если они так будут переть, то нам нужно поворачиваться быстрее. Будем выпускать больше самолетов и остановим Гитлера. Сделаем?

— Не будем терять надежды, Богдан Петрович, — сказал конструктор и поспешил на аэродром. Его ждали другие заводы.

Вечером Дубенко впервые поехал в поликлинику. Боли не прекращались, и он боялся, что в такое время он выбудет из строя из-за какой-то глупой болезни.

Немолодой профессор допил стакан чая с лимоном, молча выслушал пациента, постучал молоточком по ноге, уколол в нескольких местах чем-то острым. Потом поставил коленями на стул, так что Богдан видел только голубую стену, постучал молоточком в области ахиллового сочленения.

— М-да, — промывчал профессор и, поморщившись, съел лимон с коркой, — что же вы, молодой человек, врачей не признаете?

— Почему не признаю? — ответил Богдан, испытывая давнее чувство ученической робости. — Люблю врачей.

— Запустили, товарищ Дубенко.

— Недавно началось, — пробовал оправдаться Богдан.

— Э, батенька мой, в ваших аэро-

планах я, конечно, не разбираюсь, но здесь... Придется лечь в больницу.

— Что вы! — воскликнул Богдан.

— Некогда, вероятно? — профессор поднял очки на лоб. — Нет времени? А если вы ноги лишитесь, кому будет взбучка? Вам? Нисколько. Мне...

— Не могу, не могу. Мне нужно работать... Фронт идет...

— Лечиться будете? — строго спросил профессор.

— Буду.

— С завтрашнего дня — регулярно. Светолечение и массаж. Попробуем. Меньше нервничайте, больше находитесь в спокойном состоянии, — он подавал руку, — вот так...

— Спасибо.

— Э, батенька, благодарить не за что. Будете мотаться, болтаться, все одно не вылечу... — помолчал, пристально посмотрел на Богдана, на грудь, украшенную орденами, спросил: — Почему же это отступаем, молодой человек, а?

— Немцы. Сила...

— А раньше этого не знали, — съестно постучал пальцем по орденам Богдана.

— Знали. Но когда внезапно навалится такая сила...

— Все из газет знаю, — перебил он сварливо.

— Ваше имя, отчество?

— Богдан Петрович.

— Богдан Петрович... Представьте себе, Наполеон тоже перешел границу в воскресенье, только двадцать четвертого июня, но это, собственно говоря, в один день.

— Случайность, товарищ профессор.

— Ничего. Устоит Россия. Ее даже Наполеон не мог взять... Завтра аккуратно на процедуру, Богдан Петрович.

Выходя из поликлиники, Дубенко столкнулся с Беланом, членом парткома, работавшим начальником транспортного отдела завода. Белан подъехал к поликлинике на бежевом «Шевроле» и был в своем обычном веселом расположении духа. Бывший шофер-таксомоторщик, он продвинулся на заводе благодаря своей неутомимой работоспособности и предприимчивости. Белан нахо-

дился на хорошем счету у Шевкопляса, но Дубенке не нравился. Слишком много было в нем выпирающей из всех «пор и нор» активности, крикливости и одновременно угодничества перед начальством. Правда, угодничество обставилось широким жестом рубахи-парня, но это было противно. И сейчас, несмотря на то, что Белан радушно потряс его руку и с приветливой улыбкой осведомился о состоянии здоровья «нашего любимого Богдана Петровича», Дубенко сухо улыбнулся и попытался пройти дальше.

Белан взял его под локоть и пошел рядом, стараясь поддержать. Дубенко устранился.

— Не думайте, что я настолько беспомощен, товарищ Белан.

— Ах, оставьте. Здоровье — это все, Богдан Петрович. Потеряете здоровье, никто спасибо не скажет. Клянусь жизнью!

Он стоял перед ним черный, как жук, блестящими карими глазами и курчавыми волосами, выбивающимися из-под отличного английского кепи. Улыбался, обнажая хорошие белые и ровные зубы. Летние ботинки, привезенные из Риги, белые с желтой отделкой, отлично сшитый, тоже оттуда, костюм, шелковая сорочка без галстука с расстегнутым воротом. Много мускульной силы, животной энергии, вытекающей, очевидно, (как зло подумал Богдан) от полнейшего бездумья, так и перло из этого человека. «Неужели я завидую его здоровью, его беззаботности, — подумал Богдан. — Как это глупо».

Дубенко решил не обижать этого человека и более приветливо попрощался с ним. Обрадованный Белан отворил дверцу автомобиля и посадил Дубенко.

— Счастливого пути, Богдан Петрович. Кланяйтесь вашей милой Валентине Сергеевне, Алешу целуйте, маму...

— Спасибо. Передавайте привет вашей супруге...

— Ксении Романовне...

— Ксении Романовне.

— Бедняжка беспокоится, Богдан Петрович, — сказал он, наполовину влезая в машину Дубенко. — Ведь мой возраст-то призывной. Правда, я на

спецучете, оборонное предприятие, но этот твердокаменный Рамодан может сунуть меня на фронт в порядке партийной мобилизации. — Белан моментально сбросил с себя ухарскую фатоватость и, заискивающе задерживая руку Богдана в своей широкой руке, продолжал говорить, смотря в упор своими нагловатыми красивыми глазами. — Я могу идти на фронт, но чем я меньше принесу пользы здесь? Оборонное предприятие. Почти весь транспорт наш мобилизули. Будьте уверены. Все налажу. Даю слово!

— Разве уже Рамодан говорил вам о мобилизации?

— Нет... Нет... Но он может.

— Рамодан замечательный человек и коммунист.

— Я не хочу обижать Рамодана. Простите... Только, прошу вас, не говорите ему ничего. Вы слышали новость? Из надежных источников: наши взяли Варшаву, Кенигсберг и Бухарест. Восточная Пруссия горит, как солома. Я был перед войной на границе. Там такие мальчишки сидели в самолетах, умереть можно.

— Кто вам рассказал эти... новости?

— Надежные источники. Информбюро не сообщает. Политика! Нельзя раскрывать тайну наших стратегических ударов, — с особым удовольствием повторив последнюю, очевидно, подцепленную им где-то фразу, Белан подморгнул, приложил руку к козырьку и, когда «зис» рванулся вперед, помахал кепи.

Город был полон слухов. То, что сообщил Белан, было пустяки. Но как велико желание услышать хорошую весть! А в самом деле — почему бы не взять Варшаву и Кенигсберг! Почему бы нашей южной армии не ворваться в Бухарест! На юге теперь, очевидно, сражается его друг детства и сподвижник «по шалостям гражданской войны» Николай Трунов. Неужели отходят блестящие дивизии, которые с такой гордостью показывал ему Николай? Неужели падают разорванные бомбами германских «юнкерсов» кавалеристы его дивизий и выхолненные строевые кони? Как справился Николай с огромной ответственностью — водить в бой

несколько тысяч людей, доверенных его воле?

Плотники обшивали досками зеркальные стекла магазинов, окна парикмахерских, ресторанов обкладывались мешочками с песком. Город, за которым с любовью ухаживали все, следили за цветом стен, гармоничностью реклам и вывесок, постепенно слеп. Саперы опрыскивали из краскоопылителей изящное здание штаба округа. На город опускалась война. Начинались ее будни.

Сбросив в прихожей пальто и шляпу, Богдан прошел в столовую. Сестра уже приехала и сидела к нему спиной.

— Танюша!

Сестра бросилась ему на шею и зарыдала. Девочка, которую держала на руках Валя, увидев плачущую мать, приготовилась зареветь.

— Танюша, что с тобой?

— Тима... Уже на фронте...

Богдан ощутил на своих руках слезы сестры, не так давно веселой и жизнерадостной девушки, заметил, что она была одета в черное платье, помятое в дороге и запыленное, волосы давно не чесаны, ленточка, стягивающая пучок — загрязнилась. Таня похудела, лицо вытянулось, веки покраснели, на шее появились морщинки. Пытаясь улыбнуться и застенчиво прикрывшись пленкой, она начала кормить грудью ребенка. Анна Андреевна поглаживала ее плечо.

Сестра только-что приехала с вокзала. Так как поезда ходили не по расписанию, ее никто не мог встретить. Она кое-как втиснулась в автобус, и на остановке ее случайно увидела Валя и донесла чемодан до квартиры.

— Только-только ввалились, — сказала мать. — Еще умыться не успела.

— Не смотри на меня, Даня, — сказала Танюша, — я грязная, нечесаная. Четверо суток ехали из Киева. Замучилась... Тиму призвали в первый день и тотчас отправили эшелонам. Сказали — на Перемышль или Львов. Там сейчас бои...

— Вот хорошо, — сказал Алеша, — дядя Тима повоюет.

Танюша прикусила губу.

— Счастье небольшое, Алешенька, —

Танюша горько улыбнулась, — в самое пекло.

Нелегко пришлось сестре. Только что начали устраивать свою жизнь, и вот... Гитлер. Его зловещая тень поплыла над страной.

Таня рассказывала.

В Киев уже везли раненых. Их бомбили по дороге. Бомбили почти все эшелоны, идущие к фронту, в том числе и поезда с мобилизованными, которые следовали в Западную Украину. Беженцы приграничных областей переполнили Киев. Город разгружается. Хорошо помогают школьники. Танюша вспомнила их трогательную заботу с глубоким чувством признательности. Несколько школьников, в возрасте от тринадцати до пятнадцати лет, подошли к ней на вокзале, вынесли вещи, вывели ее на перрон и усадили в вагон. Все женщины с детьми усаживаются при помощи этих маленьких патриотов. И в это время воют сигналы воздушной тревоги. Девушки идут на фронт. Она тоже пошла бы на фронт, если бы не Ларочка. Сестра говорила, но теперь уже с сухими глазами, что нужно всем идти на фронт, что если все мужчины и женщины возьмутся за оборону, враг будет остановлен и разбит. Она боялась одного — не все понимают надвигающуюся на нас опасность.

Богдан понял: на сестру, двадцатилетнюю женщину, упал первый пепел войны. Для нее уже начались страдания, которые будут возрастать. Для нее теперь все надежды сконцентрировались в одном, только в одном: нужно победить. Тогда она вернется в свой тихий Кияновский переулок, что невдалеке от Сенного базара, она вернется в Киев, который уже полюбила, тогда вернется ее ненаглядный Тимиш и запоет своим чистым голосом те песни, которыми он заворожил ее сердце. Милая, дорогая Танюша! Хотелось долго держать ее в своих объятиях, приглубить ее и утешить. Все будет так, как она желает. Богдан мог сделать одно: подойти к ней и сказать довольно сдержанно: «Все будет хорошо».

Она почувствовала его сдержанность: чувства ее сейчас значительно обостри-

лись — и, сдерживая слезы, наворачившиеся на глазах, она ответила: «Иначе вообще кончится жизнь».

Отец, наконец-то заглянувший домой после «всенощных бдений», подошел, обнял дочку, поцеловал, похлопал по спине.

— Небось, седому Днипру добавила воды, Танюша?

— Добавила, папа, — сказала Танюша, смотря на отца с любовью.

— Добре, дочка. Нехай им солоней будет, а мы... — Он оглянулся, подморгнув Богдану. — Ну-ка, сынок, тут уж я тебе могу приказание отдать, выставь на стол доброй горилки. Надо за наших зоинов выпить.

— Конечно, надо выпить, — Анна Андреевна засуетилась, сменила тарелки. Кляша принесла капусты, селедочку, чашку дымящейся картошки — по вкусу старика.

Богдан откупорил бутылку с вином, принес из холодильника водку.

Старик налил стопку — рюмок он не признавал, бросил туда стручок красного перца и растер его так, что водка окраснела. Посмотрел на свет, огладил сыночку, чтобы не мешали при столь важном деле, и, чокнувшись со всеми, выпил.

— Итак, выходит, за нашего Тимиша... А ты наливай, Богдан, еще есть много хороших хлопцев, за которых можно опрокинуть чарку. Вторая чарка идет за Кольку Трунова — за генерала. Что, Богдане, угадал?

— Угадал, отец. Я тоже хотел за него выпить.

— Он у Днестра, кажется, — сказала Танюша, — видела я на станции раненого из корпуса Николая. Случайно разговорились — сказал, что пока там фронт держат.

— Ну, раз держат фронт, нельзя никак обойти Николая. Выпьем...

— Ты что-то уж больно належешь, — заметила Анна Андреевна, — как можно и под стол скоро.

— Под столом все встретимся, — отшучивался старик, — а выпить не мешает любому человеку. Неделю на заводе отработался. Вот что, Богдан. Этот самый фигурный броневой лист при-

дется штамповать. Спустишь если этим медникам, жестянщикам — труба.

— Как же ты его будешь штамповать, отец?

— А это дело мое. Уже там померекали кое с кем. Завтра начнем, только давай подготовку.

— Подожди, отец, если мы сделаем так... — он вынул карандаш, взял лист бумаги, прочертил две параллельные линии. Отец, скосив глаза, посмотрел на лист бумаги и на сыновние руки и отмахнулся. — Брось пока, Богдан. Наши дела для баб скучные. Не так ли, Валюнька?

— Пожалуй, так, папа, — ответила Валя, с любовью глядя на него.

— Не смотри, что я сегодня плохо побритый. За тем и домой пришел...

— Вы всегда хороший, папа.

— Опять смеяться над стариком! Давайте лучше выпьем... У меня есть слово. Надо выпить за нашего старого партизана, за Максима Трунова. Хороших хлопцев вырастил. Что и говорить. Остался он один на Кубани. Скучно, небось, Максиму в такое время.

Отец разошелся. Любил его Богдан таким, когда сбрасывал он с себя деловитое беспокойство дотошного мастера и становился этаким чумаком. И казалось странным, что судьба закинула такого степного «дядьку» в большой город, да еще на четвертый этаж каменного дома. Казалось, нельзя оторвать этого человека от волов круторотых, от воза, от подсолнечного поля, от рукастых часовых Украины — млынов.

— Танюша, будет жив наш Тимиш, — сказал Богдан, обнимая сестру за плечи, — а мне всегда сердце правду предсказывало.

— Я верю тебе, — благодарно отвечала Танюша, и глаза ее загорелись великой женской надеждой на счастье, — верю тебе, Даня.

— Мы будем жить вместе теперь, — сказала Валя, держа на руках девочку Тани, — проживем вместе войну, а потом поедем в гости к вам, в Киев.

— Неужели поедем когда-нибудь в Киев?

— Поедем, дочка, — ответил отец, — не может быть такого дела, чтобы мы

не могли попасть в Киев. Выпьем за Киев...

Отец выпил полную чарку, а потом, положив голову между двух своих крепких, как железо, ладоней, задумался. Видно, нелегко было старику, хотя и скрывал он чувства под напускной веселостью.

Богдан подсел к нему и сказал тихо:

— Батя, — он назвал его так, как называл в милом детстве, — будем жить.

Отец посмотрел на сына из-под нависших бровей. Большая человеческая теплота была в этом взгляде.

— Понял ты меня, сын, — сказал он тихо, — не даром тебя так высоко вознесли... спасибо...

ГЛАВА VI

Неутомимый майор Лоб летал на фронт и обратно. Категорически отказавшись от работы на санитарном самолете, майор пересел на транспортный «Дуглас», поставив там пулеметы по своему способу, чтобы возможно было вести не только верхний, но и боковой огонь. За пулеметы посадил опытного стрелка-радиста. Майор возил с завода запасные части, но приходилось в каждый рейс прихватывать листовки, газеты, корреспондентов, кинооператоров, патроны, медикаменты, кровь доноров.

Свой «Дуглас» он называл теперь «старухой-универмагом». Возвращаясь, он ухарски приземлялся, «бросал возжи» механикам и техникам и шел в столовку.

Дубенко иногда заглядывал в комнату летчиков-испытателей послушать фронтовые новости. Там обычно, по морскому выражению, «травили», но за шутивными разговорами и подтруниванием друг над другом летчики серьезно вникали в сущность войны и положений фронтов.

С каждым приходом с фронта майор все больше и больше мрачнел, меньше говорил.

— Скучаете, майор? — спросил Дубенко.

— Скучаю, Богдан Петрович.

— Как дела?

— Где?

— Там.

Майор долго смотрел на свои обветренные руки.

— Чорт его знает, на чорта жабе руки, — произнес он и сжал волосатый кулак, — скоро стыдно будет штаны носить.

— Почему так мрачно, майор?

— Горят города, — майор стукнул кулаком по столу так, что подпрыгнули бутылки и стаканы, — села горят. Идешь на бреющем, чхаешь. Как над кострами. Чьи города и села горят? Чорт возьми, наши... А что творится на дорогах! Народ тронулся, скот гонят, детшки бредут, бабы... Исход, Левит, Второзаконие! Библия! А над ними немцы! А тут летаешь, воняешь в воздухе...

— Рапортишку подал бы, майор, — сказал Романченко, испытатель с двумя боевыми орденами.

— Есть рапортишка. Нет ответа на рапортишку.

— Мечты... — заметил Романченко.

— Думаю вот, в следующий захор прихватить десятка два осколочных жакнуть бы кое-где по колоннам.

— На земле дров мало. Хочешь «Дуглас» добавить?

Майор тосковал. Последний раз он привез экипажи, которые должны были на месте получить материальную часть и уйти с нею на фронт.

Фронтовики-летчики были суровы исполнены злобой к противнику и одновременно сконфужены. Они рвали в бой и, пока еще не прославившие себя подвигами, неохотно вступали в разговоры. Летчики избегали людей, торопили с подготовкой и заправкой самолетов, отказывались выступать на собраниях в цехах. Все понимали опасность, нависшую над родиной.

Богдан насильно затащил к себе на квартиру трех летчиков, которые так и не разговорились как следует. Они посматривали на часы, обменивались между собой короткими деловыми фразами, и, видимо, тяготились тем, что они «в гостях», что к ним хорошо относятся, что на них смотрят, как на героев.

Когда Валя спросила о их семьях, они почти одновременно полезли в карманы гимнастерок и вытащили оттуда фотографии жен и детей.

— Они остались там, — сказал один из летчиков, капитан с осунувшимся лицом и темными впадинами глазниц, — на территории, захваченной немцами.

— Вероятно, их уже нет, — заметил второй, уставившись глазами на фотографию, изображавшую миловидную женщину и девочку с куклой.

— Разве пощадят, — сказал третий, пряча карточку, — ну ничего, злей будем...

На глазах его блеснула скупая слеза, слеза мужчины-воина.

Утром их машины оторвались от земли и легли на курс — на Запад. На аэродроме, на линии их пробега, спускались продолговатые облачка пыли.

— Счастливые, на дело пошли, — сказал со вздохом майор Лоб. — Этих уже на сахаре не подыграешь.

Вошел Белан. Он сменил заграничный костюм на полувоенный, из тонкой саржи-хаки. На ногах шевровые сапоги с низкими голенищами, на защитного цвета фуражке небольшая звездочка.

— Вас разве призвали? — спросил Дубенко, оглядывая Белана.

— Ну, что вы, — крепко встряхивая руки майора и Дубенко, ответил Белан, — совершенно неожиданно я почти инвалид. Полное расстройство сердечной деятельности. Какие-то там сосуды. Вы помните, Богдан Петрович, прошлый раз в поликлинике? Осмотрели меня, целая комиссия — признали чрезвычайно больным... кроме шуток... инвалид.

— На таком инвалиде землю пахать, — мрачно пошутил Лоб, оглядывая Белана.

— Шутки, шутки... обычный сарказм старого воздушного волка.

— Но все же вы в военном, — сказал Дубенко, — я никогда вас не видел в военном, товарищ Белан.

— Иначе невозможно заниматься, Богдан Петрович. Приходится мотаться, как окаянному, представьте себе. Ведь вчера еще десять трехтонок мобилизуем. Теперь в гаврилке не появляйся. Во-

первых, в очереди настоишься, во-вторых, разговаривают подозрительно. Мне вас на минутку, Богдан Петрович.

— Я вас слушаю, — сказал Дубенко, помахав уходившему от них майору.

Белан огляделся и немного смущенно спросил:

— Как вы думаете в Ташкенте?

— Не понимаю.

— Пора понимать, Богдан Петрович. Надо искать хороший городок, где не мешаает приземлиться.

— Опять не понимаю.

— Ну, что вы так строго! Я хотел с вами поговорить, как с разумным человеком. Ну, пусть мы, мужчины, на работе, на войне, но семьи?.. По-моему, лучше Ташкента вряд ли подберешь местечко. Причем надо спешить. Когда туда все бросятся...

— Белан, вы коммунист?

— Богдан Петрович, — вспыхливо оборвал его Белан, — что такое коммунист? Я своих детей не в навозе нашел...

— Уходите, Белан, — сжав кулаки, сказал Дубенко, — уходите. Если вы сейчас не уйдете от меня, я вам побью морду. — Белан испуганно взглянул на Дубенко и сделал несколько шагов назад.

— Прошу прощения, Богдан Петрович... Не думал... Вы можете сказать Рамодану. Но насчет морды...

Он юркнул в дверь. «Какой мерзвец, — подумал брезгливо Богдан, — какой... сукин сын». Богдан посмотрел на свой кулак, разжал его и опустил руку.

— Что ты думаешь о Белане? — спросил Дубенко Шевкопляса. Директор посмотрел на Богдана с некоторым изумлением.

— Чего это ты решил вдруг так, ни с того ни с сего?

— Не нравится он мне, Иван Иванович.

— Брось пустяками забивать голову, Богдан Петрович. Он мне тоже сегодня кое-что рассказал. Ташкент у него вроде пунктика помешательства. Так? С войной у многих какой-нибудь пунктик появляется. Вот Данилин ходит и подсчитывает, сколько Европа дает Гитлеру самолетов, — Шевкоплас по-

смотрел на Богдана более пристально и с какой-то игривой уличающей лукавинкой, — так? Ну и пусть подсчитывает, шут с ним. Лишь бы хорошо работал на оборону. Микроскоп... Так?

— Пожалуй, что так, — согласился Богдан.

— Белан неплохой парень. Ретивый и резвый. А резвости у нас вообще нехватает. Копаемся часто. Если я Белану скажу — достань мне чорта с рогами — достанет. Так? На нашей спине, вишь, какая махина, Богдан. Заводище! Самолеты надо печь, как блины, сразу на десяти сковородках. Мне нужны резвые люди... чтобы крутились волчками. Брось ты думать о Белане. Не твоя забота — давай лучше решим, как нам наладить свою поковку, вот по этим деталям.

— Но поковки нам доставлял...

— Туда я уже не могу дозвониться. Как бы туда враги близко не добрались. Вывозят, наверное, завод. Считай, один завод выпал, а работать должны... Сейчас обмозгуем здесь, а потом пройдем в цеха. Там кое-что нужно переставить...

Весь день ушел на ликвидацию «выпада» фасонной поковки. Кое-что придумали у себя, позвонили на смежные заводы, посоветовались с мастерами. Справились. Но впереди угадывалось худшее. Корни завода, на котором рождался их самолет, питались соками юго-западных районов Украины, где находились специализированные заводы сортового проката, поставщики материалов для их завода. Германские воздушные силы достигли некоторых заводов-поставщиков. Но если к ним подойдут наземные армии? Если противник захватит? Тогда придется многое менять в производстве, искать других поставщиков.

Вечером, по поручению горкома, Дубенко выступал на общегородском собрании интеллигенции. В зале сидели писатели, художники, артисты, академики, врачи, преподаватели. Сотни глаз с надеждой устремлены на Дубенку, на непосредственного творца оружия, ждали от него, от инженера, точной формулы победы, ответа на мучившие их сомнения.

Дубенко стоял у трибуны, обтянутой красным бархатом, глядел в напряженный зал и говорил. «Выпады!» — вот что мучило его и сверлило его мозг. Слово, конечно, непонятное большинству сидящих в этом зале. «Выпады». Но скованный строгой секретностью своей работы, он туманно говорил о проблеме, только сегодня реально вставшей перед страной. Они жадно слушали его и мало понимали. Фронт требовал самолетов, а у него на производстве начались «выпады». Страшная проблема лежала на его плечах, на плечах Шевкопляса, Рамодана... Государство и народ доверили им создать оружие, и с них спросят. Он говорил медленно, и те, кто знал его раньше, как хорошего оратора, удивлялись и перекидывались с соседями тревожным шопотком. Его обостренный до предела слух вникал во все, но он не мог заставить себя говорить быстрее, зажигательней. Он говорил и одновременно, находил, решал задачу, как справиться с ужасным словом, задавившим его мозг. Его провалили менее шумно, чем встретили. Тревожный шопоток не прекращался, когда он сел в первом ряду, чтобы из приличия прослушать длинную концертную программу. В концерте выступали со старыми довоенными номерами, невеселыми шутками, длинными отрывками из старых книг — никто пока ничего не придумал нового, — а от него требовали... Снова боль вступила в икру, потом распространилась выше и, когда Дубенко после закрытия занавеса хотел подняться, он чуть не застонал от боли. Его приподнял и поддержал сидевший с ним Тургаев, и он же усадил его в автомобиль и повез домой...

— Профессор рекомендовал поменьше нервничать, побольше находиться в спокойном состоянии, — с грустной улыбкой произнес Богдан.

— Надо слушать профессора, — строго сказал Тургаев.

— Я тоже так думаю, Алексей Федорович... Скажите, кто-нибудь понял меня из этой пубрики?

— Сейчас люди понимают без слов, Богдан Петрович. По глазам... А глаза у вас были выразительные...

— Тоскливые?

— Немного и тоскливые. С выпадами справимся, Богдан Петрович.

— Как же?

— Повернуть надо глаза, и тоска пропадет.

— Куда?

Тургаев молчал. Они мчались по темным улицам города, и им непривычны были мрачные громады домов, нависшие, как утесы, тусклый свет фонарей, которыми регулировали движение милиционеры, пустынные асфальтовые мостовые, политые дождем. Казалось, машина летит по черной реке, на которой иногда вспыхивают и снова погасают сигнальные огни бакенщиков.

Дубенко тронул Тургаева за кожаный рукав пальто, повторил вопрос.

— На Восток, Богдан Петрович. Надо обернуться на Восток, и все будет в порядке.

— Оттуда и так снабжается много заводов. Восток всех не прокормит.

— А, по-моему, прокормит.

— Не думаю... Хотя — не знаю.

— На Востоке чертовски много ресурсов.

— Да, войны в поезде я ехал с одним крупным работником черной металлургии. Он категорически уверял меня, что потеря южных металлургических районов равна проигрышу кампании.

— Ну, и загнул, — засмеялся Тургаев, — ей-богу, загнул.

— Как вы сказали?

— Загнул.

— Хорошее слово. Веселое...

— Конечно, нужно веселей смотреть на жизнь. Русскому человеку тем более это свойственно. Вы же, Богдан Петрович, были веселым человеком. Неужели выпад съел ваш смех?

— Какие там к чорту выпад... ишиас.. Какое противное слово.

— Вот если бы ишиас выпал, а?

— Отлично... Воскрес бы... — улыбнулся Дубенко.

Подъехали к черной громадине дома, где жил Дубенко. Раньше, бывало, так приветливо светились окна их квартиры. Богдан мог безошибочно угадать — ожидают ли его Валя и мать, но сейчас как говорил Шевкопляс, все было «задраено». Ни один луч света не проникал на улицу. У подъезда дежурили. Дворник, низенький мужичок, отлично знавший Дубенку, все же добросовестно проверил его ночной пропуск и так же, с торжественной внимательностью, проверил пропуск Тургаева. Две женщины с противогазами подошли к ним и в свою очередь, как показалось Дубенко, проверяли дворника, точно ли он выполняет свои обязанности старшего дежурного.

— Ну, не диверсанты? — пошутил Тургаев.

— Пальто-то у вас кожаное. На парашютиста походите, — в тон ему ответил дворник. — Дайте закурить папироску... Нет, нет! — спохватился он. — Тут прикуривать нельзя. Я в коридорчике прикурю: а тут чиркни спичку, эти бабы разом расскасируют...

(Продолжение следует)

Друзья

М. БРАММ, И. ГРИНБЕРГ

Рассказ.

★

Техник спросил его:
— Почему они так обманывают народ?

Огнев ответил:

— Потому что у них нет настоящей правды, которая проложила бы путь к сердцу каждого человека.

— Они правду заменяют силой.

— Это зыбкая основа.

— Да. Но сила в истории занимает большое место.

— Это верно только относительно. Сила!.. Ты Брэма читал?

— Да. В его исследовании—большой пробел. В нем не описан наиболее опасный и хищный тип зверя—зверя вооруженного.

— Фашиста?

— Фашиста.

Зеленое поле аэродрома лежало перед ними. Вокруг был лес. Они сидели у готового к вылету истребителя. Огнев в шлеме; в очках, с застегнутыми лямками парашюта. Техник не успел снять дубленый полушубок, в котором он работал ночью.

Огнев жевал зеленые иглы ели. Они были клейкие и горьковатые, и он изредка сплевывал. Котов веточкой чертил какие-то замысловатые фигуры на земле и задумчиво поглаживал себя подбородку. Потом он вспомнил:

— Я еще сегодня не брился.

— Я бреюсь каждый день в пять тридцать утра.

— Вы аккуратны как хронометр.

— Война любит порядок.

Огнев любил беседы со своим техником. Они понимали друг друга каким-то сердечным родством, несмотря на разность лет, на различие характеров.

Котов был мечтательный юноша. Какая-то теплота исходила от него, когда он улыбался, когда говорил о людях, о земле, о книгах. Котов был художником. Его потянуло в авиацию. Это стало неодолимой страстью. Но педантичные, придирчивые врачи нашли у него какой-то дефект зрения. В летную школу его не приняли. Однако с мыслью об авиации Котов не мог расстаться. Он стал техником. Вначале он тяжело переживал свою неудачу. Он прочел ряд книг по офтальмологии, обошел десяток врачей, трогательно уверяя специалистов, что они ошибаются, вступал с ними в спор и ссылаясь на страницы Долгова, Ботвинника и других крупнейших глазников нашей страны. А потом он смирился. Осталась только ревнивая любовь к самолету и совершенно беззлобная, но беспокойная зависть к летчикам.

Когда Котов пришел на действительную службу, он пошел к Огневу в ученики. Огнев сам еще недавно был техником. Мягкие черты характера, нежный, взгляд Котова не полюбились Огневу, человеку суровому, не умеющему говорить нежных слов. Так бы и работали они, встречаясь каждый день и не замечая друг друга, как это часто бывает с людьми.

Однажды за работой Котов спросил учителя:

— Вы уверены, что мотор боевого истребителя работает на азиационном бензине?..

Огнев удивленно посмотрел на него: какой нелепый вопрос! Котов продолжал попрежнему шабрить подшипники, не глядя на Огнева.

— А не знаешь ты, Волга впадает в Каспийское море?.. Сними-ка лучше, юноша, нагар вот с этого поршня, а вечером почитай Козьму Пруткова. Заходи, я тебе дам.

Котов взял поршень и продолжал:

— Я хотел спросить — не странно ли, что некоторым людям техника кажется важнее человека, который создал технику и одухотворяет ее?

Огнев уже больше не смотрел удивленно на Котова. Он вдруг почувствовал какую-то новую жилку в своем ученике — и, скорее сердцем, чем разумом, он ощутил, о чем думает сейчас Котов. Он сказал:

— Мне тоже кажется, что в бою состав крови летчика имеет не меньшее значение, чем октановое число бензина.

— Характер?

— Характер. Ты это хотел сказать?

— Да. Если бы в бою понадобилось зарядить баки кровью — вы бы отдали свою?

— Я коммунист.

— Я тоже.

— Мне сказали, что ты беспартийный.

— Я не об этом... Жить надо для подвига.

— Жить надо бесстрашно.

— Да.

Они замолчали.

Огнев понял, что в натуре Котова — не только нежность, и ему стало приятно думать о нем. Не глядя, он видел его светлые глаза и темные волосы. Высокий, худой, с длинными руками...

Ему уже хотелось беседовать с ним — и он сам почувствовал теплоту, которая редко тревожила его в повседневных общениях с людьми.

Так начиналась дружба.

Огнев был старше Котова на восемь

лет, ему было тридцать. Один рос в те годы, когда уже отгремели бури гражданской войны, он знал дом, хорошо учился, стал художником, потом авиационным техником. О голоде, о нужде он знал только понаслышке, по книгам. Другой — полной чашей хлебнул и нужду, и голод с самого детства. Родителей разметала гражданская война. С группой таких же голодных и безнадзорных ребятишек он скитался по стране. Он узнал страну, но это была тяжелая школа: следы этих лет, как рубцы от ран.

Огнева называли злым. Это неправда, он был суров. Темные, широко расставленные глаза его, квадратный подбородок, широкие ноздри и тяжелая копна черных волос, почти закрывающих лоб, нередко отпугивали от него людей. Маленький, с несоразмерно широкими плечами, с короткопалой рукой, твердой, как клещи, — он жил почти молча среди товарищей. Он всегда работал. В кубрике или в красном уголке он всегда читал. Огнев любил книгу, любил думать и не умел разговаривать.

★

Вчера Огнев вернулся с разорванными плоскостями, с пробитым в нескольких местах радиатором, с простреленной приборной доской. Был горячий бой над заливом. Большая группа пикирующих бомбардировщиков в сопровождении «мессершмиттов» пыталась произвести атаку по кораблям. Их встретила девятка наших «мигов». Ведущим был Огнев. Он атаковал их так стремительно, что два бомбардировщика с первой же атаки захлебнулись в горькой воде Финского залива. Остальные, сбросив туда же бомбовый груз, развернулись на 180 градусов и, как потревоженная галочья стая, ушли на полном газу. «Мессеры» на отходе приняли бой. Их было пятнадцать. Бой закончился со счетом два ноль в пользу «мигов».

Огнева здорово измотали. На него навалилось целое звено, и если бы не его стремительные развороты, если бы не его смелые лобовые атаки, может быть, не сидел бы он сегодня с Котовым у своей машины...

— Вас здорово потрепали, Михаил Гаврилович, — сказал Котов, когда Огнев подрулил к ангару.

— Да, маленько поцарапали машину...

— В таком виде вы еще ни разу не возвращались... Была хлопотливая встреча?

— Обычная. Вот тебе и работу задал большую, — Огнев кивнул на самолет.

— Нет, работы тут немного, совсем пустяковая работа.

Огнев не любил рассказывать о своих встречах в воздухе.

Котов работал всю ночь. К утру самолет стоял готовый к полету, заправленный, с полным комплектом боезапаса. Зеленые ветви скрывали его, брезент обергал от пыли и ветра.

Котов умылся здесь же, у машины, здесь же позавтракал. Он не любил уходить в землянку до вылета Огнева. Держась за крыло, он обычно выбегал вместе с машиной на рулевою дорожку. Затем, когда, взревев могучим мотором, отбрасывая стремительные и крутые потоки воздуха, машина вырывалась на старт и чудесным легким движением уходила в воздух, Котов, дождавшись разворота на курс, посылал последнюю приветливую улыбку своему другу и только тогда уходил в подземный кубрик.

Сейчас они сидели в ожидании ракеты.

Небо по горизонту было обложено тугим слоем облаков. Горизонт был тесен. Вверху облака редели, а еще выше они слегка дымились — косматые нити отрывались от них и таяли.

— Штурмовая погода! — сказал Огнев. — За облаками чистое небо. Легко идти, когда тебя не видят с земли. Еще легче подойти к точке, пробить облачный слой и высочить на штурмовку. Это — как молния.

— Сегодня утром, до рассвета еще, группа Кожевникова пошла на северо-запад. Через залив.

— Штурмовать?

— Да.

— Кожевников — храбрый человек.

— Говорят, немцы обещали за него десять тысяч марок.

— Это мало.

— А за Сибирцева — двадцать.

— Он угробил их «асса».

— Фрица Клейнбота? Я слышал.

— У него на стабилизаторе было двадцать пластинок.

— О, если бы я летал!..

— Ты будешь летать...

— У меня глаза...

— Я говорил уже с полковником. Он видел, как ты виражировал на «У-2».

— Это было очень плохо.

— Это было очень хорошо. Так сказал полковник.

— Он знает лучше меня.

— Он знает лучше нас. Я это видел в одном бою на Востоке.

— Он был тогда лейтенантом?

— Да. Он стал тогда героем.

— Говорят, у японцев большие глаза. Но они летают...

— Ты тоже будешь летать. Полковник...

В это мгновение взвывала сирена. Раздался бой зениток и свист падающих бомб. Они взорвались где-то за взлетной полосой.

Из-за туч, прямо над аэродромом, вывалилось больше двух десятков самолетов.

— Всем по землянкам!

Взлетать было поздно. На взлете самолет беспомощен.

Огнев встал, он уцепился за элерон своими железными пальцами — и казалось, элерон вот-вот превратится в труху. Это было чувство бешенства.

Тяжелые бомбы рвались вокруг.

— Я взлечу, Котов! — твердил он.

— Вы не имеете права...

— Всем по земля-аа-анкам!

Заговорили зенитные пулеметы. Сериями рвались бомбы. Они уже изрыли рулевою дорожку.

Котов вопросительно взял Огнева за локоть.

Самолеты пошли на штурмовку. Они поливали пулеметным огнем укрытия по краям аэродрома. Бомбы продолжали рваться сериями — и в воздухе стояли дым, пыль и тяжелый тошнотворный запах пороховых газов. Верхушки де-

ревьев качались от взрывов, местами вспыхивал темнокрасный острый и зубчатый по краям огонь.

Штурмовики приближались к ангарам. Огнев и Котов уже были у землянки, они открывали дверь, когда пулеметная очередь прозвучала совсем близко. И вдруг они оба почувствовали — это по их самолету. Повернулись. Вражеский самолет выходил из пике над соснами, за которыми был укрыт их «миг». Другой самолет, стреляя из всех пулеметов, шел в пике на эту же точку. Огнев и Котов рванулись вперед.

— Огневу вернуться! — прозвучал властный голос. Это был голос командира эскадрильи.

Огнев задержался на секунду, еще ниже опустил голову, еще крепче сжал кулаки и пошел в землянку.

Котов на своих длинных ногах мчался к самолету. Он забыл о предосторожности, он даже, может быть, не слышал стрельбы, — он думал о машине, о своем пушечном истребителе, полном снарядов большой взрывной силы и пулеметных лент.

Бомбы падали со свистом, и тяжелые взрывы их гулким несомкаемым эхом отдавались в лесу. Десятки пулеметов били с воздуха. Немцы штурмовали аэродром яростно, как им казалось, смертным штурмом. Они особенно ненавидели балтийские аэродромы.

Котов добежал до машины. Сбоку яркое пламя прорезало горизонт. Это штурмовик, подбитый зениткой, падал, как метеорит, на землю.

Котов влез в кабину, открыл люки боезапаса и начал выгружать снаряды. Он сунул пулеметные ленты за пазуху; перекинул через плечо — и, только нагрузившись доотказа, выпрыгнул из кабины.

Котов отбежал подальше от машины, туда, где проходил заброшенный ров, и там сложил боезапас. Но в самолете еще оставались ленты со снарядами. Удачное попадание могло вызвать взрыв, от которого машину разнесло бы в щепки.

Котов снова своим быстрым бегом направился к кабине. Ему тяжело было

бежать в полушубке, пот грязными струйками сбежал по лицу, в ушах стоял нестерпимый звон, от пороховых газов пересохло во рту. Но была только одна мысль: спасти машину! Ни о чем другом он в эту минуту не думал.

Котов забрался в кабину. Он хотел разрядить пулеметы, но вдруг, покрывая грохот стрельбы и взрывов, до него донеслось мощное, все растущее гудение нескольких моторов. Он поднял голову. Три самолета пикировали на него почти тесным сомкнутым строем. Это было красивое зрелище! Какое-то мгновение Котов успел подумать об этом. Но это зрелище несло верную смерть.

Огнев рядом с командиром эскадрильи стоял у самого выхода из землянки. Он видел все: он взглянул на командира умоляющим взглядом, тот тоже взглядом ответил ему:

— Не выходить!

Огнев тяжело дышал, сжимал и разжимал кулаки и широко открытыми глазами смотрел туда, где, окруженные соснами и елями, находились под смертельным ударом его «миг» и его Котов...

Котов понял, что на него идет смерть. Оставались десятые доли секунды, чтобы принять решение. Боезапас унести было нельзя, — Котов решил его израсходовать, чтобы уберечь машину от взрыва...

Стремительным рывком он приложил к гашетке и дал длинную очередь из всех пулеметов. Трассирующие пули начертили огромную многоцветную дугу, проходящую через весь аэродром и обрывающуюся где-то за лесом. Затем Котов разрядил пушку...

Никогда потом он не мог вспомнить, что произошло за эти короткие секунды. Он помнил только, что стремительно падали на него самолеты. Казалось, вот-вот они раздавят его вместе с машиной, вместе с остатком нерасстрелянных пулеметных и снарядных лент... Но вот сомкнутый строй пикировщиков дрогнул — крайние отвалили в сторону, средний взмыл вверх, развернулся, чтобы сделать еще один заход, но не успел выравняться. Зенитка настигла его. Самолет на секунду остановился в воздухе, повис на левом крыле и затем

ружнул с восьмисот метров прямо на рулевую площадку. Столб огня и дыма поднялся на том месте, где упал самолет.

Котов медленно выбрался из кабины. Шатаясь, он направился зачем-то к разбитому горящему самолету. Бездумно, вяло, с трудом сгибая руки, он начал отстегивать кобур своего десятизарядного автомата. Но, отстегнув, он вдруг повернулся и направился к землянке. Только тогда донеслись до него голоса:

— Котов! Воентехник Котов! — это кричали Огнев и командиры эскадрильи.

Огнев обнял его и сжал так сильно, что Котов застонал. Командир снимал с него полшубок, искал, нет ли раны. Котов попросил папиросу. Он закурил первый раз в жизни.

Бомбежка прекратилась. Говорили зенитные орудия. Самолеты начали набирать высоту и уходить в облака.

Огнев взглянул на командира. Тот понял летчика. Итти на преследование? Он не сразу ответил Огневу. Но летчику показалось, что ему сказали «да». Он рванулся из землянки. Поддерживая парашют, Огнев бежал мимо деревьев, и ветки больно хлестали его по лицу. Он добежал до своего «мига», задержался, потом снова побежал вперед. Огнев вспомнил, что в его машине не осталось боезапасов. Он сел в другую машину своего звена.

Рев мощного мотора заглушил голоса зениток. Маленький длинношей «миг» выскочил на рулевую дорожку. Мотор ревел, как буря. Молодые деревья качались, точно от порыва шквального ветра. Огнев с места пошел на взлет...

Последнее звено фашистских самолетов находилось уже у самой кромки облаков. Но вот тройка развернулась и пошла снова на аэродром. Они заметили взрывающий истребитель. Зенитная батарея дала еще несколько залпов и смолкла. Самолеты приблизились к Огневу.

Это было звено «мессершмиттов». Один из них, держась на высоте, остался в дозоре, два пошли в крутое пике на Огнева. Они прошли над ним, ко-

гда он едва успел набрать полтораста метров высоты. Но Огнев уже чувствовал воздух и скорость. Он метнулся в сторону, круто взмыл, лег на спину, перевернулся на правое крыло и ринулся в лобовую атаку. «Мессершмитты» еще полностью не вышли из пике, когда Огнев закончил свой стремительный боевой маневр.

Он знал уже, что момент излюбленного удара немцев в воздухе — удар по летчику, лишенному возможности маневрировать, или внезапный удар с хвоста — потерян. Сейчас не они, а он ведет бой, и его тревожила только одна мысль: заставить их драться! Он знал, что они повернули только для внезапного удара, а не для борьбы.

Он шел в лоб на фашистского летчика. Их отделяло расстояние в двести метров. Он спокойно смотрел на прицельный кружок. Расстояние резко сократилось. Он открыл огонь из всех пулеметов. Короткие рассчитанные очереди. «Мессершмитт», шедший первым, отвалил в сторону. На правой плоскости его вспыхнул огонь. Самолет потянул в облака, но залп зенитных орудий отрезал ему путь. Он сделал разворот вправо, и здесь настиг его снаряд. Самолет взорвался в воздухе.

Второй также уклонился от лобовой атаки, он отвалил, чтобы зайти на Огнева под более выгодным углом. Но Огнев опередил его и снова пошел ему прямо в лоб, засыпая зелеными, синими, красными огоньками трассирующих пуль. Фейерверком такого же огня ответил «мессер». Что-то прожгло Огневу руку. Он почувствовал острую боль, но сразу же забыл о ней. «Мессершмитт» был от него на расстоянии ста метров.

Еще одно дыхание — и они столкнулись в последнем таране.

Огнев перестал дышать. Он приложил палец к общей гашетке и почувствовал страшную боль. Рука его онемела. Большой палец отказывался служить. Превозмогая себя, он все же раненым пальцем нажал гашетку. Это были движения быстрые и внезапные, как выстрел. Сноп огня пришелся по брюху «мессера», — в последний момент

он уступил дорогу «мигу» и забрал поспешно вверх.

Тысячной долей секунды располагал Огнев, чтобы нанести противнику смертельный удар под хвост. Он еще раз изорванным и кровоточащим пальцем приложился к гашетке. «Мессершмитт» вспыхнул, как факел, разбрасывая языки пламени вокруг, и беспорядочно начал падать. Летчик выбросился на парашюте.

Огнев оглянулся. Он искал два «мессера» в воздухе, но увидел только один. В разрывах зениток он уходил в облака. Ему удалось прорваться.

Надо было итти на посадку.

Огнев хотел взять штурвал на себя, но рука не действовала. Она висела плетью. Ему показалось, что рули перебиты. Он взял штурвал левой рукой — самолет пошел в плавный вираж. Значит, тросы целы. Он повел машину на старт. Но как выпустить шасси? Он сделал еще одно усилие, чтобы дотянуться правой рукой до управления, но рука не поднималась.

Он кружил над аэродромом, истекая кровью, и внизу понимали, что с ним что-то случилось. Огнев тоскливо посмотрел на землю, на свою раненную руку. Он не хотел выводить из строя машину посадкой на брюхо, прекрасную боевую машину, такую же, как та, за которую, не задумываясь, пошел на смерть Котов.

Злоба овладела им. Он заскрипел зубами. В этот момент родилось новое решение. Он взял ручку в зубы и крепко стиснул ее. Самолет шел ровно. Тогда он левой рукой дотянулся до управления и выпустил шасси.

Он отлично сел, как садился всегда. Только выбраться из кабины сам уже не мог.

К нему подбежал Котов, командир эскадрильи, врач. Его отнесли в лазарет. Правая рука оказалась простреленной в четырех местах. Одна пуля пробила большой палец.

Котов сидел возле его кровати, когда врач закончил перевязку. Он с нежностью смотрел на него и гладил краешек мягкого пушистого одеяла. Огнев лежал с закрытыми глазами, но не спал.

★

Рана на пальце не зажила.

Когда Котов приходил в госпиталь, Огнев прежде всего спрашивался о машине. А Котова волновал палец — большой палец правой руки Огнева. На сложной клавиатуре приборов боевого самолета этот палец управляет гашеткой. Без него он не сумеет вести бой в воздухе.

Врачи, говоря о пальце, употребляли слишком много мудрых слов и никогда не отвечали прямо на прямой вопрос Котова. Тогда он обратился к ординатору отделения. Это был человек с большим голым черепом и с тусклым взглядом. Он не спал уже много ночей. Он сказал:

— Палец необходимо отнять.

Котов отшатнулся.

— Вы ошиблись, доктор!

— Увы, нет. Раздроблена кость. Осстеомиелит.

— Вы знаете...

— Я все знаю. И мы старались. Нужна операция. Я докладывал вашему полковнику. Собственно, вы кто будете?

— Я его техник.

— А-а...

Огнев лежал в колонном зале загородного дворца. Дворец этот славился своими гобеленами. И сейчас еще, как до войны, посетители перед входом в зал надевали ковровые туфли, чтобы не попортить паркет. Это было очень трогательно, и бойцы и командиры всегда с особой тщательностью подвязывали ковровые туфли к своим огромным сапогам.

Котов сидел у кровати Огнева с альбомом в руке. Он делал зарисовку зала по просьбе летчика. Котов рисовал нехотя — он думал о температуре, которая была вчера вечером у больного: 39,2. Он думал о пальце, от которого зависит судьба его друга. По ночам Котов просыпался от тревожных снов. Когда его спрашивали об Огневе, он только молча махал рукой. И его понимали все. Всем было тяжело думать, от какого пустяка погибает боевой летчик.

Огнев внимательно следил за карандашом Котова.

Он очень похудел за эти две недели. Глаза его как будто расширились. Волосы, слегка увлажненные, уже не отдавали блеском вороного крыла. Они слегка порыжели. Он часто дышал и все облизывал пересохшие губы.

— Вчера... я видел в воздухе Кожевникова... — сказал он. — Я узнал его по особенному строю его девятки.

— Клин и концевые — уступом?

— Да. Мне показалось... что я видел приветственное покачивание.

— Все наши в ясную погоду проходят низко, мимо окон дворца, и приветствуют вас.

— Обо мне думают?

— О вас часто говорят.

— Что?

— Всякое. Жалуют.

— За что? Пустяковая рана...

— Поэтому и жалуют...

— Что пустяковая?

— Нет. Что она заставляет лежать.

— Я с врачами уже спорил... Мне кажется, если бы я остался на аэродроме... я бы уже выздоровел. Человек без работы... всегда болен.

— Это правда. Я тоже чувствую себя больным.

— Отчего ты хмурый?

— Я думаю о вас.

— Разве я внушаю тревогу?

— Не знаю.

— Постой, постой... Ты хитришь!

Огнев начал выбираться из-под одеяла.

— Вам нельзя.

— Молчи. У меня никогда не было няньки. Пойдем.

— Куда?

— К начальнику. Я знаю, почему ты хмурый.

— Михаил Гаврилыч!

— Молчи. Я не дам резать палец...

Он нагнулся, чтобы поискать туфли, и ушел. Правая рука его с гипсовой повязкой гулко стукнула о паркет. Подбежала сестра. Огнева подняли, уложили. Он не протестовал. Он услышал шопот сестры, предлагавшей Котову уйти, и тихо попросил:

— Оставьте его.

— Вам надо спать, больной.

— Оставьте его, прошу вас!

Котов никогда не слышал, чтобы Огнев говорил так мягко, так просительно.

Сестра отошла. Она приложила палец к губам и пригрозила Котову. Котов стоял растерянный. Глаза его заволокло туманом.

— Сядь, — попросил Огнев.

Котов сел.

— Скажи мне правду...

Перед широкими окнами, смотревшими на залив, проходило звено истребителей. Они приветствовали Огнева мягким плавным покачиванием плоскостей.

— Смотрите...

— Ничего не надо... Скажи мне правду!

— Я буду у вас завтра.

— Завтра ты скажешь?

— Да.

— Ты сегодня зайдешь к начальнику госпиталя?

— Да.

— Ты будешь у полковника?

— Да.

— Ты сделаешь все, что сделал бы я сам?

— Я сделаю больше.

— Что?

— Не знаю еще...

— Значит, правда?

— Правда.

Огнев как-то весь обмяк под одеялом. Затем он начал часто дышать, закрыл глаза, и вдруг судорожный крик огласил палату... Сестра подбежала к нему, появился врач. Котов, шатаясь, побрел к выходу.

Он шел к аэродрому, ничего не видя перед собой. Он вошел в землянку, повалился на нары. Ему что-то говорили товарищи, но он не слышал. Слабость охватила его, страшная слабость. Через две минуты он уже спал.

★

Осенняя влажная ночь стояла над аэродромом. Ветер гудел в верхушках деревьев, и они заунывно шумели.

Котов, чуть сторбленный, поеживаясь от холода, медленно прохаживался у землянки командира полка. Его вызвал полковник.

Котов курил, пряча огонек папиросы в ладони. Из ближнего ангара доносил-

ся приглушенный стук молотка. Где-то далеко шел артиллерийский бой.

Звуки ночи тревожили его. Из шума деревьев, из дальнего грохота канонады вырастал крик — судорожный крик, который он слышал сегодня в палате...

Он неотступно думал об Огневе.

Аэродром, война, четыре года службы, думы и чувства — все было связано с этим суровым человеком. Когда Огнев поднимался в воздух, он оставался на земле с каким-то теплым предчувствием радости. Он знал, что Огнев будет драться, что смерть будет проходить по краям его крыльев. Но это вызывало чувство гордости, а не чувство тревоги.

Деревья сердито шелестели своими верхушками. От грозного вздоха фортов дрожала земля. Где-то далеко темноту ночи прорезала зеленая ракета. Она неторопливо поднялась, осветила силуэт леса, застыла на миг и погасла.

Котов увидел Огнева, бессильно повалившегося на пол у кровати... Он услышал стук гипсовой повязки — глухой, безжизненный... Он услышал голос Огнева — слабый, просительный, незнакомый голос...

— Котов! — тихо донесся окрик вестового.

Он вошел в землянку, освещенную неяркой батареей лампочкой.

— Всентехник Котов по вашему приказанию...

— Здравствуйте, Котов! — Высокий человек в меховой безрукавке, накинутой псверх кителя, протянул ему руку. — Вот стул...

Запах одеколona и дыма стоял в землянке. Две койки, большой стол, заваленный бумагами, карта на стене и портрет Сталина выплывали из темноты. Полным светом был освещен только стол.

Котсв сел. Полковник стоял перед ним, и голова его, уходившая под самый потолок, в темноту, плохо видна была Котову. Когда он привык немного к затемненному свету землянки, он разглядел знакомую шевелюру полковника, крупные черты его лица и слегка приоткрытые в улыбке губы.

Рядом за столом сидел комиссар. Пе-

ред ним была навалена груда газет, он пробегал какую-то статью своими быстрыми глазами и отчеркивал ее карандашом — размашистыми и короткими движениями. Потом он бросил карандаш на стол, жадно и быстро закурил, взглянул на Котова и спросил:

— Ты был сегодня у Огнева?

— Был, товарищ батальонный комиссар.

— Как он?

— Плохо. Палец будут резать.

— Знаю. Ты успокоил его?

— Нет.

— Почему же?

— У меня нехватило слов.

— Понимаю. Это горе. Это настоящее горе, что тут скрывать. Как ты думаешь, командир?

— А как его машина, товарищ Котов? — спросил командир.

Котов ответил не сразу, погруженный в свои мысли.

— В хорошем состоянии, товарищ полковник.

— Может быть, вы порекомендуете нам, кого посадить на эту машинну?

— Не знаю. Мне трудно думать об этом, товарищ полковник.

— А мы уже придумали, — сказал комиссар и взглянул на командира. Тот кивнул головой. — Мы посадим Котова!

Котов вскочил.

— Вы не довольны?

Котов молчал.

— Занять место Огнева — почетно.

Котов молчал.

— Почему ты молчишь? — спросил комиссар.

— Не знаю.

— Чего ты не знаешь?

— Больно, товарищ комиссар! Я всю жизнь мечтал о боевой машине, всю жизнь... Но занять место Огнева...

— Ты не место занимаешь Огнева, ты заменяешь его в бою!

Котов слышал слова командира, но они не доходили до его сознания. Сесть на машину Огнева вместо Огнева, стать летчиком как-раз в те дни, когда Огнев по нелепой случайности перестал быть летчиком, — нет, это невозможно! Он скажет полковнику, и тот поймет его.

— Итак, — обратился командир к

Котову, — завтра мы вместе поднимемся в воздух. Через две недели я введу вас в строй. Ясно?

— Товарищ полковник...

— Ясно? Можете идти.

★

Ночью Котов не спал. Он выходил из землянки, бродил по лесу, и тысячи мыслей одолевали его.

Через две недели он получил боевую машину — машину Огнева.

Котов когда-то мечтал драться в его звене, в его эскадрильи, в его полку... А ныне Огнев будет приходить на аэродром и грустными глазами смотреть на Котова, взмывающего на его машине в воздух... Это мучило Котова. Он думал о дружбе, о жалости, о чувстве долга — он хотел связать концы этих мыслей, но они никак не связывались. Он судорожно глотал папиросный дым, думая о страданиях Огнева — сурового человека и бесстрашного летчика, который лишился пальца, управляющего боем... Он вспомнил свой первый разговор с Огневым. Да! Тысячи моторов можно заменить десятком тысяч. На смену разбитой машине приходит сто таких же или даже лучших. Но чем можно заменить один палец такого летчика, как Огнева?

Рассвет застал Котова у машины.

Она стояла, закрытая брезентом, как будто спала. Столько движения таила в себе эта машина, столько стремительности, что даже странно было видеть ее совсем неподвижной.

Он расчехлил машину и сухими чистыми тряпками начал снимать испарения, осевшие на приборах. Тщательно, как всегда, он обтирал металл и стекла, обтирал насухо, до блеска. Раньше, до болезни Огнева, он делал это, и улыбка блуждала на его лице. А сегодня он только механически повторил знакомые движения. Глаза его были тусклы.

Закончив работу в кабине, Котов откинулся на спинку сиденья — и вдруг впервые, новыми глазами посмотрел на приборы, которые блестели передним матовым блеском дюралюминия и прозрачной темнотой толстых сткол. Вчера еще они служили другому, он

только ухаживал за ними. Но завтра они будут служить ему!

Вот она, эта кнопка, которая открывает огонь... Сколько тысяч пуль выпустил Огнев, нажимая эту кнопку!

Котов тяжело вздохнул.

Он спрятал большой палец правой руки и попробовал управлять самолетом и огнем без него. Было очень трудно. Инстинктивно поднималась левая рука. Если бы на левой руке прострелили палец у Огнева, а не на правой, — подумал Котов... И вдруг мысль, как пуля, пронзила его. Он вспомнил некогда прочитанное в каком-то техническом журнале. Учащенно и гулко забилось сердце.

Что, если гашетку вынести под левую руку?.. Ну да, под левую, на сектор газа, где большому пальцу почти нечего делать!

Чорт подери, ведь он же совершенно здоров! Ведь он же зубами управлял ручкой, а тем более справится четырьмя здоровыми пальцами! Ему нужен еще только один палец для гашетки? Он есть у него на левой руке!

Котов тяжело и часто дышал. Все мысли бежали от него, осталась только одна: гашетку на левую сторону! Дать Огневу машину, во что бы то ни стало дать ему машину с гашеткой под левую руку!

Он выпрыгнул из кабины и на своих быстрых ногах стремительным спринтерским бегом направился в штаб к инженеру полка. У входа в землянку он со всего размаха налетел на полковника.

— Что с вами, Котов?

Котов выпрямился.

— Разрешите доложить, товарищ полковник!

— Докладывайте, что случилось.

— Есть возможность вернуть Огнева на машину...

Полковник заметил необычайный блеск в глазах Котова. Он только спросил:

— Вы не сошли с ума?

— Никак нет, товарищ полковник. У меня расчет и схема.

— Нужен инженер?

— Так точно!

— Зовите его и заходите сейчас же ко мне.

Инженер своим длинным холеным мизинцем почесал маленькие усики, затем пригладил и без того гладкие, аккуратно расчесанные на пробор волосы и изрек:

— М-да! В специальной литературе такие случаи описаны. — Он был франт и любил поважничать, но ему охотно прощали этот недостаток, потому что он был отличный боевой инженер. — Я сейчас же попробую, товарищ полковник, если прикажете.

— Приказываю немедленно!

В этот день и в ближайшие два дня Котов не был у Огнева. Он только писал ему краткие записки.

Огнев с удивлением читал их. Он хмурил брови и требовал от посыльного, чтобы Котов лично явился в госпиталь. Но Котов не приходил.

Глубокие морщины, как шрамы, прорезали лицо Огнева. Они шли от носа по краям губ и особенно резко очерчивали его квадратный подбородок. Большие глаза его были бесцветны, и их свет почти не виден был в глубоких иссиня-желтых впадинах, изрытых морщинами. Обнажились скулы, открылся лоб и полоска цвета слоновой кости по краю лба. Он постарел.

Огнев целые дни лежал молча. Раны давно уже зажили на руке, культяпка обрубленного пальца хорошо срасталась. Он мог уже встать. Но он лежал в постели, смотрел сквозь широкие окна куда-то далеко, в синь неба и молчал. Стояла прекрасная осень — без дождей, с багряными закатами, с мягким шорохом увядающих листьев. По синему чистому небу ползали громады кучевых облаков. Отличное летное небо! Было грустно думать об этом...

Когда над заливом мимо окон проносились его «миги», он отворачивался, закрывал глаза.

Он думал о людях, с которыми прожил столько лет, — об этих шумных, вечно смеющихся, вечно кипящих от избытка энергии людях. Он был другим, его называли нелюдимым — он знает. Но он был настоящий истребитель, и друзья любили соседство его крыла...

Он думал о Котове. Какое ласковое чувство пробуждал в нем этот юноша! Последние годы как-то согрели Огнева. Ему отрадно было возвращаться на аэродром и чувствовать на себе взгляд Котова. Легко было на душе, когда Котов, держась за крыло самолета, вместе с ним выбегал на старт. И он тоже с улыбкой уходил к далеким берегам искать врага, который соскучился по соленой и горькой воде Финского залива.

Теперь не станет и Котова. Все уйдет — все, что составляло его жизнь. Что он будет делать с собой?

Он лежал, безмолвный, дни и ночи напролет. Он думал о том, что самое страшное теперь — это встать... Притти на аэродром, попрощаться с товарищами и уйти... Куда?

Так он лежал и в то утро, когда к нему подошла сестра и попросила выйти в приемную.

Он молча встал, небрежно запахнул на себе халат и тихо поплелся через весь зал.

В приемной у окна он увидел людей в халатах. Свет бил ему в лицо, и он не сразу узнал полковника, комиссара и Котова. Он подтянулся, чтобы приветствовать командира, а молча протянул каждому левую руку. А командир и комиссар заговорили громко и весело.

Его неприятно поразили их улыбки. Чему они радуются?

— Ты похудел, — сказал полковник, — очень быстро похудел.

Огнев не ответил. Он посмотрел на Котова, но и Котов улыбался какой-то глупой улыбкой. Так показалось ему.

— Огнев! — окликнул его командир.

Огнев молчал.

— Почему ты мучаешься?

— Я не хотел бы видеть тебя на моем месте, — ответил он глухо и поднял на него свои темные глаза.

Командир положил ему обе руки на плечи и сказал:

— Ты будешь летать.

— На чем?

— На том же «миге»... Да, да, на том же «миге», только гашетки будут у тебя с левой стороны, на секторе газа...

Большие глаза Огнева уставились на командира...

— Повтори, что ты сказал!

— Ты будешь летать на том же «миге». Только гашетки вынесены тебе под левую руку.

Огнев хотел что-то сказать, но вдруг побледнел и сел, почти упал в кресло. Котов рванулся к нему.

— Что с тобой, Огнев?

— Ничего... Ты помнишь, — Огнев посмотрел на комиссара, — бой, под Волосовым.

— Помню.

— В этом бою, — Огнев повернулся к командиру, — я впервые ясно увидел свою могилу... Я оказался один против шести. Мне показалось странным, что эта могила — синяя и солнечная. Может быть, еще один миг — и я бы камнем пошел вниз, простреленный со всех сторон. Но...

— Ты, кажется, преувеличиваешь, — сказал, краснея, комиссар.

— Нет, стой... я говорю правду. В этот миг комиссар на своей «чайке» появился нивесть откуда и врезался в гущу «мессеров»... Ты понимаешь, командир, он рисковал головой ради меня...

— Да к чему ты все это рассказываешь, я не пойму, — снова перебил его комиссар.

— Не знаю... Не знаю, как высказать... У меня сейчас такое на душе!

— Его благодари, — сказал комиссар,

указывая на Котова. — Это все он, он сделал.

Огнев порывисто поднялся с кресла, обхватил левой рукой Котова и прошептал:

— Друг мой!

Первый раз в жизни Огнев говорил такие нежные слова.

★

Звено истребителей находилось в патруле. Они шли над заливом у самой кромки облаков. Небо в зените было чистое, ясное, лишь по горизонту ползли тяжелые бело-дымчатые громадины, едва подгоняемые осенним ветром. Солнце изредка закрывалось оторвавшимся облаком, и тогда сноп лучей, как венчиком, окружал верхнюю, более легкую половину облака. Вода в заливе становилась темносиней, тень набегала на леса, окаймлявшие берег, на корабли, хорошо видные с небольшой высоты, на город — большой город, видневшийся слева. А потом облачко пробежало, от яркого солнца светлела вода, черный лес вновь становился зеленым, и золотые шпили большого города излучали свет.

Котов пел. Он шел в звене и пел песни, обозревая небо, лес и водяную ширь залива.

Котов пел, потому что крылом к крылу шел рядом с Огневым.

Что такое фашистский „новый порядок“ в Европе

Е. ВАРГА

★

Германский фашизм, проводя грабительскую разбойничью, империалистическую политику, ставит своей целью создание так называемого «нового порядка» в Европе. «Новый порядок» — это иная формулировка все того же господства германского империализма на европейском континенте, это план превращения Европы в базу для дальнейшей борьбы германского фашизма за мировое господство, план завоевания и порабощения народов всего мира германской «расой господ».

Вся континентальная Европа, включая Италию, по мнению Гитлера и его приспешников, должна быть навеки подчинена владычеству Германии.

В военном отношении «новый порядок» означает захват прежде всего военной промышленности всех европейских стран, обеспечение за Германией военного господства над всеми странами, увековечение эксплуатации ею других стран Европы.

В политическом отношении это открытая реакция. Нигде не должно существовать ни свободы собраний, ни свободы слова и печати, ни политических партий, кроме фашистской; народ должен быть лишен всякого права на свою собственную судьбу.

В социальном отношении «новый порядок» означает распространение режима террора на всю Европу. Трудовой народ лишается своих профсоюзов, рабочие не должны иметь права голоса при определении условий труда.

В хозяйственном отношении это означает, что Германия эксплуатирует всю Европу, становится промышленной мастерской Европы, все другие государства превращаются в ее аграрные и сырьевые придатки. Иными словами, все европейские страны должны стать колониями Германии.

В национальном отношении «новый порядок» означает, что немцы станут господствующей нацией, все остальные народы Европы будут находиться под их властью. Французский народ как «онегритянившийся», потерявший «расовую чистоту» не будет играть никакой роли. Славянские народы — поляки, чехи, словаки, русские, украинцы и другие — как народы «неполноценные», будут поставщиками неквалифицированной рабочей силы для германского капитализма. Евреи, если они к тому времени не вымрут с голоду, должны быть изгнаны из Европы.

Словом, нынешнее ограбление и порабощение оккупированных стран гитлеровской Германией должно быть систематизировано и увековечено под названием «новый порядок в Европе».

Стремясь распространить свое господство на другие страны европейского континента, представители германского империализма еще до первой мировой империалистической войны выдвигали различные планы «реорганизации» Европы. До и во время войны обсуждался план «Соединенных Штатов Европы». Во время войны также широко

обсуждался план «Центральной Европы», состоящей из Германии и Австро-Венгрии. Смысл этого плана, автором которого был депутат рейхстага Фридрих Науман, сводился к порабощению Австро-Венгрии более развитой в капиталистическом отношении Германией. Поражение Германии и ее союзников в 1918 году похоронило все эти планы.

После войны германские империалисты выдвинули план таможенного соглашения между Германией и Австрией, план «Пан-Европы» и др. Однако германский империализм, ослабленный в результате войны, не мог приступить к практическому осуществлению своих планов. Лишь вооружившись при попустительстве западных держав, германские империалисты в лице своей наиболее оголтелой клики — фашистов — приступили к созданию «нового порядка» в Европе.

Термин «новый порядок» появился несколько лет назад в Японии. Германские фашисты заимствовали его оттуда и пустили в оборот для прикрытия своих истинных грабительских намерений.

В отличие от прежних завоевательных планов, ограничивавшихся требованиями подчинить Германии европейские страны, расположенные к востоку и югу от нее, фашисты поставили перед собой задачу захватить всю Европу.

«В Европе,— заявил Гитлер, — больше не будет пяти, шести или восьми великих держав: будет одна всемогущая Германия». «Я выкую стальное ядро новой империи, которая будет нерушимой. Австрия, Чехия, и Моравия, польский Запад!.. Вокруг этого блока будет прежде всего конфедерация Восточной Европы — Польша, балтийские государства, Венгрия, балканские государства, Украина, Поволжье, Грузия. Это будет, без сомнения, федерация, но члены ее не будут, конечно, равноправными с немцами. Союз второстепенных народов, не имеющих армии, не ведущих собственной политики, не имеющих собственной экономики, вот чем будет эта федерация... Далее следует система вассальных государств на Западе — федерация Голландии, Фландрии и Северной Фран-

ции. Наконец федерация стран севера — Дания, Швеция, Норвегия.»

В настоящее время мечты обезумевших фашистов идут еще дальше: они объявляют африканский континент необходимым дополнением к Европе при «новом порядке». Турция и Ближний Восток также должны быть вовлечены в «новый порядок».

«Верьте мне, — заявлял Гитлер, — весь национал-социализм не стоил бы и гроша ломаного, если бы он ограничился одной Германией и не увековечил по крайней мере на две-три тысячи лет господства высшей расы над всем миром».

Так программа «нового порядка» в Европе последовательно превращается в программу мирового господства германского фашизма.

ФАЛЬШИВЫЕ АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ «НОВОГО ПОРЯДКА»

Фашистские носители «нового порядка» не смеют, конечно, открыто заявить о своем плане превращения всех европейских стран в колонии и полукolonии Германии. Они стремятся завуалировать свои намерения и приобрести себе сторонников при помощи лживых аргументов.

Аргументация их сводится, примерно, к следующему. Нынешнее техническое развитие требует огромных рынков, крупных экономических районов, «хозяйства большого пространства», подобно США или Британской империи. Малые государства, мелкие экономические районы в нынешних условиях не могут конкурировать с экономически мощными державами; их хозяйство должно разоряться. Поэтому в их собственных интересах (?) вклучиться в «новый порядок», стать составной частью вновь организованной Европы, которой будут руководить Германия и Италия.

Эти мысли повторяются и варьируются в бесчисленных речах и статьях немецких фашистов. Вот пример:

«В эпоху современной экономики и современных международных связей и прежде всего в эпоху новой военной техники и стратегии каждый сознает, что Европа слишком мала, чтобы оста-

ваться, как до сих пор, расколото́й на много нежизнеспособных частей или даже делиться на враждебные лагеря, теряя в самоубийственных войнах вместе с силой и свои позиции в мире. Все эти соображения побуждают к европейской солидарности, к какому-то экономически и транспортно-географически большому пространственному целому*.

Большой внутренний рынок, охраняемый от внешней конкуренции защитительными пошлинами, представляет, несомненно, значительные преимущества для крупной индустрии данной страны. Однако, отсюда отнюдь не следует, что трудящееся население крупной страны находится, как это утверждают фашисты, в лучшем положении, чем трудящиеся мелких стран.

Рассмотрим условия жизни рабочих и крестьян в Европе перед второй империалистической войной.

Известно, что Германия имеет самое большое население в сравнении с другими капиталистическими странами Европы. По тезису фашистов выходит, что трудящиеся Германии должны жить лучше, чем рабочие и крестьяне мелких стран.

Было ли это так в действительности?

По данным Международного бюро труда, реальная зарплата рабочих, исчисленная в течение многих лет по количеству продуктов питания одинакового рода и качества, какое можно приобрести на денежную зарплату, была выше всего в Швеции, в стране, население которой составляет всего 1/10 населения Германии, в стране без колоний. Общеизвестно также, что уровень жизни рабочих и крестьян в расположенных по соседству с Германией небольших странах — Швейцарии, Голландии, Дании — всегда был значительно выше, чем в Германии.

Все это свидетельствует о том, что фашистские утверждения, будто большие размеры хозяйственной территории являются предпосылкой лучших условий жизни для народа, совершенно не-

правильны, лживы. Этими утверждениями фашисты сознательно фальсифицируют действительность.

Не выдерживает также критики аргумент, будто интересы европейского континента требуют устранения Англии как «пространственно чуждой» державы. Правда, тот факт, что Англия отделена от европейского континента полосой воды в 30 километров ширины, стратегически очень неприятен для Гитлера, но это не имеет ничего общего с экономическими интересами европейских народов. Англия приобретала у европейских стран товары и продавала им свои; она вкладывала капитал в европейские страны, как это делали Франция, США и сама Германия.

Когда фашистские авторы заявляют, что «новый порядок» Европы близок, что он будет существовать при радикальном устранении всяких попыток вмешательства со стороны английских политиков и будет сформирован национал-социалистической Германией и фашистской Италией*, то это значит, что фашистская Германия хочет превратить всю Европу в свою колонию. Англичане и американцы не должны продавать свои промышленные изделия в Европу, а европейские страны должны покрывать свою потребность в промышленных товарах исключительно из Германии по диктуемым германскими капиталистами ценам, которые намного выше мировых цен. В свою очередь европейские страны обязаны продавать аграрные продукты и сырье только Германии тоже по диктуемым германскими капиталистами ценам, которые намного ниже мировых цен. В этом смысл устранения «чуждых европейскому пространству» стран — Англии и США — из Европы «нового порядка». На жаргоне фашистских обманщиков выражение: «держава, чуждая европейскому пространству», означает устранение всякого конкурента на европейском рынке.

Фашистские пропагандисты «нового порядка» аргументируют также тем, что

* «Берлинер Берзендейтунг», от 13/VII 1940 г.

* Виртшафтсдинст от 5/VII 1940 г.

будто «упорядоченная» под руководством Германии Европа не будет страдать от кризисов перепроизводства. «Новый порядок» будет представлять такое «чудо», которое выведет Европу из состояния экономических кризисов в состояние непрерывно процветающего хозяйства.

По опыту целого столетия каждый знает, что при капиталистическом строе экономические кризисы повторяются периодически. Фашистские клоуны хотят опровергнуть этот факт примером гитлеровской Германии, где в 1937 году не было кризиса, наступившего в большинстве стран. Но это объясняется односторонним развитием хозяйства Германии. Со времени захвата власти Гитлером хозяйство Германии было перестроено на производство вооружения. Поскольку государство скупало всю продукцию военных заводов, не могло быть и перепроизводства. Производство товаров для нужд гражданского населения было сильно ограничено, так что в этой области также не могло возникнуть перепроизводства.

Бескризисный период был куплен ценой лишений и страданий трудящегося населения, которое было вынуждено работать вдвое больше прежнего, а получать за свою тяжелую работу еще меньше реальных благ, чем раньше. Однако и при этих условиях бескризисное состояние в Германии долго продолжаться не могло. Это была лишь временная отсрочка. Если бы не разразилась война, германская экономика, в виду крайней нищеты масс, впала бы в состояние жесточайшего кризиса.

Фашисты сами знают, что их экономические аргументы не убедительны, поэтому они их тут же дополняют угрозами: «Мелкие и средние государства Европы получили во время этой войны наглядный урок, что для их существования опасно жить между соперничающими державами или находиться в свите последних... Экономическое и военное бремя, лежащее на плечах мелких государств, оказалось бессмысленным, а в известных случаях и опасным»*.

После того, как Гитлер со своими ландскнехтами, подобно разбойнику с большой дороги, напал на слабые соседние государства и захватил их, фашистские пропагандисты поучают эти мелкие страны, что для них «опасно» вести самостоятельное существование. Как будто бы какая-нибудь другая держава угрожала самостоятельному государственному существованию Австрии, Чехословакии, Польши, Голландии, Бельгии, Дании, Норвегии, Югославии или Греции!

Аргументация фашистских лжецов в пользу «нового порядка» на деле представляет обвинение против них самих.

Теперь, после двухлетнего горького опыта, поработанным фашистскими ордами европейским народам совершенно ясна картина гитлеровского «нового порядка». Каждодневно растущая борьба побежденных народов против варваров-оккупантов ясно показывает, что живая пропаганда Гитлера не находит отклика. Каждый видит, что «новый порядок» означает насильственное подчинение Европы господству Гитлера.

ВОЕННОЕ ПОДЧИНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ ПРИ «НОВОМ ПОРЯДКЕ»

Основой «нового порядка» является порабощение европейских стран гитлеровским фашизмом. Формы господства над странами Европы внешне многообразны, однако основной формой всюду является военное подчинение. Последнее представляет предпосылку для экономического ограбления побежденных стран, для социального и национального угнетения.

Побежденные Гитлером страны по степени военного подчинения можно разделить на две группы: оккупированные, обезоруженные страны и так называемые союзники, армии которых Гитлер заставляет воевать против СССР.

К первой группе принадлежат Польша, Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия, Югославия и Греция. Это страны, армии которых обезоружены или взяты в плен, они не имеют собственной армии

* Виртшафтсдинст от 5/VI 1940 г.

на своей территории. Это страны, открыто оккупированные германскими войсками и гестапо. В большинстве оккупированных стран сохранена существовавшая ранее городская полиция, жандармерия, тюремщики и др. Весь этот аппарат насилия подчинен фашистским оккупационным властям и выполняет их волю. Вооружение полиции и жандармерии сведено к минимуму ручного оружия.

Особое положение, в известной мере, занимают Австрия и Чехословакия. Обе эти страны также оккупированы фашистскими войсками, но с Австрией обращаются, как с составной частью Германской империи, и австрийцы обязаны проливать кровь в гитлеровских войнах. Чехия и Моравия представляют «протекторат» в составе империи, но Гитлер остерегается давать чехам оружие в руки.

Ко второй группе принадлежат Италия, Словакия, Венгрия, Румыния, Финляндия, Болгария и вновь созданная Хорватия. Эти страны, хотя и обладают собственными армиями, вынуждены терпеть на своей территории немецкие оккупационные войска и находятся под военным контролем фашистской Германии, осуществляемым в различных формах и в различной степени.

Внешне меньше всего заметен контроль «великого» союзника Гитлера—Италии. Однако, официально известно, что германские войска стоят в южной Италии и германская военная миссия под руководством генерала Ринтелена постоянно находится там же. Известно, хотя и не официально, что германский посол Макензен принимает участие во всех заседаниях итальянского совета министров и его слово на этих заседаниях является решающим, что генералов итальянской армии снимают с постов или назначают на посты по «совету» германских военных специалистов, что гестапо, сети которой разветвлены по всей стране, контролирует всю Италию, включая Муссолини. Тот факт, что Италия может получать самое необходимое сырье—уголь, сталь, бензин, цветные металлы и т. п.—только из Германии, еще больше усиливает ее за-

висимость. Поэтому итальянская армия должна воевать с СССР, хотя сам итальянский народ отрицательно относится к войне вообще, а к войне с Советским Союзом в особенности.

Маленькая Словакия была оккупирована немецкими войсками еще до начала войны, и Гитлер погнал словаков на восточный фронт. Румыния целиком оккупирована германскими войсками и управляется гитлеровской кликой. Фашистские разбойники гонят румынских солдат на смерть в качестве дешевого пушечного мяса.

В Венгрии германские войска находятся уже более года. Военное подчинение этой страны несколько более прикрыто. Однако, хотя внешне «независимость» Венгрии сохранена, венгерским войскам под нажимом Гитлера пришлось воевать сначала против Югославии, с которой Венгрия ранее заключила договор о дружбе, а теперь, вопреки воле венгерского народа, приходится им воевать против Советского Союза.

Болгария оккупирована гитлеровскими войсками с весны 1941 года. Эту страну Гитлер хочет использовать в качестве военного плацдарма для нападения на Советский Союз и Турцию. Фашисты оказывают сильный нажим на Болгарию, чтобы побудить ее к активному выступлению на стороне держав оси, и частично добились этого: Болгария объявила войну Англии и США.

Таким образом, группа стран—«союзников» во «вновь организованной» Европе вынуждена платить за свою мнимую независимость кровью своих сыновей в преступных войнах Гитлера.

Своеобразное положение занимает Франция. Несмотря на поражение, у нее остались стратегически важные силы, не захваченные Гитлером: военноморской флот, остаток воздушного флота, колонии, особенно в Северной Африке, армия в 100 тысяч человек в неоккупированной Франции и колониальные войска. Если бы Гитлер продолжил войну до полной оккупации Франции, то морской и воздушный флот Франции, а также ее колонии перешли бы к Англии, как это произошло с Бельгией и Голландией. Поэтому Гитлер поспе-

шил заключить с Францией перемирие и оставил побежденной стране те силы, которыми он не мог овладеть в открытой борьбе.

Во Франции создано сложное положение. Оккупированная часть страны, где открыто властвует германская военщина, разделена на три зоны. Прибрежная зона подчинена германским военным властям. Она отрезана от других частей Франции, ни один француз не вправе выехать из этой зоны или въехать в нее. Из многих местностей этой зоны жители изгнаны. Вторая зона, примыкающая к прибрежной, также находится целиком под управлением германских военных сил. Наконец, третья зона внешне управляется немцами совместно с французскими властями, на деле же здесь повелевают оккупанты, а французам приходится подчиняться.

Весь прежний полицейско-административный аппарат насилия в оккупированной Франции оставлен неприкосновенным. «Сюрте женераль», префектуры «Гард мобиль», «Гард републике» и т. п., претерпев лишь некоторые небольшие изменения в руководящем персонале, продолжают функционировать и после оккупации. Формально они применяются французских законов, фактически, однако, им приходится применять инструкции (в большинстве случаев секретные) командования оккупационной армии, фельджандармерии и гестапо, которые ими непосредственно руководят. Во всех центральных инстанциях административного аппарата имеются представители этих трех видов германской власти, а ниже — в округах, районах и населенных пунктах, рядом с французскими полицейскими комиссариатами существуют германские «комендатуры», контролирующие работу французских комиссариатов.

Преимущество этой системы для оккупантов состоит в том, что они экономят свои силы, проводя порабощение французского народа частично руками французских реакционеров.

В неоккупированной Франции нет германских гарнизонов. Но во всех крупных городах — Лионе, Марселе, Тулузе, Лиможе и т. д. — существуют

военные комиссии. Официально их задача сводится к контролю над осуществлением условия перемирия, в действительности же они контролируют всю деятельность правительства Виши.

Фашистские оккупанты при необходимости открыто проявляют свою власть в неоккупированной Франции. Так, например, когда в конце 1940 года в Виши был арестован предатель французского народа Лаваль, являющийся доверенным лицом Гитлера, то представитель оккупационных властей Абец поехал в Виши с целым поездом вооруженных солдат, освободил Лавалья и перевез его в Париж. В настоящее время откровенный гитлеровский агент Лаваль силой германской военщины сделан главой французского правительства.

Таким образом, несмотря на различие форм, основой фашистского «нового порядка» в Европе является военное насилие, подавление порабощенных народов.

Вместе с тем фашистские власти стремятся завладеть всей военной промышленностью Европы. Заводы Шкода, оружейный завод в Брно, австрийские оружейные заводы, румынская и французская военная промышленность силой и хитростью захвачены фашистскими завоевателями. Эти заводы в настоящее время работают на германскую армию. Однако, после победы, о которой мечтает Гитлер, военная промышленность всех стран «упорядоченной» Европы должна быть остановлена и уничтожена. Германия, по замыслу гитлеровцев, должна иметь монополию на производство оружия.

Этим путем Гитлер хочет обеспечить в будущем свое господство над Европой и превратить европейский континент в базу своей борьбы за мировое господство.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ БЕСПРАВИЕ НАРОДОВ ЕВРОПЫ ПРИ «НОВОМ ПОРЯДКЕ»

Политическое бесправие европейских народов базируется на их военном подчинении германским захватчикам. Фашистские завоеватели стремятся путем введения «нового порядка» распростра-

нить на всю Европу политическое бесправие.

Это означает, прежде всего, уничтожение всяких демократических прав, полное устранение воли народа при определении политики страны, никаких свободных выборов в парламент, где он еще сохраняется. Фюрер один издает законы, решает вести войну или заключить мир, он ни перед кем не ответствен; «фюреры» отдельных стран должны быть подчинены главному бандиту — «фюреру» Гитлеру.

Проведение этой программы наталкивается на упорное сопротивление народов оккупированных стран. Поэтому получается пестрая картина политического строя в разных европейских странах при «новом порядке». В этом отношении все европейские оккупированные страны можно разбить на следующие группы:

1. Страны, или части стран, которые включены завоевателями в Германскую империю. Таковы в исторической последовательности: Австрия, Судетская область, Западная Польша с Верхней Силезией, Эйпен и Мальмеди (Бельгия), Люксембург (состоявший ранее в таможенном союзе с Бельгией), Эльзас-Лотарингия. Эти районы управляются как части Германской империи и находятся во власти назначенных Гитлером фашистских наместников.

Особое положение занимает остаток Чехословакии — Чехия и Моравия. Это «протекторат» внутри Германской империи, имеющий собственного президента министерства. Однако все это только видимость. Фактически Чехия — порабощенная страна, целиком подчиненная террористическому режиму Гитлера. Что это так, лучше всего доказывают события, происшедшие в октябре 1941 года, когда Нейрат был отстранен с поста «протектора» и власть была передана в руки кровавого палача Гейдриха, заместителя Гиммлера. Гейдрих произвел массовые аресты, расстрелял и повесил сотни лучших чешских патриотов из всех партий, в том числе премьер-министра Элиаша.

2. Страны — «союзники» имеют собственные правительства, построенные

либо целиком по фашистскому образцу — со своими «фюрерами» (Италия, Румыния, Словакия, Хорватия), либо в несколько прикрытом виде — с остатками парламентаризма (Финляндия, Венгрия, Болгария). Некоторые из этих «фюреров» — прямые агенты Гитлера, как Антонеску или Павелич; другие, как Муссолини, были у власти еще до Гитлера, но в соответствии с сущностью «нового порядка» они вынуждены фактически подчиниться Гитлеру.

3. Побежденные, оккупированные страны, где Гитлер стремится образовать марионеточные правительства из профашистских предателей, чтобы с их помощью лишить народ своих прав. Однако, ни в одной из этих стран Гитлеру не удалось создать такое правительство, которое было бы признано народом как законное и распоряжениям которого народ подчинялся бы без угрозы германского штыка.

Все поставленные Гитлером правительства рассматриваются народами как правительства предателей. Иначе и не может быть. Правительство, функции которого состоят в порабощении собственного народа в интересах германского фашизма, не может вызвать к себе другого отношения.

Внешние формы политического угнетения оккупированных стран различны. Так в Дании, не оказавшей германским оккупантам никакого сопротивления, Гитлер оставил короля и прежнее правительство со старым социал-предателем Стаунингом во главе. Датский парламент формально сохранен, однако коммунистическая партия запрещена, коммунистические депутаты парламента арестованы. Предатели, сидящие в датском правительстве и беспрекословно выполняющие все приказы оккупантов, стремятся путем различных демагогических приемов сохранить свое влияние на трудящихся. Но так как гитлеровцы грабят Данию не менее, чем страны, побежденные в войне, то ненависть датского народа и его сопротивление мероприятиям оккупантов и их слуг из «собственного правительства» растут с каждым днем.

Иными методами угнетают германские фашисты Норвегию. Король и законное правительство после поражения норвежской армии переехали в Англию, не заключив мира. С тех пор в политической структуре Норвегии можно различить три периода. Гитлер пытался сначала выступить в позе «нордического брата по крови». С этой целью он использовал предателя Квислинга. Норвежская конституция, норвежские суды и учреждения были сохранены, действительная же власть принадлежала германскому «имперскому комиссару» Тербовену, при котором был образован административный совет из самых реакционных норвежских промышленников и высших чиновников. Но норвежский народ отнесся к квислинговским ставленникам так, как они этого заслуживают, — как к предателям. Отношения между норвежским народом, с одной стороны, оккупантами и горстью предателей, с другой, все больше обострялись. Продолжавшие существовать органы норвежского управления все больше саботировали распоряжения Тербовена и Квислинга.

В конце сентября 1940 года конституция Норвегии была отменена, начался второй период в политике завоевателей. Были запрещены все политические партии, за исключением квислинговской. Во главе всех общественных организаций были поставлены люди Квислинга. Тысячи норвежских патриотов были брошены в тюрьмы и концентрационные лагеря. Но норвежский народ не дал запугать себя, он продолжал борьбу, отказываясь от всякого сотрудничества с оккупантами. Общественные организации Норвегии скорее соглашались быть распущенными, чем ввести в свои руководящие органы квислинговцев. Этим путем норвежский народ заставил завоевателей сбросить маску и выступить с открытым террором.

В октябре 1941 года начался третий период — период безжалостного террора. 10 октября во многих областях Норвегии, включая ее столицу Осло, было объявлено чрезвычайное положение. Десятки тысяч норвежцев были преданы военному суду, двое из них — Хаустен

и Викстерм — расстреляны. Другие были «помилованы» и приговорены к пожизненной каторге. Профсоюзы были распущены, все их средства ограблены. За стачки и саботаж рабочих наказывают пожизненной каторгой, а в иных случаях — смертью. Однако, несмотря на террор, борьба норвежского народа продолжается. Назначение Квислинга премьер-министром в начале 1942 г. еще более усилило возмущение норвежских патриотов.

В Голландии, как и в Норвегии, королева и правительство бежали из страны. Богатейшие голландские колонии с их армией, остатками флота, заокеанскими капиталовложениями управляются переехавшим в Лондон законным голландским правительством, которое находится в состоянии войны с Германией. Германские оккупанты грабят метрополию Голландии такими же методами, как и Норвегию. Роль Квислинга здесь играет лидер незначительной фашистской партии предатель Муссерт, влияние которого в стране ничтожно.

Несколько иначе протекает политическое порабощение Бельгии. Известно, что бельгийский король капитулировал перед немцами и остался в стране. На деле, он находится у оккупантов в плену и не имеет никакого влияния на управление страной. В Англии образовалось законное бельгийское правительство из числа бежавших министров, управляющее обширными колониями* и остатками армии. Бельгийское правительство тоже находится в состоянии войны с Германией.

Метрополия Бельгии раздроблена германскими оккупантами. Люксембург, состоявший ранее в таможенном союзе с Бельгией, был включен в состав Германии без опроса народа; то же произошло с Эйпеном и Мальмеди, которые после первой мировой войны высказались за присоединение к Бельгии. Для того, чтобы ослабить сопротивление бельгийского народа, оккупанты пытаются разжечь национальные противоречия меж-

* Бельгийские колонии и мандатные области в Африке занимают 2,3 млн. кв. км с населением около 15 млн. человек.

ду двумя бельгийскими нациями — фламандцами и валлонами. Однако успеха они в этом не имеют. Наоборот, в результате общего угнетения прежние национальные разногласия потеряли всякое значение.

И в Бельгии оккупанты не нашли поддержки в народе. Лидер фашистской партии Дерпель обладает теперь еще меньшим влиянием, чем до оккупации. Низкую роль в бельгийском рабочем движении играет агент германских оккупантов ренегат де Ман, он проповедует бельгийским рабочим необходимость приспособления к германскому фашизму. Бельгийский пролетариат с презрением отворачивается от этого наемного агента Гитлера.

Особенно сложно положение Франции при «новом порядке».

Петэн заключил с Гитлером перемирие, полагая, что вскоре за этим последует заключение мира. Однако, поскольку нельзя было вынудить Англию также заключить мир с Германией, условия перемирия до сих пор регулируют отношения между Германией и Францией, или, по меньшей мере, должны регулировать их. На деле, Гитлер, пользуясь своим военным превосходством, все больше заставляет правительство Виши отступать от условий перемирия, стремится втянуть Францию и ее колонии в войну против Англии.

В нарушение условий перемирия Эльзас и Лотарингия были отделены от Франции и включены в состав Германии в качестве «западной области». Французские крестьяне изгнаны из этих областей в неоккупированную Францию, причем они были вынуждены бросить все свое имущество.

Остальная часть Франции с колониями формально находится под властью Петэна. Исключения составляют колонии в центральной Африке, Сирия и некоторые острова, в которых находятся войска де Голля. Формально распоряжения правительства Виши действительны во всей Франции, но по существу в оккупированных районах германские оккупанты властвуют, как хотят, они оказывают решающее влияние также и на политику в неоккупированной зоне.

Дарлан и Петэн, а особенно Лаваль, — слуги Гитлера, а не французского народа.

Гитлер нашел поддержку в самой реакционной, наиболее продажной части французской крупной буржуазии, представленной Лавалем, у некоторых реакционных руководителей профсоюзов типа Беллена и продажных ренегатов типа Дорио, у части существовавшей ранее во Франции фашистской группы.

Подавляющая же масса французского народа, как в оккупированной, так и в неоккупированной зоне и в колониях, настроена против оккупантов и их лакеев — Петэнов, Дарланов, Лавалей и К^о. Существуют два центра оппозиции: движение де Голля и коммунистическая партия Франции. Германские фашисты и правительство Виши жестоко преследуют движение де Голля и компартию, причем правительство Виши вообще преследует всякую оппозиционную деятельность как коммунистическую.

Коммунисты преследуются, как в оккупированной, так и в неоккупированной части Франции. Политические партии запрещены, за исключением дружественной оккупантам партии Лавала и его соратников, если таковая вообще существует, — в неоккупированной зоне. Не существует ни конституции, ни парламента, ни сената: Петэн и Лаваль не ответственны ни перед кем, кроме Гитлера.

Против гнета оккупантов и их наймитов французский народ продолжает бороться. Он с негодованием отклоняет лепет Петэна о «новом порядке», о «сотрудничестве с Германией».

Политическое угнетение, пожалуй, откровеннее, чем всюду, проводится в Польше. С поляками германские фашисты обращаются как с «неполноценной» нацией. Западная Польша с Лодзью и Верхняя Силезия включены в состав Германской империи, сотни тысяч поляков изгнаны из этих областей, польские крестьяне должны были оставить дома и дворы, мебель и скот для новых поселенцев — немцев. Из остальной Польши было создано «Польское генерал-губернаторство», населенное поляками, евреями и небольшим количеством

украинцев. Но, несмотря на многочисленные попытки, германские оккупанты не смогли найти и дюжины поляков, которые были бы склонны образовать польское «правительство», чтобы прикрыть германских господ польской вывеской. Образованное в Англии правительство Сикорского польский народ в настоящее время считает своим правительством, а образованную в СССР польскую армию — своей армией.

Польский народ стонет под игом оккупантов. Немцы являются в Польше господами, а поляки и евреи — рабами. Они отданы на произвол не только германских властей, но и каждого отдельного германского чиновника и солдата. Однако, несмотря на жесточайший террор, завоевателям не удалось сломить волю польского народа к сопротивлению.

Политическое бесправие в оккупированных странах переплетается с национальным угнетением.

Таким образом, мы видим, что «новый порядок» означает политическое и национальное угнетение как самого германского народа и «союзных стран», так и народов оккупированных стран. Форма несколько меняется, но существо остается то же — реакция, бесправие, террор.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОГРАБЛЕНИЕ ЕВРОПЫ ПРИ «НОВОМ ПОРЯДКЕ»

«Новый порядок» означает самое грубое и бесцеремонное ограбление оккупированных стран, экономические ресурсы которых гитлеровские захватчики используют для дальнейшего ведения войны за мировое господство.

Внешние формы этого систематически организованного ограбления меняются, в зависимости от того, идет ли речь о побежденной или «союзной» стране; но существо дела всегда одно и то же: со странами, отданными на произвол германским фашистам, они обращаются, как с колониями. Народ в этих странах вынуждают к тяжелому труду на завоевателя, потребление народа снижается до голодного уровня. Страна отдает германским фашистам огромную

часть продукции и достояния, что довело население до голода и обнищания.

Этим путем ресурсы завоеванных стран временно ставятся на службу германского военного хозяйства. Временно, так как эта грабительская система безусловно потерпит крах. Продукцию нельзя удержать на прежнем уровне, вследствие недостатка сырья и средств производства, производительность труда быстро падает, сопротивление и саботаж угнетенного народа растут, несмотря на варварские репрессии. Нужно все больше солдат, чиновников, гестаповцев, чтобы выжимать из страны все сокращающуюся добычу и сдерживать возмущение угнетенного населения. Таким образом, чем дальше продолжается ограбление страны, тем менее оно эффективно, тем опаснее оно в политическом отношении и тем выше поднимается волна сопротивления ограбленных народов.

Методы грабежа в отдельных странах различны, однако их можно свести к следующим основным формам:

Захват и ограбление имевшихся в момент оккупации товарных запасов в виде военных материалов, продуктов питания, бензина, металлов, текстильного сырья, каучука и т. д.

Выпуск не имеющих ценности германских бумажных денег — «кассовых свидетельств», «бон», «оккупационных марок», подлежащих обязательному приему местным населением за реквизируемые товары.

Наложение постоянной контрибуции под видом покрытия «издержек оккупации», т.-е. на содержание оккупационной армии; при этом установленные суммы во много раз превышают фактически издержки оккупационных войск.

Непрерывный вывоз продуктов питания, сырья и готовых изделий, стоимость которых не оплачивается ни товарами, ни деньгами; вместо этого Германия «перечисляет» стоимость их по клирингу, остается в долгу на эту сумму «до будущих времен». Это просто «законное покрывало» разбоя, организованного нацистским государством.

Установление очень высокого курса германской марки в оккупированных об-

ластях. Это дает немецким оккупантам — офицерам, гестаповцам, солдатам и т. п. (получающим содержание в марках) — возможность покупать все очень дешево за счет населения, роскошно жить, в то время как народ голодает.

Рабочие вынуждены трудиться на оккупантов либо в своей стране за очень низкую зарплату, либо их отправляют на принудительные работы в Германию.

Промышленность оккупированной страны переходит в руки германских крупных капиталистов. Владельцев промышленных предприятий вынуждают отдавать половину своих акций за очень низкую цену германским капиталистам; тяжелая индустрия Франции, горно-рудная промышленность Югославии, банки Голландии перешли, таким образом, «за чечевичную похлебку» в руки германских разбойников.

На города и села оккупированных стран при всяком удобном случае налагают высокие денежные штрафы.

Параллельно с этими «законными» методами ограбления постоянно происходит частный «нелегальный» грабеж, осуществляемый оккупационными войсками, гестапо, германскими чиновниками. Поток почтовых посылок с награбленным добром — шелк, дамские чулки, шоколад и пр. — направлялся из оккупированных Франции, Бельгии и других стран в Германию.

Во Франции непосредственно после оккупации были захвачены и отправлены в Германию все военные запасы, оружие, боеприпасы, важные в военном отношении товарные запасы — бензин, каучук, металлы. Захваченные танки, орудия и т. п. были использованы фашистскими завоевателями при последующих военных действиях.

Основным средством постоянного ограбления Франции являются оккупационные издержки. Они составляют 20 миллионов марок в день, или 7 миллиардов 300 миллионов марок в год. (Следует напомнить, что наивысшая сумма платежей в год, которую Германия должна была бы уплатить по плану Дауэса в качестве репараций, составляла всего 2 миллиарда 500 миллио-

нов марок.) Таким образом за один год перемирия Франция уплатила Германии такую дань, какую последняя должна была уплатить за три года и которую она никогда не выплачивала.

Фактическое ограбление Франции еще тяжелее, чем показывают эти цифры. Дело в том, что установленные в марках оккупационные издержки были переведены на французскую валюту по курсу, весьма выгодному для немцев: 20 французских франков за одну германскую марку. Германские солдаты, а особенно офицеры, гестаповцы и фашистские чиновники, получают содержание в марках, что составляет в переводе на франки по установленному курсу гигантскую сумму. Оккупанты могут поэтому жить по-барски, скупать у французского населения продукты питания, ткани, платье, обувь и посылать все это в Германию.

Степень ограбления Франции фашистскими завоевателями видна из следующего сравнения: 7,3 миллиарда марок оккупационных издержек (по курсу 20 франков за одну марку) составляет 146 миллиардов французских франков. Это вдвое больше всех ежегодных государственных расходов Франции до начала войны.

Систематическое ограбление страны приводит к тому, что трудящемуся населению Франции приходится голодать. Для городского населения введены карточки на продукты питания, причем взрослые получают 240 граммов хлеба в день. Нормированы и другие продукты питания, но в большинстве случаев их не выдают: в магазинах нет товаров. Нормированные продукты питания недоступны для трудящихся. Дошло до того, что во Франции, в стране, где большинство населения всегда хорошо питалось, вороны стали обычным блюдом. Едят уже и собачье мясо.

Наложённая на Францию контрибуция настолько высока, что ограбленная, обнищавшая страна не в состоянии сдавать Германии товары в достаточном количестве по ценам, односторонне установленным немцами, и часть контрибуции остается в форме банковских вложений. Завоеватели пользуются этими

деньгами, чтобы скупить французские предприятия. Намеченные для этой цели предприятия обязаны удваивать свой акционерный капитал и предоставлять новые акции по низкому курсу германскому монополистическому капиталу. В некоторых случаях, например в отношении тяжелой промышленности Лотарингии, предприятия просто распределяются между германскими концернами, причем наилучшие «кусочки» достаются, конечно, концерну Геринга. Этим путем завоеватели забирают не только текущую продукцию страны, но и сам капитал. Во многих случаях целые фабрики перевезены из Франции в Германию, в других случаях французские предприятия вынуждены производить для Германии военные материалы.

Однако, все это относится только ко времени нынешней войны. При окончательном установлении «нового порядка» в Европе германский капитал намечает иные планы. Промышленность Северной Франции должна быть «организована» вместе с бельгийской и передана германскому финансовому капиталу. Фашистские «специалисты» советуют французам в будущем заниматься главным образом обработкой их «прекрасной» земли. Они вычислили, что почва Франции может прокормить 70 миллионов человек. По приказу фашистов Петэн, Дарлан и Лаваль заявляют о необходимости «аграризировать» страну. Этот старый реакционный лозунг — «назад к земле» — означает теперь превращение Франции в аграрный придаток Германии.

Стоимость награбленных товаров, исчисленная на душу населения, выше всего в Норвегии. Под предлогом издержек на содержание оккупационной армии на норвежцев была наложена тяжелая контрибуция. До марта 1941 года, т.-е. меньше чем за год, завоеватели изъяли из норвежского эмиссионного банка 1 миллиард 700 миллионов крон. До завоевания страны норвежская крона стоила 23 американских цента, т.-е. 1 700 миллионов крон составляют 400 миллионов долларов. Таким образом, за первый год оккупации у Норвегии отобрали 133 доллара на душу населения,

или свыше 500 долларов на семью из 4 человек.

Как велики размеры ограбления, показывает следующее сравнение: если бы на Германию были наложены репарации в той же сумме на душу населения, т.-е. 133 доллара, она должна была бы уплатить в год свыше 8 миллиардов долларов, или 32 миллиарда марок, — в 15 раз больше, чем она должна была платить по плану Дауэса.

Натуральной формой ограбления Норвегии является реквизиция всех запасов страны, в первую очередь продуктов питания. За реквизированное платят банкнотами, изъятыми из эмиссионного банка. Мука и мясо, продукты рыболовства (одной из важнейших отраслей норвежского хозяйства), картофель, запасы текстиля — все это было переправлено в Германию. Так как Норвегия и при нормальных условиях вынуждена была ввозить хлеб и корма, чего она не может сделать при блокаде, то ограбление страны оккупантами привело к голоду.

В начале ноября 1941 года, гитлеровский наместник Тербовен предписал реквизировать у гражданского населения Норвегии шерстяные одеяла для немецких солдат на восточном фронте. Норвежцы должны были отдать 250 тысяч одеял. Семьям, желавшим сохранить шерстяные одеяла, угрожали тяжелыми наказаниями.

Несколько слов об ограблении Дании. Эта страна, как известно, без сопротивления приняла оккупацию, но, несмотря на это, ее грабят так же бесцеремонно, как те страны, которые покорены Германией силой оружия. Дания вынуждена платить «оккупационные издержки» в сумме 550 миллионов датских крон в год. Но основная тяжесть ограбления не в этом, а в клиринговых расчетах.

Германия «покупает» в Дании всевозможные товары. Сейчас же после оккупации Германия реквизировала шерсть, затем масло и сыр. Позже, когда были израсходованы запасы импортных кормов, составлявших основу интенсивного датского молочного хозяйства и свиноводства, половина коров и свиней была зарезана, а мясо продано Германии. Но торговая сделка совершена лишь

формально, ибо сумма закупки «записана в кредит» клирингового счета Дании. Маленькая Дания была вынуждена стать крупным «кредитором» Германии: в конце 1941 года Германия была должна ей по клиринговым расчетам свыше 800 миллионов крон, и эта сумма продолжает расти из месяца в месяц. Оккупационные издержки и задолженность по клирингу составляют свыше миллиарда крон в год, т.-е. больше трети датского национального дохода до оккупации! Само собою разумеется, что подобный грабеж ведет к быстрому обеднению страны. Население Дании, бывшей до германской оккупации богатой продовольствием страной, вынуждено жить на голодном пайке.

Так же беспощадно грабят фашистские оккупанты Бельгию и Голландию. В английском парламенте заместитель министра Батлер привел следующие цифры ограбления западноевропейских стран: Норвегия платит 25 фунтов стерлингов, Франция — 20, Бельгия — 8 и Голландия — 6 фунтов стерлингов в год на душу населения. (Цифры во Франции и Норвегии примерно совпадают с нашими расчетами, а в отношении Голландии они, очевидно, понижены.)

Гораздо труднее определить степень ограбления восточных и юго-восточных оккупированных стран — Польши, Югославии, Греции, но оно, несомненно, относительно еще выше, если учесть их бедность. Польское население, как мы уже сказали, было грубо изгнано немцами из западной Польши, дома и поля крестьян отобраны без всякого вознаграждения и переданы немцам из прибалтийских стран или западной Германии. Изгнанное из домов население отправлено либо в Германию на принудительные тяжелые работы, либо в восточную Польшу, в «генерал-губернаторство», где оно брошено на произвол судьбы. Не только земля, но и рудники, промышленные предприятия, банки без всяких церемоний отобраны у поляков и переданы германским капиталистам, главным образом концерну Геринга. Полностью лишены имущества евреи в Польше, их изгнали сотни тысяч и обрекли на голодную смерть.

Ввиду отсутствия данных нельзя оценить количество продуктов питания, отбираемое у польского населения. Несомненно, что вряд ли имеется другая страна, которой оккупанты принесли так много ужасных страданий, как Польше.

Ограбление Югославии и Греции осуществляется совместно Германией и Италией. При этом случается, что немцы отбирают у итальянцев товары, отнятые итальянцами у греческого населения, т.-е. разбойники грабят друг друга по праву более сильного. Немногие промышленные предприятия Югославии присвоены немцами.

Почти то же происходит в странах «союзных» — Румынии, Венгрии и Болгарии. В Румынии все более крупные промышленные предприятия уже перешли в руки германских акционеров. Новые предприятия создаются лишь при условии, если больше половины акций будет принадлежать немцам. «Дейче альгемейне цейтунг» от 5 мая 1941 года писала, что в первом квартале этого года в Румынии были основаны 22 новых акционерных общества с капиталом в 90,4 миллиона лей, из которых 68,4 миллиона принадлежали немцам. Ископаемые богатства, включая уголь, нефть и золото, находятся целиком под контролем Германии. Представители Берлина определяют размеры продукции отдельных копей, цены и количество, предназначенное для внутреннего потребления и на вывоз. Немцы беспощадно вырубают леса, отбирают все продукты питания. В Румынии введены продовольственные карточки и установлены два дня без хлеба и три дня без мяса в неделю.

При ограблении Болгарии применяются несколько иные методы. Ввиду того, что Германия обладает во внешней торговле Болгарии почти полной монополией, она односторонне определяет цены покупки и продажи. Болгария ввозит из Германии товары, цены которых повышены в 4 раза, а цены товаров, вывозимых из Болгарии, понижены в среднем вдвое. Цены на основной экспортный продукт — табак — снижены втрое.

Но этот грабеж еще усиливается тем, что немцы не платят за купленные то-

вары ни валютой, ни товарами; большая часть суммы остается за ними на клиринговом счете. Германские импортирующие организации должны уже болгарскому эмиссионному банку 15 миллиардов левов, выплаченные банком болгарским крестьянам за поставленные Германией продукты. Ясно, что этот процесс должен повести к инфляции и нехватке товаров в стране. Оптовые цены в Болгарии выросли в первой половине 1941 года (более поздних данных нет) на 26% по сравнению с 1940 годом, но еще большая дороговизна началась во второй половине 1941 года.

Итак, «новый порядок» в Европе означает в настоящее время ограбление всех стран для ведения Гитлером войны, а в будущем, в случае победы фашистской Германии, — превращение Европы в аграрно-колониальный придаток Германии, безграничное господство германских варваров над всеми народами Европы. Само собою разумеется, что народы Европы приложат все усилия, чтобы освободиться от ярма оккупантов.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА УГНЕТЕННЫХ НАРОДОВ

В настоящее время еще невозможно нарисовать полную картину героической борьбы, которую ведут десятки миллионов людей против германских захватчиков. Нужно однако отметить следующее самое важное в этой борьбе: сопротивление населения оккупированных стран усиливается с каждым днем и принимает все более резкие и ожесточенные формы. Сколько бы фашистские оккупанты не болтали о «сотрудничестве», о «новом порядке», нигде, даже в «союзных» странах, не удалось добиться добровольного сотрудничества населения.

Напрасно пытается Гитлер добиться поддержки населения при помощи социальной демагогии и системы мелкого подкупа. Основная масса трудящихся все резче противится Гитлеру и его планам «нового порядка». Иначе быть не может. Нельзя грабить народ до

нитки и одновременно сохранить с ним дружеские отношения. Чем дольше продолжается оккупация, тем яснее становится угнетенным народам, что они могут выбирать только между борьбой и рабством.

И борьба ведется сотнями различных способов и форм. Однако, можно выделить три основных способа ее: политико-идеологическую борьбу, экономический саботаж, вооруженные выступления.

Политико-идеологическая борьба в оккупированных странах проявляется в отказе населения от политического сотрудничества, от общественных связей и всякой идеологической общности с оккупантами. Завоеватели либо вообще не могут образовать правительства из политических деятелей завоеванной страны, как это происходит в Польше, либо люди, посаженные в правительство, нелегально ведут работу, направленную против захватчиков, как это очевидно было с правительством Элиаша в Чехии. Известно, что в начале октября 1941 года Гитлер был вынужден разоблачить свой подлинный режим как террористическую диктатуру, объявив в этой стране чрезвычайное положение и расстреляв Элиаша и сотни других чешских патриотов.

В некоторых оккупированных странах «правительства» пытаются удовлетворить требования Гитлера, но население относится к таким правительствам, как к предателям. Так обстоит дело с «правительствами» Лавала — Петена во Франции, Недича в Сербии, Саракаглу в Греции.

Оккупационная армия подвергается общественному бойкоту. Население Норвегии и Дании, где многие говорят по-немецки, отказывается понимать немецкий язык, не отвечает германским солдатам. Из гостиниц и кафе все посетители уходят при появлении германских солдат или офицеров. Живя в казармах и бараках, общаясь только друг с другом, германские солдаты заболевают «барачной болезнью» — род психического заболевания. В Норвегии все отказались от радиоустановок, когда было запрещено слушать иностранные

радиопередачи. В Чехии был проведен общий бойкот контролируемой нацистами чешской прессы, — никто не покупает газет. Пришлось уменьшить тираж газет на две трети. Посетители входят в кино только после того, как кончилась обязательная германская кинохроника, и т. д.

Эти формы протеста дополняются нелегальным насаждением враждебной немцам идеологии. В последнее время во всех странах оккупированной Европы вошло в обычай писать всюду, даже на стенах домов, в которых живут германские офицеры, начальную букву известного всему миру слова *victoire* — победа. Распространяются нелегальные листовки, газеты, брошюры, «цепные письма» (получив такое письмо, каждый обязан переотправить его своим друзьям). Борьба при помощи нелегальной литературы, по всей видимости, развита больше всего героически борющейся против оккупантов французской коммунистической партией.

Германские завоеватели беспомощны перед нелегальным распространением антигерманских лозунгов и литературы. Если даже не каждый, получивший что-нибудь нелегальное, прочитав его, передаст дальше, т.-е. примет в борьбе активное участие, то во всяком случае исключительно редко бывает, чтобы кто-либо доносил оккупантам о нелегальной литературе. Местная полиция и другие власти из ненависти к немцам также часто смотрят на распространение нелегальной литературы сквозь пальцы. Таким образом, несмотря на террор, немцы не в состоянии положить конец политико-идеологической борьбе населения в оккупированных странах.

Экономический саботаж — могучее оружие в руках трудящегося населения. Влияние его становится тем сильнее, чем больше прогрессирует истощение германских ресурсов. Саботаж принимает также самые различные формы. Рабочие работают медленнее, обычного, подменяют чертежи, сознательно делают ошибки. Известно, что большое количество голландских консервов, изготовленных для Германии, испортилось, так как рабочие проделали отверстия в

жестянках. Железнодорожники пускают поезд не на те пути, куда следует, подменяют сопроводительные документы, вносят путаницу на транспорте и т. д. Крестьяне саботируют производство продуктов для оккупантов, зарывают собранные продукты в землю, чтобы не сдавать их немцам, и т. п.

Экономический саботаж часто переходит в непосредственную борьбу с оккупантами в виде порчи телефонных и телеграфных проводов, организации железнодорожных катастроф, поджогов и т. д.

Население оккупированных стран ведет также упорную вооруженную борьбу с захватчиками, принимающую самые разнообразные формы. Ежедневно в Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, Франции исчезают отдельные германские солдаты, — трупы их находят в каналах, реках и лесах. Германские солдаты боятся поодиночке выходить на улицу после наступления темноты, во многих областях населению запрещено покидать дома после 8 часов вечера. Но все это не может защитить оккупантов. Насколько ожесточенна эта борьба, показывает случай с молодым французом Коллетом, записавшимся добровольцем в отряд против Советского Союза только для того, чтобы иметь возможность совершить покушение на Лавала.

В некоторых странах героическую борьбу ведут отряды партизан. Мощные удары Красной Армии заставляют Гитлера ослабить свои оккупационные армии, ввести в захваченные страны резервы из солдат-стариков вместо посланных против нас обученных войск. Это дает сильный толчок партизанскому движению во многих странах: партизаны воюют в Норвегии, в лесах Польши, в Греции, особенно на Крите. Но наибольшее значение приобрела вооруженная борьба в Югославии, где она вышла далеко за рамки партизанской борьбы и больше похожа на регулярную войну против оккупантов. Целые области западной Сербии находятся в руках сербской армии, вооруженной не только пулеметами, но даже орудиями. Немцы были вынуждены бросить против сербских патриотов несколько

моторизованных дивизий. Об объеме и упорстве этой борьбы свидетельствует сообщение из Анкары от 10 октября 1941 года, что целая германская моторизованная дивизия осаждала в течение 36 часов одно большое сербское село вблизи Сиватца, где укрепились партизаны, причем было убито 2 000 немцев.

Чем больше затягивается война на восточном фронте, чем больше жизнью германских солдат она требует, чем ощутительнее становятся сокрушительные удары Красной Армии, тем сильнее разгорается партизанская война в оккупированных странах.

Кроме партизан, с немцами борются армии, которые оккупированные страны создали за границей. Самой крупной является армия де Голля, насчитывающая свыше 100 000 человек; она вооружена по последнему слову техники и располагает собственной базой в экваториальной Африке. Численность ее возрастает с каждым днем за счет перебежчиков из Франции, уходящих из страны, чтобы иметь возможность бороться против Гитлера. Армия де Голля имеет свой морской и воздушный флоты. Она принимала участие в борьбе против немцев и итальянцев в Ливии, Абиссинии и Сирии.

Еще более многочисленной станет армия Польши, в настоящее время сформированная из польских граждан в СССР. Кроме того, Польша имеет в Англии и Ливии воинские части, остатки воздушного флота, несколько подводных лодок.

Голландия располагает значительной, быстро растущей армией в колониях, а Бельгия — в Бельгийском Конго. Оба эти государства сохранили большую часть своего флота, который действует теперь совместно с английским. В Англии есть также норвежские и греческие части. Все живущие за пределами оккупированной Европы, годные к военной службе граждане оккупированных стран вступают в эти образованные за границей национальные армии, чтобы бороться с гитлеровскими ордами за освобождение своей родины.

Под ногами Гитлера горит земля. Немецкие оккупанты пытаются скрыть

свой страх перед гневом угнетенных народов при помощи все возрастающей жестокости. Приговоры чрезвычайных судов становятся все строже: «смерть через расстрел», «смерть через повешение», «исполнение приговора в 24 часа», расстрел заложников во Франции и Бельгии, выставление трупов повешенных на главных площадях городов. Такими варварскими мероприятиями, какие не применялись в Европе со времени средневековья, Гитлер пытается укрепить свое непрочное господство в оккупированных странах. Но напрасно: ожесточения сотен миллионов свобододолюбивых людей в конце концов не удержат никакой террор. Фашистские выродки под флагом создания «нового порядка» стремятся распространить фашистскую реакцию на всю Европу, превратить весь европейский континент в аграрный и сырьевой придаток империалистической Германии, подчинить все народы Европы варварской власти «расы господ» — превратить Европу в огромный арсенал для завоевания всего мира. Однако, этому сумасбродному плану не суждено сбыться. Разгром немецких империалистов и их армий и победа свобододолюбивых народов неминуемы. Этот разгром, как указал товарищ Сталин в докладе о XXIV годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции неизбежен прежде всего потому, что немецкие фашисты имеют непрочный европейский тыл, непрочный «новый порядок» в Европе.

«Немецкие захватчики, — говорит товарищ Сталин, — поработили народы европейского континента..., лишили их права распоряжаться своей судьбой, отняли у них хлеб, мясо, сырье, превратили их в своих рабов, распяли на крест поляков, чехов, сербов и решили, что, добившись господства в Европе, они могут теперь строить на этой основе мировое господство Германии. Это называется у них — «новый порядок в Европе». Но что это за «основа», что это за «новый порядок»? Только гитлеровские самовлюбленные дурачки не видят, что «новый порядок» в Европе и пресловутая «основа» этого поряд-

ка представляет вулкан, готовый взорваться в любой момент и похоронить немецкий империалистический карточный домик... Только гитлеровские дурачки из Берлина не могут понять, что поработанные народы Европы будут бороться и будут восставать против гитлеровской тирании».

Второй причиной неизбежного разгрома немецкого фашизма и ликвидации созданного им «нового порядка» является непрочность германского тыла гитлеровских захватчиков.

«Только гитлеровские дурачки не могут понять, что не только европейский тыл, но и германский тыл немецких войск представляет вулкан,

готовый взорваться и похоронить гитлеровских авантюристов» (Сталин).

Наконец, третьей причиной неизбежного разгрома фашизма является факт создания мощной антифашистской коалиции из СССР, Великобритании и США.

Планы фашистских авантюристов сорваны героической борьбой Красной Армии и всего советского народа. Это начало конца германского фашизма. С каждым днем отпор всех свободолюбивых народов, в том числе и поработанных германским фашизмом, будет расти и крепнуть. Результатом этого отпора будет полное уничтожение коричневой чумы и всего фашистского «нового порядка».

Во имя жизни

АЛЕКСАНДР ПОПОВСКИЙ

★

В тысяча девятьсот тридцать четвертом году на конференции хирургов в Москве, в числе прочих ученых, выступил невысокого роста человек лет шестидесяти в ослепительно белом воротничке и в тщательно заглаженных брюках. Большие роговые очки скрывали выражение его глаз, но по тому, как он, прежде чем заговорить, долго мял носовой платок, поспешно прятал его в карман и снова доставал, можно было догадаться, что он взволнован.

— Товарищи! — начал он тихим голосом, — сейчас многие будут против меня...

Обсуждался вопрос об обработке ран на поле сражения, о том, следует ли накладывать шов после первичного иссечения тканей — вопрос значительный, принципиальный. Присутствующие знали профессора Вишневого и не удивились несколько вызывающему началу его речи. Оратор недолго задержался на трибуне. Когда он покинул ее, всем было ясно, что между высказанным им мнением и мнением многих намечилось расхождение. Ученый отклонял метод общепринятой обработки ран и систему их лечения. По убеждению многих хирургов, практика травматологии мирного времени была верхом совершенства, и принципы эти следовало целиком перенести в военную обстановку. Вишневский, наоборот, считал эту практику вредной и недопустимой на войне.

Что же так взволновало Вишневого? Какой метод обработки ран

сплотил вокруг себя большинство присутствующих на конференции? Не допустил ли наш ученый ошибки?

История эта насчитывает сорокалетнюю давность, проследим ее судьбу на протяжении этого времени. В тысяча восемьсот девяносто седьмом году немецкий ученый Фридрих проделал следующий эксперимент. В лабораторных условиях он нанес двум морским свинкам резаные раны, и в образовавшуюся полость зашил немного садовой земли, кишасей бактериями, и пыли, собранной на лестнице дома. В течение шестидесяти часов ткани ран оставались стерильными — ни намека на присутствие микробов; затем бактерии стали появляться в ткани и в крови животного. Те свинки, которым в первые часы после эксперимента иссекали рану, то-есть вырезали ткани краев, стенок и дна, — выживали, остальные неминуемо гибли. Два французских хирурга проверили этот опыт на людях. Они обследовали раненых в боевой обстановке и пришли к заключению, что размножение микроорганизмов в тканевых щелях раны начинается примерно через двенадцать часов после ранения. Первыми обнаруживают себя анаэробы — бактерии, развивающиеся в бескислородной среде; затем — занесенная пулей или осколком кишечная палочка, и в последнюю очередь — различные семейства кокков.

На этом основании Фридрих настаивал, чтобы нож хирурга шел впереди

инфекции, дабы не дать микробам проникнуть в глубь организма. Рана, — утверждал немецкий ученый, — должна быть радикально обработана, вся вырезана, ибо никто не знает, где именно в ней приютился враг.

Учение Фридриха прочно осело в сознании врачей и вошло в хирургическую практику травматологов. С университетских кафедр, со страниц учебников и ученых журналов — всюду раздавался настойчивый призыв: иссекать случайную и огнестрельную рану «по Фридриху», обходиться с ней, как со злокачественной опухолью, проделывать это в первые часы после ранения, а затем наглухо зашить ее.

Процедура иссечения, как ее усвоили хирурги, оказалась делом нелегким и сложным. Операционное поле изолировалось стерильными полотенцами и простынями, которые в продолжении операции неоднократно менялись. Из опасения внести бактерии в рану шла непрерывная смена инструмента. Нужны были исключительно острые скальпели и возможность часто сменить их. Перед наложением швов бельё вокруг раны еще раз сменялось, хирург тщательно мыл руки и пускал в ход свежий инструмент. Операция тянулась мучительно долго и не всякому специалисту была по плечу.

Люди, знакомые с боевой обстановкой, не преминули отметить, что в военных условиях процедура иссечения слишком сложна, — ни место, ни время не позволят врачу так тщательно обрабатывать каждую рану. Наконец, в ряде случаев метод Фридриха просто неприменим. Как, например, иссечь раны кисти или лица, не повредив при этом сухожилия и нервов, а, следовательно, и функции их? Как поступать в тех многочисленных случаях, когда осколок засел глубоко в организме или образовал обширную рваную рану? Узкий канал не даст хирургу добраться до стенок и дна, нельзя также иссечь обширное поражение, не причинив организму жестокого ущерба.

Возражения, доводы и факты были бессильны поколебать новое вероучение хирургов.

Шли годы. Непогрешимая теория все больше овладевала умами врачей, но в то же время обнажались ее слабые стороны. Сам Фридрих еще отметил, что особо жизнеспособные микробы могут распространиться в глубь тканей значительно ранее шестичасового срока.

В мировую войну хирурги были свидетелями того, как молниеносная инфекция нередко грубо опрокидывала положенные сроки, развиваясь далеко за пределами раны уже через три-пять часов. Само собой разумеется, что все искусство иссечения в таких случаях было напрасно. Неважно обстояло и с заживлением ран, — швы загнаивались и приходилось их снимать, чтобы вновь повторить операцию. В этом не было ничего удивительного, никакие ухищрения хирурга неспособны полностью удалить инфекцию из раны. Не могло пройти незамеченным и другое обстоятельство: в огромном числе случаев поверхностные раны лица, головы, мягких тканей кисти и пальцев, оперированные в амбулаториях, сплошь и рядом заживали без всякого иссечения. Обработка же «по Фридриху» в тех же случаях нередко приводила к нагноениям. В шестидесяти случаях из ста после операции распускались швы на пальцах стопы и в двадцати-тридцати из ста — на нижних и верхних конечностях.

Метод был несовершенен, противоречив, и все же не одно это делало Вишневского непримиримым. Причины лежали значительно глубже и носили принципиальный характер.

Уже в продолжении долгих десятилетий ученые повторяют всем известную истину, что в заживлении раны принимает участие весь организм, и нельзя рассматривать рану как местный процесс. Чем обширнее ранение и тяжелее инфекция, осложняющая течение болезни, тем больше сдвигов во всех частях организма. И печень, и почки, и железы внутренних секретий, кровеносная и нервная система мобилизуют свои силы для отпора врагу. Снова и снова писали, что в ране идет дуэль между микробом и его ядом, с одной стороны, и организмом, с другой. Результаты зависят от жизнеспособности бактерий и

устойчивости организма. Так как силы сторон беспрерывно меняются и все новые средства вовлекаются в борьбу в различных соотношениях — многообразии болезненных форм беспредельно. Вечно новые и бесконечно изменчивые, как сама жизнь, они не укладываются ни в представлении ремесленника, ни в книжной догме.

Вывод был ясен: врач обязан помочь организму в его трудной борьбе.

Истина почиталась всеми за истину, но никто не мог сказать, как держаться ее. С чего начинать? На какие органы или системы должен направить хирург свое внимание? Поднять тонус нервной системы, воздействовать на кровеносные сосуды, — но как поручиться, что это не пойдет во вред той секреторной организации, которая, возможно, стимулирует заживление раны? Пока не решено, какая система главным образом регулирует воспалительный процесс, ослабляя и усиливая течение болезни, — всякого рода советы воздействовать на организм в целом бесплодны. Хирурги продолжали охотиться за микробами, заливали рану растворами, вырезали и выскабливали ее, не задумываясь над тем, как это отзовется на больном. В результате случилось, что ампутация проделана по канонам непогрешимого Фридриха, а оперированный страдает от болей в зажившей культe. Хирург не предвидел, что, терзая нервную систему больного, он вызовет надолго такую реакцию... Бывало, раненый, однажды перенесший газовую гангрену, вновь заболел ею в результате другой операции, грубо проведенной небрежной рукой оператора.

Время приносило новые и новые факты, неоспоримые доказательства того, какую важную роль играют силы организма в заживлении ран. Больные, перенесшие тиф или далеко зашедший туберкулез, сифилитики, диабетика, — плохо переносят ранения и долгими месяцами не оставляют постели. Неблагоприятно влияют на заживление ран: болезни нервной системы, обморожение, если оно сопутствует ранению, суровые климатические условия: сильная жара и продолжительный холод. Малейшее снижение сопротивляемости организма не-

медленно отзывается на восстановительных процессах в ранах.

Последователи Фридриха отлично это знали, но, скованные теорией, порожденной в лаборатории на опытах с морскими свинками, они продолжали держаться формулы времени движения микробов по тканям и сосудам, как бы невольно признавая, что силы возбудителя и сопротивления раны — величины неизменные, нисколько не зависящие от общего состояния организма.

Мог ли Вишневский согласиться с подобной схоластикой, взойти на трибуну и без волнения говорить о собственном методе лечения ран?

— Я тоже воюю с инфекцией, — сказал старый ученый, — но при этом щажу ткани и нервы. Ни одного лишнего пореза, ни малейшей травмы без нужды!..

Томить больного час и два на столе, чтобы лишний раз убедиться в бессилии ножа сделать огнестрельную рану стерильной. Накладывать шов и ждать с тревогой возможного нагноения. Нет, это дело не для него... Он нисколько не возражает против первичной обработки полости раны. Всякий знает, что разможенные ткани в силу их распада становятся для организма сильными ядами, и в то же время образуют питательную среду для микробов. В омертвевших тканях развиваются бактерии с повышенной ядовитостью, наиболее приспособленные к данным условиям. Удалить обрывки клетчатки и мышц — важнейшая задача хирурга, но иссекать стенки и дно раны в бесплодной погоне за инфекцией — значит не щадить организм... Что особенно нелогично в этой методике: рана страдает от воздействия воздуха на открытые ткани, от ушиба их во время ранения, от последствий неудобной транспортировки, каждое из этих испытаний вызвало свое раздражение.

Признаться откровенно, Вишневского никогда не пугали проникавшие в рану бактерии, если удалось ее обработать по его методу. Балзамическая мазь находила их повсюду, а то, что недоделывала мазь, довершал организм, пощаженный и поддержанный в трудную ми-

нуту хирургом... Нет, ничто не примирит его с последователями учения Фридриха. Их союзник в лечении раны — острый скальпель, а союзник Вишневого — защитные силы организма.

Чудесный союзник! Он всегда выручал Вишневого, являлся в трудную минуту по первому зову его. Он сделал ученого дерзким, бесстрашным.

Общеизвестно, что собой представляет карбункул. Жестокий гнойник, сильно воспаленный снаружи и в глубину, он служит для больного источником тяжких испытаний. Омертвелые ткани образуют выеденную гноем полость, доходящую до самых мышц. Усложненный неблагоприятный процесс нередко приносит сепсис и смерть. Особенно опасен карбункул лица. Здесь вены, сообщающиеся с головным мозгом, закупоривают гноем кровеносные ходы его и вызывают смертельный менингит. Хирурги считали за правило рассекать инфекционный очаг, давать выход гною наружу. Как искусство, однако, операцию ни делали, воспалительный процесс ухудшался и приводил очень часто к печальному концу.

Обезболить воспаленные ткани, пропитывать их каким-либо раствором считалось недопустимым. По господствующему убеждению, общепринятому в науке, это должно привести к занесению инфекции из больных участков тканей в здоровые. Совершенно очевидно, что струя жидкости переместит микробы в глубь клетчатки и в кровь. Вишневский исходил из другого расчета: новокаиновый раствор, введенный в рану, повысит жизнедеятельность тканей и сделает их устойчивыми против прорвавшегося врага. Надо дать организму возможность справиться с болезнью самому. Вопреки практике многих коллег, он не рассекает карбункул лица, ограничиваясь тем, что вводит под его основание новокаин. Вишневский не ошибся в расчете: под воздействием раствора омертвевшая клетчатка в карбункуле отделялась от здоровой. Гной расплавлял и выносил ее наружу. Процесс завершился без участия ножа.

— Как ни благодетелен иной раз наш нож, — сказал однажды ученый по

этому поводу, — организм явно к нему не благоволит. Защитные силы организма показали, на что они способны, когда без нужды не травмируют их.

В тех случаях, когда раствор не был в силах поднять организм, на помощь приходила бальзамическая мазь. Применение ее также недооценивалось наукой и практикой. Считалось твердо установленным, что мазевый тампон и дренаж проталкивают в глубь тканей микробы и содействуют их размножению.

— Я так далеко не заглядываю, — шутил по этому поводу Вишневский. — Я знаю, что моя мазь не позволит микробам ни жить, ни, тем более, развиваться. Она снизит раздражение, испытываемое раной от инфекции, от воздуха, травмирующего ее, от ушиба, причиненного во время ранения, и даст ей столь нужный покой...

Противники Вишневого не соглашались с ним.

— Не кажется ли вам странным, — не без иронии спросил его участник конференции, известный хирург, талантливый оператор, — что новокаин, не обладающий противомикробными свойствами, изменяет течение воспалительного процесса, а мазевый дренаж, никем не признанное лечебное средство, ускоряет заживление ран?

— Вы ошибаетесь, — поспешил заверить его Вишневский, — я никогда не возлагал на эти средства подобного рода надежд. Их задача вернуть нервам утраченный покой с тем, чтобы сами же нервные механизмы справились с инфекцией и лечили воспаленный очаг...

Величайшая из трудностей, сковывавшая хирургию в течение долгого времени, была разрешена. Таинственные «силы организма», управляющие патологическим процессом, усугубляющие и разрешающие течение болезни, перестали быть схемой, лишеной содержания и смысла. Судьба раны, оказалось, зависит от состояния нервной системы. Нормальная и нераздраженная, она мобилизует защитные силы, пораженная и ослабленная, — снижает их.

★

В начале шестнадцатого века знаменитый алхимик и врач Парацельс учил: «Рану излечивает та жидкость, которая распространена по всему телу, но различна для каждого органа и отдельной части тела. Она сохраняет в неприкосновенности и восстанавливает их, когда они повреждены. Этот целительный сок более действенен у молодых людей, наподобие питательного сока молодых деревьев, у стариков он менее обилен и как бы засушен. Отчего происходит, что раны стариков требуют для своего заживления больше времени и забот».

Рана, — утверждал Парацельс, — справляется одна, не нуждаясь ни в каких наших врачебных лекарствах, наподобие того, как «можно видеть быка, у которого переломлено ребро и который выздоравливает сам по себе своей природой... Главное, ни в чем природе не мешать...»

«Эта истина, — пишет один из наших современников, историк медицины, — дорожке многих томов, написанных авторами о способах лечения ран. Это знания, которое истинный хирург хранит в своих руках до сих пор».

Французский хирург Амбруаз де Парэ, современник Парацельса, рекомендует: «Расширив рану и позаботившись о свободном выделении из раны всего ушибленного, разможенного, потерявшего жизнеспособность, прикладывать к ране нежную мазь из бальзамических смолистых веществ и затем наблюдать за дальнейшим течением, чтобы не пропустить грозного момента осложнения». Оба хирурга решительно возражали против наложения на рану швов.

Так за много веков до наших дней были созданы теории о физиохимических процессах в ране и средствах ее лечения, ничем не уступающие уровню современного знания. Однако недостаточно дать миру счастливую идею, надо, чтобы она стала бесспорной. Потому-ки прошли мимо этих идей, забыли их так же, как забыли в свое время перевязку сосудов и бальзамирование трупов.

В семнадцатом и восемнадцатом веках раны лечили весьма удивительным способом. Пораженное место закрывали

холстом и время от времени удаляли из него накопившийся гной. Этим ограничивалась вся забота о ране. Все свое искусство хирурги направляли на лечение оружия, которое это ранение причинило. Его покрывали слоем мази, составленной из человеческого жира, крови, пепла человеческого тела и порошка из мумии. За оружием любовно ухаживали, меняли повязку в день по нескольку раз. Дабы больной не испытывал холода или жара, оружие сохранялось в умеренной температуре. В тех случаях, когда виновник, причинивший ранение, отсутствовал и не мог быть доставлен врачу, процедура лечения производилась над щепкой, которую хирурги советовали больному носить в кармане брюка.

Об этом способе лечения раны среди известных в то время ученых шли долгие и сложные споры, изобретались теории, то приписывавшие все преимущества целебной мази, то устной формуле, произносимой врачом в момент перевязки... Есть основание полагать, что раны этим способом, действительно, излечивались сравнительно быстро. Секрет успеха лечения был прост: пока хирурги возились с оружием, умащая и ухаживая за ним, предоставленная самой себе рана, не тревожимая прижиганиями и другими манипуляциями врачей, успевала благополучно зажить.

В девятнадцатом веке идея лечения ран делает неожиданный скачок. Оставив далеко позади учение Парацельса, знаменитый русский хирург Пирогов высказывает мысль, выраженную Гиппократом двадцать четыре века назад. «Влага, просачивающаяся из тканей, — учит Пирогов, — весьма заразительна. Она содержит ферменты или закваски, обуславливающие степень развития процесса и степень разрушения... нагноение в огнестрельных ранах неизбежно». «Сухость раны (точно так же полагал и Гиппократ) должна составлять предмет стараний врачей. Влажность, обилие отделяемого и застой его в ране являются почвой, на которой развиваются раневые болезни».

Так верные идеи Парацельса и Парэ были дополнены представлениями Гиппократа.

Открытия физиологов и микробиологов девятнадцатого и двадцатого веков вновь повернули идею ко временам шестнадцатого века. То, что наши современники разглядели в ране, целиком подтверждало учение Парацельса. Защитные силы организма, действительно, находятся в «жидкости, распространенной по всему телу», которая «сохраняет в неприкосновенности и восстанавливает органы, когда они повреждены».

Вот как выглядит эта величественная система самозащиты в представлении науки наших дней.

Рана нанесена. Осколок снаряда ворвался в организм, рассек кожу, клетчатку и мышцы, нарушил нервные и кровеносные связи. Явилась опасность для жизни. Секунда-другая, и один за другим включаются механизмы самозащиты. В ране возникает острая боль, это — весть о наступившей болезни, настойчивый зов беречь поврежденное место, не делать лишних движений, не способствовать этим дальнейшему проникновению бактерий в ткани и в кровь. Пройдет немного времени, и боль утихнет, если враг не успел укрепиться в глубине раны и создать в ней опасный очаг.

Почти одновременно в действие вступает защитное средство. Точно пораженные параличом, расширяются кровеносные сосуды, ток крови становится медленным, в ее плазме наступают перемены. Появляются вещества, образующие тромбы для закупорки поврежденных сосудов. Вот и кровь остановлена. Глухие пробки в просветах артерий и вен преградили бактериям путь в глубь организма. Предварительная стадия завершена.

Кто-то сказал, что видимая рана, — это лишь дым от огня. Ее внешнее окружение — фронт, за которым следуют тылы, где мобилизуются средства для борьбы и победы. Едва стихли первые стоны больного, как вокруг пораженного места возникают краснота, припухание и нарастают дергающие боли. Это значит, что в борьбу вступил новый защитный механизм. К ране спешит живительная кровь с ее широким арсеналом спасительных средств. Расширенные со-

суды с их алым содержимым придали окружности раны красный цвет; просочившаяся сквозь капилляры лимфатическая жидкость вызвала припухлость неповрежденных тканей; ускоренный ток крови и рост окислительных процессов привели к жару. Дергающие боли явились результатом толчкообразной пульсации крови в сосудах и давления отека на нервные окончания. Необъяснимы причины, непрерывно вызывающие приток крови к воспаленному месту. Нет силы, способной воспрепятствовать этому. У обескровленного в лаборатории животного очаг воспаления до последней минуты остается заполненным кровью...

С момента ранения до полного заживления пораженного места из стенок сосудов вливается в рану кровянисто-серозная жидкость. Ее важнейшая задача — вымыть бактерии из раны и растворить мертвую ткань, куда обычно устремляется инфекция. Вместе с ферментами жидкость приносит лейкоцитов и лимфоцитов. Они являлись сюда из далеких глубин организма: из лимфатических желез, селезенки, костного мозга. У очага воспаления они проходят сквозь стенки сосудов и вступают в борьбу. Проникшие в раны микробы в это время находятся на поверхности ее, у самого входа и в тех глубоких местах, где застрял обломок снаряда или пули. Лейкоциты обрушиваются на колонии бактерий, глотают их или гибнут в борьбе. Вслед им спешат лимфоциты или «блуждающие клетки в покое». Они заглатывают тела погибших лейкоцитов, обломки тканевых клеток, очищают рану от всего инородного. Из крови в рану тем временем вступает невидимая армия антител. Они растворяют и ослабляют бактерии, облегчая лейкоцитам и лимфоцитам победу.

Бесперывным потоком заполняют форменные элементы пораженный участок. Блуждающие клетки, размножающиеся в ране, превращаются в соединительную ткань. Так вырастает раневой барьер — пояс, ограничивающий больные ткани от нормальных. За эту демаркационную линию микробам не пройти. Они будут здесь захвачены, их яды

нейтрализованы. Пройдет некоторое время, и бесчисленные летки вновь образованных капилляров покроют барьер. Там, где скопление клеток и тромбов в сосудах и щелях несло охрану пораженного места, вырастет крепкий защитительный вал из прочной грануляционной ткани. Удивительны свойства ее: она препятствует всасыванию ядов, проникновению бактерий, не пропускает даже воды. Эта стойкая крепость является тюрьмой и могилой для застрявшего в тканях врага.

Исключительна роль грануляций, но как добиться того, чтобы они бурно могли нарастать и находить в самой ране питание? Природа разрешила и эту задачу: распадающиеся клетки умирающих тканей раны выделяют лучи, ускоряющие деление грануляций. Гибнущие лейкоциты освобождают вещества, необходимые для ее питания и развития...

Такова система самозащиты. Парацельс не ошибся, она действительно не нуждается во врачебных снадобьях и достаточно сильна, чтобы справиться с инфекцией и травмой.

Успехи антисептики и сомнительные удачи последователей Фридриха приковали внимание хирургов к микробу. Их скальпель обратился против инфекции, но обоюдоострая сталь одинаково разила свое и чужое, бактерию и организм. Защитные механизмы не стали достоянием практики. О них вспоминали лишь тогда, когда нож пасовал перед задачей жизни и смерти.

— Будем надеяться на организм, — в таких случаях растерянно замечали врачи, — он один только может творить чудеса.

Еще вспоминали о чудесной системе в академических статьях, когда явления не укладывались в рамки господствующей идеи. При этом все решалось просто и ясно. Хирургия и ее теория находятся на нерушимых путях, располагая в трудных случаях счастливыми резервами организма. Когда практика установила, что в пятидесяти случаях из ста в огнестрельных ранах находят бактерии, вызывающие газовую гангрену и столбняк, хирурги воздали должное защитным механизмам, а рану все-таки

продолжали выскабливать с твердым намерением не оставлять в ней ни единого микроорганизма. Факты не пощадили самый эксперимент, создавший Фридриху широкую известность. Его свинки, как известно, выживали лишь тогда, когда им иссекали всю рану. Советские ученые спасали этих животных, не прибегая к ножу. Достаточно было для этого влить в полость раны, заполненной землей, перуанский бальзам...

Во время событий на озере Хасан последователи Фридриха стали насаждать свои методы в условиях боевой обстановки. Первые же дни показали, как был прав в свое время Вишневский. «Стерилизованные» ножом раны продолжали гноиться под швом. Тяжелые осложнения преследовали несчастных, подвергнутых такой операции. Потребовалось вмешательство санитарного командования, чтобы унять непокорных хирургов. В войне с белофиннами и в отечественной войне с иссечением ран «по Фридриху» и зашиванием их было покончено навсегда.

★

Мы видим их в палатах больницы, свидетелей удивительных дел Вишневского и его любви к человеку.

Раненый восемь суток не ел и не пил. И накормить его было нельзя: осколок снаряда пробил пищевод и разрушил дыхательное горло. Была глубокая ночь, холод, метель, красноармеец без повязки много часов шел до медицинского пункта. Его перевязали, попробовали дать ему чаю и поесть, но пища и жидкость выходили из раны наружу. В госпитале повторилось то же, и его срочно отправили в Москву. Обескровленный, изнемогающий от голода и жажды, он оставался подолгу в забытьи, говорил хриплым голосом, чуть слышно, утомляясь от первых же слов.

— Его надо покормить, укрепить организм, — сказал лечащему врачу Вишневский, — иначе рана у него не заживет.

Вишневский был прав, но как заставить пищу пройти в пищевод? Не делать же раненому желудочный свищ, он не вынесет операции, а питательные

клизмы и глюкоза недостаточны для поднятия его сил.

— Я не вижу возможности это сделать, — заметил лечащий врач, — если рана пищевода самопроизвольно не заживет, нам раненого не спасти.

Он бросил взгляд на профессора.

— Подумайте еще раз, — предложил ученый. — Попробуйте найти выход на путях наименьшего сопротивления.

Уж не намерен ли Вишневский кормить больного через рану? Но это опасно, из рассеченных тканей выделяется гной; из трахеи бьет фонтаном выдыхаемый и выдыхаемый воздух и слезы. Ввести в такое отверстие трубку, значит рассеять инфекцию по всему организму.

Ученый не любит бесплодных дискуссий, он вводит в рану катетер, наощупь обходит разбитое дыхательное горло и приказывает сестре:

— Влейте раненому через трубку стакан крепкого чая с маслом и сахаром и повторяйте этот рацион через каждые два часа.

«Больной в полузабытьи, — отмечает в тот день история болезни, — дыхание kloкочущее, пульс слабого наполнения. Введенный в рану катетер стоит хорошо».

В трубку полились молоко, сметана, жидкий суп, а в рану мимо трубки — бальзамическая мазь. Однажды, когда катетер вынули из отверстия на несколько часов, вновь вставить его не удалось. Вызванный мазью бурный рост соединительной ткани успел закрыть рану пищевода. Раненому дали проглотить кисель, на завтра он уже ел кашу и хлеб. Мазевая повязка, наложенная на шею, затянула рубцом и наружную рану.

Но в сущности не бальзамическая мазь и не питание помогли излечить разбитую трахею и пищевод. Это сделал сам организм и защитные силы его, поддержанные и укрепленные хирургом.

В другой кровати лежит юноша лет двадцати. Его доставили ночью, месяц с лишним назад. Врач, придя утром в палату, увидел в постели скрючившегося больного, смертельно бледного, худого, с повязкой на затылке, из-под ко-

торой просачивалась кровь. Он жаловался на боль, говорил неохотно, с трудом. По всему было видно, что юноша обескровлен и теряет последние силы.

Врач снял с него повязку и обнаружил нечто, что заставило его спешно обратиться к профессору. Правая половина затылка представляла собой сплошную сине-красную опухоль, величиной с голову ребенка, усеянную гноиниками и свищами. В одном из отверстий торчал сгусток крови, из-под которого струйкой текла алая кровь. Похоже было на то, что пробка эта закрыла рану крупного сосуда.

Больного тотчас доставили в операционную. Прошло десять минут, и хирург ждал его у стола. Обезболив раненый участок, Вишневский делает широкий разрез вдоль затылка, и в то же мгновение его обдает струя крови. Судьба раненого решалась в ближайшую секунду, все зависело от того, как скоро удастся хирургу захватить кровотокающий сосуд.

— Я, старый хирург, — рассказывает Вишневский об этой операции, — сторонник перевязки сосудов, засовываю палец в рану, прижимаю разбитую артерию и не знаю, что делать дальше. Пока я доберусь до нее, чтобы наложить лигатуру, раненый погибнет, истечет кровью. На беду нащупываю разбитую кость, которая, видимо, и ранила артерию... «Надо выбрать осколки, — думаю я, — они могут натворить беды». Стою, размышляю, а рука у меня занята, и я не могу сдвинуться с места...

Ученый в этот раз шел к своей цели без твердой уверенности, сбиваясь и блуждая, словно в потемках. Он подводит под палец, прижимающий артерию, край марли и до тех пор набивает ее туда, пока она не образует тампон, прижатый окружающими тканями к сосуду. Непрочный зажим! Малейший поворот головы, резкое движение мышц, и опоры как не бывало... Чтобы удерживать тампон на месте, хирург набивает полость раны марлей и грубо стягивает кожу узловым швом.

Жизнь раненого пока спасена, но что скрывать: тысяча опасностей впереди. Через несколько дней эта марля натно-

ится и будет содействовать размягчению тромба, убрать ее оттуда небезопасно, а оставлять надолго нельзя. Расплавленный тромб даст снова кровотечение...

— Родители паренька живут в Москве? — спросил Вишневский лечащего врача. — Ну, вот, — продолжал он, узнав, что раненый москвич, — если спросят, что с ним, скажите, что неладно, очень тяжело.... Ни за что не ругаюсь...

Но первые дни прошли благополучно. Кровотечение не возобновилось.

На четвертые сутки хирург раскрыл рану, убрал верхний слой марли, залил тампон эфиром и спиртом и заполнил всю полость бальзамической мазью. Двое суток спустя он повторил процедуру и убедился, что рана чиста. Тромб прижился, и края сосуда срослись...

Раненый был истощен до последних пределов, и Вишневскому предстояло еще немало над ним потрудиться. Свищи сильногноились, и так обильны были эти выделения, что осколки костей позвоночника у поврежденной артерии плавали в гною. Не исключалась возможность, что выделения проберутся к недавно спасенному сосуду и погубят все усилия хирурга...

Без помощи ножа оперирует Вишневский больного. Он вводит в каждый свищ большую дозу эфира, вымывает гной из глубины раны и вливает в эти отверстия жидкую бальзамическую мазь.

Точно новые силы наполнили организм, свищи стали заживать, наступило выздоровление. Когда, месяц спустя, раненому сделали рентгеновский снимок, оказалось, что в тканях вокруг раневых каналов скопилось больше двух десятков металлических осколков мин. Так велик был подъем защитных сил организма, что они не только сумели излечить тяжелые раны, но и обезвредить множество очагов опасной инфекции...

Ниже этажом в этой клинике лежит фельдшер Сысоев. О нем говорят, что он трудный больной. Рана его серьезна, нет слов, осколок мины угодил ему в спину и сидит в грудной клетке. Раненый

потерял много крови, две недели ехал в тряских машинах, на дровнях; харкал кровью, изнемог, и с тридцатью процентами гемоглобина, высокой температурой, ознобом был доставлен сюда. Нелегко с Сысоевым санитаркам, неважно и сестрам, а всего труднее врачу. Военфельдшер считает себя сведущим в медицине и на «проклятые вопросы» требует «прямых ответов». Так, например, его интересует, долго ли он протянет еще? О чем свидетельствуют страшные поты, вынуждающие его в течение ночи несколько раз менять белье? Ему известно, что ранения в грудь обычно смертельны, не будет ли он из этого правила счастливым исключением? Когда у Сысоева однажды кровь пошла горлом, он потребовал Вишневского к себе. Фельдшер жаловался ученому на несправедливость, вот ему в двадцать лет пришел час погибать, ложиться в могилу, а другие доживают до преклонного возраста. Это тем более несправедливо, что в батальоне так нуждаются в нем. Профессору ничего не стоит спасти военфельдшера, ему достаточно захотеть.

В болезни Сысоева, надо прямо сказать, многое было неясно и противоречиво. Состояние раны не соответствовало самочувствию раненого. Пораженный участок был чист, осколок, видимо, сжился со своим окружением, — откуда, казалось бы, эта вялость больного, бледность лица, ночные поты и ознобы? Неужели где-нибудь тлеет воспалительный процесс? Рентгеновский снимок показал затемнение в полости плевры. Возможно, этот выпот и связан с этим.

— Надо что-нибудь предпринять, — сказал Вишневский себе, — чего доброго, парня проморгаешь.

Некоторое время назад, не то в Москве, не то где-то в провинции, у постели сердечно больного собрался консилиум знаменитых врачей. Всех поражаало несоответствие между течением болезни сердца и состоянием всего организма. И высокая температура, и качественные изменения крови, озноб и многое другое говорило о скрытно протекающем процессе, но где он? Ни боли, ни каких-либо специфических ощущений

у больного не наблюдалось, а налицо признаки гнойной лихорадки.

— Сделайте больному новокаиновый блок, — предложил тогда Вишнеvский коллегам, — процесс обнаружит себя.

На третий день после блокады у больного открылся забрюшинный гноивик. Он расплавил ткани и вышел наружу...

Об этом вспомнил ученый у постели Сысоева.

— Не сделать ли ему новокаиновый блок? — посоветовался Вишнеvский с врачом. — Кто его знает, вдруг у него где-то идет воспаление... киснет себе рана в брюхе, а мы с вами ничего не знаем...

Поясничная блокада вызвала у раненого бурную реакцию и больше всего напугала его самого. Фельдшер утверждал, что его погубили, никогда еще ему не было так худо, как сейчас; все болит: и голова, и ноги, и рана в груди, и даже место уколов, которые он, кстати сказать, при блокаде не чувствовал. Двое суток температура стояла на уровне сорока градусов. Было очевидно, что в организме нарастает перелом, разрешается сложный болезненный процесс. На третий день наступило облегчение. Рентгеновский снимок засвидетельствовал, что уровень жидкости в плевре резко упал, выпот рассасывался и исчезал...

Зарубцовывалась рана грудной клетки, близилось выздоровление, близился и конец тревогам военфельдшера Сысоева.

По соседству с военфельдшером лежит связист артиллерийской части, красноармеец двадцати восьми лет. Раненого доставили сюда рано утром, и с его появлением палата лишилась покоя. Он мучительно стонал или кричал во весь голос «спасите!». Пусть скорее с ним делают что угодно, ему не под силу больше терпеть. «Спасите!» «Погибаю!»

Он был ранен днем, в жестокий мороз. Его ударило осколками снаряда, больно резнув по голове и коленам. Он почувствовал дрожь во всем теле, лишился голоса и речи и упал, не в силах двинуться с места. Подбежали бойцы,

сделали перевязку и куда-то унесли. Что было с ним позже, он не помнит. На пятые сутки, как явствует из истории болезни, в полевом госпитале его подвергли операции, удалили из черепа обломки костей и разрежали ногу, пораженную осколком в сустав. Три недели он боролся со смертью, впадал надолго в забытие, приходил в себя и снова лишался чувств.

Его доставили в клинику крайне слабым, с высокой температурой и жестокими болями в коленном суставе. Так сильны были эти страдания, что даже простыня, покрывавшая ногу, причиняла ему нестерпимую боль. Встревоженный и напряженный от пережитого, он молил окружающих сжалиться над ним, не делать резких движений, не стучать ногами по полу и далеко обходить его. Едва новый человек появлялся в палате, как раненый уже просил его не приближаться к кровати. В этих жалобах и просьбах больного не было преувеличений, мудроно терпеть, когда на каждый миллиметр поверхности раны приходится до восьмидесяти нервных волокон.

Исследование гноя из черепа и сустава ничего утешительного не принесло. Раны кишели газовой бактерией, теми самыми бактериями, которые в сутки способны убить человека. Они размножались, непрерывно отравляя организм больного. Состояние раненого с каждым днем ухудшалось, землисто-серый цвет лица и нарастающее истощение ничего хорошего не предвещали.

Практика прошлого предписывала врачу ампутировать такую конечность. Кость коленного сустава выпиливалась, мякоть укороченной ноги сшивалась, дальнейшее возлагалось на спасительные силы природы. Всякое наступало после операции. Мышцы срастались, а разьединенная кость, ничем не скрепленная, утрачивала способность быть опорой. Нога становилась для человека обузой. Случалось, что ткани, пропитываемые известью, смыкали концы распиленной кости, образуя твердый остов ноги. Укороченная конечность, лишенная сустава, не сгибалась, усложняла и затрудняла движение. Чаще всего

больной погибал в послеоперационный период от тяжелой инфекции или от отравления организма наркозом.

Вишневский решает эту задачу по-своему. Он не спешит с ампутацией и далек от мысли фабриковать в своей клинике калек. Процедура здесь будет несколько иной...

Пока раненого связиста снимали с кровати и увозили на операцию, дикие крики оглашали палату. Предоперационная наполнилась стоном и воплями.

Всегда перед началом такой операции ученый ощущал некоторое смущение. В сложившейся ситуации ему все было ясно с начала до конца. Огнестрельная рана нагноилась. Сейчас он вскроет сустав, выпустит гной, обрабатывает так называемые завороты сустава, протрет их спиртом и, тщательно вычистив раневой канал, затампонирует полость марлей, пропитанной бальзамической мазью. Рана перестанет отделять гной, разрушительная стадия процесса прекратится. Сейчас, до операции, ему мучительно трудно решиться сделать укол в наболевшую область сустава, причинить раненому эту единственную, хоть и последнюю боль...

После первого укола новокаином крики раненого умолкли и не повторялись уже. Операция под местной анестезией прошла так, как ученый предвидел. На постели выздоравливал раненый красноармеец...

Еще одна повесть о страданиях, счастливо минувших. Молодая разведчица четверо суток оставалась на холоде в глубоком тылу у врага. С отмороженными ногами она была подобрана и доставлена в клинику. Врачи увидели знакомую картину: синюшно окрашен-

ные стопы представляли сплошную рану с зеленоватым налетом омертвения. От опухших конечностей отделялась буроватая слизь.

Против влажной гангрены, имеющей свойство распространяться от пораженных тканей к здоровым, медицина знает единственное средство — ампутацию. Операцию следует проводить возможно скорее, прежде чем яды, выделяемые раной, не отравили организм или гнойная инфекция не вызвала заражения крови. Еще одно условие: отмороженная конечность должна быть отрезана значительно выше линии омертвевших тканей, так как границы измененных сосудов и нервов не совпадают с видимой границей гангрены.

Девушке сделали двустороннюю поясничную блокаду, а ноги до самых бедер обложили марлей, пропитанной бальзамической мазью. Больная изнемогала. Нестерпимые боли лишали ее сна, наркотики не могли дать и кратковременной передышки. Блокада ухудшила ее состояние и, надломленная, она просила не жалеть ее ног, только избавить от дальнейших страданий.

На шестые сутки больная впервые уснула и проспала до утра. С этой ночи боли стали стихать. Две недели спустя с отмороженных ног сняли повязку, и тут же отвалились омертвевшие ткани стопы.

Отмороженную конечность излечил сам организм. Бессильный возродить умершие ткани, он их отграничил и отсек.

Так защитные силы организма служат хирургу, раскрывшему тайну их.

Великий патриот

В. ЩЕРБИНА

I

Нам всегда была дорога русская культура. Она — показатель талантливости, огромных творческих возможностей, жизнеспособности народа. И в дни величайшей в истории человечества войны, когда решается судьба нашего народа и всего мира, мы еще более внимательно и любовно относимся к великим созданиям национального гения. В наше грозное военное время, как никогда, ясно познается всемирно историческое значение борьбы русского народа.

Имя В. Г. Белинского стоит в ряду крупнейших деятелей русской науки и литературы.

В 1912 году в статье «Еще один поход на демократию» Ленин писал о громадном влиянии работ Белинского на широкие народные массы; он указывал на то, что в период революционного подъема, в 1905—1907 годах, к большому горю для помещичье-буржуазной контрреволюции, исполнилось желание Некрасова, писавшего:

...Придет ли времячко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что рознь портрет портретику.
Что книга книге рознь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда Гоголя —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?

Белинский не только крупнейший критик, но и родоначальник революционно-демократической русской интел-

лигенции, поднимавшей десятилетиями сознание народа. Дстойные преемники ее сейчас оружием и трудом отстаивают независимость, свободу и честь своей родины.

Сейчас, когда немецкие фашисты хотя бы силой поработить народы Советского Союза, уничтожить их культуру, нельзя не вспомнить о пламенном патриоте Белинском. Товарищ Сталин в своем докладе 6 ноября 1941 года называет Белинского в ряду великих русских деятелей, которыми гордится русский народ.

Подвергая уничтожающей критике захватническую программу немецких фашистов, товарищ Сталин говорил:

«И эти люди, лишённые совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!..»
Белинский — великий русский критик. В то же время он великий революционер-демократ, поднявший литературное дело на небывалую высоту, воспитавший целые поколения борцов за счастье народа.

«Литература у нас существует, но критики еще нет», — с горечью заметил Пушкин до появления первых критических работ Белинского. Под «критикой» великий поэт подразумевал

проявление в литературно-критических суждениях народного самосознания, то есть имел в виду не частные критические замечания, исходящие от небольшой группы образованных людей, а необходимость национальной критики, трактующей основные вопросы жизни народа и его литературы. Таким основоположником русской национальной критики был В. Г. Белинский.

Значение Белинского, как основоположника русской национальной критики, подтверждает в «Очерках гоголевского периода» Н. Г. Чернышевский. Указав, что в лице Белинского наша страна первый раз произвела мыслителя и критика, который шел наряду с мыслителями Европы, а не в свете их, как бывало прежде, Чернышевский делает следующий вывод: «До Белинского наша критика была отражением то французских, то немецких теорий, потому вовсе не имела ясности и определенности в своих основных воззрениях... Вообще, мнения лучших критиков, предшествовавших Белинскому, очень скоро, в течение каких-нибудь пяти-шести лет, оказывались устаревшими, неосновательными или односторонними. Напротив, суждения Белинского до сих пор сохраняют свою верность, и верность их вообще такова, что люди, восставшие против него, почти всегда правы были только в том, что заимствовали у него же».

Белинский сделал русскую критику выдающимся явлением мировой общественной мысли. Высокая самостоятельность, которой достигла русская мысль в лице Белинского и его сподвижников, по мнению Чернышевского, должна быть предметом народной гордости.

Мировое значение деятельности Белинского сказалось в том, что он стал основоположником той «исторической и критической школы в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой». В этих словах Энгельса указано исключительное значение деятельности русской классической критики в европейской культуре прошлого века. Внутри национальной «исторической и крити-

ческой школы» Белинский был предшественником и учителем «социалистических лессингов» — Чернышевского и Добролюбова.

Белинский шел в авангарде идей своего времени. Белинский с огромной страстью, мучительно и настойчиво искал решения вопросов, волновавших весь русский народ.

Величайшее влияние критики Белинского обусловлено также тем, что в ней отражены основные общественные проблемы эпохи, имеющие общенародный интерес. Все работы критика проникнуты идеей освобождения личности, великой «будущности» русского народа, отрицанием крепостнического порядка. Это были основные социальные проблемы эпохи.

Вера в творческие силы русского народа у Белинского неотделима от законной гордости историческим прошлым родины.

«Дух народный, — писал он в рецензии на сочинение Голикова «Деяния Петра Великого», — всегда был велик и могущ: это доказывает и быстрая централизация Московского царства, и мамаевское побоище, и свержение татарского ига, и завоевание темного Казанского царства, и возрождение России, подобно фениксу, из собственного пепла в годину междуцарствия. Это же доказывает и обилие в таких характерах и умах государственных и ратных, каковы были: Александр Невский, Иоанн Калита, Симеон Гордый, Димитрий Донской, Иоанн III, Иоанн Грозный, Андрей Курбский, Воротынский, Шенн, Годунов, Басманов, Скопин-Шуйский, князь Димитрий Пожарский, мещанин Минин, святители Алексий, Филипп, Гермоген, келарь Авраамий Палицын. Это же доказывают и произведения народной поэзии, запечатленной богатством фантазии, силою выражения, бесконечностью чувства, то бешено веселого, размашистого, то грустного, заунывного, но всегда крепкого, могучего, которому тесно и на улице, и на площади, которое просит для разгула дремучего леса, раздолья Волги-матушки, широкого поля...»

О богатстве исторической жизни Рос-

сии говорит критик в других своих статьях. Вспомнить сказанное им по этому поводу чрезвычайно важно, так как до сих пор внимание исследователей обращалось, главным образом, на отрицательные высказывания Белинского о самодержавно-крепостнической русской действительности. С каким вдохновением «западник» Белинский писал о богатстве исторических русских сюжетов и характеров.

«Русская жизнь до Петра Великого имела свои формы — поймите их и тогда увидите, что она заключает в себе для романа и драмы такие же богатые материалы, как и европейская. Да что говорить о романистах, когда и историки наши ищут в русской истории приложений к идеям Гизо о европейской цивилизации, и первый период меряют нормандским футом, вместо русского аршина!.. Боже мой, а какие эпохи, какие лица! Да их стало бы несколько Шекспирам и Вальтер-Скоттам. Вот период до Ярослава — это период сказочный и полусказочный. Г. Вельтман первый намекнул, как должна пользоваться им фантазия поэта. Вот период уделов, период, в который великан-младенец, путем раздробления, разбрасывался в длину и ширину и захватывал себе побольше места на божьем свете, чтоб было где ему развернуться и поразгуляться, когда придет его время...

Вот период татарщины — этой внешней силы, которая должна была сдавить Русь, спаять ее ее же кровью, пробудив в ней чувство единоверия и единокровности... А характеры?.. Вот могучий Иоанн III, первый царь русский, замысливший идею единовластия и самодержавия, установивший придворный этикет, сокрушивший представителей издыхавшего удельничества и поставивший власть царскую наравне с волею божиею... Вот Иоанн IV, этот Петр I, не во-время явившийся и грозю докончивший идею своего великого деда... Вот добрый Феодор I, отшельник и постник на престоле... Вот хитрый, ловкий Годунов, жертва неудачной попытки попасть в великие... Вот удалец Димитрий... Вот Шуйский, низкий на

престоле, гордый в падении... И чем дальше, тем жизнь кипит больше и больше, характеры толпятся — и наконец, много ли было у Петра дней, из которых каждого нехватило бы на роман или драму?..

Много славных и блестящих мгновений пережила молодая Россия — молодая и юная, несмотря на свою девятивековую жизнь; много перетерплено было ею славных бед, много перепродано славных торжеств; но все они помрачатся 1812 годом. И в самый знаменитый 1612 год за нее спорили и жизнь и смерть; но тогда спасение казалось чудом, которому тогда только поверили, когда оно уже совершилось; но в 1812 г. спор жизни со смертью казался еще страшнее, а в спасении никто не отчаивался, никто не сомневался давно. Беда была торжеством: что же самое торжество?.. Великое влияние имели на Россию нашествие Наполеона и последняя борьба ее с ним: уже не раз опытом блестящих побед и славных торжеств сознавала она свои исполинские силы».

В героической борьбе с гитлеризмом наш свободный народ показал чудеса доблести и стойкости. Мощь народов Советского Союза проявилась во всей своей силе. Движимые чувством социалистического патриотизма, советские люди проявили величие своего духа и нерушимую сплоченность. И невольно вспоминаются замечательные слова Белинского, сказанные в связи с таким крупным историческим событием, как Бородинская битва.

«У всякого человека есть своя история, а в истории свои критические моменты: и о человеке можно безошибочно судить только, смотря по тому, как он действовал и каким он является в эти моменты, когда на весах судьбы лежала его жизнь, и честь, и счастье. И чем выше человек, тем история его грандиознее, критические моменты ужаснее, а выход из них торжественнее и поразительнее. Так и у всякого народа — своя история, а в истории свои критические моменты, по которым можно судить о силе и величии его духа, и, разумеется, чем выше народ, тем грандиознее царственное достоинство его истории, тем по-

разительнее трагическое величие его критических моментов и выхода из них с честью и славою победы. Дух народа, как и дух частного человека, выказываетя вполне только в критические минуты, по которым одним можно безошибочно судить не только о его силе, но и о молодости и о свежести его сил. Бородинская битва, самим Наполеоном названная битвою гигантов, была самым торжественным, самым трагическим актом великой драмы 12-го года. Дело шло уже не о новой приобретенной провинции, не о клочке земли, отбитой у врагов и моря для построения города, ни даже о завоевании царства и царств: дело шло сперва о собственном спасении, а потом о спасении всей Европы, следовательно — всего мира».

Писатель характеризует Бородинскую битву как мировое явление, как истинную битву гигантов, где, с одной стороны, завоеватель Наполеон, влекомый «бессознательным стремлением последним подвигом остановить свою блуждающую звезду и стать у темной цели своего таинственного пути», а с другой — русский народ, поднявшийся на борьбу за свое существование.

Печальный удел армии Наполеона предстоит фашистским оккупантам. Родина наша сейчас несравненно и во всех отношениях сильнее, нежели в годы Отечественной войны 1812 года. И, читая слова Белинского, мы еще более укрепляемся в своей уверенности, что великое дело разгрома фашистских захватчиков народы СССР решат победоносно.

II

Демократическая мысль Белинского отразила искания и настроения большинства русского народа, искание дальнейших путей развития России.

Белинский стоял на левом фланге прогрессивной общественности 40-х годов. Прекрасное знание литературы, тончайший эстетический вкус он сочетал с темпераментом крупнейшего политического деятеля. За непреклонность и страсть в защите своих революционных убеждений он был прозван друзьями «неистовым Виссарионом». Дело лите-

ратуры было у «неистового Виссариона» связано с жизненным делом народа. Для Станкевича и других товарищей Белинского вопросы литературы представляли гораздо более узкий теоретический интерес. Им был несвойственен пафос активного революционного патриотизма, пронизавший собой весь психологический облик Белинского.

Белинский прошел сложный и мучительный путь идейных исканий. Философское развитие критика шло от Шеллинга через Фихте к Гегелю, от правого гегельянства к левому и, наконец, к Фейербаху. В области социальных воззрений Белинский двигался от утопического социализма к революционно-демократическим воззрениям, идеям демократической революции.

Некоторые из критиков высказывали мысль, что Белинский писал так много и в разное время так различно, что любая из политических групп или литературных школ может считать его своим предшественником.

На самом деле идейная эволюция Белинского проникнута величайшей последовательностью и единством цели: она отразила в себе путь исторического развития передовой европейской и русской мысли (от идеализма к материализму, от Шеллинга и Фихте к Гегелю и, наконец, к Фейербаху). Как верно заметил в свое время Чернышевский, в Белинском развитие русской критики шло естественно — логическим путем. Всегда великий критик руководствовался идеей освобождения человеческой личности, всегда искал путей освобождения человека. Искания эти пролагали дорогу идеям революционной демократии. Линия идейного движения Белинского отражала настроение крестьянской революции в России в ее самых передовых и теоретически высоких проявлениях. Временные заблуждения и иллюзии Белинского не есть только его личное дело: они выражают идейные поиски целого поколения русского общества. И величайшая заслуга Белинского в том, что он за какие-нибудь пятнадцать лет своей творческой жизни не только прошел школу передовых исканий человечества, но и пошел дальше Гегеля и

Фейербаха, создал свою самостоятельную оригинальную общественную и эстетическую концепцию.

Белинский начал свою деятельность после разгрома декабристов, когда дворянские революционеры потерпели поражение, а поколение революционеро-разночинцев еще не выступило. Белинский был их первым выдающимся представителем и предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в русском революционном движении. Трудности формирования революционно-демократического сознания в России отразились в исканиях Белинского. С полным правом можно отнести к Белинскому слова Ленина о том, что передовая русская мысль буквально «выстрадала» марксизм.

Неутомимым исканием истины отмечен идейный путь Белинского. Хорошо эту сторону деятельности критика характеризовал Герцен: «Все величие своего гения устремил он к отысканию истины». «Истину назови мне!» — зывал он к проникновенному разуму. Жадно, неутомимо и страстно бросился он в поиски за ней, и мощный голос его, как трубный звук, стал оглашать мрачную эпоху, связывая все живое и лучшее, способное воспринять правду-истину и правду-справедливость. От юношеской трагедии «Дмитрий Калинин» до предсмертных писем его — все проникнуто этим пылким исканием».

Страстные искания привели Белинского к наиболее высокому результату, возможному в его время. Поднимаясь со ступеньки на ступеньку мировой философской и социальной мысли, Белинский пришел к передовому эстетическому и социальному учению допролетарского периода. Надо быть гением, чтобы в условиях отсталой самодержавной России 40-х годов подняться до передовой мировой мысли, причем воспринятой не догматически, а творчески, блестяще примененной и продолженной в своеобразной исторической обстановке русской жизни.

Чернышевский, характеризуя историческую значимость и единство идейного развития Белинского, писал: «До самой смерти своей этот человек шел вперед,

и чем далее, тем полнее и точнее выражалась его мысль». С каждым годом в статьях Белинского мы находим все менее и менее рассуждений об отвлеченных предметах или хотя о живых предметах, но с отвлеченной точки зрения; все решительнее и решительнее становится преобладание элементов, данных жизнью».

Единство цели всего социально-философского развития Белинского опровергает все измышления реакционной критики об отсутствии у него целостного мировоззрения. Мировоззрение Белинского все время совершенствовалось и шло в ногу с передовой мировой мыслью, это был огромный труд, имеющий значение исторической типичности для целого поколения мыслителей Европы.

Социальное содержание критической и публицистической деятельности Белинского наиболее ярко выражено в его известном «Письме к Гоголю». Истоки революционного настроения этого письма прекрасно показал В. И. Ленин в статье «О «Вехах». Он писал:

«Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?»

Деятельность Белинского — это вершина развития мировой критической мысли в XIX веке.

Единство идейного развития Белинского проявляется еще в том, что он всегда оставался оригинальным и самостоятельным мыслителем, всегда был в науке представителем своего народа, России, никогда не следовал слепо за чужой теорией. Характер деятельности Белинского можно понять только в свете последовательности и единой целенаправленности его эволюции. Поэтому нельзя его эстетические взгляды механически разделить на несколько периодов, в зависимости от увлечения учением того или иного философа. В критическом подходе Белинского к явлениям

литературы и театра всегда есть нечто общее. Это общее сказывается, прежде всего, в непогрешимости подавляющего большинства художественных оценок критика. Белинский «открыл» крупнейших русских писателей: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Кольцова, Герцена, Тургенева, Достоевского, Майкова и др. Благодаря безошибочности своих критических суждений, он был подлинным руководителем русской литературы. Белинский редко ошибался и если допускал ошибку, то исправлял ее сам, раньше других. «Безгрешность художественных оценок Белинского подтверждает большинство русских писателей-реалистов, оставивших свои воспоминания о критике. И. С. Тургенев разделял не все взгляды Белинского, но прекрасному эстетическому чутью его всегда отдавал должное: «Белинский бесспорно обладал главными качествами великого критика. Эстетическое чутье было в нем почти непогрешительно; взгляд его проникал глубоко и никогда не становился туманным; Белинский не обманывался внешностью, обстановкой — не подчинялся никаким влияниям и веяниям; он сразу узнавал прекрасное и безобразное, истинное и ложное, и с бестрепетной смелостью высказывал свой приговор — высказывал его вполне, без урезок, горячо и сильно, со всей стремительной уверенностью убеждения... При появлении нового дарования, нового романа, стихотворения, повести—никто, ни прежде Белинского, ни лучше его, не произносил правильной оценки, настоящего, решающего слова. Лермонтов, Гоголь, Гончаров—не он ли первый указал на них, разъяснил их значение? И сколько других? Без невольного удивления перед критической диагнозой Белинского нельзя прочесть, между прочим, ту небольшую выноску, сделанную им в одном из годовых обзоров, в которой он по одной песне о купце Калашникове, появившейся без подписи... предрекал великую будущность автора... Подобные черты встречаются беспрестанно у Белинского»*.

Требую от литературы прежде всего правдивости, Белинский восставал против официальной литературной политики самодержавия. Отрицая казенную слащавость и фальшь, Белинский выдвигает идею национальной народной литературы, выражающей мысли и стремления миллионных масс народа. Прежде всего, русская народная литература должна дать правдивую картину жизни. Начало этой новой народной литературы он видел в творчестве Пушкина.

Художественная литература для Белинского — сильнейшее орудие развития патристического сознания, идей любви и преданности родине. С каким пафосом и гордостью говорит критик о русской литературе. Каждая статья его — пламенный патристический манифест. Отвечая на вопрос «Что можно давать читать детям», Белинский говорит: «Из сочинений, писанных для всех возрастов, давайте им «Басни» Крылова, в которых, даже практически, житейские мысли облечены в такие пленительные поэтические образы, и все так резко запечатлено печатью русского ума и русского духа; давайте им «Юрия Милославского» Г. Загоскина, в котором столько душевной теплоты, столько патристического чувства, который так прост, так наивен, так чудд возмущающих душу картин, так доступен детскому воображению и чувству; давайте «Овсяный кисель», эту наивную, дышащую младенческой поэзией пьесу Гебеля, так превосходно переведенную Жуковским; давайте им некоторые из народных сказок Пушкина, как, например, «О рыбке и рыбке», которая при высокой поэзии отличается, по причине своей бесконечной народности, доступностью для всех возрастов и сословий и заключает в себе нравственную идею. Не давая детям в руки самой книги, можно читать им отрывки из некоторых поэм Пушкина, как, например, в «Кавказском пленнике» изображение черкесских нравов, в «Руслане и Людмиле» эпизоды битв, о поле, покрытом мертвыми костями, о богатырской голове; в «Полтаве» описание битвы, появление Петра Великого, наконец, некоторые из мелких

* И. С. Тургенев. «Литературные воспоминания», стр. 28—29.

стихотворений Пушкина, каковы: «Песнь о вешем Олеге», «Жених», «Пир Петра Великого», «Зимний вечер», «Утопленник», «Бесы», некоторые из песен Западных славян, а для более взрослых — «Клеветникам России» и «Бородинскую годовщину». Не заботьтесь о том, что дети мало тут поймут, но именно и старайтесь, чтобы они как можно менее понимали, но больше чувствовали. Пусть ухо их приучается к гармонии русских слова, сердца преисполняются чувством изящного; пусть и поэзия действует на них, как и музыка — прямо через сердце, мимо головы, для которой еще настанет свое время, свой черед. Очень полезно и даже необходимо знакомить детей с русскими народными песнями, читать им, с немногими пропусками, стихотворные сказки Кириши Данилсва. Народность обыкновенно выпускается у нас из плана воспитания: часто не только юноши, но и дети знают наизусть отрывки из трагедий Корнеля и Расина и умеют пересказать десяток анекдотов о Генрихе IV, о Людовике XIV, а между тем не имеют и понятия о сокровищах своей народной поэзии, о русской литературе, и разве от дядек и мамок узнают, что был на Руси великий царь — Петр I. Давайте детям больше и больше созерцания общего, человеческого, мирового; но преимущественно старайтесь знакомить их с этим через родные и национальные явления; пусть они сперва узнают не только о Петре Великом, но и о Иоанне III, чем о Генрихах, Карлах и Наполеонах. Общее является только в частном; кто не принадлежит своему отечеству, тот не принадлежит и человечеству».

Понятия реализма и народности являются в критике Белинского основными. Но содержание этих понятий не остается неизменным, оно совершенствуется в направлении все большей демократизации и обогащения конкретным содержанием. В этом можно убедиться, сопоставив зачатки демократического понимания народности и реализма в «Литературных мечтаниях» с целостной эстетической концепцией реализма и народности, окончательно

оформившейся у Белинского к 1846—1848 годам, когда критик стоял уже на позициях просветительства.

Новое понимание Белинским народности в искусстве в общих чертах можно выразить в следующих словах: народным является реалистическое, правдивое искусство, близкое и понятное массам народа, выражающее самое существенное в жизни своего народа и в эпохе. Народное искусство — искусство больших художественных и идейных масштабов. Именно за этот тип искусства боролся Белинский, провозглашая Пушкина первым народным поэтом России.

Основной признак народного и всякого истинно-художественного произведения Белинский видит в правдивости изображения. Еще в статье «О русской повести и повестях Гоголя» он замечает: «Жизнь всякого народа проявляется в своих, ей одной свойственных формах, следовательно, если изображение жизни верно, то и народно». Народная литература прежде всего — реалистическая литература в широком понимании слова. Понятие народности у Белинского в то время формировалось в борьбе с реакционным романтизмом, проявлявшим себя как в теории, так и в художественной и социальной практике. Главный недостаток романтизма Белинский видит теперь в разладе с действительностью, в «стремлении жить мимо жизни». Он противопоставляет ему натуральную гоголевскую школу, последовательность ее реализма. «Не в талантах, не в их числе видим мы, собственно, прогресс литературы, а в их направлении, в их манере писать. Таланты были всегда, но прежде они украшали природу, идеализировали действительность, т.-е. изображали несуществующее, рассказывали о небывалом; а теперь они воспроизводят жизнь и действительность в их истине. От этого литература получала великое значение в глазах общества». Правдивость изображения — вот что прежде всего волнует Белинского. «О «Евгении Онегине» он пишет так: «Тут уже натурализм явился не как сатира, не как комизм, а как

верное воспроизведение действительности, со всем ее добром и злом, со всеми ее житейскими дрязгами; около двух или трех лиц опоэтизированных или несколько идеализированных выведены люди обыкновенные, но не на посмешище, как уроды, как исключение из общего правила, а как лица, составляющие большинство общества.

Критическая пронизательность Белинского дала ему возможность увидеть реалистичность «Онегина», несмотря на «идеализацию помещичьего быта» Пушкиным. «Поэзия Пушкина, — говорит Белинский, — удивительно верна действительности, поэтому общий голос нарек его русским народным и национальным поэтом».

III

По-новому в русской литературе Белинский ставит проблему национального и общечеловеческого в политике и искусстве. Белинский не мыслит жизни народа и искусства без национальных черт.

Всякий народ, — утверждает критик, — есть «нечто целое, особое, частное и индивидуальное»; у всякого народа своя жизнь, свой дух, свой характер, свой взгляд на вещи, своя манера понимать и действовать.

«Разве всякий поэт, — пишет Белинский, — прежде чем он человек, не есть Русский, Француз или Немец? — Возьмем поэта русского: он родился в стране, где небо серо, снега глубоки, морозы трескучи, вьюги страшны, лето знойно, земля обильна и плодородна: разве все это не должно положить на него особенного характеристического клейма? Он в младенчестве слышал сказки о могучих богатырях, о храбрых витязях, о прекрасных царевнах и княжнах, о злых колдунах, о страшных домовых; он с малолетства приучил свой слух к жалобному, протяжному пению песен; он читал историю своей родины, которая не похожа на историю никакой другой страны в мире; он провел лета своей юности среди общества, которое не похоже ни на какое другое общество; он принадлежит к народу, который еще не живет полною жизнью,

но у которого настоящее уже интересно, как шаг, как переход к прекрасному будущему, у которого это будущее еще в зародыше, еще в зерне, но уже так богато надеждами... Потом, если он поэт, поэт истинный, то не должен ли сочувствовать своему отечеству, разделять его надежды, болеть его болезнями, радоваться его радостями?.. Кто не согласится с этим, кто будет противоречить этому? — Итак, спрашиваю: может ли истинный русский поэт не быть русским поэтом, русским не по одному рождению, а по духу, по складу ума, по форме чувства, как бы ни глубоко был он проникнут европеизмом?»

Основное в развитии русской литературы Белинский видел в стремлении к действительности и национальности. «Только с Пушкина началась национальная русская литература, ибо в его поэзии бьется пульс русской жизни», — писал Белинский в статье «Русская литература за 1840 год».

Сторонник западного просвещения, Белинский стремился приобщить русское общество и литературу к мировой жизни, в противовес националистическому шовинизму и консерватизму русской реакционной школы романтиков. Величие творчества Пушкина Белинский видит в том, что в нем сочетается яркая национальность с общечеловечностью.

«Только сфера бездарности, — развивает Белинский эту мысль, — отличается безличной общностью, для которой не существует ни пространства, ни времени, ни нации, ни колорита, ни тона...»

«Национальный поэт — великое дело! Обращаясь к Пушкину, мы скажем, по поводу вопроса о его национальности, что он не мог не отразить в себе географически и физиологически народной жизни, ибо был только Русский, но при том Русский, наделенный от природы гениальными силами; однако ж в том, что называют народностью и национальностью его поэзии, мы больше видим его необыкновенно великий художнический такт. Он в высшей степени обладал этим тактом действительности, который составляет одну из глав-

ных сторон художника. Прочтите его чудную драматическую поэму «Русалка»; она вся насквозь проникнута истинностью русской жизни; прочтите его тоже чудную драматическую поэму «Каменный гость»; она и по природе страны и по нравам своих героев так и дышит воздухом Испании; прочтите его «Египетские ночи», вы будете перенесены в самое сердце жизни издыхающего древнего мира... Таких примеров удивительной способности Пушкина быть как у себя дома во многих и самых противоположных сферах жизни мы могли бы привести много, но довольно и этих трех».

Пушкин стремился быть верным той действительности, которую он воспроизводил в своих созданиях. Все впечатления его преломлялись сквозь призму его самобытного творческого сознания. И поэтому глубоко национальны не только его произведения из русской жизни, но и говорящие о жизни других народов.

Национальность пушкинской поэзии заключается прежде всего в ее объективной демократичности. Белинский отбрасывает внешний признак национальности искусства, лежавший в основе славянофильского понимания народности. Пушкин вполне национальный поэт не только в тех произведениях, «где чисто русское содержание выражает он в чисто русской форме», а и во всех остальных, где изображается жизнь не русская. Пушкин — национален потому, что даже когда он описывает совершенно посторонний мир, «глядит на него глазами своей национальной стихии, своего народа». Эти слова Гоголя Белинский считает классическим определением национальности пушкинской поэзии. Национальность ее состоит еще в правдивости, так как Белинский не мыслил демократического искусства иначе как реалистическим. Разгадать тайну народной жизни — для поэта значит уметь равно быть верным действительности при изображении низших, средних и высших сословий. Главное достоинство «Евгения Онегина» Белинский видит в глубокой правде этого произведения. Пушкин заботился не

о том, чтобы походить на Байрона, а о том, чтобы быть самим собою и быть верным изображаемой действительности. Поэтому-то «Евгений Онегин» — в высшей степени оригинальное и национально-русское произведение, положившее прочное основание новой русской литературы.

Мысль Белинского о национальности творчества Пушкина, Гоголя, Лермонтова и других великих русских писателей и поэтов имела в русской литературе первой половины XIX века огромное значение. Узкий национализм реакционных романтиков и славянофилов был отброшен. Национальное не противопоставлялось общечеловеческому. Классические произведения Пушкина указывали русским писателям путь к жизненной правде, к большим идейным и художественным обобщениям. Белинский первый по-настоящему обрисовал роль Пушкина как создателя русской национальной литературы.

Белинский не мыслит искусства без национального колорита. Но национализм славянофилов и сторонников «официальной народности» ему враждебен. Горячий сторонник передовых для его времени европейских порядков, Белинский подчиняет в своей эстетике принцип национальный общечеловеческому. Общее — выше частного, безусловное — выше индивидуального; разум — выше личности; следовательно, общечеловеческое не противостоит национальному. Идеалы общечеловеческого у Белинского нельзя полностью отождествить с проповедью европеизма. Белинский ясно видел отвратительные стороны буржуазного существования и отрицает их: «В европейском, — замечает он, — мы должны любить только человеческое, и на этом основании все европейское, в чем нет человеческого, отвергать с такою же энергией, как и все азиатское, в чем нет человеческого».

Белинский все время оттеняет мировое, общечеловеческое значение пушкинской поэзии, почетное место русского поэта в развитии мировой литературы. В статье «Полное собрание сочинений А. Марлинского» Белинский высказывает свое твердое убеждение, что «наша

художественная поэзия в созданиях Пушкина стала наряду с поэзией всех веков и народов». «Один Пушкин мог бы своей поэтической деятельностью наполнить целый период любой европейской литературы», — замечает он в «Обзоре русской литературы за 1840 год». Большинство критиков того времени видели в Пушкине только русского поэта или даже только стличного версификатора. Белинский в противовес им смело заявляет: «Мы видим в Пушкине великого мирового поэта». С этой именно точки зрения он смотрит на «Бахчисарайский фонтан», «Цыган», «Скупого рыцаря», «Моцарта и Сальери». Все это создания великие, мировые и чисто европейские, — писал он, — но какому народу, какому веку принадлежат они? Вселенной, человечеству... Только с Пушкина началось «уже не знакомство России с Европой, а Европы с Россией». Глубочайшая национальность и народность пушкинской поэзии делают ее первым ценным вкладом русского народа в мировую литературу: общечеловечность в ней сочетается с яркой самобытностью и оригинальностью.

Своими пламенными оценками широкого значения поэзии Пушкина революционный демократ Белинский выразил национальную гордость русского народа своим поэтом. Настоящее чувство национального достоинства было недоступно реакционным и либеральным критикам Пушкина. Настоящее национальное самосознание проявляется только как сторона братского интернационализма.

Чем выше поэт, тем общечеловечнее содержание его поэзии. «Очевидно, — говорит критик, — что только та литература истинно-народная, которая в то же время есть литература общечеловеческая, которая в то же время и народна. Одно без другого существовать не должно и не может».

Немецкий фашизм старается изгнать из Германии гуманистические идеи передовой прогрессивной культуры. Но это фашизму не удастся. Немецкий народ, Германия Гете, Шиллера, Бетховена и Вагнера не могут погибнуть. В свое вре-

мя критик писал: «Мы по праву наследники всей Европы». Наш народ с оружием в руках в Великой Отечественной войне защищает всю мировую культуру. Невольно вспоминается замечательная оценка Белинским великого немецкого поэта Шиллера: «В конце XVIII века там явился великий поэт, одною стороною своего необъятного гения принадлежавший человечеству, а другою — немецкой национальности. Мы говорим о Шиллере, поэзия которого поражает свою двойственностью при первом взгляде. Пафос ее составляет чувство любви к человечеству, основанное на разуме и сознании; в этом отношении Шиллера можно назвать поэтом гуманности. В поэзии Шиллера сердце его вечно исходит самую живую, пламенную и благородную кровию любви к человеку и человечеству, ненависти к фанатизму религиозному и национальному, к предрассудкам, к кострам и бичам, которые разделяют людей и заставляют их забывать, что они — братья друг другу».

Слова Белинского еще раз подтверждают, что немецкие фашисты — враги немецкого народа и немецкой прогрессивной культуры, отмеченной именами Гете, Шиллера и Бетховена.

Настоящий русский человек, Белинский выступал и против русских крепостников-мракобесов. Он призывал учиться у передовых людей Европы. В статье о сочинениях Фонвизина и Загоскина и других он проводит глубокую мысль о том, что назначение тогдашней России — «принять в себя все элементы не только европейской, но мировой жизни», что «мы, русские — наследники целого мира, не только европейской жизни, и наследники по праву».

Белинский был непреклонен и последователен в своем глубоком убеждении в том, что широкое общение с другими народами не противоречит национальному достоинству, а, напротив, способствует развитию народа.

Свою мысль о том, что культура национальная не может развиваться изолированно, в стороне от мировой куль-

туры, без связи с достижениями других народов, Белинский повторяет во многих своих работах. Критик здесь выступает как противник узкого национализма, идей враждебности одной нации к другой. Он — сторонник равноправия народов. В этом смысле Белинский является почетным членом семьи великих деятелей человечества — гуманистов. Все лучшие ценности мирового искусства и мировой литературы созданы на основах гуманизма и идеи дружбы народов. Сейчас, когда пигмей-фашисты стараются отравить сознание людей ядом человеконенавистничества, учением о расовой исключительности, еще более величественно обрисовывается гуманистическая мысль Белинского. Он превосходно характеризовал значение гуманистических и интернационалистических идей в русской и мировой литературе. Народы — члены великой семьи человечества, — утверждает Белинский. Восставая против всякого национализма и претензий на мировое господство некоторых держав, он говорит:

«В мысли, что государства должны ревниво смотреть одно за другим и имеют право друг друга ограничивать, — уже в самой этой мысли видно начало единства, хотя и дурно понятого. Теперь это единство понято иначе и состоит в подчинении великой идеи национальной индивидуальности еще более великой идее человечества. Народы начинают сознавать, что они — члены великого семейства человечества, и начинают братски делиться друг с другом духовными сокровищами своей национальности. Каждый успех одного народа быстро усваивается другими народами, и каждый народ заимствует у другого особенно то, что чуждо его собственной национальности, отдавая в обмен другим то, что составляет исключительную собственность его исторической жизни и что чуждо исторической жизни других. Теперь только слабые, ограниченные умы могут думать, что успехи человечности вредны успехам национальности, и что нужны китайские стены для охранения национальности. Умы светлые и крепкие понимают, что национальный дух совсем не одно и то же, что националь-

ные обычаи и предания старины, которыми так дорожит невежественная посредственность; они знают, что национальный дух так же не может исчезнуть или переродиться через сношения с иностранцами и вторжение новых идей и новых обычаев, как не могут исчезнуть или переродиться физиономия и натура человека через науку и обращение с людьми. И недалеко уже время, когда исчезнут мелкие, эгоистические расчеты так называемой политики, и народы обнимутся братски при торжественном блеске солнца разума, и раздадутся гимны примирения ликующей земли с умилоstellенным небом!»

Мысли критика, призывающего к братству народов, в наше время являются основой нашего мировоззрения и нашей государственности. Идеи Белинского, Чернышевского, Добролюбова стали принадлежностью народов Советского Союза, борющихся за свою свободу. И гений этих людей вдохновляет миллионы людей на подвиги.

IV

Судьба Белинского неотделима от судьбы всей русской литературы. Общественное сознание русского народа в XIX веке с наибольшей силой проявилось в художественной литературе и литературной критике. Имена Белинского, Пушкина, Гоголя, Толстого, Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина лучше всего характеризуют гигантские творческие силы и стремления русского народа. Белинский всегда утверждал народность гения. Нельзя преуменьшить значения личной гениальности того или иного писателя. Но для проявления гениальной личности, правильно указывал Белинский, нужны определенные исторические условия. Как говорит Чернышевский, Белинский был «слугою исторической потребности», и характер критики гоголевского периода «совершенно зависел от исторических причин нашего положения».

Большое влияние на формирование мировоззрения русских писателей и критиков имели передовые социалистические идеи Запада. Велико значение русских

писателей в распространении передовых западно-европейских идей в русском обществе. Величайшие пропагандисты западных социалистических идей в России XIX века — русские писатели и критики. Все это чрезвычайно существенно. Но кроме этих общих черт, в социальной и идейной жизни России XIX века наблюдаются неповторимые особенности, обусловившие своеобразие классической русской критики и литературы.

Главное, определившее исключительную роль и популярность великих русских критиков, первым из которых был Белинский, состоит в том, что общественное сознание русского народа в XIX веке нашло свое наиболее полное выражение в художественной литературе и критике. На историческую арену выступал сам народ, — миллионы угнетенного крепостного крестьянства. В. Г. Белинский был первым представителем революционных настроений крепостных крестьян. В его критических статьях говорил голос всего русского народа. Именно поэтом русская критика во время Белинского стала основным средством проявления общественного самосознания.

В силу политической обстановки николаевской России Белинскому трудно было высказывать свои социально-политические идеи в прямой форме. Единственной отдушиной для общественной мысли, где в известных границах возможна была легальная пропаганда революционных идей, была литература. Неслучайно и великие революционеры 60-х годов были выдающимися критиками. В 40-х—60-х годах литература была основной ареной легальной политической борьбы.

Поскольку критика сороковых годов была основной формой проявления общественного самосознания, Белинский не ограничивается в своих суждениях о литературе только вопросами искусства. Критик часто говорил о «ненавистной литературщине». «Я в мире боец» — писал он В. Боткину о себе. Литературную критику он рассматривает как важнейшую часть освободительного дела. Причем общественная роль искусства им не противопоставляется ее эстетической

ценности. В своем поведении Белинский был образцом литератора нового типа, демократа, страстного борца за свои идеи. Созерцательность была несвойственна его натуре. Деятельно участвовать в жизни — вот к чему прежде всего стремится Белинский. Когда критик стал на революционно-демократические позиции, его тяготила невозможность прямого выражения своих общественных взглядов: «Природа осудила меня лаять собакою и выть шакалом, а обстоятельства велят мне мурлыкать кошкою, вилять хвостом по-лисьи», — жалуется он в письме к В. Боткину. Тем не менее революционное содержание пропаганды Белинского было замечено самодержавием. К постели умирающего критика явился жандарм с вызовом в 3-ье отделение.

Отношение реакционных кругов русского общества к Белинскому хорошо выражено князем Вяземским в письме к Шевыреву 7 января 1857 года: «Белинский, — писал Вяземский, — не что иное, как литературный бунтовщик, который за неимением у нас места бунтовать на площади бунтовал в журналах». Когда рассматривалось дело петрашевцев, обвинявшихся также и в распространении письма Белинского к Гоголю, начальник 3-го отделения Дубельт очень сожалел, что автор его умер. «Мы бы его сгноили в крепости», — сказал он.

Белинский первый в истории русской критики создал целостную концепцию художественного реализма. Он не только дал теоретическое обоснование реалистического направления в русской литературе, но и последовательно провел реалистический принцип в критической практике; смог воздействовать на течение русской художественной литературы, направил ее по пути реализма. По влиянию на судьбы литературы Белинский имеет мало равных в истории литературы.

В создании новой эстетической теории Белинский исходил из богатейшего опыта всего мирового искусства. Без усвоения его он не мыслил себе дальнейшего развития русской литературы. Каждая нация должна внести свой вклад в со-

кровищницу мировой литературы. Лишь тогда она оправдывает, по мысли Белинского, свое существование. Для того, чтобы сделать новый шаг в развитии человечества, нужно творчески перенять лучшее в культуре прошлых веков. Поэтому Белинский так настойчиво ориентировал русских литераторов на изучение лучших образцов западно-европейской литературы, на большие творческие замыслы, соответствующие запросам передового человечества. Конец XVIII века и первая половина XIX века на Западе были временем расцвета реалистической литературы. Можно сказать, что реализм уже стал господствующим направлением в мировой литературе: Пушкин, Шекспир, Диккенс, Бальзак, Гоголь — вот те писатели, на которых ориентировал Белинский русскую литературу.

Белинский утверждал, что русские писатели обязаны овладеть всем богатым содержанием мировой литературы. И в свою очередь наша литература, — говорил он, — обогатит человечество новыми идеями и художественными ценностями. Через нее народы России скажут новое слово,двигающее вперед жизнь народов земного шара. Критик говорит: «Содержание дает поэту жизнь его народа, следовательно, достоинство, глубина, объем и значение этого содержания зависят прямо и непосредственно не от самого поэта и не от его таланта, а от исторического значения жизни его народа. Только сто тридцать шесть лет прошло с того вечно-памятного дня, как Россия громами полтавской битвы возвестила миру о своем приобщении к европейской жизни, о своем вступлении на поприще всемирно-исторического существования, — и какой блестящий путь преуспевания и славы совершила она в этот короткий срок времени! Это что-то баснословно великое, беспремерное, нигде и никогда не бывалое! Россия решила судьбы современного мира, «повалив в бездну тяготевший над царствами кумир», и теперь, заняв по праву принадлежавшее ей место между первоклассными державами Европы, она, вместе с ними, держит судьбы мира на весах своего могущества... Но это доказы-

вает, что мы ни от кого не отстали, а многих и опередили в политическо-историческом значении—важной, но еще не единственной, не исключительной стороне жизни для народа, призванного для великой роли. Наше политическое величие есть несомненный залог нашего будущего великого значения и в других отношениях».

Решающей исторической силой, определяющей судьбы России, Белинский считал народ. Огромным уважением и любовью к нему проникнуты все работы критика. События Отечественной войны 1812 года Белинский воспринимает как величайшую эпоху в жизни России. Судьбы родины решил народ. По своим следствиям эта война была величайшим событием в истории нашей страны после Петра Великого. Напряженная борьба с Наполеоном пробудила дремавшие силы России и заставила ее найти в себе силы и средства, которых она дотеле в себе не подозревала. «Чувство общей опасности сблизило между собою условия, пробудило дух общности и положило начало, гласности и публичности, столь чуждых прежней патриархальности, впервые столь жестоко поколебанной».

«Солдаты наши требовали сражения; мысль, что Москва будет отдана неприятелю, заставляла их громко роптать... Бородинская битва была дана для них. Скажите: что такое Москва этому грубому солдату, ему, который никогда не видал ее, а только смутно носил, в ограниченном круге своих понятий, какую-то бессвязную мысль о ее сорока сороках церквей, ее Кремле и белокаменных палатах?.. Почему же мысль о занятии ее врагом тяжелее для него всех смертей?..»

Все время критик учит литераторов писать о народе, а не только об исключительных, избранных натурах из высших кругов общества. В этом он видит лучшие пути для сближения литературы с действительностью.

«Мужики и бабы гениальных поэтов бывают благороднее господ и вельмож маленьких дарований и посредственности: няня Татьяны Пушкина, при своей простоте и ограниченности, как избра-

жение, дышит художественною грацией и достолюбезностью: мы смеемся над нею, но любим и уважаем ее; ее простодушная, бессознательная любовь к Татьяне приводит нас в умиление, — и вместе с Татьяною мы вздыхаем над могилкою ее бедной няни.

Где жизнь, там и поэзия; но жизнь только там, где идея, — и уловить игранье жизни значит уловить невидимый и благоуханный эфир идеи. Для искусства нет более благородного и высокого предмета, как человек, — а чтоб иметь право быть изображену искусством, человеку нужно быть человеком, а не чиновником 14-го класса, или дворянином. И у мужика есть душа, сердце, есть желания и страсти, есть любовь и ненависть, словом — есть жизнь. Но чтоб изобразить жизнь мужиков, надо уловить, как мы уже сказали, идею этой жизни, — и тогда в ней не будет ничего грубого, пошлого, плоского, глупого. Вот отчего «Вечера на Хуторе» Гоголя, посвященные изображению простого быта Малороссии, дышат такою полнотою художественности, очаровывают такую неотразимую прелестью, такую дивною поэзией».

По мнению Белинского, именно жизнь народа рождает величайшие произведения искусства и литературы. Этим критик утверждает объективную демократичность всякого великого произведения литературы. Теоретическое основание этого утверждения нужно искать в мысли Белинского о социальной природе художественной литературы: литература есть выражение народного сознания. Из этой посылки Белинский делает правильный вывод о демократичности великого поэтического произведения: «...внимательный взор легко открывает в литературах новейших народов живое историческое развитие духа тех самых масс, которые в своем невежестве и не подозревают существования литературы, выразившей сущность их же собственного нравственного существования».

Явление гения Белинский смело и правильно связывает с жизнью народных низов, которые, возможно, и не знали о существовании Пушкина. Гений есть не что иное, как мысль, разум, дух и воля

народа, с тою только разницей, что все, что таится в нем, как смутное предчувствие, в гении является отчетливым сознанием. Эту мысль Белинского о природе исторического государственно-го гения можно полностью отнести к Пушкину — выразителю художественной жизни эпохи. Поэзия Пушкина своеобразно отразила в себе жажду человеческой свободы и независимости, тот дух свободомыслия, который был характерен и для политически передовых людей. Пушкинское творчество было враждебно казенному официальному взгляду на мир. Оно глубоко гуманно и правдиво. Русская революционная демократия боролась во имя освобождения человеческой личности. Высокая художественность и человечность творчества Пушкина были близки революционному демократу Белинскому, и он первый называет Пушкина народным поэтом.

Освобождение личности выдвигается Белинским как основная социальная задача. Идея социализма становится кровным делом критика. И он ему отдается со всем пылом души, навсегда.

Белинский был истинным патриотом. Он не только отдал дань великому прошлому своего народа, но вместе с тем яростно и непримиримо обрушивался на унижения и бесправие, которым подверг Россию самодержавно-крепостнический строй. Патриотизм великого критика состоял не в пышных возгласах и общих местах, но в горячем чувстве любви к родине; чувство это высказывается без восклицаний и обнаруживается не в одном восторге от хорошего, но и в «блезненной враждебности к дурному, неизбежно бывающему во всякой земле, следовательно, во всяком отечестве».

Гениальный и непревзойденный литературный критик Белинский был и «критиком» всего дурного, мешавшего его стране двигаться вперед. Крепостничество, как цепи, сковывало мощь народов России, и революционер Белинский старался поднять свое отечество, помочь ему сбросить оковы. Поэтому он неприимирим к темным сторонам русской жизни, рожденным годами крепостническо-самодержавного угнетения. Всякий под-

линный патриот нашего времени поймет и примет близко к сердцу призыв Белинского не мириться со всем, мешающим процветанию страны, ее движению вперед.

Реакционные общественные круги демагогически обвиняли Белинского в преобретении к русскому. Они хотели остановить мощную поступь русского народа на пути к подлинному расцвету и освобождению. Крепостники хотели оставить народы России неграмотными рабами. Белинский же был яростным врагом застоя, темноты и рабства. И он с гневом выступал против людей, пытавшихся идеализировать эти якобы исконные черты русского быта. Критик мужественно утверждал, что нападки на показные стороны «народности» не преступление, а заслуга, истинный патриотизм.

«Что я люблю всем сердцем, всю душу, всем существом моим, к тому я не могу быть равнодушен, в том я сильнее, чем в другом, люблю хорошее и (по тому же закону) сильнее ненавижу дурное».

Нужно идти вперед, учил Белинский русский народ. Надо освободиться от крепостничества, неграмотности, всяческой отсталости. В творческих силах народа, его стремлении расправиться со всем дурным преграждающим путь к новой, лучшей жизни, Белинский видел залог великого будущего народов России. Полемизуя со славянофилами, он писал:

«Эти господа любят подобными ссылками делать преки равнодушию, с которыми мы, русские, расстаемся с преданиями нашей (длиннополой) старины, и готовности, с которою мы принимаем и усваиваем себе все новое. Что до меня, — (каюсь в грехе:) я вижу в этом хорошую черту нашей национальности, залог нашего будущего величия.. Да, это великая черта русского народа: она показывает, что мы имеем способность и желание безусловно отрешаться от всего дурного; что же до хорошего, которое составляет основу и сущность нашего национального духа, — оно вечно, непреходяще, им мы не могли бы от него отрешиться, если бы захотели. Но мы бо-

лее, нежели кто-либо другой, имеем возможность и право не стыдиться наших национальных недостатков и пороков и громко говорить о них.»

Революционное содержание программы Белинского ярко выражено в «Письме к Гоголю».

1 января 1847 года вышла в свет книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Белинский не мог отнестись равнодушно к проповеди крепостничества и мистики, исходящей от его любимого писателя. Поскольку позволяли цензурные условия, свое негодование критик изложил в статье, напечатанной в «Современнике». Прочитав ее, Гоголь написал свое мнение о ней Белинскому и получил знаменитый ответ из Зальцбрунна от 15 июля 1847 года: «Вы только отчасти правы, — писал Белинский, — увидав в моей статье рассерженного человека. Этот эпитет слишком слаб и нежен для выражения того состояния, в которое привело меня чтение вашей книги... Нельзя перенести оскорбленного чувства истины человеческого достоинства; нельзя молчать, когда под покровом религии и защитой кнута проповедают ложь и безнравственность, как истину и добродетель». «Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди, довольно она слышала их, а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков попираемого в грязи и навозе: права и законы, созобразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их исполнение. А вместо этого она представляет ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр — не человек... Страны, где нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных звонков и грабителей. Самые живые, современные национальные вопросы в России те-

перь: уничтожение крепостного права, ослабление телесного наказания, введение, по возможности, строгого исполнения хоть тех законов, которые уже есть... И в это время великий писатель, который своими дивно художественными, глубоко истинными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на самое себя, как будто в зеркале, — является с книгою, в которой, во имя Христа и церкви, учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, ругая их «неумытыми рылами»... И это ли не должно было привести меня в негодование?.. Да если бы вы обнаружили покушение на мою жизнь, и тогда бы я не более возненавидел вас за эти позорные строки.

Герцен верно назвал письмо к Гоголю «Завещанием Белинского». Письмо Белинского к Гоголю — манифест революционных настроений крепостного крестьянства, всей русской прогрессивной мысли 40-х годов прошлого века. Революционная идея этого письма была душой критической деятельности Белинского; она вдохновила лучшие произведения русской реалистической литературы. В этом всего ярче сказывается гениальность, глубина и всесторонность Белинского.

Высмеивая славянофилов, которые «процесс развития принимают за его результат, хотят видеть плод прежде цвета, и, находя листья безвкусными, объявляют плод гнилым», Белинский твердо уверен в том, что Россия, полностью очистившись от крепостнической скверны, станет в ряды передовых стран и ликвидирует свою вековую отсталость. Белинский верил при том, что результат процесса развития, по которому пойдет его родина, будет близок к его идеалу счастливой, братской жизни человечества, и он пламенно стремился к тому, чтобы на его родине впервые был осуществлен идеал человечества, т.-е. новый, социалистический порядок.

«Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль, — пророчески писал он, — но как же это слово, какая мысль, — об этом пока еще рано нам хлопотать. На-

ши внуки или правнуки узнают это без всяких усилий, напряженного разгадывания; потому что это слово, эта мысль будет сказана ими».

Белинский отличался большим чутьем действительности. Он знал необъятную ширь российских земель, их красоту, мощь и таланты народов, их населяющих. Народы эти жили в тяжелой обстановке самодержавно-крепостнического государства. Однако Белинский верил в освобождение, в лучшие дни России. Он часто повторял: «Россия по преимуществу страна будущего». Какое именно будущее предстоит его стране, критик ответить на это не мог. Этому мешала отсталость общественных отношений в России того времени. Но он говорил мужественно и твердо:

«Какую идею предназначено выражать России, — определить это тем труднее и даже невозможнее, что европейская история России началась только с Петра Великого, и что, поэтому, Россия есть страна будущего. Россия, в лице образованных людей своего общества, носит в душе своей непобедимое предчувствие великости своего назначения, великости своего будущего. И не увлекаясь ни детскими фантазиями, ни ложным патриотизмом, можно сказать смело, что есть факты, превращающие это предчувствие в убеждение».

Он повторяет свою мысль и в ряде других своих работ.

«Может быть, — утверждает Белинский, — назначение нашего отечества, нашей великой родины состоит в том, чтоб слить в себе все элементы всемирно-исторического развития, доселе исключительно являвшегося только в западной Европе».

Критик был уверен, что его родина, в будущем свободная и могучая, окажет благотворное влияние на жизнь всего человечества.

«Жизнь всякого народ есть разумно необходимая форма общмировой идеи, и в этой идее заключается и значение, и сила, и мощь и поэзия народной жизни; а живое, разумное познание этой идеи есть и цель жизни народа и вместе ее внутренний двигатель. Петр Великий, приобщив Россию к европейской

жизни, дал через это русской жизни новую, обширнейшую форму, но отнюдь не изменил ее субстанциального основания, точно так же как представители нового европейского мира, усвоив себе роскошные плоды, завещанные ему древними греками, ни римлянами, но развились из субстанциального зерна их жизни. Вот взгляд — истинный и единый, который должен взять за основание историк русского народа, чтобы не заблудиться в дремучем лесу абстрактных умствований ложно понятого «русского европеизма». И потому-то, отдавая должную справедливость и должную дань хвалы и удивления всему истинному у наших западных соседей, будем далеки от ослепления — признавать за предмет подражания то, что относится, собственно, к форме их народной, а не общечеловеческой жизни, а еще тем более будем далеки от ослепления — признавать за великое дурные стороны их жизни, которые, как случайности или крайности, необходимо существуют в жизни каждого народа. Равным образом и не будем забывать собственного достоинства, будем уметь быть гордыми собственной национальностью, основными стихиями своей народной индивидуальности; но будем уметь быть гордыми без тщеславия, которое закрывает глаза на собственные недостатки и есть враг всяко-

го движения вперед, всякого преуспевания в добре и славе... Необъятно пространство России, велики ее юные силы, беспредельна ее мощь — и дух замирает в трепетном восторге от предощущения ее великого назначения, ее — законной наследницы жизни трех периодов человечества!»

Белинскому пришлось жить в условиях царской России. Ненависть к угнетателям у него сочетается с пламенной верой в блестящее будущее русского народа.

Великий советский народ в настоящее время с гордостью вспоминает замечательное предсказание Белинского, относящееся к 1840 году:

«Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году — стоящую во главе образованного мира, дающей законы и науку, и искусству и принимающей благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества».

Великое будущее русского народа, которое предвещал Белинский, достигнуто в наше время. Сейчас Советский Союз является светочем свободы и справедливости для народов всего мира. Страна наша стоит в первом ряду свободолюбивых государств, ведущих борьбу с озверелым фашизмом и по праву заслужила благодарность народов всего мира.

Самед Вургун

ПЕТР СКОСЫРЕВ

★

1.

С историей азербайджанского народа нужно знакомиться по истории его поэзии. Поэзия потомков древних мидийцев, азербайджанских племен на протяжении двадцати веков неоднократно претерпевала самое страшное, что может быть уготовано народу — потерю родного языка. Мидийский язык дал начало языку «азери», затем его сменило албанское наречие; корни языков легли в основу ново-азербайджанского говора, ставшего предком нынешнего азербайджанского языка; но иноземные завоеватели наложили запрет на поэзию народа, и многие столетия лучшие поэты Азербайджана вынуждены были творить на языке захватчиков.

А поэзия народа жила. Неумертвиная, как и народ, она питала книжную поэзию классиков, сообщая чужому, связанному языку всю непосредственность и искренность чувств порабощенного народа. Широко известно горькое сетование Низами на то, что «Лейли и Меджнун» и другие свои поэмы он должен был — по велению шаха — создавать на чужом языке. «Хиреет речь, зажатая в тюрьму», — восклицал Низами, принужденный подчиняться приказу властителя. — «И если я в заключении, где мне найти нужное слово? Народ нуждается в разговоре. Однако, повелением шаха моя речь одета в наряд чужих образов».

Борьбой за право народа мыслить и говорить самостоятельно заполнена жизнь и другого азербайджанского классика Насими. Участь его еще более страшна, чем участь Низами. Автора «Лейли и Меджнуна» всю жизнь держали в «тюрьме чужого языка», а Насими был предан позорной и жестокой казни, — с него живого содрали кожу. В борьбе за независимость народа погиб и поэт XVIII века Вагиф. Имена азербайджанских классиков — это имена народных героев. «Быть поэтом — быть героем» — нигде древнее изречение не звучало более убедительно, чем в Азербайджане.

Самеду Вургуну сейчас 36 лет. Он рожден не при Ширван-шахах, а всего лишь за одиннадцать лет до Октябрьской революции. Никто не принуждал и не принуждает его забыть родной язык. Каждая созданная им строка доступна и понятна любому азербайджанцу; но, слушая песни ашугов и создавая свои произведения, советский поэт Самед Вургун не может выкинуть из памяти того факта, что всего несколько столетий назад уста его народа были запечатаны замком, что родился он в те времена, — и между его сердцем и поэзией стояла бы глухая стена шахского запрета. Эти воспоминания заставляют Вургуну особенно бережно хранить завет поэтических предков: быть поэтом — это прежде всего быть героем; быть поэтом — это ежедневно и яростно бо-

роться за народное счастье в настоящем и свято беречь в памяти каждую крупицу сокровищ, созданных народным гением в древние времена.

Поэт верен прошлому своего народа. В одном из самых лирических своих стихотворений, названном «Память», Вургун говорит, обращаясь к матери:

Сядь со мною, мать моя, поближе.
Пусть нам будет шелестящей крышей
Дерево любимое одно,
Дерево страны моей родной...

Для того, чтобы укрыться под деревом, как под шелестящей крышей, необходимо, чтобы в давние времена кто-то другой возделал сухую землю, посадил в нее молодой росток, обильно полил землю потом и водой и затем в течение десятилетий заботливо ухаживал за ростком, подвязывая и подстригая ветки и оберегая их от ветров и бурь. Каждый из нас знает это. Но многие ли всегда помнят? А Самед Вургун помнит. Такова особенность его поэтического дарования, особенность всего его поэтического облика.

Откройте книги Самеда Вургун. За пятнадцать лет литературной работы он создал их немало. И в первом сборнике «Фонарь», и в «Книге сердца», и в поэмах — «Кавказ», «Двадцать шесть», «Слово с колхознице Басти», «Аслан Гаясы» и других среди образов современности полноправно и полнокровно живут образы прошлого. Поэт поет гимн советскому Азербайджану. Он видит серебряный Каспий и нефтяной Баку. Колхозные сады налились красными и золотыми плодами. В степи цветет хлопок. Родная страна, раскрепощенная революцией, представляется поэту «сгустком музыки», «серебряной колыбелью красоты».

Рано утром, поэт-путешественник, встань!
Погляди Астару, погляди Ленкорань.
Из Египта и Индии в раннюю рань
К вам слетаются птицы, ликуя, крича,
Словно вырвались из руки палача.

Здесь желтеют лимоны колхозных садов,
Нагибаются ветви под грузом плодов,
И тому, кто работал, здесь отдых готов...
Золотого чайку завари и налей,
О невеста, для матери старой моей.

О страна моя, родина музыки — ты!
Твои песни, как летом плоды налиты!
Ты — серебряная колыбель красоты!..

Но Самед Вургун не был бы Самедом Вургуном, если бы непосредственно за воспеванием красоты колхозных полей не воскликнул, несколько даже неожиданно для читателя:

Не умрет Насими, не умрет Физули, —
Дорогие поэты старинной земли,
Как туманные звезды, сияют вдали...

Казалось бы, какое отношение к обилию колхозных полей имеет поэт, создавший шесть веков назад лирическую песню о гиаците и нардице, или зачем рядом с нефтяным Баку поминать лирика Физули, творца шестого варианта «Лейли и Меджнуна»? Композиция гимна советскому Азербайджану строга и стройна; не нарушает ли эту строгость неожиданный экскурс в историю поэзии? — Конечно, не нарушает, — говорит Самед Вургун всем своим творчеством, — Физули и Насими имеют прямое отношение к тому, чем счастлив и богат современный Азербайджан. Колхозы возникли не на безродной земле. Степи Азербайджана стары; они обильно политы кровью и потом отцов и дедов. Умирая, страдая, борясь, наши деды мечтали как-раз о том, что теперь осуществляем мы. Забывать о прошлом — это быть не только неблагодарным, это — обкрадывать самих себя и обеднять настоящее.

В стихотворении «Свободное вдохновение» Самед Вургун смотрит на портрет Сталина. Свет, излучаемый дорогим обликом, волнует его сердце, Сталин — «вдохновитель и вождь, свобода и мощь советского народа»:

Вдохновеенье мое! Ты опора опор,
Ты охрана охран и порука моя.
Я дышу, я с тобой заодно с давних пор.
Да не буду лишен этой милости я.

И тут же рядом с образом великого вождя свободных народов нашей родины в первых строфах стихотворения вновь возникают образы постоянных спутников Вургунa: Вагифа, Насими и Физули:

О звезда на заре, мастер наш Насими,
 Дальновзоркий стрелок, заглянувший в века!
 И осталась в веках и пошла меж людьми,
 Не состарилась мысль, и она нам близка.

По сей день Физули безутешно скорбит
 У распахнутых в мир озаренных ворот,
 По сей день глухота его давних обид
 Заставляет рыдать весь восточный народ.

И приходит еще к нам Вагиф издали,
 Чей оборванный саз — как народная грусть.
 И курлычат Вагифу во след журавли,
 Его песенный плач повторив наизусть.

Самед Вургун живет и пишет в советское время, когда азербайджанскому народу открыты все пути к созданию национальной культуры. Равноправным вошел азербайджанский язык в семью свободных советских языков; на своем родном языке изучает школьник творения Маркса, Ленина, Сталина. Но Самеду Вургуну все время, подобно кошмару, мерещится страшное время, когда уста народа были замкнуты. Поэтому, говоря о назначении поэта в сталинское время, Вургун и поминает давно умерших классиков, боровшихся за право мыслить и творить на родном языке.

От фарсидских писем, от арабских
 прикрас
 Он навеки излечил нашу тюркскую речь.
 И ширяя крылами, та речь понеслась,
 Чтоб народ молодой воспитать и увлечь.

Так любовь к народу в произведениях Вургунa становится любовью к родной речи, становится любовью к творцам этой речи — к великим поэтам. Когда он задумался над выбором темы для первого крупного драматического произведения, он избрал для первой драмы — «Вагиф» — XVIII век и ту борьбу, какую пришлось вести лучшим людям Азербайджана за самобытность и независимость народа.

За пьесу «Вагиф» год назад Самеду Вургуну была присуждена Сталинская премия. Он ее заслужил вполне, так как, взглядываясь в прошлое, всегда умеет различать в нем скрытые от поверхностного взгляда истоки настоящего. В то же время исторические произведения Самеда Вургунa глубоко и действительно современны. Если он в поэти-

ческом «Слове о колхознице Басти» целую главу отдает истории, это делается затем, чтобы полнокрознее и живее возник перед читателем центральный образ поэмы — современной советской женщины Азербайджана. Когда по строфам его замечательного гимна Азербайджану проходят тени великих покойников — Насими и Физули, они сообщают более глубокий смысл восклицанию, относящемуся к республике Советов:

О страна моя, родина музыки ты!

Страстная любовь к родине сделала поэта историком. Любовь же к истории сообщила произведениям Вургунa такую социальную обостренность, что приходится согласиться с критиком, назвавшим Самеда Вургунa романтическим публицистом.

2.

Великие поэты никогда не бежали от современности. Они только потому и стали «вечными», что всю свою огромную поэтическую силу и страсть отдавали тому, что было для них злободневным. Для XII века было злободневно выступление Низами к «Лейли и Меджнун». Для XIV века публицистично было само появление дивана Насими на азербайджанском «рабском» языке. И конечно же злободневен и порой прямо публицистичен Физули даже в лирике, так как в черном XVI веке на мусульманском востоке и светлая лирика могла рассматриваться, как политический и социальный документ всеобъемлющего культурного значения. Поэзию ашугов, которой Самед Вургун предан не меньше, чем поэзии классической, одно время принято было рассматривать вне связи с временем ее возникновения. Между тем фольклор не безлик и не беспредметен. Лучшие фольклорные произведения всегда рождались применительно к тому или иному реальному событию, волновавшему народ. Фольклор не только — поэзия народа, он — и публицистика народа. Самед Вургун — воспитанник творцов классической и ашуг-

ской поэзии, в лучших своих произведениях публицистичен как и они, что ни в малой степени, понятно, не снижает и не может снижать образности и поэтичности его языка. «Свободное вдохновение» нужно считать программным для всего творческого пути Вургун. Помянув Насими, Физули, Вагифа и ашугов, он так определяет для себя цель и назначение поэзии:

Зорче молнии будь! Оглянись на тихонь,
Тех, что мух на лету превращают в слонов.
Истребителем будь! Под обстрел, под огонь
Двоедушных друзей, прописных болтунов.

Так бичуй, не жалея шулеров-подлипал,
Кто, меняя лицо, не меняет души,
Кто жену продавал и со всякою спал,
И, вползая ужом, навредил нам в тиши.

Прочь их с наших путей! Я в работе своей
Был подручным весны. Я природу любил.
О любимая, шею мне крепче обвей,
Я живые слова, как огонь, раздобыл.

Не отрекся от мира, не ныл: пощади!
Не назвался нулем на родимой земле.
Чайльд-Гарольдом с ничтожной обидой в
груди
Не уплыл за моря на чужом корабле.

Тот бесчестен и лжив перед родиной, кто
Отречется от нашей любимой страны.
О друзья! Наше небо зарей залито.
Вы в нарядные платья облечься должны.

Нарядность платья, в которое облачена публицистическая поэзия Вургун, подсказана поэту традиционной нарядностью восточной поэзии. Эта нарядность в течение многих десятилетий мешала русскому читателю рассмотреть существо поэзии Востока. Непривычная нарядность одежд заслоняла от нас живое сердце страстного творчества таких великанов поэзии, как Низами, Махтум-Кули, даже Фирдоуси. Слабое знание истории Востока мешало возникновению в нашем восприятии тех ассоциаций, без которых невозможно подлинное понимание любого поэтического произведения. Этими же причинами объясняется и несколько запоздалое признание современным читателем поэзии Вургун. Первые стихи его опубликованы шестнадцать лет назад, а знать и любить Вургун широкий русский читатель стал лишь в самые последние годы. Но

узнав, он уже полюбил его по-настоящему и надолго. Традиционным языком поэзии Востока Вургун говорит о самом главном, чем живет и дышит советский человек. Полная страсти действенная любовь Самеда Вургун к своей родине находит отклик в каждом советском сердце. Вургун любит свою страну поистине сыновней любовью. Нежная, мужественная, ревнивая, страстная, гордая любовь поэта к матери-родине пронизывает его творчество. Она является единственной и подлинной его музой. Она стоит за его плечами, когда он слагает гимн Азербайджану. Она водит его пером, когда он пишет поэму «Кавказ» или воскрешает предания о горной стране Талыстан. Она же толкает его в прошлые века, когда он создает свои исторические драмы «Вагиф» и «Фархад и Ширин», и она, неудержимая, изливается пламенным монологом «Свободного вдохновения» перед портретом Сталина.

Поэтической и публицистической страстностью поэзия Вургун близка поэзии Маяковского. Только слишком различны национальные и культурные традиции обоих поэтов, чтобы близость эта бросалась в глаза. А между тем Вургун с большой полнотой воплотил в своем творчестве традиции великого советского поэта. Даже указание на «нарядность» вургуновской поэзии не может поколебать такого утверждения. Ибо поэзия Маяковского тоже нарядна. Она нарядна новизной и смелостью ритмов, рифм, размеров, нарядна необычным синтаксисом, новаторской композицией. Вургун и Маяковский сближает целеустремленный взгляд на роль поэта в нашей жизни, как на роль агитатора и трибуна. Обоих поэтов сближает испепеляющая ненависть к врагам того, что является самым сокровенным в их жизни. Их сближает уничтожительное презрение ко всякого рода пошлякам, цепляющимся за запятки поэзии. И, наконец, и это самое главное, их сближает преданность революции, спасшей их народы от рук палачей.

Когда на наши головы обрушилась война с фашизмом, Самед Вургун обратил весь пламень своего вдохновения

против тех, кто вторгся в пределы родины, против тех, кто задался целью стереть с лица земли народы, возрожденные Октябрем. К врагам родины у Самеда Вургуня такое же отношение, какое может быть у любящего сына к разбойнику, занесшему над головой матери топор. В одном из самых первых стихотворений, какими Вургун откликнулся на вторжение в советские пределы немецко-фашистских орд, он выводит излюбленный образ матери-родины, вышедшей за ограду проводить сына-героя:

Я ухожу. Ну, что ж, прощай,—целует он
старуху мать.
И мать героя обняла, как может только
мать обнять.
Целует в губы и глаза и хочется подольше
ей
Глядеть на сына своего, на сына родины
своей.

Сказала: «Свет очей моих, сынок мой
милый, жизни цвет,
Седые волосы мои — свидетели великих бед.
Я знаю, ты не струсишь там, — тебя моя
вскормила грудь.
Слова героизма затверди, вовеки их не
позабудь...

В этом и в других стихах, напечатанных за месяцы войны, мы видим поэта, корнями связанного с прошлым, умеющего смело и безбоязненно смотреть в глаза настоящему.

На десятом месяце войны Самеду Вургуну присуждена Сталинская премия за пьесу «Фархад и Ширин». Пьеса

эта писалась еще в те месяцы, когда небеса над нашей родиной были мирными и к Баку не тянулись кровавые лапы всесветных громил. В основу «Фархада и Ширин» положено древнее сказание, много раз являвшееся материалом для творческой работы поэтов. Любовь каменотеса Фархада к армянской царевне Ширин внешне не имеет никакого отношения к событиям великой освободительной войны. Однако «Фархад и Ширин», как и все творчество Вургуня, прямо служит делу сплочения советских народов, делу обороны родины. Пьеса насыщена такой неиссякаемой любовью к народу, такой ненавистью к угнетению, несправедливости и рабству всякого рода, такой пламенной уверенностью в нестигаемость народной правды, что многие сцены ее звучат, как прямой боевой призыв к борьбе с Гитлером, как торжественный гимн недалекой победе.

Творчество Вургуня давно переросло рамки только азербайджанской поэзии. Самый национальный из современных поэтов Азербайджана, Самед Вургун становится любимым поэтом всех советских народов. Успех его последней пьесы служит залогом того, что, когда смертельная схватка между культурой и варварством придет к концу и окончательный разгром гитлеровских орд станет фактом, имя Вургуня повторят с любовью читатели всех народов, освобожденных от кошмара фашизма.

Новые стихи Алексея Суркова

А. ЛЕЙТЕС

1.

«Теперь тебе не до стихов, о слово русское, родное», — писал Тютчев в дни севастопольской кампании. До стихов ли сейчас русскому человеку? — недоуменно спрашивали на страницах иностранной печати некоторые сторонние наблюдатели суровых июньских-июльских дней 1941 года. Для советских людей, и читающих, и пишущих, такого вопроса — даже в самые напряженные периоды войны — не существовало. Не случайно мы в течение многих лет воспитывались в традициях Горького и Маяковского. С первых же недель кровавой схватки с фашизмом не ослабевал у нас интерес к поэзии. Лучшие советские художники слова с первых же дней войны потянулись к передовым позициям. И с первых же часов боевых действий прозвучали в эфире новые песни наших поэтов.

Нет необходимости перечислять популярнейшие из этих песен. Они у всех не только в памяти, но и на устах. Их оценило наше великое время.

Для нас ясно: если для кое-кого из поэтов-профессионалов песня оказалась пусть счастливым, но все же случайным продуктом вдохновения, то для других поэтов песня была закономерным результатом и естественным выражением всего их творческого развития.

К этим последним принадлежит в первую очередь Алексей Сурков, автор «Конноармейской» и «Песни сме-

лых», этой любимейшей народной песни первых месяцев отечественной войны. Успех песен Суркова вполне закономерен для его творческого облика. Методически и планомерно, упорно и настойчиво готовил поэт свои удачи на песенном поприще.

Об этом свидетельствует большинство его стихотворных сборников, вплоть до их названий. Первая книга стихов Суркова (вышедшая в 1930 году) называлась «Запев». Опубликовывая свои, еще незрелые, опыты политической поэзии, Алексей Сурков выступил в ту пору как песенный запевала. От первого сборника «Запев» до четвертой книги Алексея Суркова «Путем песни» (1937 год) — дистанция большого размера. Но разве не подтверждает декларативное название и этой четвертой книги все ту же творческую тенденцию возмужавшего поэта.

Еще явственнее выявляется это в следующей книге Суркова, в его «Песеннике» (1938 год). Эта книга особенно наглядно продемонстрировала разнообразную и кропотливую работу поэта в песенном жанре. Читая «Песенник» Суркова, мы видим, какое обилие тем привлекало его внимание, как упорно перебирал он песенные варианты в поисках наиболее удачного и доходчивого. Тут и колхозные песни («Льняная хоропроводная», «Льняная девичья», «Степная»), тут и песни любовно-лирические («Девичья печальная», «Девичья ласковая»), здесь встречаются песни бы-

товые, производственные, детские, пионерские и переводы армянских, украинских, белорусских и чувашских народных песен. Но среди разнообразия ритмов и мотивов сурковского «Песенника» с исключительной явственностью выделяется его основной и излюбленный мотив — мотив песни походной.

Боевая походная песня всегда занимала центральное место в творчестве Суркова. Его стихи даже в мирные годы не уклонялись от «военной дороги», в них всегда жило ощущение «грозы и тревоги», если продолжать выражаться словами популярной песни Суркова. Поэт неизменно считает песню свою походной, строевой, мобилизованной.

Сердце мое и песня моя
Не вышли из красноармейского строя, —

заявлял о себе поэт (сборник «Путем песни», стихотворение «Так будет»).

Именно это обстоятельство объясняет истоки, пути и формы песенного творчества Суркова. Отнюдь не в результате узко-литературных жанровых исканий возникал усиленный интерес поэта к работе над песней. Песня была не столько формой выражения поэтических устремлений Суркова, сколько средством оформления его политической устремленности агитатора-большевика. Существуют поэты, которых влечет к песне сама, что называется, песенная стихия художественного слова. Это поэты из той категории, которые, по выражению Фета, зачастую «не знают, что будут петь», хотя у них «песня зреет». Сурков чувствует песенную стихию и все же не это привело его к сборнику «Путем песни». Сурков как поэт скорее питал пристрастие к жанру стихотворной хроники, к сюжетному стиху, насыщенному драматическими коллизиями. Об этом свидетельствуют его неоднократные попытки создавать поэмы, посвященные войне империалистической и войне гражданской. Тем не менее, Алексей Сурков в течение десятилетней поэтической работы развивался и рос «на путях песни».

Вопросы создания красноармейской, боевой и походной песни волновали

Суркова и практически как поэта, и теоретически как литературного критика. Как литератор-большевик А. Сурков понимал и чувствовал, что «песня не согласна ждать», что в условиях нарастающей военной угрозы читательские массы Советского Союза ждут и требуют боевых, мобилизующих, доходчивых, простых, с четким рефреном стихов. Понимал он также, что вопросы боевой и походной песни помогали с политической точки зрения правильно ориентировать некоторые наши поэтические кадры, слишком увлекавшиеся в тогдашней мирной обстановке камерными мотивами.

«Давайте не будем забывать, что не за горами то время, когда стихи со страниц толстых журналов должны будут переместиться на страницы фронтовых газет и дивизионных полевых многотиражек», — говорил А. Сурков в 1934 году, выступая на всесоюзном съезде советских писателей.

Поэзия самого Алексея Суркова оказалась целиком подготовленной к периоду, когда лучшие наши поэты потянулись к страницам фронтовых и армейских газет.

Вот почему любопытно и поучительно разобрать новый сборник А. Суркова «Декабрь под Москвой», являющийся результатом его поэтической работы во фронтовой печати за первые шесть месяцев отечественной войны.

2.

В сборнике «Декабрь под Москвой» есть раздел «Песня смелых». Сюда включены некоторые популярные песни Суркова, написанные после начала отечественной войны — «Песня смелых», «Гвардейцы», «Вперед, богатыри, вперед». И все же не этот раздел определяет общий облик сборника. Анализируя «Декабрь под Москвой», можно уверенно утверждать, что не только автором популярных песен отныне войдет в историю советской поэзии Алексей Сурков.

В чем же принципиальная новизна последнего сборника Суркова? В фр-

мальном новаторстве? Отнюдь нет. «Прямые и жестокие слова» этой книги Алексея Суркова выдержаны здесь в традиционных, иной раз напоминающих некрасовский стих, приемах. О войне и походах, о «Ненависти во имя любви», о «Смерти во имя жизни» Сурков писал не раз и в предыдущих своих сборниках. Не трудно установить перекличку мотивов между этой и предыдущими книгами А. Суркова. Разве не перекликаются его замечательное стихотворение «Разведчик Пашков» с «Ночным разговором» из книги «Путем песни». Разве цикл финляндских стихов Суркова не является прочным соединительным звеном между предыдущим творчеством Суркова и его последним сборником. И все же не надо долго вчитываться в книгу «Декабрь под Москвой», чтобы уловить то новое, что вносит она и в наше понимание поэтического творчества Суркова, и в наши раздумья над дальнейшими путями развития боевой советской поэзии.

Как верный сын народа, внутренне подготовленный и отмобилизованный, встретил поэт Великую Отечественную войну. Он не мог не чувствовать, что «так будет», что весь наш народ, как один, с исключительной решимостью и настойчивостью даст отпор наглым захватчикам. И все же любая большая война всегда несет с собой неожиданное, непредвиденное, даже если к ней готовишься десятки лет. В процессе своего развития война выдвигает новые большие задачи. И если поэт в процессе войны не вырастает до уровня этих задач, он оказывается, несмотря на все свои внешние военные облачения, обозным стихотворцем.

«Песня смелых», написанная Сурковым в первые дни войны, была его большой удачей. Тем не менее, если бы поэт задержался на этой удаче, если бы он только перепевал «Песню смелых», «Декабря под Москвой» не получилось бы! В стихах, написанных во время войны, Сурков не изменил своим основным мотивам. Ему, однако, стало ясно, что советская песня, которая «смелых кликает в поход», должна отныне не только

сзывать бойцов, но и сопровождать их в трудной и героической повседневности.

«Шагай же, песня, с войнами вместе» — восклицает поэт в первом стихотворении сборника «Декабрь под Москвой». Если день мобилизации поэт встретил декларативным стихотворением «Присягаем победой» и «Песней смелых», то вскоре он — участник боевых будней красноармейских частей, — почувствовал, что рамки такой песни и такого стиха уже тесны для выражения чувств и раздумий первых месяцев Отечественной войны. Таким образом, в июле 1941 года рождается его «Клятва воина», написанная ритмической прозой, а в промежутке между июлем и декабрем 1941 года пишется цикл стихов, представляющий собой не что иное, как лирический походный дневник поэта. Именно этот цикл стихов определяет облик сборника «Декабрь под Москвой».

Последние стихи Суркова полны испепеляющей ненависти к захватчикам. Это стихи большой правды о советских людях. В них осязаем внутренний рост поэта. Если бы «Декабрь под Москвой» представлял собой только книгу, в которой собрано несколько хороших стихотворений, написанных на тему войны, анализ этого сборника не представлял бы собою ничего особо поучительного. Мало ли хороших стихов пишется на военные темы! Но «Декабрь под Москвой» еще и еще раз напоминает о том, что нельзя писать о войне «вообще», не обогащаясь изо дня в день опытом ее.

«Декабрь под Москвой» это — книга поэта, обогащенного опытом войны. В этом ее новизна. Она рождена тревогами, радостями и волнениями боевой страды. Когда внимательно изучаешь стихи, появляющиеся на страницах наших походных армейских газет, больше всего привлекают и останавливают внимание те из них, в которых отражены боевые будни, героика воюющего советского человека во всей их конкретной неповторимости. На страницах армейских газет получают право гражданства не только стихи о боях и походах вообще, но стихи о фронтовых письмоносцах, о кашеварах, о папиросе, закуренной в

промежутке между двумя боевыми переходами и т. д., и т. п.

Для новой книги Суркова характерны не только общая правдивость ее тона, но и точность отдельных выражений. Вот к примеру четверостишие небольшого лирического стихотворения, адресованного поэтом любимой женщине:

Ты сейчас далеко-далеко,
Между нами снег и пурга,
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.

Сила этих строк, рожденных подлинным вдохновением, поэтически образных, — в их простоте и точности. Они определяют высокое качество книги «Декабрь под Москвой».

С этой точки зрения наибольшее впечатление производит первый раздел сборника «Я пою ненависть». Сама по себе тема не представляет чего-либо особого в общем потоке военных стихов. Но в том-то и дело, что Сурков не только воспевает ненависть и призывает к ней. Он ее изображает в запоминающихся эпизодах.

Пройдя сквозь строй железных гроз,
Узнав, что дом с семей сгорел,
Он от невыплаканных слез
Лицом и сердцем почернел.
Под елью он сидит в тени,
У ног его бежит река,
В глаза товарища взгляни,
И ты поймешь, как месть сладка.

Мы процитируем еще одно восьмистишие, в котором поэт показывает внутреннюю закономерность возникновения ненависти.

Человек склонился над водой
И увидел вдруг, что он седой.
Человеку было двадцать лет.
Над лесным ручьем он дал обет
Беспощадно, яростно казнить
Тех людей, что врются на восток.
Кто его посмеет обвинить,
Если будет он в бою жесток?

Справедливая ненависть к врагу делает глаз поэта более зорким. В его стихах, как сквозь стереоскоп, особенно ярко и выпукло видишь отдельные эпизоды и сцены войны.

Декабрь по дорогам гонит пургу.
Немецкий мертвец лежит на снегу.
Русская мать с потемневшим лицом
Склонилась над мертвецом.

Глухо сказала, платок теребя:
— Нечем мне, парень, оплакать тебя.
Высохла слез моих горьких река —
Ты заколол моего старика.
Сын у меня единственный был —
Ты его, волчке отродье, убил...

После этих мастерски зарисованных эпизодов вполне естественно звучат патетические строки самого поэта, исполненные справедливого гнева:

Горе вам, девушки Шлезвига,
Шварцвальда, Граца,
Не возвратятся с Востока в свадебный
день женихи.
Смерть их постигнет в каждом лесу
и долине,
Каждое дерево встретит смертным
ожогом ружья.
Не возвратится ваш выводок волчий
с Востока,
Орды пришельцев утонут в черной
горячей крови.
Именем жизни клянемся — мстить,
истребляя жестоко,
И ненавидеть клянемся — именем
нашей любви.

3.

«Ненависть во имя любви» не звучит отвлеченной декларацией в книге А. Суркова «Декабрь под Москвой». Именно поэтому явственно чувствуешь в стихах Суркова силу безграничной любви к родине и ненависти к врагам ее. Большая любовь к человеку, высокая мораль советского человека ощущимы в подтексте этой книги. С задушевыми интонациями в голосе изображает поэт беженку-девочку, которая «в тонких ручонках несла маленький чахлый кустик герани», и этот маленький чахлый кустик герани особенно сильно оттеняет озверелое обличье врага, вторгнувшегося в нашу мирную жизнь. Грозные сцены войны, втиснутые поэтом в идиллические рамки, впечатляют с исключительной силой. Вот к примеру сцена исхода смоленских беженцев-колхозников, выписанная поэтом с изумительной реалистической точностью:

Июльский день идет к концу.
Стрекочет триер на току.
Пастух пугливую овцу
Выносит вброд через реку.
Он смотрит долго на закат,
В туман, в бескрайние поля, —
Там теплый мир отцовских хат,
Его сады, его поля.

Когда в конце этого стихотворения пастух стискивает кулаки, это не звучит чем-то банальным или натянутым. Вообще «сжатые кулаки» и «скрипящие зубы» в стихах Суркова не кажутся лишними, риторическими образами. Они воспринимаются как естественный результат тех живых и страшных реалистических сцен, которые зарисовал поэт.

Чувством меры, большим внутренним темпераментом проникнут сборник «Декабрь под Москвой».

Поэт неоднократно пробовал свои силы в жанре лирической хроники. Такова его книга «Так мы росли». Такова его поэма «Большая война». Но только здесь в сборнике «Декабрь под Москвой» поэт полностью нашел себя и великолепно выявил свой незаурядный поэтический дар. «Декабрь под Москвой» это еще не эпос времен войны. Но уже и не случайный сборник лирических стихов. Это своеобразный виадук между лирикой и эпосом. Больше того. Это — не только книга о боях...

Устали... Отчаянный выпал денек:
Шесть танков спалили у склона.
На корточках сидя, заснул паренек
В землянке разведбатальона.

Снаряды кромсают чернильную тьму
И поле снегом одето.
А парень разнежился. Снится ему
Весна, уходящая в лето.

Такая вокруг тишина и покой,
Что слышны сердец перестуки.
Идет он над Волгой, сжимая рукой
Горячие девичьи руки.

Поет соловейко на медной сосне.
Туманы колышутся зыбко.
И улыбается парень во сне
Совсем не военной улыбкой.

Эта «не военная улыбка», которая время от времени сверкает в суровой книге А. Суркова, весьма показательна. Боевой поэт, в течение десятилетий писавший на военные темы, Сурков, как и каждый советский человек, не воспевает войну ради войны, он любит и чувствует мирную жизнь во всем ее обаянии. Это не ослабляет его волю к борьбе и победе. Поэт знает, что «без гнева нет ни счастья, ни любви».

«Декабрь под Москвой» это — книга искреннего гнева и любви. Написанная в суровые часы войны, она полна веры в будущее, когда «придет пора поднять стакан за братство и любовь». Она правдиво показывает образ бойца отечественной войны, умеющего и ненавидеть, и любить во имя светлого будущего своего и грядущих поколений. Такая книга не останется только фактом поэтической биографии А. Суркова. Она будет жить долго в сердцах читателей.

Библиография

КНИГА, КОТОРАЯ УЧИТ ПОБЕДЕ *

Недавно Институт Маркса—Энгельса—Ленина выпустил в свет новую книгу «Ленин Владимир Ильич. Краткий очерк жизни и деятельности». Перед читателем шаг за шагом, последовательно разворачивается картина преобразующего мир творчества величайшего гения человечества, вождя трудящихся всего мира, основателя Советского Союза и партии большевиков. Книга удачно, органически сочетает моменты биографии Ленина с событиями эпохи. В сжатой, популярной форме, просто и доходчиво излагает она звено за звеном мудрую ленинскую теорию и практику, победоносную, непримиримую борьбу Ленина с врагами трудящихся. Ярко и выпукло показывает книга содружество Ленина и Сталина, их совместное руководство революционным движением, социалистическим строительством в нашей стране. В книге содержится ряд новых материалов о жизни и деятельности Владимира Ильича.

Более 18 лет отделяют нас от смерти Владимира Ильича Ленина, но книга, описывающая его жизнь, обращена лицом к нынешнему периоду — к суровым дням отечественной войны. Ибо страна наша и в годы мирного строительства, и в годы войны всегда шла по ленинскому пути, ибо Сталин — это Ленин сегодня. Под руководством Сталина — великого продолжателя дела Ленина — Красная Армия нанесла ряд жестоких поражений вероломно напавшему на СССР германскому фашизму. Невиданная мощь сопротивления Красной Армии вызвала изумление всего мира. И причина этого в гигантской созидательной силе ленинизма.

Красная Армия обладает такой мощью потому, что она воодушевлена духом Ленина. Ленинизм явился тем гигантским мотором, который привел в движение неисчерпаемые ресурсы нашей родины, находившиеся ранее под спудом.

Все это убедительно показывает книга. Она

наглядно демонстрирует, как Ленин на протяжении всего своего жизненного пути сначала подготавливал, а затем, начиная с 1917 г., создавал и укреплял вооруженные силы наших народов.

С момента установления Советской власти Ленин непрерывно занимался укреплением обороноспособности нашей родины, организацией Красной Армии, руководством ее операциями, укреплением тыла.

В грозные дни гражданской войны Ленин говорил:

«На сцену опять выдвинулся вопрос военный, военных событий, как главный, коренной вопрос революции...»**

Книга показывает, как Ленин и Сталин организовали всенародный отпор походам интервентов. Руководящим органом по мобилизации всех ресурсов на оборону страны был Совет рабочей и крестьянской обороны. Во главе Совета стоял Ленин, фактическим заместителем которого был Сталин. В Ленине и Сталине аккумулировалась и от них распространялась по всей стране гигантская воля к победе.

30 августа 1918 года озверелые враги пытались убить Ленина после его выступления на митинге на заводе Михельсона. Отравленными и надрезанными пулями ему были нанесены две тяжелые раны. Ильич был при смерти. Но как только сознание к нему возвращалось, — все его мысли немедленно обращались к фронту, где решались судьбы родины.

«Бойцы, занявшие Симбирск, послали телеграмму Ленину: «Дорогой Ильич! Взятие твоего родного города Симбирска есть ответ за одну твою рану, а за вторую обещаем Самару».

Ленин ответил им:

«Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и силы. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы».

* «Ленин Владимир Ильич. Краткий очерк жизни и деятельности», ОГИЗ, Госполитиздат, 1942.

** «Краткий очерк», стр. 221.

Через три недели была взята и Самара*»

Книга показывает, почему наша родина, окруженная огненным кольцом интервенции, перявшая три четверти своей территории, хлебные, топливные и сырьевые районы, лишенная современной боевой техники, — все же победила многочисленных, хорошо вооруженных и снабженных врагов. Это произошло потому, что блестяще были решены поставленные Лениным задачи: превратить всю страну в единый боевой лагерь, поднять широчайшие народные массы на отечественную войну, все поставить на службу фронту, без пощады истреблять врага и его агентуру, ввести железную военную дисциплину на фронте и в тылу.

Превратить в кратчайший срок всю страну в единый боевой лагерь стало возможным потому, что народные массы видели в ленинских лозунгах выражение своих кровных интересов, они шли на любые жертвы и лишения во имя победы.

Каждый раз, когда смертельная опасность нависала над родиной, Ленин и Сталин поднимали массы, находили в них новые и новые силы сопротивления, и победа была за нами. В феврале 1918 года германские империалисты вероломно напали на нашу страну. «Социалистическое отечество в опасности!» — с этим призывом, невиданным в истории по силе патриотического чувства, Ленин обратился к народу. Ответом на призыв вождя была отечественная война народных масс против интервентов. Враг был остановлен, а в дальнейшем армия немецких оккупантов, превратившаяся, по словам Ленина, в разбойников, в шайку грабителей, была изгнана из пределов нашей земли.

Книга показывает, как Ленин гениально владел искусством стратегии — он всегда безошибочно определял главную опасность, угрожавшую нашей родине, главный решающий фронт и умел приковывать внимание всей страны к этому фронту, своевременно мобилизовать все людские и материальные средства для ликвидации опасности и завоевания победы.

Ленин воспитывал трудящихся в духе беззаветной преданности родине. Он призывал все местные советы, всех трудящихся защищать каждую позицию до последней капли крови. Он говорил, обращаясь к народу: «Победа или смерть!» «Презрение к смерти должно распространиться в массах и обеспечить победу». Он ставит задачу внушить каждому трудящемуся, каждому командиру и бойцу в отдельности, «что от его храбрости, решительности и преданности зависит окончание войны»**.

Ленин выдвигает боевую задачу всестороннего систематического всеобщего обучения взрослому населению, без различия пола, военным знаниям и военным операциям. Нужно добиться, указывает он, чтобы рабочие и крестьяне каждый день «учились сражаться...» «Наш лозунг должен быть один — учиться военному делу настоящим образом»***.

Ленинские лозунги: «Все для войны!» «Все

для фронта!», «Коль война, так по-военному!» — прочно вошли в быт всей страны и неуклонно проводились во всех областях ее жизни.

В дни войны, как учил Ленин, перед каждым трудящимся прежде всего должен стоять один вопрос:

«все ли мы сделали, чтобы помочь войне, достаточно ли напряжены наши силы, достаточно ли помощи отправлено на фронт?»

Ленин требовал военной дисциплины и военной бдительности, доведенных до высших пределов. Он объяснял беспощадно расправляться с нытиками и паникерами, с дезертирами и трусами. Он говорил: «Расстрел — вот законная участь труса на войне»*.

Ленин требовал, чтобы во время войны дисциплина, точность и организованность в тылу были вполне военными. Сам он был образцом точности и организованности. Ленин беспощадно боролся с теми, кто свою нераспорядительность и халатность пытался оправдывать условиями военного времени.

Одной из важнейших черт Ленина была непримиримость к врагам, беспощадная борьба с ними. Ленин умел так ненавидеть врагов народа потому, что он беззаветно любил народ. Ленинская любовь к народу и ленинская ненависть к его врагам неразрывны.

Книга показывает, как Ленин и Сталин воспитывали священную ненависть к врагам нашей родины, как они были непреклонны в борьбе с врагами. «Надо не сбивать противника, а уничтожать. Не ограничивайтесь полумерами», — указывал Ленин. Он требовал не останавливаться, пока армии Колчака, Деникина, Врангеля не будут разгромлены до конца. Когда войска Юденича стали отступать от Петрограда, он обратился со вторым воззванием к питерцам: «Бейте их, не давайте им ни часа, ни минуты отдыха».

Ленин призывал все население районов, которые оккупировались врагом, не оставлять ему продовольствия, заранее увозить в тыл хлеб, угонять скот. В первую голову вывозить боевые запасы, машины, оборудование, угонять паровозы и вагоны, разбивать рельсы, взрывать мосты, сжигать все ценное имущество, которое нельзя было увезти, уничтожать посевы, закапывать в землю невывезенные металлы.

Ленин неустанно призывал к величайшей бдительности и беспощадному искоренению агентуры врага. Он требовал поголовно истреблять шпионов, провокаторов, «предателей, которые оказывают прямое или косвенное содействие врагу». Ленин всегда предостерегал против зазнайства и успокоенности.

Великая любовь Ленина к народу и великая ненависть его к врагам народа сплотила вокруг него, вокруг партии Ленина — Сталина народные массы. Ленин объяснял победу советской республики над многочисленными врагами тем, что «масса трудящихся за нас. В этом наша сила». Партия Ленина — Сталина обеспечила единство воли и действий десятков миллионов трудящихся. Ленин говорил:

«...авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который

* «Краткий очерк», стр. 233.

* «Краткий очерк», стр. 225—226.

** Там же, стр. 233.

*** Там же, стр. 210.

был дан Ц. К., как один человек шли десятки, сотни, тысячи, и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены, — только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти. Только поэтому, несмотря на двухкратный, трехкратный и четырехкратный поход империалистов Антанты и империалистов всего мира, мы оказались в состоянии победить»*.

★

Великий соратник Ленина и продолжатель его дела товарищ Сталин всегда последовательно, до конца отстаивал и защищал от всех и всяческих врагов чистоту ленинского учения, воспитывая наш народ в духе непоколебимой верности всепобеждающим принципам ленинизма.

Наша родина, идя по ленинскому пути, превратилась под руководством товарища Сталина в могущественную державу с первоклассной социалистической индустрией и социалистическим передовым сельским хозяйством с оснащенной грозной боевой техникой, могучей Красной Армией. Книга показывает, как Ленин и

Сталин закладывали основы этого могущества нашей социалистической родины.

«Война есть испытание всех экономических и организационных сил каждой нации», — говорил Ленин. Наше государство, созданное Лениным и Сталиным, показало в полные тяжелейших испытаний дни отечественной войны такую прочность, какая недоступна ни для какого-либо другого политического строя.

«Краткий очерк» убедительно показывает неисчерпаемые источники мощи нашего государства и великую силу ленинских принципов, на основе которых оно возникло, развивалось, крепло и успешно отстаивало свое существование от многочисленных врагов.

Книга наглядно показывает, что и сейчас наша страна под гениальным водительством товарища Сталина твердо и неуклонно идет по испытанному ленинскому победоносному пути. Это еще больше укрепляет нашу уверенность в окончательной победе над смертельным врагом нашей родины — немецко-фашистскими захватчиками.

Л. Гаговский.

★

ЛИТЕРАТУРА НАРОДНОГО ГНЕВА**

В первый же день Великой Отечественной войны писатели советской Украины вместе со всем украинским народом встали на защиту родной страны. Десятки украинских литераторов защищают честь и свободу своего народа с оружием в руках. Значительное количество украинских писателей работает во фронтовых газетах и на фронтовом радиовещании. Остальные продолжают энергичную творческую работу в тылу.

Эту многообразную работу советский читатель знает по многочисленным произведениям, вышедшим за время войны советского народа с немецко-фашистскими захватчиками. Достаточно сказать, что за первые месяцы войны литература Советской Украины обогатилась такими произведениями, как пьеса А. Корнейчука «Партизаны в степях Украины», книги стихов Павло Тычины («Ми йдемо на бій»), Леонида Первомайского («Присяга війна»), Мыколы Бажана («Клятва») и т. д. Новые прозаические произведения, посвященные героической борьбе украинского народа, создали Юрий Шовкопляс, П. Панч, Л. Смилянський, Олександр Десяк, новые поэтические произведения — Андрей Малышко, Максим Рыльский, Ник. Ушаков, Я. Городской, Савва Голованівський, П. Усенко, Владимир Сосюра и др.

Значительная часть цветущей украинской земли стонет под сапогом немецких угнетателей. Но украинский народ борется за свою свободу и независимость. Украинская социалистическая культура живет. И одним из яр-

ких доказательств этого является регулярное издание журнала «Українська Література», начатое Союзом Советских Писателей Украины в ноябрьские дни 1941 года.

«Пусть гибнет враг! Пусть знает он, что Украина не станет перед ним на колени. Вольнолюбивые украинцы, потомки славных борцов за родной край — Данилы Галицкого и Сагайдачного, Багдана Хмельницкого и Бугуна, Тараса Шевченко и Ивана Франко, Боженко и Николая Щорса — никогда не будут немецкими рабами. В свободной семье советских народов росла и расцветала Украина. С братьями — русскими, белоруссами, грузинами, армянами добывали мы свою свободу, и вместе с братьями на суше и на воде будем бороться за наше счастье и волю. В свободной семье советских народов Украина и в дальнейшем будет расти и цвести». Эти слова из помещенного в журнале обращения представителей украинского народа могут служить достойным эпиграфом к произведениям, собранным в № 1—2 ежемесичника.

Проза представлена в нем новеллами Юрия Яновского, Петра Панча, Натана Рыбака и Александра Копытенка и фронтовыми записками Юхима Мартыча и Якова Городского.

Прежде всего хочется сказать о замечательных новеллах Юрия Яновского «Военные письма», написанных с подлинным литературным блеском и от горячего сердца. Это письма — советской матери («Сын»), либо — в новелле «Американский кум» — письмо «в страну Америку, Канадскую область, фермеру Паньку Сиромахе. Пишут ваши кровные братья, партизаны Киевской области, украинцы с деда-прадеда, а фамилии засекречены, пока не кончится война. Сердце ваше подскажет фамилии, но не

* «Краткий очерк», стр. 248.

** «Українська Література». Ежемесичник літератури, публіцистики, мистецтва. Орган Союзу Советських Писателів України. № 1—2, ноябрь—декабрь 1941 г. Укріздат при ЦК КП(б)У.

в этом суть дела...» Суть дела в дерзких и смелых партизанских делах, описанных в этом письме колоритно и убедительно, с подлинным украинским юмором. Суть дела в том, что есть у партизан в отряде «бухгаатер, который записывает все в дебет и так называемый кредит. И выводит, значит, сальдо на каждую неделю, чтобы мы знали, кто кому задолжал — мы ли немцам, или немцы нам. Это у нас постановление общего собрания — за нас расслачиваться сполна. И чтобы ликвидировать задолженность всеми средствами...»

Но больше всего волнует читателя самая короткая новелла «Генерал Макодзеба», написанная в форме письма партизана Карпо Макодзебы немецкому генералу фон-Лееру, назначившему награду в 10 тысяч марок за голову Карпо.

«Слушай ты, дурень божий! Мало даешь за мою голову. Десять тысяч марок — это не настоящая цена. У меня в колхозе один жеребец английской породы стоит пятнадцать тысяч золотом. А ты за меня даешь десять бумажками.

...Я, Карпо Макодзеба, объявил тебе войну, генерал фон-Леер. ...Я на ветер не привык говорить. Что скажу — сделаю. У меня и сыпы такие — как возьмутся, так уж не вырвешься. И двое зятьев в пару моим дочкам. Всех благословил на фронт — пятерых сынов и двоих зятьев. Видишь, какой я богатый.

Одиннадцать твоих самолетов — не корова языком слизала. А восемь спаленных танков — это тебе жук на палочке? А шестьдесят пять машин вверх тормашками? А сто семь мотоциклов? А залпуду горячего — позабыл? А штук двести автоматов? А пять мостов? А пушек, а коней, а мин? И ты после этого всего даешь за меня только десять тысяч?!

...Я, Карпо Макодзеба, объявляю тебя, фон-Леер, вне закона. Пусть отсохнет рука, что подаст тебе напиток, пусть вылезут очи, что пожалеют тебя... На каждом шагу, где повстречаешь моих людей, ждет тебя собачья смерть.

Скажи твоему Гитлеру, что нам очень горестно уничтожать народное добро. Кровавыми слезами плачем мы, сжигая дома наши, разрушая села и мосты. Мы, как ребеночка, пестовали всем народом Днепрогэс. Выкохали, как лалечку, стоял он, как наша сила и слава. И вот нет его. Снова ревут, поднявшись над водой, грозные пороги. Мы знали: так нужно. Нам не жалко сейчас. Не таким еще могучим, не таким еще прекрасным встанет новый Днепрогэс после нашей победы. И гордая, величественная Страна Советов возгордится нами, детьми своими...»

Приведенный отрывок достаточно красноречиво говорит о большой эмоциональной силе, заложенной в новеллах Юрия Яновского. Это — фрагменты подлинной народной литературы о великой освободительной войне, это выражение в художественной форме дум, стремлений и чаяний украинского народа.

Из трех новелл Петра Панча об украинских людях, борющихся с немецкими оккупантами, особенно выделяется первая — «Мать», где Панч рассказывает о простой украинской женщине.

Фашисты замучили ее дочь Оксану — учительницу, старший сын Гридь, летчик, на фронте. Мать отрывается от младшего сына, колеблющегося — итти ли ему на фронт.

Прочитав предсмертное письмо сестры, и младший сын идет на фронт.

«Мать подняла сухие руки.

— Иди, сынок, иди, я поставлю в ряд три карточки и буду с вами беседовать...»

В новелле «Родная земля» выведен председатель колхоза старик Нестор Завад, ставший командиром партизанского отряда. Колхозники соглашаются с его предложением: уничтожить колхозное добро, которое нельзя вывезти.

«— Наше решение добровольное, товарищи. Кто не годеи на святую месть за родную землю, за мирные села и города, что разрушают варвары, пусть отойдет с женщинами и детьми. Жизнь, товарищи, повернулась другим концом. На месте колхоза фашистские бандиты должны найти только обгорелые стропила и черные дымоходы. Холодная вода в наших колхозах больше не забьет ключом, и нечем будет утолить жажду, напоить замороженного коня. Зеленые травы пожелтеют там, где упадет горькая слеза колхозника, а в садах пусть враг не найдет яблочка — ни спелого, ни зеленого».

Натан Рыбак в новелле «Знамя» рассказывает о молодом неизвестном киевлянине, стрелявшем в выстроившиеся для парада на Крещатике немецкие войска. Немцы повесили юного храбреца и, чтобы устрашить население, возили виселицу на грузовике по улицам Киева.

Новелла Александра Копыленка «Отец» посвящена героической работе железнодорожников в наши дни. Автору удалось нарисовать правдивый и подкупающий образ пенсионера — старого машиниста Мартына Прокоповича, который в тяжелую для родины минуту возвращается на паровоз. Он принимает реверс из рук сына, раненного фашистским летчиком, и ведет воинский поезд по маршруту.

Записи из фронтового блокнота Юхима Мартыча «В дни сентября» сделаны очень живо и изобилуют интересными деталями. Несколько схематичнее записи Якова Городского «Мы еще вернемся!»

Такова проза первой книжки нового ежемесячника. Можно пожалеть, что в ней не представлены произведения украинских писателей, посвященные непосредственно Красной Армии. Ведь такие произведения уже созданы.

Поэзия в рецензируемой книжке представлена Максимом Рыльским, Павло Тычиной, Владимиром Сосурой, Михайлом Стельмахом, еврейским поэтом И. Фефером и башкирским поэтом Сайфи Кудаш.

«Слово о родной матери» Максима Рыльского представляет собой речь, произнесенную поэтом с трибуны на митинге представителей украинского народа. От горячего сердца идуэт эти стихи.

Кто может выпить Днепр седой,
Кто расплескать сумеет море,
Кто край просторный, золотой
Плугами перепашет горя,

Кто сердца голос молодой
Проклятой кривдою поборет?

Настанет день, настанет час,
И мы тебя увидим снова,
Земля, которую Тарас
Слезю окропил суровой,
Земля, которую Тарас
Будил громopodobным словом...

Глубоко патриотичные, звучные, как голос народной правды, эти стихи написаны с литературным блеском, свойственным Максиму Рыльскому, одному из лучших современных украинских поэтов.

За кровь, за издевки, руины —
За все мы отплатим тебе!
Вовеки ты нашей краины
Не сломишь в тяжелой борьбе!

— говорит фашизму от имени своего народа Павло Тычина в стихотворении «Когда Сталин позвал нас в бой». Приведенные строки, несколько раз повторенные поэтом, как рефрен, определяют содержание этого стихотворения, утверждающего победу тех, кто ведет справедливую войну.

Циклом стихов представлен в ежемесячнике Владимир Сосюра. Эти стихи написаны в тяжелые для украинского народа дни октября и ноября 1941 года. Цикл завершается коротким стихотворением под выразительным заголовком «Так не будет».

О, так не будет, все мы знаем!
Хоть нынче свет ее поблек,
И тяжело ее терзают
Удары кованых сапог.

Не слышно песни соловьиной,
И вся в слезах лежит она —
Моя родная Украина,
Цветов и солнца сторона.

...Мы в бой ушли в часы невзгоды.
Но день придет — под пушек гром
К прекрасным зорям, к тихим водам
Назад с победой мы придем.

И будет песней соловьиной
Расцвечена голубизна.
И выпрямится Украина,
И снова расцветет она.

Значительный интерес для советского читателя представляет публицистический раздел ежемесячника: статьи «Разгром венгерских захватчиков на Украине в XIII веке» (К. Гуслистого) и «Борьба украинского народа против шведских оккупантов в 1708—1709 гг.» (В. Дядиченко). Воскрешая героические традиции освободительной борьбы украинского народа за свою честь и независимость, эти яркие страницы напоминают о том, какой неизбежный и позорный конец ждет венгерских и прочих наемников, продающих свои народы Гитлеру.

В разделе, посвященном вопросам искусства, хочется отметить интересную своим фактическим материалом статью Ивана Качерги «Украинский театр» и первый очерк Пилипа Козицького из серии «Украинская музыкальная культура».

К сожалению, совершенно отсутствует в книжке литературная критика и бледно представлена библиография. В этом, как и в жанровой ограниченности прозы (исключительно новеллы), наряду с выше отмеченным отсутствием произведений о Красной Армии, и заключаются основные недостатки первой книжки ежемесячника. Чтобы устранить их, нужно расширить авторский коллектив, для чего имеются все возможности.

Во всяком случае, первая книжка нового литературного журнала Советской Украины, родившегося в дни войны, свидетельствует о том, что украинские писатели вместе со всем своим народом выполняют свой долг перед родиной, создавая яркие произведения о справедливой войне своего народа с фашистскими захватчиками.

Ц. Солодарь.

★

ИЗУВЕЧЕННЫЙ СБОРНИК *

В кратком предисловии, предпосланном к этому сборнику, справедливо сказано:

«Патриотическая любовь к родине и своему народу, готовность отдать всего себя служению родной стране, — все эти чувства составляют основной мотив лучших произведений русской поэзии... Отечественная война 1812 года, война русского народа с наполеоновским нашествием, нашла в русской поэзии яркое отражение. Нет ни одного значительного поэта, которого бы не увлекло это величайшее событие девятнадцатого века».

* «Отечественная война 1812 года в русской поэзии XIX века». ОГИЗ, Государственное издательство художественной литературы, М., 1941.

К сожалению, содержание книжки, имя составителя которой по непонятной скромности опущено, не иллюстрирует справедливых положений предисловия.

Материал сборника очень ограничен, подобран и расположен чисто случайно. Известные произведения крупнейших поэтов оказались вовсе не включенными, другие включены с ничем не оправданными, прямо варварскими купюрами, третьи имеют лишь весьма отдаленное отношение к теме, или даже вовсе его не имеют.

В книжке представлено, и то не полностью, всего четырнадцать стихотворений десяти авторов, тогда как о 1812 году писали десятки поэтов. Крупнейшие из них возвращались

ГЕРОИЧЕСКАЯ МОЛОДОСТЬ *

С каждым днем все ожесточенней разгорается наша освободительная, справедливая война с германским фашизмом, преследуя ясную и благородную цель: освобождение советской земли от немецко-фашистских мерзавцев. Войцы Красной Армии, захватившей инициативу военных действий в свои руки и перешедшей от активной обороны к успешному наступлению на вражеские войска, с каждым днем становятся злее и беспощаднее, научившись ненавидеть врага всеми силами души.

Стремление к победе — этот извечный закон борцов за свободу русской земли, вдохновляет воинов Красной Армии на беспримерное героство. Нельзя не вспомнить слов В. И. Ленина о том, что Россия способна давать не только одиночек-героев, но сотни тысяч их. И в первых рядах этих сотен тысяч идет закаленная в боях отечественной войны, мужественная советская молодежь.

Сыновья любовь к родной советской земле, храбрость, презрение к смерти, готовность на любые жертвы, — эти прекрасные качества молодых советских патриотов, удивляют мир.

О молодых советских богатырях, защищающих честь и свободу родины, народ слагает песни. Их подвиги наполняют сердца советских людей уверенностью в скорой и окончательной победе над врагом. Вполне понятна жадность, с которой читает наша молодежь о замечательных подвигах этих героев: каждому хочется ближе узнать о их жизни, увидеть путь, который привел их — вчера еще рядовых советских юношей и девушек, к подвигу и славе. С нетерпением и надеждой встречает советский читатель каждую новую книгу, повествующую о героях отечественной войны. Неотложной и благороднейшей задачей наших писателей и издательств является создание таких волнующих и правдивых книг.

Перед нами пять очерков о молодых Героях Советского Союза, изданных издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» в текущем году в серии «Герои отечественной войны»

В очерках рассказана боевая судьба пяти молодых людей нашего времени, получивших высокое звание Героя Советского Союза. С разных концов обширного Советского Союза пришли они на фронт отечественной войны. Один из них, Петр Сокур — сын Украины, временно захваченной немецкими оккупантами. Другая, Зоя Космодемьянская — москвичка, ученица 10 класса московской школы. Третий — Истрафуил Мамедов — пришел на фронт из увитого виноградными лозами солнечного Шамхора. Василий Кисляков — горожанин, Лиза Чайкина — колхозница. Но всех их роднят и сближают, делают кровными братьями и сестрами черты, привитые всем строем нашей жизни.

Это, прежде всего, высокое и светлое чувство родины.

«...Вихрем пронеслись мысли. Любимые книги, которые она с трепетом брала в книжном киоске и собирала дома; первое комсомольское собрание; ласковые летние рассветы; пушистые снежные поляны, неожиданно открывающиеся в пеньковых лесах, когда ты с ватагой друзей идешь на лыжах; радость успехов и горечь неудач; веселые праздники в честь колхозного урожая; шумные жаркие споры на районных конференциях — как это все мило! Как это все близко, потому что всем этим ты жила, без этого могла считать свое существование бессельным. Все это можно высказать одним словом — родина.»

Так думает комсомолка Лиза Чайкина в решающий час, когда, навсегда связав свою судьбу с судьбой родины, она принимает бесповоротное решение об уходе в партизанский отряд.

«Гитлеровская сволочь! Она зверем залегла там, за кустами. Что надо этому зверю на нашей земле? Топтать, грабить, жечь?» — думает комсомолец Мамедов, гневно стискивая в руках свой грозный ППД.

«И ярость, беспредельная ненависть к немецкому гитлерю начинала бить волной в груди Мамедова... Под Новгородом Мамедов защищает свой Шамхор. Шамхор стал для него Новгородом. Идея защиты нашего великого отечества, пламенный патриотизм, горячая ненависть к немецким захватчикам, — вот та внутренняя сила, которая вела Мамедова. Эту силу советский человек черпает в народе, в партии, в учении Ленина—Сталина, в своей любви к родине. Ничто не сможет сломить уверенного в своей правоте, в святости своих целей, стойкого, решительного советского человека.»

Недаром юную комсомолку Зою Космодемьянскую влекло к себе великое, героическое прошлое нашей страны, сила и слава нашего народа. Недаром в свою записную книжку она заносит знаменательную цитату из Гете:

Ах, если бы латы и шлем мне достать,
Я стала б отчизну свою защищать...

В ее школьной тетради есть запись об Илье Муромце: «Когда его одолевает злой нахвалящик, то сама земля русская вливает в него силы».

И это прекрасное, взволнованное, и в то же время глубоко осознанное чувство родины делает этих очень разных людей братски близкими. Именно в этом чувстве основа того единения, той монолитности, которые советский народ явил всему миру в дни суровых испытаний.

Комсомолец-краснофлотец, старший сержант Василий Кисляков показал себя смелым, неутомимым разведчиком, пробиравшимся по холмам и сопкам Кольского полуострова в тыл врага. Оставшись один на обороняемой высоте и израсходовав все боеприпасы, Кисляков поднялся во весь рост и громко, чтобы его слышали враги на скатах сопки, крикнул:

* Серия «Герои отечественной войны»: В. Орлов «Василий Кисляков»; К. Зелинский «Истрафуил Мамедов»; П. Лидов «Таня»; Н. Михайлов «Лиза Чайкина»; В. Рудный «В секретном окопе». Изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», М., 1942.

— Взвод, за мной, в атаку!

«Это было последнее усилие героя, вдохновенный, самоотверженный шаг, в котором было все: и пламенное чувство к родине, и упорный боем, и героическое презрение к смерти, и русская прекрасная доблесть, и славная военная хитрость отважного бойца».

Сила любви к родной земле научила строгому мужеству и выдержке героя Ханко, красноармейца Петра Сокура, засевшего в секретном окопе наблюдателя и уничтожившего тридцать четырех белофинских захватчиков.

Чувство родины вдохновило старшего сержанта Истрафуила Мамедова на десятичасовой бой у озера Ильмень, во время которого он один истребил 70 немецких солдат, 2 офицеров и, кроме того, поразил штыком в атаке еще трех немцев.

Чувство родины привело молодую колхозницу-комсомолку Лизу Чайкину в партизанский отряд, направил по тылам врага с докладом товарища Сталина о XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и дало ей силы без страха встретить смерть.

Есть еще одна черта, которая роднит героев рецензируемых очерков: они — подлинно молодые хозяева советской земли, готовые отдать ей все свои силы, знания, веру и любовь, — а если нужно, то и жизнь.

Взять хотя бы Мамедова. «Его жизнь — это жизнь рядового советского юноши. Просто и естественно поднимался он по той лестнице — школа, комсомол, армия, — по которой тысячи и миллионы людей у нас поднимаются к знанию, культуре, к своему жизненному делу».

Истрафуил Мамедов «с детства привык уважать труд. Он мечтал быть инженером и придумать такие машины, которые освободили бы его родителей, его соседей-колхозников, вообще всех трудящихся людей от тяжелой работы. Он мечтал о таких машинах, которые бы сделали человека сильнее, дали бы ему новую, могучую власть над землей».

Идя вслед своим мечтам, он поступает в Кировабадский сельскохозяйственный институт на инженерно-строительное отделение.

Мы уже говорили выше, что Зою Космодемьянскую влекло к себе героическое прошлое нашей страны, волновали высокие человеческие образы, запечатленные в книгах Пушкина, Толстого, Белинского, Тургенева, Герцена, Некрасова.

Она мечтала о том, «чтобы оказаться достойной великих борцов за народ, о том, чтобы подобно им послужить светломu народному делу». В каждом деле, за которое Зоя бралась, она проявляла необычайное трудолюбие и настойчивость.

То же и Лиза Чайкина. Она непрестанно учится, читает, в мороз и вьюгу ходит на лыжах за книгами. Она первая комсомолка в родном селе, заведует избой-читальней, создает агрономический кружок, а вслед за ним драматический, музыкальный и текущей политики. Ее избирают секретарем райкома комсомола, и она с головой уходит в кипучую, живую, творческую работу.

Вступив в комсомол, Лиза Чайкина прочтала о жизни Ленина и Сталина все, что только могла найти в Залесе, Пушкин, Лермонтов, Маяковский, Горький, Николай Островский, встречи с людьми, комсомольская организация раскрыли в деревенской девушке те могучие силы, которые так ярко проявила она в минуты тяжелых испытаний... Односельчане прозвали ее книжницей, вкладывая в это слово все свое уважение и гордость за девушку их колхоза.

У них не было двух мер в жизни: одной — «для мечты», другой — «для действительности». Мечта и практика жизни для них неразрывны.

О замечательной молодости рассказано в пяти небольших брошюрах, изданных «Молодой гвардией». Далеко до идейного и морального уровня нашей молодежи диким и темным выкорышам Гитлера!

Нужно приветствовать инициативу издательства, начавшего работу над серией очерков о героях отечественной войны. Но в то же время нужно признать — и этим самым постараться помочь издательству в его дальнейшей работе над серией, — что хороший, очень своевременный замысел еще не нашел своего законченного выражения.

Какими хотелось бы видеть рассказы о героях отечественной войны, учитывая ориентацию издательства на молодежного читателя?

Эти рассказы должны быть, прежде всего, широкими по теме, не ограничиваясь узким констатированием того или другого подвига. Они должны глубоко волновать читателя, воспитывать в нем стремление походить на этих людей, ставших героями.

Отвечают ли таким обязательным требованиям рецензируемые очерки? Далеко не в полной мере. Они слишком коротки, слишком поверхностны. И если их все же читаешь с волнением, если с их страниц все же встает обаятельный, простой и мужественный образ молодого советского патриота, то это обусловлено не столько достоинствами очерков, сколько могучей силой молодых героев, о которых идет речь.

По существу только в двух очерках — Н. Михайлова о Лизе Чайкиной и П. Лидова о Зое Космодемьянской показан рост молодых героев, процесс становления их чувств и идей. В очерке В. Орлова о Кислякове мы совсем не видим этого; очевидно, автор не располагал достаточным материалом и поэтому ограничил свою задачу описанием боевого эпизода. То же можно сказать и об очерке В. Рудисго о Сокуре и К. Зелинского о Мамедове. В последнем очерке автор, не располагая материалом, старался возместить его явную недостаточность рассуждениями и обобщениями.

Издательством проявлена хорошая инициатива, но результаты ее пока еще незначительны. Выпущенные книжки не удовлетворяют в полной мере требований читателя. Они невысоки по качеству, их мало — пять однолистных брошюр за три-четыре месяца.

Работа по созданию полноценной серии «Ге-

рой отечественной войны» должна быть развернута значительно шире. К ней следует привлечь лучшие наши литературные силы, поднять идейный и художественный уровень книжек. Следует отметить, что первые пять выпусков названной серии изданы опрятно.

Цветные обложки, фотопортреты героев, заставки и полосные иллюстрации, выполненные художниками Балашовым и Расторгуевым, придают брошюрам привлекательный вид.

Б. Сергеев

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПОДВИГ *

Брошюра П. Лидова «Таня» представляет собою коротенькую биографию и описание героического подвига юной партизанки отечественной войны — Зои Анатольевны Космодемьянской, работавшей в тылу фашистов под именем Тани.

Нельзя читать без большого душевного волнения эту краткую повесть о подвиге юной героини русского народа. Надо горячо рекомендовать всем молодым людям нашей страны прочитать брошюру П. Лидова о патриотическом подвиге Тани, чтобы навсегда запечатлелся в сердце и памяти этот необычайно волнующий рассказ о беспредельном патриотизме, о любви к своему социалистическому отечеству простой русской девушки, воспитанницы нашего комсомола.

Прочитав этот рассказ, каждый скажет: нельзя победить народ, из которого вышла эта мужественная героиня.

«— Мне не страшно умереть, товарищи. Это счастье умереть за свой народ...» — говорит Таня с виселицы, обращаясь с последними словами к своим соотечественникам.

«— Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня», — кричит она смело в лицо врагам, приготовившимся отнять ее прекрасную, юную жизнь.

В этих словах Зои Космодемьянской звучит голос всего русского народа, голос всей советской страны.

Зоя Космодемьянская ученица школы № 201 Октябрьского района города Москвы. Только что закончив экзамен в своей школе и перейдя в десятый класс, она, следуя зову своего сердца и своих убеждений, поступает в партизанский отряд и идет защищать свой родной город, свою страну от нашествия фашистских варваров. Она отдает себе ясный отчет в том, на что она идет. Прощаясь с матерью, она говорит:

— Не плачь, родная. Вернусь героем или умру героем.

И она умерла от руки фашистских палачей, гордо перенося жестокие пытки и бесчеловечные издевательства, не выдав врагу военных тайн и своих товарищей.

Стоя на виселице, с веревкой на шее, собрав в груди последнее дыхание, она призвала:

— Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин. Сталин придет!

Зоя Космодемьянская — идеальное воплощение великой души русского народа, она плоть от плоти и кость от кости этого народа, с молоком матери вобравшая в себя все лучшее, что есть в народе.

Она училась на великом историческом прошлом своего народа, читая об этом прошлом в книгах Пушкина, Толстого, Белинского, Чернышевского, Некрасова, Герцена. Она воспитывалась на трудовой героике социалистического строительства. Впитывая в себя героическое прошлое и настоящее своего народа, она записывала себе в школьный дневник слова Чехова:

— В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли.

И слова Маяковского:

— Быть коммунистом — значит дерзать, думать, хотеть, смеять.

Зоя Космодемьянская — идеальная представительница нашей славной социалистической молодежи, она воспитанница нашей советской страны, советской школы и семьи.

Патриотический подвиг Зои Космодемьянской, как и многих других героев отечественной войны, показывает всему миру величие и несокрушимую мощь советского строя, созданного нашим народом под гениальным водительством Ленина—Сталина.

Духовная мощь советских героев вызывает восхищение наших союзников и невольное признание наших врагов.

«— Маленькая героиня вашего народа,—говорит в своих показаниях гитлеровский унтер-офицер Карл Бейерлейн, присутствовавший при пытках, которым подверг Зюю Космодемьянскую подполковник Рюдерер,—осталась тверда. Она не знала, что такое предательство... Она посинела от мороза, раны ее кровоточили, но она не сказала ничего».

Это признание врага.

А вот что сказал недавно о советской системе в своей речи в Нью-Йорке лорд Бивербрук, выдающийся политический деятель и член правительства союзной нам Англии:

«Коммунизм под руководством Сталина показал такие примеры патриотизма, которые соответствуют лучшим образцам, известным в истории человечества. Коммунизм под руководством Сталина заслужил одобрение и восхищение всех западных стран. Коммунизм под руководством Сталина создал лучших генералов этой войны...»

Кроме этого, скажем мы от себя, коммунизм

* П. Лидов. «Таня» (Герой Советского Союза Зоя Анатольевна Космодемьянская.) Госполитиздат, М., 1942.

воспитал под руководством Сталина таких героев отечественной войны, как Зоя Космодемьянская, капитан Гастелло и другие, подвигами

которых будут гордиться многие поколения русских людей.

М. Ветошкин

АНТИФАШИСТСКАЯ КНИГА*

Мрачные, постыдные страницы вписал в историю германского государства кровавый временщик Гитлер. Обуянный манией мирового господства, он бросил германский народ в гибельную авантюру. Он растоптал миллионы жизней и поставил своею целью истребление большей части человечества.

Жизнь под игом гитлеризма и в самой Германии является по существу процессом медленного и мучительного умирания. Безумная политика маниака истощает физические силы народа кровопролитными войнами, голодом и беспощадной эксплуатацией. Духовная жизнь страны подавлена человеконенавистнической идеологией.

Но не может гитлеризм истребить и духовно искалечить весь германский народ.

«Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается».

Миллионы людей в Германии с надеждой повторяют эти слова Сталина. В них — правда подлинной демократии, утверждающая веру в возрождение народа.

В книжке рассказов немецкого писателя-антифашиста Фридриха Вольфа с большой убежденностью звучит голос веры в народ. Еле слышимые, пробиваются родники народного единения. Но верный сын своей родины, тяжело переживающий ее унижение, приложил ухо к родной земле и слушает их подземное, глухое клокотанье.

В удушливую атмосферу будней гитлеровской Германии, как искра, падают слова великого поэта. Их произносит со сцены актер в драме «Дон-Карлос». Робкая мольба о свободе, обращенная к королю, находит отклик в сердцах зрителей. Нынешние поработители Германии, гитлеровцы, возникают перед ними на сцене в образах преступников, которые готовят казнь инфанту Дон-Карлосу уже за одно то, что он «мыслит, уважает человека».

Многие пришли сюда только за тем, чтобы в аплодисментах гению Шиллера дать выход своим общественным чувствам. Многие приходят сюда не в первый раз. Вот почему так опасны эти аплодисменты. И гестаповцы требуют их прекращения. Тогда весь зал, не сговариваясь, находит способ продемонстрировать свое презрение к насилию.

«— Да здравствует наш немецкий поэт Шиллер!»

Что можно иметь против этого? Пьесу доигрывают при освещенном зрительном зале. Но на следующий день ее снимают с репертуара

ра. По большому городу проносится весть: «Гиббельс запретил Шиллера.»

Так в кажущейся тишине безвременья поорывается голос общественного сознания. Недалек день, когда разобщенные народные силы пробудятся, сольются в единый поток и принесут Германии возрождение.

Уверенность Фридриха Вольфа крепнет, когда он обращается к опыту международной борьбы с фашизмом. Почти три года испанский народ выдерживал натиск фашистской машины смерти. Единый фронт международных революционных сил был ему могучей поддержкой. Эту объединенную силу долго не мог сломить враг.

В интернациональных бригадах, борзвших за свободу Испании, были также и лучшие люди Германии, для которых это была борьба и против насильников в их собственной стране. Вечной славой покрыты имена подлинных патриотов германского народа, отдавших в Испании свою жизнь ради счастья всего человечества. Память о них будет вдохновлять германский народ в грядущей схватке с фашизмом.

В рассказах «Жюль» и «Кики» бойцы интернациональных бригад — испанцы, поляки, французы и немцы — показаны интернированными во французских концентрационных лагерях. Казалось бы, они побеждены. На самом деле — они победители. На их стороне моральная сила, удесятеренная опытом борьбы.

И за колючей проволокой концентрационного лагеря они закаляли свой дух, готовясь к будущим боям. В день Первого мая горсточка мужественных людей демонстрировала врагу спокойную, уверенную силу, не менее страшную для него, чем оружие. Эта сила — международная солидарность.

И когда гитлеровский полковник обратился к заключенным немцам с предложением получить свободу, чтобы вернуться за родину и там работать, ни один из заключенных здесь «товарищей по нации» не захотел получить освобождение от полковника-фашиста. Полковник еще раз посмотрел на огромного гамбуржца и затем сказал, тоже громко, чтобы все могли услышать:

«— Прекрасные парни. Жаль вас, собственно говоря.»

На лицемерно-дружеское предложение фашиста «прекрасные парни» ответили организованным молчанием. У них нет и не может быть общего языка с агентами гестапо, и пока на родине гитлеровцы, им нет в ней места.

Автор не случайно сделал еврея героем одного из рассказов. Показав судьбу этого человека, писатель подчеркнул противоположность принципов гуманизма зоологическим «теориям» расовой розни людей.

* Фридрих Вольф. «Опасные аплодисменты». Рассказы. «Советский писатель», 1941.

Жюль — это парижский портной Арон Литер, при первом знакомстве случайно прозванный заключенными чужим именем.

Арон Литер содержится в лагере, видимо, только по той причине, что он еврей. Всю жизнь он был так же далек от политики, как от сознания того, что он человек. Только здесь, в интернациональной семье бойцов народного фронта, пробуждается его человеческое достоинство. И «человек, который, казалось, был неспособен освободиться от навыков своей собачьей жизни, униженной и темной», жертвует собой ради других и умирает с одним желанием, чтобы новые друзья открыли его детям глаза на правду, показали им, как показали ему радость дружбы и борьбы за общее благо.

Сила убеждения небольшой книжки Фридриха Вольфа — в ее действенном оптимизме.

В рассказе «Раздел земли» писатель обращается к фактам, к свидетельству самой жизни. Он предлагает маловерным остановиться и задуматься над тем, как обманом и подлостью стремился фашизм захватить советскую землю, как провокационно подбирался он к свободному народу, чтобы схватить его за горло. Фашистская нечисть знала, что ей не победить, пока существует на земле свободный советский народ.

В 1918 году германская военная клика показала свою фашистскую сущность, когда оккупировала часть Украины. Оккупанты жестоко расправлялись с бедняками-крестьянами, отняв

у них землю, которой их наделила советская власть. Не менее жестоко обошлись они и со своими «братьями по крови» — немецкими крестьянами. Это были бедняки, и на их верноподданническую преданность оккупанты также не могли рассчитывать. И они не ошиблись. Крестьяне организовали партизанские отряды, которые вместе с Красной Армией заставили оккупантов повернуть оглобли.

Много воды утекло с тех пор, как захватчики без оглядки бежали вспять. Щедрая украинская колхозная земля, отданная в вечное пользование крестьянам советской властью, взрастила неисчислимые богатства. Бывшие бедняки стали зажиточными людьми. И вот германских мародеров вновь потянуло поживиться советским добром. За двадцать три года они основательно забыли свой бесславный путь бегства.

Но его вновь напомнит им Красная Армия и народные мстители — партизаны. Как и тогда, поражение врага неизбежно. Но оно будет и полным. Победа советского народа воодушевит на борьбу с поработителями народы оккупированных стран и народ германский. Враг не получил на нашей земле того, на что рассчитывал, а вернувшись домой, не найдет того, что оставил. Там его встретит возмездие от руки германского народа, который положит конец позорнейшей эпохе своего существования под игом фашизма.

В. Р.

В № 1—2 «Нового мира», в статье Вл. Лидина «Стефан Цвейг», на стр. 237, ошибочно напечатана фамилия Кюри.

Редколлегия: М. М. Розенталь, В. П. Ставский, А. А. Сурков, А. Н. Толстой, К. А. Федин, М. А. Шолохов, В. Р. Щербина (ответственный секретарь).

Редакция: Москва 6, Пушкинская площадь, 5.
Издательство: «Известия Советов депутатов трудящихся СССР».

A50256. 16 печ. листов. Тираж 40.000. Зак. 740.
Подписано к печати 21/V — 27/V 1942 г.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»,
Москва, Пушкинская пл., 5.